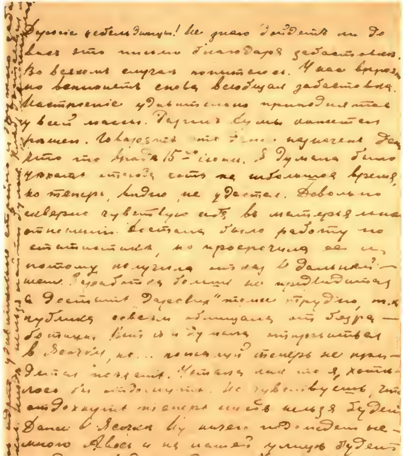

Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом

И. П. Лейберов

ЦЕБЕЛЬДИНСКАЯ НАХОДКА

СОВРЕМЕННИКЪ
ЖУРНАЛЪ
MANIFESTE DU PARTI COMMUNISTE
par Karl MARX et Fr ENGELS
РУССКАЯ СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА
Книга Третья
МАНИФЕСТЪ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ
Карла Маркса и Фр. Энгельса
СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1872.
КОЛОКОЛЪ
ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ
VIVOS VOCO
№ 1.
РУССКОЕ СЛОВО
ЖУРНАЛЪ
1861.
ЯНВАРЬ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

И. П. Лейберов

ЦЕБЕЛЬДИНСКАЯ НАХОДКА

Из истории
революционных связей
между Петербургом
и Кавказом

*Второе,
дополненное
издание*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1980

63.3(2)521
Л42

Лейберов И. П.

Л42 Цебельдинская находка: Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1980.— 320 с., ил.

На основе уникальной коллекции писем, документов, дневников, подпольных изданий, хранящихся в семье соратника А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского Н. И. Воронова и его дочери большевички Л. Н. Вороновой, в книге рассказывается об участии представителей двух поколений этой семьи в революционном движении России, приводятся малоизвестные факты о деятельности В. И. Ленина, его соратников, о революционных связях между Петербургом и Кавказом. Второе издание книги дополнено новыми данными, которые были выявлены автором в ходе дальнейшего научного поиска за годы, прошедшие после первого издания.

Автор книги — ленинградский ученый, доктор исторических наук, профессор И. П. Лейберов.

Л $\frac{10604-207}{079(02)-80}$ 216—80 0505000000

63.3(2)521
9(С)17

ОТ РЕДАКЦИИ

Цебельда — это древнеабхазское село, что лежит по Военно-Сухумской дороге, в 27 километрах от современного Сухуми. Расположено оно в красивой холмистой долине, по которой протекает горная речушка Маджара. Окрест на многие десятки километров — мощные кряжи гор Главного Кавказского хребта.

Свыше 100 лет назад в районе Цебельды поселился со своей семьей Николай Ильич Воронов, известный общественный и культурный деятель России и Закавказья 60—70-х годов прошлого столетия, сподвижник А. И. Герцена и Н. П. Огарева, сопроцессник Н. Г. Чернышевского и М. Л. Налбандяна, бывший узник Алексеевского равелина. Его дети — сын Юрий, дочери Ольга, Вера и Людмила — учились в высших учебных заведениях Петербурга, принимали активное участие в революционном движении. Людмила Воронова в 1903 году вступила в ряды партии большевиков, стала разъездным агентом большевистского центра. Супруга Н. И. Воронова, А. К. Прогульбицкая-Воронова, и ее дети поставили свое имение в Цебельде — «Ясочку» — на службу революции. Сюда прибывали транспорты с партийной литературой, которая затем переправлялась в Тифлис, Батум, Кутаис, Сухум, Баку. В период 1902—1910 годов в «Ясочке» отдыхали, лечились, скрывались от преследования царских властей

не менее 90 революционеров-большевиков, пролетариев, студентов. «Ясочка» стала не только «почтовым ящиком» революции, но и настоящим «домом отдыха» для революционеров.

Четыре поколения Вороновых сохранили семейный архив почти за 150 лет. В него входят свыше 3 тысяч писем, несколько сот экземпляров документов, дневники, записные книжки, блокноты, фотографии. Кроме того, в доме имеется прекрасное собрание книг, брошюр и газет, в том числе не только редкие книги 50—80-х годов прошлого столетия, но и «Капитал» К. Маркса, изданный в 1898 году, подшивка номеров ленинской «Искры», прижизненные издания произведений В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, В. и К. Либкнехтов, большевистские листовки и другие подпольные издания.

До начала 70-х годов Вороновы не расшифровывали своего семейного архива, его научной и общественно-политической значимости. Старая коммунистка, замечательный педагог и человек Людмила Николаевна Воронова в последние годы своей жизни много занималась разработкой, систематизацией архива, писала воспоминания, научные и популярные статьи. В начале 50-х годов она передала в Государственный литературный музей в Москве часть личного архива отца, Николая Ильича Воронова. Однако исследователи прошли мимо этого архива. Людмила Николаевна собиралась подготовить большой труд о революционном прошлом семьи Вороновых, но не успела его начать.

Несколько лет назад ленинградский ученый, доктор исторических наук И. П. Лейберов, исследователь пролетарского периода революционного движения в России, во время летнего отдыха в Сухуми прочитал интересную книгу абхазского историка В. П. Пачулиа «По древней, но вечно молодой Абхазии». Его внимание привлекли строки: «Потомки

Н. И. Воронова бережно хранят как семейную реликвию трость красного дерева с набалдашником из слоновой кости, подаренную Герценом Н. И. Воронову. В трости скрыта шпага». Кроме того, в книге упоминалось, что в семье Вороновых сохранилась еще одна вещь А. И. Герцена — дорожный несессер. Эти строки заинтересовали И. П. Лейберова. Ему захотелось выяснить, как вещи Герцена попали на Кавказ, какова их история?

Профессор И. П. Лейберов отправился в Сухумский научно-исследовательский институт туризма, где познакомился с автором книги — директором института Вианором Пачулиа, а через него — со старшим научным сотрудником кандидатом исторических наук Юрием Вороновым, правнуком Николая Ильича Воронова, того самого обладателя уникальных герценовских вещей, о которых шла речь в книге. Так начался научный поиск.

И. П. Лейберов изучил семейный архив Вороновых, подверг глубокому анализу множество документов в архивах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Сухуми. В результате был собран огромный материал, который лег в основу данной книги.

После выхода в свет первого издания «Цебельдинской находки» в 1976 году автор продолжил работу по собиранию и изучению новых материалов. Последовали поездки и работа в архивохранилищах Еревана, Краснодара, Симферополя, Армавира, Выборга. Автору удалось выявить и изучить новые воспоминания Л. Н. Вороновой и коллекции писем, семейные архивы В. В. Заорской-Александровой, Л. А. Качауновой, А. И. Мейбаум-Радченко, «красного губернатора» Кутаиса В. А. Старосельского, П. А. Добрынина, революционеров-ленинцев И. Д. Орахелашвили, М. И. Васильева-Южина, А. Б. Кариняна и других. Все это позволило И. П. Лейберову расширить и дополнить книгу.

«Цебельдинская находка» не просто историко-революционная семейная хроника Вороновых. Это — широкое и оригинальное историческое исследование об участии демократической интеллигенции в революционном движении начала 60—80-х годов прошлого века, о возникновении и развитии связей между профессиональными революционерами-большевиками и массовым рабочим и студенческим движением 1889—1912 годов.

На основе малоизвестных или неизвестных фактов в книге раскрывается героика большевистского подполья, освещается деятельность членов и работников Петербургского комитета и Кавказского бюро РСДРП, Выборгского районного комитета партии, низовых ячеек партии на телефонном заводе Эриксона и Курсах П. Ф. Лесгафта. Приводятся интересные и малоизвестные сведения о деятельности В. И. Ленина, его ближайших соратников. Раскрываются революционные, интернациональные связи большевистских организаций Петербурга с Закавказьем.

Посвящаю революционной интернациональной дружбе русского и кавказских народов

СВЯЗНОЙ ИСКАНДЕРА

СТУДЕНТ, УЧИТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ

...На белый лист плотной александрийской бумаги ложился текст. Секретарь высочайше учрежденной в Санкт-Петербурге следственной комиссии выводил каллиграфическим почерком букву за буквой, слово за словом:

«По обстоятельствам производящегося в Комиссии дела признано нужным арестовать жительствующих: в Петербурге коллежского асессора маркиза Николая Александровича де Траверсе; в городе Сумах Харьковской губернии Пимена Петровича Лялина и долженствовавшего в июне сего года прибыть в С.-Петербург из-за границы и отправиться отсюда в Тифлис Николая Ильича Воронова» [1].

Этот документ, помеченный датой «7 августа 1862 года» и порядковым номером «144», подписанный членом Государственного совета статс-секретарем Александром Салицким, направлялся из следственной комиссии по делу «О революционном духе народа в России и распространении по сему случаю возмутительных воззваний» к управляющему Третьим отделением. На следующий день, 8 августа, по отделению был издан приказ о всероссийском розыске и аресте всех троих упомянутых в документе людей — отныне государственных преступников.

Это были люди, близко стоявшие к революционной подпольной организации «Земля и воля», созданной под идейным руководством Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и Н. П. Огарева. Люди, выполнявшие рискованные задания Герцена, Огарева и Бакунина по транспортировке из Лондона и распростране-

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (далее: ЦГАОР СССР), ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 1.

нию в России революционных изданий, в том числе «Колокола» и «Полярной звезды».

Через 10 дней, 18 августа 1862 года, управляющий Третьим отделением генерал-майор А. Л. Потапов направил секретную депешу председателю совета кавказского наместника князю Георгию Орбелиани:

«Согласно постановлению следственной комиссии... имею честь покорнейше просить ваше сиятельство о приказании арестовать учителя Кубанской войсковой гимназии коллежского асессора Николая Ильича Воронова и, по опечатании всех бумаг, какие при нем будут найдены, доставить его вместе с сими бумагами, под присмотром, в Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии».

Понадобился месяц усиленных розысков жандармерии, чтобы напасть на след Воронова и арестовать его. 24 сентября князь Георгий Орбелиани сообщил главному начальнику Третьего отделения:

«Я получил сведения, что бывший учитель Кубанской войсковой гимназии Воронов прибыл в Тифлис по билету орловской городской полиции за № 2298. Приказав заарестовать Воронова и отправить его в сопровождении двух жандармов в Петербург, в Третье отделение... я имею честь уведомить об этом ваше сиятельство и препроводить найденные при Воронове бумаги» [1].

Свыше двух недель жандармы везли закованного в ручные кандалы Воронова сначала на перекладных от Тифлиса до Екатеринослава, а затем поездом по железной дороге от Екатеринослава через Москву в Петербург. В Петербург прибыли 11 октября 1862 года.

ОБ ОТЦЕ Н. И. ВОРОНОВА

Кто же был Николай Ильич Воронов, причинивший столько хлопот царской жандармерии?

Отец Николая Ильича, Илья Иванович Воронов, получил основательное для своего времени образование: в 1806 году закончил Тверскую духовную семинарию, а в 1810 году — Петербургский педагогический институт (на базе которого через 9 лет был создан Петербургский университет) [2]. Свыше 35 лет он проработал учителем

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 5, 5 об., 11, 11 об.

[2] Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), ф. 733, оп. 50, 1846 г., д. 434 — «О назначении бывшему штатному смотрителю Валковского уездного училища (И. И.) Воронову пенсии в отставке», л. 1—13.

в двухклассном (с 1834 года — трехклассное) Валковском уездном училище в Харьковской губернии и 20 лет из них — штатным смотрителем этого училища.

Хотя и числился И. И. Воронов дворянином, но ни своим имением, ни благосостоянием похвастаться не мог. Родовая деревенька Ивановка с 18 душами крестьян мужского пола давала минимальный доход. Материальной опорой семьи было жалованье И. И. Воронова.

Своих детей Илья Иванович приучал к труду, честности, дисциплине. Любил умную, интересную книгу, ценил ее. В доме была приличная библиотека.

И. И. Воронов написал ряд оригинальных научных статей. В июне 1817 года в журнале «Украинский вестник» (выходившем на русском языке) он поместил обширную статью под названием «О причинах различия умственных и нравственных способностей». Статья была написана под влиянием идей Великой французской революции и победоносного исхода Отечественной войны 1812 года. Она чрезвычайно интересна тем, что создана рядовым учителем народного училища в украинском уездном городишке Валки. Дух свободомыслия, который пронизывает статью, пробудился в И. И. Воронове, повидимому, еще во время учебы в педагогическом институте в Петербурге, где сказывалось влияние радищевской антикрепостнической мысли.

Илья Иванович Воронов писал: «...чувство свободы воскрыляет умы к своему парению, к усовершенствованию себя... Невежество и угнетение есть величайший неприятель как просвещения, так и благосостояния общественного; даже самые необыкновенные способности без счастия, без побуждений и без свободы погребаются во мраке неведения» [1].

В статье дается высокая оценка деятельности «великих гениев», писателей, политических мыслителей и философов XVIII века — Руссо, Вольтера, Канта, Лейбница. Рядом с ними Воронов ставит замечательных русских ученых, писателей и поэтов: М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова, чьи «бессмертные имена прославили Россию». Обращаясь к ним, автор восклицает: «Ваша слава предвозвестила зарю прекрасного и светлого дня просвещения, ожидающего потомков наших».

---

[1] Украинский вестник, 1817, кн. 6, с. 280—281.

Хотя статья была написана эзоповским языком в тяжеловесном стиле XVIII столетия и она не обошлась без упоминания «человеколюбивого монарха нашего», в ней чувствовалось зарождение декабристского свободомыслия, проникавшего из столичного Петербурга и в малороссийскую глушь. Отцовское свободомыслие передалось младшему сыну Вороновых, Николаю.

ГОДЫ УЧЕБЫ Николай Воронов родился 5 марта 1832 года. О детстве и отрочестве Николая Воронова известно мало. Его мать, Дарья Саввична, происходившая из семьи свободолюбивых запорожских казаков, по семейным преданиям, женщина добрая, душевная, умная, долгими зимними вечерами любила рассказывать детям сказки, читать появившиеся тогда детские книжки. Они внимательно слушали рассказы матери о былых подвигах казаков-запорожцев в схватках с татарами-крымчаками и турецкими янычарами.

В конце августа 1842 года, когда Николаю исполнилось 10 лет и он закончил Валковское трехклассное уездное училище, Илья Иванович отвез младшего сына в Харьков и определил в губернскую мужскую гимназию. Здесь уже учился его старший сын Константин. Отец и поручил ему заботу о младшем брате. Они оба учились на казенный счет. Дисциплина в Харьковской гимназии была палочная. Вся жизнь гимназистов строжайше регламентировалась дисциплинарным уставом. За самую малую провинность гимназистов били линейками, на долгие часы ставили в угол.

Время было мрачное. На российском троне царствовал Николай I. Все обучение и воспитание молодого подрастающего поколения царское правительство старалось подчинить влиянию феодально-клерикальной и монархической идеологии. Учебные заведения, включая и высшую школу, испытывали на себе гнетущую опеку церковников-мракобесов.

Позже Н. И. Воронов писал в своих «Школьных воспоминаниях», опубликованных в пятом томе «Журнала для воспитания» за 1859 год: «...трудно представить себе что-нибудь подобное той коллекции невежд и нравственных уродов, которой поручен был ближайший уход за развитием наших нравственных способностей. Это были какие-то обноски людей, которым нужно же было чем-нибудь кормить себя — и вот дали им места пансионных надзирателей».

В гимназии Николай Воронов обнаружил глубокий интерес к изучению русской и украинской литературы, русской истории, географии, французского языка. В занятиях был усерден и дисциплинирован. Реакционная направленность обучения и воспитания не смогла заглушить в нем, как и в некоторых других гимназистах, интереса к окружающей жизни, душевного и сердечного отношения к людям, постепенно растущего недовольства феодально-крепостническим ярмом в стране.

Летние каникулярные месяцы Николай вместе с братом (теперь студентом Харьковского университета) и сестрой Сашей проводил в родной Ивановке. Они бродили по окрестным селам и хуторам, толкались на крестьянских базарах, слушали песни украинских бандуристов о казачьей запорожской вольнице, о тяжелой крепостной неволе панских крестьян.

В сентябре 1849 года после окончания гимназии Н. И. Воронов поступил на первый курс историко-филологического факультета Харьковского университета, первого университета на Левобережной Украине, подлинного центра научной и общественной мысли юга России. В то время в Харькове насчитывалось 40 тысяч жителей, из них свыше 4 тысяч учащихся, проходивших курс обучения в 19 казенных (включая университет) и частных учебных заведениях [1]. Каждый десятый харьковчанин был учащимся. Это редчайший случай не только для российского губернского центра, но и вообще для европейских городов той эпохи. Младшего из Вороновых манила профессия народного учителя, преподавателя русского языка и словесности, российской истории. Сказывался пример отца.

Н. И. Воронов учился в университете в те годы, когда университетское образование в России переживало серьезный кризис. Царское правительство, напуганное революционным шквалом в странах Европы (Франция, Италия, Австрия, Венгрия и т. д.), который потряс основы феодально-монархических режимов, ростом крестьянских волнений в России, приняло жесткие меры по отношению к высшей школе, считая ее рассадником «вольнодумства». Университеты утратили значительную долю своих прав и внутренней самостоятельности.

---

[1] См.: Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905 гг.). Харьков, 1906, с. 165—166.

Над профессорами и студентами был учрежден строжайший надзор.

В университете Николай Воронов довольно быстро сблизился и подружился со своим дальним родственником и однокашником Иваном Рашевским — сыном обедневшего орловского помещика. Через два-три месяца они познакомились с Петром Вейнбергом, недавно перешедшим к ним на факультет из Ришельевского лицея в Одессе [1]. Приятели оделись в студенческие мундиры, сшитые в форме фраков, сбоку прицепили шпаги и на головы надели треугольные шляпы. Они гордились званием студентов, атрибутами своей одежды. Однако вскоре наступило протрезвление. Этому способствовала сама университетская обстановка: чинопочитание, грубость и слежка со стороны отвечавших за дисциплину инспекторов и педелей — младших служащих. При университете для ослушников имелся карцер с узкой полутемной камерой.

С первых месяцев занятий студенты-первокурсники возненавидели старшего инспектора Павла Эйлера — бывшего брандмайора городской пожарной команды — и субинспектора из студентов Дементия Засядко. Эйлер был крутой, жестокий и умственно ограниченный солдафон, а Засядко — хитрый и злой шпион с крадущейся походкой, заслуживший от студентов ненавистное прозвище Гиена. Их мелочная, часто издевательская опека над жизнью и бытом универсантов не знала границ.

В то время в Харьковском университете курс римского права читал профессор Александр Адамович Мицкевич — младший брат известного польского поэта-демократа Адама Мицкевича. Однажды Николай Воронов и Петр Вейнберг «поймали» профессора в коридоре и негромко выразили ему свое восхищение стихами его старшего брата — автора «Дзядов» и «Крымских сонетов». А. А. Мицкевич-младший внимательно посмотрел на них и ответил:

— Господа, вы ошибаетесь. У меня нет никакого брата. Это... не мой брат!

---

[1] Многие подробности из жизни преподавателей и студентов Харьковского университета приведены в воспоминаниях известного филолога и публициста конца XIX — начала XX столетия Петра Вейнберга (см.: Русское богатство, 1905, № 2, с. 245, 256—257).

Профессор сказал это как-то тихо и неуверенно. Воронов и Вейнберг не знали, что Мицкевич-младший был под негласным надзором полиции и лекции по римскому праву ему дозволено было читать только из-за отсутствия высококвалифицированного специалиста по данной проблеме.

Со временем Петр Вейнберг и Николай Воронов ближе познакомились с А. А. Мицкевичем. Он оказался человеком добрым, умным, интересным, хорошо знающим древнегреческую и римскую историю и мифологию, польскую и русскую литературу. Профессор и друзья-филологи часто вели беседы о судьбах русской и польской литературы, культуры, судьбах двух славянских народов.

Вскоре в университете произошла история, которая взволновала всех студентов. В университете был заведен обычай дежурства казеннокоштных студентов по кухне. Дежурные назначались распоряжением инспекторов. 11 октября 1849 года студент-медик Федор Козлов дважды отказался подчиниться распоряжению Засядко о дежурстве по кухне. Студент мотивировал свой отказ тем, что «вообще не дело» универсантов посылать на кухню, а распоряжения дежурных «все равно не выполняются» торговцами, поставляющими продукты. Этого было достаточно, чтобы Засядко, минуя ректора и декана, сообщил о случившемся попечителю округа харьковскому генерал-губернатору С. А. Кокошкину. Тот приказал отстранить ослушника от занятий и посадить в карцер. Совет профессоров решил исключить Козлова из университета, о чем Кокошкин сообщил в министерство просвещения [1].

Как-то в конце октября Николай Воронов и Иван Рашевский стали невольными свидетелями дикой сцены в здании управления харьковского генерал-губернатора. Маленькая, пожилая женщина, мать Федора Козлова, обливаясь слезами, стояла на коленях перед осанистым, холеным Кокошкиным и умоляла его отменить свое распоряжение. Генерал-губернатор остался непреклонен. Воронов и Рашевский были возмущены до глубины души. В тот же день этот случай стал известен студентам университета.

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 50, 1849 г., д. 560 — «Об исключении из Харьковского университета казеннокоштного студента Ф. Козлова за ослушание против начальства», л. 2.

Несчастная мать отправила письмо министру народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову с просьбой не исключать ее сына из университета. Однако министр утвердил решение С. А. Кокошкина.

Неправедная расправа с Козловым и бездушие начальства вызвали глухое возмущение студентов Харьковского университета.

В конце лета — осенью 1850 года Николай I и министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов совершили инспекционную поездку по некоторым университетским центрам. Надо было приободрить верноподданную профессуру, а преподавателей и студентов, склонных к «вольнодумству», припугнуть угрозой закрытия университетов или отправкой по этапу в места не столь отдаленные.

Князь Ширинский-Шихматов прибыл в Харьков в последних числах августа. Еще будучи товарищем министра внутренних дел, он снискал себе весьма печальную славу травлей передовой русской интеллигенции (М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева). За семь дней князь прослушал лекции 20 профессоров и преподавателей, обозрел все университетские помещения, особенно внимательно библиотеку. Ширинский-Шихматов улыбался, жал руки профессорам, вручал шпаги молодым людям, только что поступившим в Харьковский университет. А в последний день он произнес краткую речь в актовом зале при общем построении профессоров и студентов. Князь говорил:

— Нисколько не сомневаюсь в вашей готовности отражать всякое дерзновение на посягательство неприкосновенности священных начал монархии! Итак, будем стоять на страже против ухищрений лжеименного разума и не дадим заразительному дыханию неверия и вольнодумства прикоснуться к рассадникам нашего просвещения [1].

Профессора и студенты молча слушали эти призывы. Но в умах передовой студенческой молодежи зрел протест против разгула мракобесия и реакции.

Через две недели Харьковский университет посетил Николай I. Тревожно ожидали преподаватели и студенты появления царя. Характерную запись о царском визите оставил в своих воспоминаниях Петр Вейнберг:

[1] См.: Отчет о состоянии императорского Харьковского университета за 1850/51 академический год. Харьков, 1851, с. 6—7.

«Николай Павлович быстрыми шагами вошел в залу в сопровождении попечителя (округа) и свиты, на несколько секунд остановился посредине и затем так же быстро направился прямо к нам, злосчастным историко-филологам. Тут он ткнул пальцем в сторону студента Сибилева (высокий, плотный юноша, с волосами огненно-красного цвета и огромными щетинистыми бакенбардами.— *И. Л.*) и, повернувшись к Кокошкину, гневно крикнул:

— Что это за фигура?

Растерялся ли наш попечитель от гневного окрика или не понял вопроса, но он поспешил ответить:

— Кафедра, ваше императорское величество!

Николай Павлович страшно вспыхнул.

— Не о ней я спрашиваю,— закричал он таким голосом, что все собравшиеся в зале буквально помертвели,— а об этом уроде...

Последовало прямое указание на Сибилева:

— Сейчас же остричь и обрить!

И из уст государя неудержимым потоком полились обращенные к Кокошкину грозные речи, среди которых прозвучала как повеление фраза:

— Выгони всех, пусть останется хоть один, но чтоб был похож на человека» [1].

Император уехал, а в университете началась «чистка». Из 322 студентов исключены были 60 человек — почти одна пятая всех универсантов [2]. Под угрозой исключения в числе других оказались и Николай Воронов, Петр Вейнберг, Иван Рашевский. Их видели в кругу «опальных» профессоров А. А. Мицкевича и А. О. Валицкого (последний, очевидно, был связан с польскими повстанцами); они были в близких отношениях с Николаем Сибилевым — «возмутителем» императорского спокойствия. Однако крайняя мера «наказания» в отношении трех друзей не успела последовать. В министерстве народного просвещения были обеспокоены чрезмерным усердием харьковских властей. Массовое увольнение студентов из Харьковского университета могло лишь усилить «опасное брожение в умах». Попечителю учебного округа Кокошкину пришлось со временем принять обратно многих уволенных студентов, и среди них Сибилева.

---

[1] Русское богатство, 1905, № 2, с. 248.

[2] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 50, 1850 г., д. 611, л. 2, 2 об., 5—11.

Студенты историко-филологического факультета, и прежде всего старшекурсники, жили активной и интересной жизнью. Немалую роль в этом сыграли Петр Вейнберг, Николай Воронов и Иван Рашевский. Они сплотили вокруг себя небольшую группу любознательных и свободолюбивых студентов. Эта группа через Воронова и Рашевского довольно быстро сблизилась с молодыми талантливыми профессорами Дмитрием Ивановичем Каченовским и Николаем Трофимовичем Костырем. Первый — блестящий лектор, глубоко знавший теорию государственного права, горячо откликавшийся на все острые общественные проблемы; второй — человек большой эрудиции и широких взглядов, читавший лекции по эстетике и русскому языку.

Д. И. Каченовский и Н. Т. Костырь первыми в Харьковском университете открыто подняли голос против взяточничества, против серости лекций и научной несостоятельности отдельных профессоров, против издевательского отношения к студентам. Их действия были поддержаны передовым студенчеством историко-филологического факультета, его вожаками — Вороновым, Рашевским, Вейнбергом. Последний свидетельствует, что старшекурсники нередко собирались на квартирах у Костыря и Каченовского и студентам «запомнились надолго те вечера, как истинные духовные праздники». Здесь беседовали о судьбах революции в странах Европы, спорили о русской литературе и поэзии.

Незаметно пролетели четыре года обучения в Харьковском университете. 13 ноября 1853 года Николаю Воронову был торжественно вручен диплом за номером 1969[1]. Впереди лежали еще неизведанные дороги жизни.

НАЧАЛО ПУТИ

Шла осень 1853 года — первая осень Крымской войны. В это тревожное время три друга по Харьковскому университету — Николай Воронов, Иван Рашевский и Петр Вейнберг навсегда покидали Харьков. Судьба разбросала их по разным городам необъятной империи.

[1] Личный архив Вороновых (далее: ЛАВ). В основу настоящей книги легли письма, дневники, записные книжки, блокноты, документы, фотографии семьи Вороновых. Во многих местах книги автор прямо в тексте называет использованные документы из личного архива Вороновых. Поэтому в ряде случаев подстрочные ссылки на источник не даются; не делаются ссылки на архив Вороновых в отдельных случаях и тогда, когда по характеру используемого материала легко определить его источник.

Неунывающий любимец курса, поэт и переводчик Петр Вейнберг в конце 1858 года поселился в Петербурге и скоро вошел в круг демократически настроенных литераторов (Н. А. Некрасов, Г. Е. Благосветлов, В. С. Курочкин). Он печатался в «Современнике», «Русском слове» и других журналах.

С того же года П. И. Вейнберг начал сотрудничать в герценовском «Колоколе», поместив там стихотворение «Иакову Ростовцеву в день его юбилея», в котором разоблачал предательство Ростовцева в деле декабристов. А. И. Герцен одобрительно отозвался об этих стихах. Несколько лет Вейнберг участвовал в издании демократического сатирического журнала «Искра» (примыкая к его умеренному крылу), печатал в нем свои переводы, стихи, фельетоны.

Один из лучших русских поэтов-переводчиков прошлого столетия, к концу жизни П. И. Вейнберг далеко отошел от своих революционно-демократических воззрений 50—60-х годов и в 70—90-е годы стал типичным либералом.

Второй друг Николая Воронова — Иван Федорович Рашевский уехал в родной Орел и долгие годы учительствовал в мужской и женской гимназиях, преподавал историю и литературу. Пути Воронова и Ивана Рашевского вновь переплелись в летние месяцы 1862 года, когда Николаю Ильичу — связному А. И. Герцена — пришлось уходить от жандармской слежки.

После окончания университета Н. И. Воронов пытался устроиться на работу в Харькове, в родных Валках, но безуспешно. Прошло полгода, прежде чем в середине апреля 1854 года он получил место учителя истории и географии в Курском уездном училище. А в июле 1854 года Воронов был переведен младшим учителем латинского языка в Ставропольскую губернскую гимназию[1]. В тот же год Воронов отказался от своей доли в отцовском наследстве в пользу сестер. По семейному преданию, он сделал это не только из родственных чувств, но прежде всего из нежелания быть помещиком-крепостником, владельцем хотя бы нескольких крестьянских душ.

В Ставрополе Николай Ильич прожил с июля 1854 по январь 1856 года. Эти годы, проведенные в Курске

[1] Ставрополь-Кавказский — с 1847 года центр Ставропольской губернии, входившей в Кавказское наместничество.

и особенно в Ставрополе, были переломными в жизни молодого учителя. В это время завершилось становление его мировоззрения и характера [1]. Он был дворянин, но без поместья, учитель со степенью кандидата истории, но без связей и протекции. Однако смысл жизни для Воронова и состоял в том, чтобы все делать самому, своими руками. Он был молод, полон задора и энергии, глубоких замыслов.

Полтора года проработал Николай Воронов в Ставропольской мужской гимназии, являвшейся в то время центром просветительских идей и культурного влияния на местное русское, украинское и горское население. Здесь Николай Ильич познакомился, а затем и сдружился с директором гимназии Януарием Михайловичем Неверовым. Выпускник Московского университета, Неверов был замечательным педагогом и прогрессивным писателем, находился в дружеских отношениях с В. Г. Белинским и А. И. Герценом, вел переписку с известным ученым-историком и общественным деятелем Т. Н. Грановским. Неверов оказывал благотворное влияние на преподавателей и гимназистов. У Януария Михайловича Воронов учился педагогическому мастерству.

Николай Ильич успешно справлялся с обязанностями преподавателя латинского языка и комнатного надзирателя при гимназическом пансионе. Вокруг молодого учителя собирается группа гимназистов-старшеклассников. Они образуют кружок. Члены кружка называли себя «братьями», а кружок — «семьей». Кружок носил просветительский характер. Обсуждали книжные новинки, острые журнальные статьи Белинского и Бестужева-Марлинского. Увлекались поэзией А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Дельвига. Этих поэтов ценил и отлично знал Воронов и поэтому много интересного мог рассказать и продекламировать гимназистам.

---

[1] В формировании мировоззрения и характера Н. И. Воронова немалую роль сыграли демократические традиции Ставрополя-Кавказского. Глубокий след в истории общественно-политической жизни города оставили декабристы. В разное время здесь служили и бывали офицеры-декабристы А. И. Якубович, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский, Н. И. Лорер и другие. Служили здесь А. С. Грибоедов и сосланный на Кавказ поэт М. Ю. Лермонтов (см.: *Шацкий П. А., Муравьев В. Н.* Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь, 1977, с. 22—25).

Среди членов кружка особенно выделялись двое — Александр Трачевский и Семен Попов. Первый — выходец из обеспеченной семьи харьковского купца второй гильдии — был одаренным человеком, серьезно увлекался историей, иностранными языками, переводами с греческого и латинского. Второй — из бедной чиновничьей семьи, слабого здоровья — был очень любознательным. Воронов, Трачевский и Попов заметно сблизились, и под их влиянием кружок приобрел более демократический характер.

Воронов и Трачевский стали большими друзьями на десятилетия. Пройдет время, и два друга станут известными людьми: Воронов — революционер-шестидесятник, видный общественный деятель и публицист, исследователь Кавказа; Трачевский — ученый, специалист по истории России и Франции, талантливый лектор и педагог, основатель Одесских женских курсов.

Интересно, что в младших классах Ставропольской гимназии, когда там работал Н. И. Воронов, учился Герман Лопатин, будущий известный революционер-народоволец. Установлено, что латинский язык он изучал под руководством Николая Ильича. Позднее, уже в начале 900-х годов, опальный Г. А. Лопатин близко познакомится с семьей Вороновых. В 60-х годах в Ставропольской мужской гимназии учились также будущие известные революционеры-народовольцы Адриан Михайлов и Михаил Фроленко.

7 марта 1856 года предписанием попечителя Кавказского учебного округа барона А. И. Николаи Воронов был перемещен младшим учителем русского языка и географии в Кубанскую войсковую гимназию в Екатеринодар [1]. Мотивы этого неожиданного перевода до конца еще не выяснены. По всей видимости, основной причиной этого послужили передовые демократические взгляды и настроения Н. И. Воронова, его отдельные радикальные высказывания, полулегальная деятельность кружка гимназистов. Характерно, что ровно за месяц до перевода Воронова вынужден был уйти в отставку его приятель и учитель той же Ставропольской гимназии Е. А. Нарбут, человек довольно радикальных настроений [2].

[1] Ставропольский краевой государственный архив, ф. 15, оп. 2, д. 1481.

[2] Этот факт сообщил автору книги ставропольский краевед М. С. Коршунов.

В ЕКАТЕРИНОДАРЕ В середине марта 1856 года Николай Ильич переехал в кубанскую столицу, где прожил пять лет. Дело свое знал, любил, относился к нему творчески. Гимназисты и учителя уважали его за глубокие знания, педагогическое мастерство, ровный и добрый характер.

Николай Ильич жил нелюдимо. Снимал комнатку в казачьей мазанке на окраине городка. Скромно питался, еще скромнее одевался. Но всегда был в отутюженных сюртуке и брюках, чистой рубашке или накрахмаленной манишке под галстуком, вычищенных ботинках. Большая часть небольшого учительского жалованья уходила на покупку книг, выписку столичных журналов, газет. Много времени тратил Воронов на подготовку к урокам. Начали болеть глаза, пришлось завести очки. Тяжело приходилось молодому учителю осенью и зимой: дрова стоили очень дорого, да и трудно их было доставать, поэтому он месяцами жил в нетопленной комнате, мерз, часто болел.

...День за днем, месяц за месяцем шла размеренная служба учителя войсковой гимназии. В феврале 1858 года Николай Ильич Воронов был назначен старшим учителем русской словесности, а через месяц произведен в титулярные советники [1]. Попечительское начальство вроде было довольно старшим учителем Вороновым. Повысило в звании, добавило чин, увеличило жалованье. И потому могло показаться, что Николай Воронов пойдет ровной дорогой учительской карьеры, от чина к чину, от награды к награде. Но этого не произошло. Значительную роль в судьбе Воронова сыграло обострение политической обстановки в России.

Самодержавная Россия потерпела жестокое поражение в Крымской войне, несмотря на необычайное мужество и стойкость, проявленные русскими солдатами и матросами. Война подорвала крепостную экономику, разорила и без того истощенное крестьянское хозяйство. Война вызвала массовую мобилизацию в армию мужчин-крестьян, для нужд армии из крестьянских хозяйств забирали лошадей, увеличились налоги. Эпидемии холеры и тифа, голод косили тысячи людей. Война выявила страшные язвы крепостнической России. В стране росло антифеодальное крестьянское движение,

---

[1] В то время учителя, как и все, кто состоял на государственной службе, имели не только должность, но и чин.

а возбужденное общественное мнение требовало существенных перемен.

Эмигрировавший за границу и начавший издавать в Лондоне журнал «Полярная звезда», А. И. Герцен надеялся на пробуждение народа в результате войны, верил в возможность демократической революции в России. Он вопрошал:

«Севастопольский солдат, израненный и твердый, как гранит, испытавший свою силу, так же подставит свою спину палке, как и прежде? Ополченный крестьянин воротится на барщину... Не может быть. Все в движении, все потрясено, натянуто... и чтоб страна, так круто разбуженная, снова заснула непробудным сном?» [1]

Широкий подъем общественного движения конца 50-х годов коснулся и казачьего Екатеринодара, его демократической интеллигенции, в том числе Николая Ильича Воронова. Он внимательно, критически всматривается в окружающую его действительность, стремится глубже ее понять, осмыслить.

С весны — лета 1856 года Н. И. Воронов систематически совершает путешествия: то длительные, в коляске или в санях, то пешие короткие переходы. Путешествия эти были небезопасны. Часто приходилось ездить в сопровождении двух-трех вооруженных конных казаков, ибо на дальних и нелюдимых дорогах отряды горцев иногда устраивали набеги на проезжающих. Однако никакие трудности — ни дождь и грязь, ни мороз и снег, ни голод и холод, ни даже воинственные горцы — не могли сдержать страстной тяги Николая Ильича к дальним неизведанным дорогам, жажды открытий и знаний.

За три года Н. И. Воронов объездил и изучил Северное и Восточное Причерноморье, включая побережье Азовского моря, Северный (предгорный) Кавказ и особенно район Кубани, Терека и Ставропольщины, а также частично Закавказье. Николая Ильича интересовали как молодые, недавно отстроенные русскими людьми города (Ставрополь, Екатеринодар, Армавир), так и древние города Закавказья (Тифлис, Кутаис, Поти), их экономика, достопримечательности, быт, интересы и настроения людей. Его интересовала южнороссийская и северокавказская глубинка — край мужественных и стойких людей — прикубанские станицы, калмыцкие

---

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1957, т. 12, с. 269.

стойбища, горские аулы, их география, экономика, состав населения, занятия местных жителей, их грамотность и вероисповедание. Все впечатления фиксировались Вороновым в путевых дневниках, записных книжках. Встречи с крепостными крестьянами, их жалкое полунищенское существование, разоренное хозяйство вызывали глухое возмущение Воронова, способствовали дальнейшей демократизации его взглядов.

Сведения об этих путешествиях содержатся в газетных и журнальных обзорах, статьях, которые систематически писал Воронов, начиная с 1856 года. В этих публикациях он не просто описывает увиденное, но и делится своими раздумьями, соображениями, выводами. Первыми газетами, редакции которых предоставили ему возможность печататься, стали «Самарские губернские ведомости» и либеральный «Одесский вестник», ведущий газетный орган Южной России и всей Новороссии. Самые ранние статьи Воронова носили информационный характер и не претендовали еще на широкие экономические и социальные обобщения.

Тогда же, в марте 1858 года, Николай Ильич Воронов начал публиковать в «Одесском вестнике» серию очерков под общим названием «Дорожные заметки на разных путях Южной России». Очерк «От Екатеринодара до Ставрополя» появился в газете 18 марта, «Ставрополь» — 20 и 24 мая, «Постоялый двор» — 14 июня, «Степи» — 4 октября, «Черноморская степь. Степная ярмарка. Ейск» — 8—11 ноября. Очерки — результат обобщения материалов двухгодичных поездок, результат упорного труда журналиста и публициста, свидетельство расширения его политического кругозора, постепенной эволюции его мировоззрения к революционному демократизму.

«Дорожные заметки» Н. И. Воронова — чрезвычайно интересное публицистическое произведение конца 50-х годов прошлого века, причем написанное представителем демократической интеллигенции не Петербурга или Москвы, Одессы или Тифлиса, а казачье-провинциального Екатеринодара. Очерки представляют собой сложное многоплановое историко-географическое описание хозяйственной и культурной жизни городов и станиц, быта и труда жителей предгорного Кавказа и Черноморья. Путевой дневник позволяет автору создать широкое полотно экономической и культурной жизни состоявшего из представителей многих национальностей

и неоднородного по классовому составу населения Северного Кавказа. Автор вглядывается в провинциальную общественную жизнь, вскрывает социальные противоречия, показывает их неразрывную связь с жизнью Российской империи. Очерки носят острый критический характер. Воронов осуждает пустое времяпрепровождение и карьеризм местной администрации, представителей высших слоев провинциального общества, осуждает военно-карательные походы против горских племен. Ставит вопрос о беспросветном существовании молодежи в условиях крепостничества.

Крепостническим порядкам посвящен специальный очерк «Постоялый двор», в котором автор высказывает резко отрицательное отношение к крепостному праву[1]. В очерке прослеживается трагическая судьба двух братьев — крепостных крестьян Левко и Мишки по прозвищу Му́зыка. Н. И. Воронов подводит читателя к мысли, что талантливые, трудолюбивые люди из народа не могут жить и работать, любить и заводить семью в противном человеческому существу состоянии крепостного права, даже если помещик — просвещенный и мягкий по характеру человек. В лице крестьян Мишки Му́зыки и Левко Воронов видел затаенную, не раскрытую еще огромную народную силу. В статье нет открытого призыва к борьбе против феодально-крепостнического строя (да такой призыв и не пропустила бы цензура), но читатель самим содержанием очерков подводился к выводу о необходимости ликвидации крепостного права. С позиций демократического просветительства автор настаивал на всемерном развитии производительных сил страны.

В «Дорожных заметках» Николай Ильич выдвигал важную проблему взаимоотношения человека и природы. Он приковывал внимание читателя к необходимости освоения, разработки огромных земельных богатств южнороссийских причерноморских степей. Воронов выступал как истый патриот России, желающий своей родине и народу счастья, свободы, богатства. Он писал, обращаясь к общественности: «Степями у нас так восторгаются, такую обильную дань приносила им наша поэзия!.. Дайте ей (степи) людность, дайте ей обработку ваших рук, чтоб на ней побольше точек являло на себе следы труда человеческого... Не дикарями же

[1] См.: Одесский вестник, 1858, 14 июня, с. 305.

приходится нам глядеть на окружающий нас простор» [1].

Николай Ильич Воронов не ограничивался только страстным призывом к обществу, к читателю; он выдвигал и свою, весьма оригинальную и смелую для того времени, комплексную программу освоения южнорусских степей. Он полагал, что и степь, и полярная тундра могут «благодетельно действовать на силы человека, на его житейский труд, на его самоулучшение», но это — только материальная основа для трудовой деятельности людей. «Нужны еще и другие условия, которые бы эту основу благоприятно разрабатывали в помощь человеку»,— писал автор. И хотя он не называл этих условий, очевидно, что самым важным он считал ликвидацию крепостнического гнета [2].

Вороновская программа освоения степей включала следующие пункты: во-первых, строительство городов как «средоточия торговли, промышленности, искусства и науки, где жизнь человеческая раскрывается во всей полноте и во всем разнообразии своих элементов»; во-вторых, максимальное наделение землей местного и пришлого крестьянского населения, ибо большинство станиц причерноморского края (всего здесь насчитывалось 59 станиц) были малолюдными, бедными, фактически ничем не отличались от «чисто земледельческих русских сел» с их крестьянским малоземельем; в-третьих, необходимость широкого строительства сельских школ, обучения крестьянских детей грамоте; в-четвертых, проведение археологических раскопок в причерноморских и степных курганах, изучение местной истории, преданий, легенд.

По мнению Н. И. Воронова, эту программу должны проводить в жизнь лишь те люди, «кто окреп нравственно, кто в жизни имеет серьезные цели, кто смотрит на время как на короткий срок, предназначенный для нашего самоусовершенствования» [3]. Следует отметить, что в «Дорожных заметках» автор еще не выходит за рамки буржуазного либерализма; он верит в то, что высшая государственная власть сможет улучшить положение трудовых масс. Но социальная критика и идеи демократизма в очерках Воронова явно преобладают.

---

[1] См.: Одесский вестник, 1858, 4 октября, с. 615.
[2] См. там же.
[3] Одесский вестник, 1858, 20 мая, с. 254—255; Одесский вестник, 1858, 4 октября, с. 615—616.

«Дорожные заметки» принесли Николаю Ильичу успех и признание прогрессивной демократической общественности южнороссийских и северокавказских городов. Он получил возможность дальнейшего широкого выступления в центральной и провинциальной печати.

В журналах и газетах появляются одна за другой статьи и очерки Н. И. Воронова: в «Русском вестнике» — «Черноморские письма», в «Московском вестнике» — «Вести с Кубани», в «Новороссийском сборнике» — «Четыре дня на Азовском море». Проблематика их весьма разнообразна: необходимость развития местных производительных сил и положение помещичьих крестьян, вопросы местного самоуправления и грамотность населения, вопросы развития парового судоходства, торговли и рыболовства и т. п. В 1859 году в пятом томе петербургского «Журнала для воспитания» Воронов поместил свои «Школьные воспоминания». Это было первое выступление в столичном журнале, в котором сотрудничали К. Д. Ушинский и Н. И. Пирогов.

ПЕРЕПИСКА С ДРУГОМ

Одновременно Н. И. Воронов вел регулярную переписку со своим другом и учеником Александром Трачевским, ставшим к тому времени студентом-историком Московского университета. В материалах Особого присутствия Правительствующего сената в Москве удалось выявить несколько писем А. С. Трачевского к Воронову. Эти письма были конфискованы жандармами во время ареста Н. И. Воронова в Тифлисе в конце сентября 1862 года. Судебные следователи приобщили к делу Воронова лишь десять писем (хотя их было, по-видимому, гораздо больше): первое помечено датой 25 марта 1857 года, последнее — 2 марта 1861 года.

Письма двадцатилетнего студента-историка Александра Трачевского к Воронову весьма любопытны: это письма-раздумья, письма — обзоры текущей политической и культурной жизни русского общества конца 50 — начала 60-х годов прошлого столетия, письма — откровенный разговор двух друзей[1]. Они интересны для современного читателя прежде всего своим общественным звучанием: отчетливо выраженным критическим отношением к самодержавию и крепостничеству двух передовых интеллигентов-демократов в период революционной ситуации 1859—1861 годов.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53.

Из письма 8 сентября — 4 октября 1859 года читатель узнает, что Николай Воронов обладал независимым характером, большой внутренней силой воли:

«Скажу откровенно, что люблю я в тебе внутреннюю силу, живущую в груди твоей; у тебя, правда, нет способности обживаться на всяком (новом) месте, прилаживаться ко всякому положению, да и бог с нею, с этой способностью... Есть у тебя сила — при полном сознании разлада твоей личности со всем окружающим — бороться, не уступать затхлому воздуху свои права на жизнь и, следовательно, что-нибудь делать» [1].

Весьма знаменательное признание. Кроме того, из писем выясняется, что с весны 1859 года оба друга внимательно следят за статьями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова в «Современнике», читают потаенные листы «Колокола», произведения А. И. Герцена, Н. П. Огарева:

«Я видел, братец, портрет Герцена (Искандера) недавней гравировки: это — пожилое, благородное лицо, с большим высоким лбом, с тихими и добрыми глазами. Вот этого я не ожидал. Ведь он — человек желчный, как в писаниях, так и в обществе. Впрочем, у него ведь желчь — от глубокого доброго чувства... Мне удалось прочесть... довольно большое сочинение его, написанное недавно: «С того берега. Лондон, 1855. Сыну моему». Это сочинение есть завещание: все лучшее из души своей, все свои знания, думы передает тут Искандер сыну и считает это своим долгом. Он сознает, что это, вероятно, разобьет многое в душе сына (которому лет 15, не более), но это необходимо: пусть он воспользуется добытым отцом... Для такого завещания нужно быть слишком сильно уверенным в правоте, в законности завещаемого» [2].

Обстановка ненавистного самодержавно-крепостнического гнета в России, широкий подъем крестьянского и общественного движения, вызванный поражением в Крымской войне, чтение произведений А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, «Колокола» и «Современника» способствовали революционизированию взглядов Н. И. Воронова и А. С. Трачевского. Расширялся общественно-политический кругозор друзей, углублялось их критическое отношение к самодержавной действительности. В центре их внимания, как это видно из перепи-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 145 об.

[2] Там же, л. 152 об.

ски, стоял коренной вопрос того времени — отношение к крепостничеству и крестьянству, к народу и интеллигенции. Объездив летом 1859 года всю Западную Европу, 11 августа того же года Трачевский писал Воронову из Парижа в Екатеринодар:

«Он (русский народ) дитя, в котором живы еще способности, для которого не прошло еще время учиться и развиваться... Пусть только поскорее и вполне освободится наш крестьянин от власти помещичьей; пусть лучшие люди на Руси, умственная аристократия, вникает в интересы народа и, по возможности, помогает ему в трудном деле начала прочного развития... Эти-то надежды окрыляют меня: я теперь окончательно убеждаюсь, что если везде честные, из доброго источника проистекающие подвиги почтенны и незабвенны, то у нас, на Руси, они необходимы, они — долг гражданина» [1].

Можно не сомневаться в том, что подобные мысли и выводы Н. И. Воронов разделял полностью.

Николай Ильич Воронов привык к дружеским посланиям Трачевского. Ждал их с нетерпением и очень волновался, когда долго не было письма от друга, ибо каждое объемистое письмо являлось для него «лучом света» в екатеринодарской глуши. В письмах Александр Семенович был и первым нелицеприятным критиком статей Воронова. Через переписку с Трачевским Воронов знал об отношении передовых слоев русского общества к А. И. Герцену и его «Колоколу», к Н. Г. Чернышевскому и его «Современнику».

В самом конце 1858 года Н. И. Воронов побывал в Москве и принял решение переехать туда, в гущу общественной жизни. Однако переезд Воронова из Екатеринодара в Москву не состоялся. Пройдет еще два долгих года, прежде чем он покинет кубанскую столицу.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЧЕК ДНЕВНИКА

Как-то летним месяцем 1858 года во время очередного посещения Ставрополя Николай Ильич Воронов познакомился с красивой девушкой по имени Флора. Она была дочерью полковника Крымского полка Стефана Гаврино. Молодые люди понравились друг другу, между ними установилась переписка. Весной 1859 года они обручились; свадьба должна была состояться через год. Воронов продолжал жить и работать в Екатеринодаре.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 142—142 об.

В архивах Правительствующего сената сохранился личный дневник Н. И. Воронова, изъятый у него жандармерией при обыске в сентябре 1862 года в Тифлисе. Дневник небольшой, всего несколько страничек. В нем записи в виде писем-бесед между Николаем Вороновым и Флорой Гаврино за шесть дней: за 3—8 марта 1860 года. Эти записи интересны для исследователя: они проливают свет на душевный, интимный мир нашего героя, дают представление о его жизни, быте, деятельности, настроениях и раздумьях.

Дневниковые записи Н. И. Воронова носят аллегорический, иносказательный характер, но отражают события реальной жизни Екатеринодара и Кубанской войсковой гимназии первых месяцев 1860 года. Эти записи удалось расшифровать после изучения целого ряда дел в Краснодарском краевом государственном архиве.

Вновь выявленные факты свидетельствуют о том, что в конце 1859 — начале 1860 года вокруг Николая Ильича Воронова складывается полулегальный кружок местной демократической интеллигенции, и прежде всего молодых учителей Кубанской войсковой гимназии. В этот кружок помимо Воронова входили младший учитель русского языка и географии Степан Демченко, учитель черкесского языка горец Ахмет Шаимов, учитель естествознания, выпускник Петербургского университета Николай Архипов и, вероятно, младший учитель Николай Стоянов. Через Флору Гаврино и ее подругу Екатерину Барилко вороновский кружок был связан с демократически настроенной молодежью Ставрополя[1]. Члены кружка читали и обсуждали вольнолюбивые стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Ф. Рылеева, Адама Мицкевича, Т. Г. Шевченко, знакомились с отдельными статьями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова в «Современнике», читали потаенные листы «Колокола», которые Н. И. Воронов получал по почте от А. С. Трачевского из Москвы или от П. И. Вейнберга из Петербурга. Обсуждали и свои собственные творения в прозе и стихах.

Прошло немного времени, и личностью наиболее активного члена вороновского кружка — Степана Дмит-

[1] Краснодарский краевой государственный архив (далее: ККГА), ф. 470, оп. 2, ч. 1, д. 215а, л. 2,2 об.; д. 206, л. 1, 6, 7—10; д. 194, л. 1—9; ф. 427, оп. 1, д. 228, л. 1,1 об.; см. также: *В. И. Недосекин.* Кубанский корреспондент Герцена.— Советская Кубань, 1977, 3 февраля.

риевича Демченко заинтересовалось Третье отделение корпуса жандармов. 26 февраля 1860 года директор Кубанской войсковой гимназии Н. С. Рындовский секретно сообщал попечителю Кавказского учебного округа:

«...Начальник штаба (Черноморского казачьего войска.— *И. Л.*) генерал-майор Кусаков отношением от 25 февраля, за номером 3, уведомил меня секретно, что бывший студент Харьковского университета, ныне младший учитель Екатеринодарской гимназии, хорунжий Степан Демченко обвиняется в политическом преступлении. Посему генерал-майор Кусаков сделал распоряжение об арестовании господина Демченко и обыске его квартиры и при этом уведомил меня, что Демченко вслед за сим будет отправлен к начальнику Харьковской губернии — арестованным» [1].

Сразу же последовал арест С. Д. Демченко и обыск в его квартире, в результате которого были изъяты переписка с одним из членов харьковско-киевского тайного общества и запрещенная вольнолюбивая литература. Четыре месяца Демченко находился под арестом, его возили на допросы в Новочеркасск, Грозное, Харьков и Петербург. Царские власти были напуганы тем, что казачий офицер, учитель войсковой гимназии оказался замешанным в «преступном сообществе». Власти решили большого шума по делу Степана Демченко не поднимать: на Кавказе складывалась и так более чем тревожная обстановка.

В секретном отношении Третьего отделения на имя наказного атамана Войска Черноморского от 5 мая 1860 года говорилось:

«...Государь император во всемилостивейшем внимании к молодым летам сего офицера... высочайше соизволил разрешить хорунжему Демченко возвратиться к месту его службы; но при этом его императорскому величеству угодно было повелеть, чтобы за ним учреждено было из предосторожности секретное наблюдение» [2].

Вышеизложенные события и нашли отражение в дневнике Н. И. Воронова. В связи с арестом Демченко Николай Ильич предполагал, что и его ожидают серьезные неприятности, а возможно, и арест. Об этом в дневнике говорится так:

---

[1] ККГА, ф. 427, оп. 1, д. 228, л. 1, 1 об.
[2] ККГА, ф. 470, оп. 2, ч. 1, д. 215а, л. 2, 2 об.

«...Тут-то беда кличет к себе на подмогу бледную свою подругу — заботу, тревогу душевную... Я должен сторожко держать свои уши, должен запасаться выходом, если нежданно вражья сила одолеет; у меня уже агенты в Одессе (друзья Петра Вейнберга.— *И. Л.*) и в Орле (Иван Рашевский.— *И. Л.*), которые хлопочут заготовить мне место, если только беда грянет. А мне, признаюсь, не хочется расставаться со службою на Кавказе... Вот что-то затевают; формуляр мой потребовали немедленно выслать в Тифлис...» [1]

Так некоторые записи в дневнике Н. И. Воронова позволили выявить новых неизвестных нам людей — представителей передовой демократической интеллигенции из далеких российских провинциальных городков Екатеринодара и Ставрополя. Именно такие люди пополняли потом ряды революционеров, вступали в тайные организации «Земля и воля» и «Народная воля».

В своем дневнике Н. И. Воронов ввел небольшой раздел под названием «Аллегория». Написан он эзоповским языком для Флоры Гаврино. Николай Ильич предупреждал невесту, что в случае ареста он не изменит своим демократическим идеалам, гражданскому долгу и поведет дальше борьбу против самодержавия и крепостничества:

«Под его (народа.— *И. Л.*) знаменем ведется война с мракобесием; он сам набирает свою армию, он судит, кому пасть в правой битве... (Народная) армия стоит невредима, да еще с каждым днем прибывает. Стой крепко за свои святые убеждения — и все тут... Стало быть, тут нужна вера в подвиг и стойкая решимость... а попался под удар — делать нечего, не изменяй своему долгу» [2].

«Аллегория» написана пером активного сторонника интересов и чаяний передовой русской демократической интеллигенции и крепостного крестьянства. Недаром чиновники Третьего отделения обратили особое внимание на текст «Аллегории» в дневнике Воронова, расцветили ее строки красным и синим карандашами. Неоднократно в период октября 1862 — февраля 1863 года сенатское и жандармское следствие при допросах Воронова в Петропавловской крепости пыталось выяснить истинное содержание указанного отрывка из дневника. И всегда Николай Ильич старался обходить молчанием

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 163 об.

[2] Там же, л. 164.

свою «Аллегорию» при письменных и устных допросах [1].

В мае 1860 года Николай Воронов и Флора Гаврино поженились. Летом того счастливого года они вдвоем путешествовали на пароходе по Черному морю. И казалось, что счастье их безбрежно. Однако через год неожиданная жестокая болезнь унесла жизнь Флоры. Горю и печали Николая Воронова не было конца.

Но жизнь не давала замкнуться в своих переживаниях, она звала к действию. И Николай Воронов ступил на тот путь, к которому, по сути дела, готовился весь предшествующий период, для которого духовно созрел. Он стал на путь революционной борьбы.

СВЯЗНОЙ АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА

...Июль 1861 года. До невидимого края горизонта раскинулась лазуревая гладь Черного моря. Лучший комфортабельный и быстроходный корабль Черноморского пароходства «Великий князь Константин» мерно рассекал морскую волну. Корабль шел вдоль Крымского побережья из Севастополя в Керчь.

На верхней палубе корабля стоял, опершись о поручень, среднего роста мужчина, одетый в сюртучную пару из серого трико. Его задумчивое и грустное лицо окаймляла небольшая бородка без усов. Ветер шевелил длинные, слегка вьющиеся волосы. Это был Николай Ильич Воронов. Ему шел тридцатый год — время расцвета интеллектуальных и жизненных сил человека. После смерти жены, по совету друзей и врачей, он двинулся в длительное морское путешествие.

Но не только личные переживания и врачебные советы руководили действиями Николая Воронова. В организации этого путешествия, видимо, не последнюю, если не первую, роль сыграло то обстоятельство, что в конце 1860 — начале 1861 года Воронов установил непосредственную связь с редакциями лондонского «Колокола» и петербургского «Русского слова». Такая связь стала возможной благодаря посредничеству давнего друга по Харьковскому университету Петра Вейнберга — в Петербурге и Александра Трачевского — в Москве, Париже и Лондоне. Друзья по-прежнему

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 536—537.

вели активную переписку. Из переписки Николая Воронова с Александром Трачевским, относящейся к этому времени, видно, что их волновали важнейшие события, происходившие в стране, и в частности весьма напряженная обстановка на Кавказе, в Польше, в Центральной России [1].

РЕФОРМА 1861 ГОДА И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ

19 февраля 1861 года новый российский император Александр II подписал манифест и проекты «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Реформа отменяла крепостное право и давала крестьянству юридическую свободу, но она же сохраняла на определенный срок временнообязанные отношения между помещиком и крестьянином — систему жестокой эксплуатации. По реформе дворяне-помещики получили право экспроприации у крестьян огромного количества земли и этим поставили их в положение кабальных арендаторов.

Реформа, обнародованная через две недели после принятия предупредительных военных мер и рассылки воинских команд во все губернии, вызвала мощный крестьянский протест в России. Только с января по май 1861 года произошло 1370 массовых крестьянских выступлений, для подавления которых 718 раз вызывались войска и полиция. Погребальным звоном прокатилось по российским весям известие о кровавых расправах царских карателей над крестьянскими повстанцами в селениях Бездне Казанской губернии и Кандеевке Пензенской губернии. В августе 1861 года в 105-м листе «Колокола» Герцен писал: «Крестьяне не поняли, что освобождение обман, они поверили слову царскому — царь велел их убивать как собак; дела кровавые, гнусные совершились».

В условиях углубления революционной ситуации и подъема крестьянского движения А. И. Герцен и Н. П. Огарев приходят к выводу о необходимости народной вооруженной борьбы против самодержавия. С весны — лета 1861 года лондонская редакция «Колокола» во главе с Герценом превращается в идейно-организационный центр революционно-демократического движения, в центр по подготовке народной революции.

Одновременно, помимо проведения целеустремленной революционно-демократической пропаганды, петер-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 159, 159 об.

бургская редакция журнала «Современник» при участии Н. Г. Чернышевского окончательно склоняется к идее необходимости подготовки всенародной крестьянской революции[1]. Наиболее последовательно взгляды Чернышевского и его единомышленников были изложены в известной прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (зима 1860/61 года).

Нанося удар по монархическим иллюзиям крестьянства и разоблачая характер реформы, Чернышевский звал крестьян к топору, к вооруженному восстанию. Он призывал действовать согласованно, привлечь на свою сторону солдат и верных офицеров и по условленному сигналу начать «доброе дело» «во всех местах в одну пору»[2].

Тогда же сотрудник «Современника» Н. В. Шелгунов написал две прокламации: «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» и «К молодому поколению». Автор выдвигал в прокламациях программу социальных и политических преобразований, требовал наделения крестьян землей и самоуправления, звал солдат к объединению в общей борьбе с крестьянством за свободу, звал молодое поколение к революционной агитации среди крестьян и солдат.

Два центра — лондонский и петербургский — направляли действия революционно-демократического лагеря в стране. Однако между этими центрами, между Герценом и Чернышевским и их сторонниками были серьезные разногласия в вопросах революционной тактики, в определении основных задач и выработке единых приемов борьбы с самодержавием. Общую линию поведения двух центров, их программные установки фактически сформулировал Н. П. Огарев (после совещаний в Лондоне с участием Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова и М. Л. Налбандяна) в воззвании «Что нужно народу?». Воззвание было напечатано в 102-м листе «Колокола» 1 июля 1861 года, а затем выпущено отдельной прокламацией; оно получило широкое распространение в России.

Воззвание начиналось со слов: «Очень просто, народу нужна земля да воля» — и заканчивалось призывом:

---

[1] Научному анализу этих проблем посвящена коллективная монография под редакцией академика М. В. Нечкиной «Революционная ситуация в России в середине XIX века». М., 1978.

[2] См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1950, т. 7, с. 517—524.

«...молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, против царя и вельмож, землю мирскую, волю народную да правду человеческую».

НОВЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «КОЛОКОЛА»

Вот в это время и начал Н. И. Воронов нелегально сотрудничать в герценовском «Колоколе». Как об этом свидетельствуют материалы вороновского семейного архива, 1 июня 1861 года в «Колоколе» в разделе «Смесь» (в том же знаменитом 102-м листе газеты с огаревским воззванием «Что нужно народу?») была напечатана заметка Воронова «Победа графа Евдокимова над саперным казачьим полком». В заметке разоблачались политика царизма на Северном Кавказе, бездушное отношение властей к казакам-переселенцам, их семьям, вызвавшее волнение среди казаков Хоперского саперного казачьего полка. Автор заметки заключал: «Евдокимов[1] командировал целый отряд с артиллерией для усмирения неповиновения. Казаки поневоле пошли за конвоем на передовую линию (то есть на пограничную линию, в районе которой происходили бои с горцами.— *И. Л.*), но при этом (Александровская станица) бросили жен, детей, имущество и отправились только с оружием... Свидетели рассказывают сцены, как вели за конвоем целый полк седых усачей, снискавших общее уважение своею незапятнанною военною славою, и как расставались с ними жены и дети, ими покинутые».

Ровно через месяц, 1 августа, в 104-м листе «Колокола» в разделе «Смесь» Николай Ильич продолжил свой рассказ в заметке под названием «Распятие казачьих бород», где сообщал о бесчинствах подполковника Абазина, который придумал новый изуверский способ пытки казаков за неповиновение.

Этот и другие материалы Герцен и Огарев сопроводили краткпм политическим резюме:

«Чем же наконец окончится это преступное, это безобразное правительство, окруженное ворами, слепое, тупое и которое даже печатного читать не умеет? (то есть «Колокол».— *И. Л.*)»[2].

---

[1] Граф Евдокимов — генерал-губернатор Ставропольской губернии.

[2] Колокол. М., 1962, вып. 4. с. 859.

Так благодаря данным семейного архива удалось выявить еще одну фамилию потаенного корреспондента «Колокола» — Николая Ильича Воронова, а через него уточнить географию распространения герценовских изданий на Северном Кавказе. Это были города Екатеринодар, Ставрополь и даже, очевидно, некоторые казачьи станицы и крестьянские села, военные приморские части.

Весной — летом 1861 года петербургский и лондонский центры приступили к созданию всероссийской революционной организации «Земля и воля». Ее идейными руководителями явились Чернышевский, Добролюбов, Герцен и Огарев. Практические организаторы общества — ученики и соратники Чернышевского и Герцена: профессор Академии генерального штаба Николай Обручев, братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи, Александр Слепцов, Николай Шелгунов и другие. Среди организаторов «Земли и воли» был редактор революционно-демократического журнала «Русское слово» Григорий Благосветлов [1].

Общество считало своей задачей подготовку крестьянской революции за «землю и волю» путем публикации и распространения подпольных прокламаций, путем осуществления идейно-политического воздействия на широкие крестьянские, солдатские массы, на разночинскую интеллигенцию и студенчество. В этих целях намечались организация и практическое использование воскресных школ, книжных магазинов и читален, издание популярной литературы. Особое значение уделялось распространению легальных журналов «Современник» и «Русское слово», нелегальных листов «Колокола». Окончательно «Земля и воля» сложилась как подпольная революционная организация осенью 1861 года [2].

В период революционной ситуации (1859—1861 годы) петербургский и лондонский революционные центры, землевольцы искали пути для установления широких практических связей с крестьянами (в том числе с русскими старообрядцами), демократическим студенчеством, солдатскими массами, польскими повстанцами. Первостепенное внимание уделялось возможным свя-

[1] См.: *Кузнецов Феликс*. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М., 1969, с. 76—77.

[2] См.: *Линков Я. И.* Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964, с. 151—198, 199—273.

зям с кавказскими горцами, участниками повстанческих движений, с оппозиционно настроенными офицерами и солдатами, направленными в маршевые боевые роты в районы болотистой Колхиды, труднодоступные районы Кавказского горного хребта, в глухие причерноморские военные поселения и гарнизоны.

В конспиративных бумагах Н. П. Огарева (из пражской коллекции), опубликованных известным советским историком академиком М. В. Нечкиной в 61-м томе «Литературного наследства», и в частности в документе «Цель русского движения», подготовленном в 1860 году, говорилось: «Восстание, идущее строем, можно только образовать в войсках. Для этого надо составить офицерские общества для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания. Образование таких обществ должно быть преимущественно и усиленно вырабатываемо в войсках, стоящих на окраинах государства: на Кавказе с Доном и Черноморьем, на Урале с Приволжьем, в Польше с западными губерниями» [1].

В другом документе — «Заграничные общества», написанном Н. П. Огаревым, очевидно, весной 1862 года, подчеркивалось: «...надо скорее организовать Кавказ и Урал, так, чтобы они помогли, если западное движение (в Польше) удастся, дать ему значение народного восстания, а не междоусобия» [2].

Итак, руководители революционно-демократического лагеря, и в первую очередь лондонский центр во главе с Герценом и Огаревым, рассматривали «Кавказ с Доном и Черноморьем» как один из возможных оплотов народного вооруженного восстания против царизма. Отсюда вставала практическая задача проведения широкой подготовительной работы в этом районе, где вели упорную повстанческую борьбу горские народы, где в многочисленных военных русских гарнизонах росло недовольство солдат и демократически настроенных офицеров своим бытом и положением.

Однако лондонский центр, Герцен и Огарев не располагали достаточно конкретными сведениями об общественно-политической и военной обстановке в этом районе России. Поэтому лондонскому и петербургскому революционным центрам и понадобились компетентные люди, хорошо знающие «Кавказ с Доном и Черноморь-

---

[1] Литературное наследство, т. 61. Герцен и Огарев. М., 1953, т. 1, с. 460, 501.
[2] Там же, с. 510.

ем». Для выяснения комплекса сложных вопросов — топографии местности, состава населения и гарнизонов, выявления конкретных мест (морские бухты, горные перевалы, устья рек), удобных для доставки подпольных изданий Вольной русской типографии, кандидатура Н. И. Воронова была как нельзя более подходящей.

К началу 1862 года он стал известен руководителям петербургского и лондонского центров как человек, разделявший революционно-демократические взгляды, корреспондент «Колокола», талантливый публицист и, что не менее важно, как знаток истории, географии, экономики, этнографии Северного Кавказа, Закавказья и Восточного Причерноморья. Все это объясняет нам, почему Г. Е. Благосветлов (и, очевидно, не только он!) решил обратиться к Н. И. Воронову с предложением совершить путешествие вдоль берегов Восточного Причерноморья и написать об этом специальный очерк для «Русского слова».

Немного о журнале «Русское слово» и его редакторе. Журнал был основан в 1859 году на деньги богатого мецената графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Первые полтора года журнал влачил жалкое существование из-за политической бесхребетности и отсутствия программы. С июля 1860 года управляющим редакцией «Русского слова», его редактором стал Григорий Евлампиевич Благосветлов. В течение короткого срока он превратил журнал в крупный демократический орган, в надежного союзника «Современника».

Благосветлов был соратником Герцена, Огарева, Чернышевского, талантливым литератором-публицистом, педагогом, историком (прежде всего Великой французской революции XVIII века). В течение года Григорий Евлампиевич жил в Лондоне в семье Герцена, был учителем и воспитателем двух его дочерей. Одновременно он принимал активнейшее участие в организации нелегальной переправки герценовских изданий в Россию и сам систематически корреспондировал в «Колокол». Он был доверенным человеком Герцена — редакции «Колокола» в Петербурге, горячим сторонником герценовской освободительной программы. Как-то он напишет в одном из своих писем: «Для меня одна строчка Г[ерцена] дороже всей Публичной библиотеки,— дороже потому, что идет в самую жизнь и зовет к новой жизни» [1].

[1] См.: *Кузнецов Феликс.* Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова», с. 37—45, 65—67.

Благосветлов привлек в «Русское слово» в качестве критика Д. И. Писарева — «пророка молодого поколения». Он же первым предложил сотрудничество в журнале и Н. И. Воронову.

НЕОБЫЧНЫЙ ОЧЕРК

Почти два месяца — июнь и июль 1861 года — провел Н. И. Воронов в морском путешествии: от Севастополя до Керчи, затем от Керчи до Новороссийска, далее — Константиновское укрепление, Сочи, Гагры, Пицунда, Бамборы, Сухум, Редут-Кале, Поти и опять Керчь. Воронов вел, как обычно, путевой дневник, делал подробнейшие записи о встречах и беседах с десятками людей. Начал писать очерк «Плавание у восточных берегов Черного моря (Из путевых заметок о Южной России)». В течение июля — августа очерк был написан и отослан в Петербург редактору «Русского слова» Благосветлову. В ноябрьском, одиннадцатом томе «Русского слова» за 1861 год материал Воронова был опубликован. Факт довольно быстрого выхода очерка в свет — лишнее свидетельство повышенного интереса редакции «Русского слова», а вместе с ней, очевидно, и руководства «Земли и воли» к данному материалу.

...Темно-зеленая с черными разводами обложка объемистой книги. Тисненое золото букв на кожаном корешке переплета: «Русское слово. 1861.11.12». Открываем оглавление. Пятой сверху идет статья Д. И. Писарева «Меттерних», затем очерк Н. И. Воронова, вслед за ним стихи поэта-революционера А. Н. Плещеева и вновь «Рассказы из жизни уездного города» Воронова.

Очерк Воронова «Плавание у восточных берегов Черного моря» имеет такое же многосложное содержание, как и «Дорожные заметки на разных путях Южной России». В живой, увлекательной форме автор описывает причерноморские города-крепости, порты, укрепленные посты, торговые центры, морские бухты, окружающую природу; состав, быт, нравы, настроения русского и местного горского населения; положение в русских военных гарнизонах. Это очень емкий, интересный экономико-географический, этнографический и исторический обзор положения на Кавказском Черноморском побережье в середине 1861 года.

На первом плане очерка — и это сразу бросается в глаза читателю — топография русских военных гарнизонов и поселений, удобных морских бухт, устьев рек, прибрежных и горных дорог, троп и перевалов. К при-

меру, на отрезке пути от Новороссийска до Поти Н. И. Воронов дает подробное описание и топографию не менее 10 укрепленных пунктов — фортов, военных гарнизонов.

Говоря о топографии русских причерноморских фортов, разрушенных англо-французским флотом в Крымскую войну, автор проявил точное знание функционирования турецкой контрабанды в районах восточного побережья Черного моря. Николай Ильич писал:

«К местам бывших фортов теперь пристают, часто безнаказанно, турецкие кочермы (то есть легкие морские суда.— *И. Л.*), отчасти с военной контрабандой, отчасти с невинными товарами, находящими сбыт у горцев. Так, особенно у Сочи, с парохода приметен был целый ряд этого незатейливого, но чрезвычайно легкого турецкого каботажа; одна за другой, белея своими маленькими парусами, пробирались они у скалистых берегов. В случае появления нашего крейсера кочермы удобно вытаскиваются на берег, а при попутном ветре они работают по десять узлов, так что угнаться за ними под силу не всякому крейсеру» [1].

Позднейшие события покажут, что в данный текст Н. И. Воронов вкладывал особый смысл: речь шла о возможности использования турецких контрабандистов для переправки революционных изданий Вольной русской типографии из Лондона на Кавказское побережье для русского и горского населения. Эти мысли подавались автором-путешественником в форме безобидного очеркового текста, а по существу, он осуществлял рекогносцировку местности и выявлял пункты, в которые всего удобнее было бы доставлять лондонские издания.

В районе Сухума «Великий князь Константин» стоял двое суток. Сойдя с парохода, в течение дня Воронов обошел несколько верст морского побережья, внимательно изучив его. Он выяснил, что охрану побережья в данном пункте нес линейный батальон при артиллерии. Но главное, он узнал настроения солдат и офицеров сухумского гарнизона.

Автор симпатизирует освободительной борьбе горцев. В разных местах очерка неоднократно говорится о гордых и храбрых воинах-убыхах, не боявшихся обстрелов из морской артиллерии, о малочисленных племенах псхувцев и джигетов, искавших связь с убыхами.

---

[1] Русское слово, 1861, т. 11, раздел 1, с. 20.

о временно замирившихся натухайцах, о мирных и трудолюбивых абхазцах, о воинственных адыгейцах. Эти сведения имели важное значение для лондонского революционного центра в выяснении конкретной обстановки на Кавказе.

Воронов не проходит мимо социальных противоречий самодержавной России; он видит их всюду: и на верхней палубе «Великого князя Константина», и в Сухум-Кале, и в гарнизоне Гагрского военного укрепления.

Как уже говорилось, в том же томе «Русского слова» был опубликован и другой очерк Н. И. Воронова: «Рассказы из жизни уездного городка. Панкратий Пафнутьич». Это рассказ о тихой и размеренной жизни уездного малороссийского городка В.— скорее всего родных Валок Харьковской губернии. Воронов еще раз обращает внимание прогрессивной общественности на бедственное и унизительное положение российских Акакиев Акакиевичей — маленьких людей в провинциальной глуши России. Но смысл рассказа не только в этом. Главное, на наш взгляд,— это решительное противопоставление автором двух лагерей, изображенных в очерках «Плавание у восточных берегов Черного моря» и «Рассказы из жизни уездного городка»: лагеря борьбы за свободу и счастье людей и лагеря мещанства и серости.

Очевидно, данное противопоставление делалось Вороновым с согласия Благосветлова, редакции «Русского слова». Оно помогало отчетливее увидеть военно-революционную направленность очерка «Плавание у восточных берегов Черного моря», а вместе с тем становился яснее и революционно-демократический характер платформы «Русского слова», его редакции. Поэтому неспроста оба вороновских очерка были опубликованы в одном томе «Русского слова».

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. ВОРОНОВА

После длительного путешествия Николай Ильич Воронов вернулся в Екатеринодар и прожил там с перерывами три месяца: август, сентябрь и октябрь 1861 года. В это время он организовал переброску лондонских революционных изданий, прежде всего «Колокола», из Петербурга через Екатеринодар и кавказские горные перевалы в русские военные гарнизоны, расположенные по восточному берегу Черного моря. В качестве перевозчиков нелегальной литературы

Воронов привлек несколько знакомых горцев, которые в летне-осенние месяцы заготовляли дрова и затем через перевалы вывозили их на русские посты по кавказской черноморской охранной линии.

Помогал Н. И. Воронову в этом крайне рискованном деле абазинский дворянин Ахмет Шаимов. Он получил хорошее образование: воспитывался и учился в Египте, где закончил мусульманское духовное училище, затем в России, владел арабским, турецким, русским и черкесским языками, начитан был в русской и европейской истории и литературе. В 1850 году педагог-демократ Я. М. Неверов привлек Ахмета Шаимова «к составлению письмен черкесского языка». Свыше десяти лет горский просветитель преподавал в Кубанской войсковой гимназии черкесский язык и мусульманский закон (как того требовала гимназическая программа). Но была и потаенная сторона жизни у этого горского интеллигента. В гимназии он близко познакомился с Николаем Вороновым и вошел в его тайный кружок. Очевидно, Ахмет Шаимов помог Воронову установить связи с горцами для переброски герценовских изданий на Кавказское черноморское побережье. Правда, неожиданно в самом начале 1861 года Шаимов вышел в отставку, но связей с Николаем Ильичом и его друзьями не порывал и помогал им чем мог [1].

Подтверждают эти факты следующие строки из письма Михаила Александровича Бакунина от 10 мая 1862 года из Лондона в Петербург выдающемуся армянскому революционеру-демократу Микаэлу Лазаревичу Налбандяну:

«Его мысль (то есть Н. И. Воронова.— *И. Л.*) следующая: из Трапезунта ходят на Кавказский берег малые турецкие суда с контрабандою, которую провозят во множестве. Горцы же, пользуясь правом возить с гор дрова на все русские посты, т. е. на всю линию (от Новороссийска и до Поти.— *И. Л.*), примыкающую к Черному морю, не раз возили между дровами и наши лондонские запрещенные товары. А на русской линии покупают их (то есть «Колокол» и другие революцион-

[1] ККГА, ф. 470, оп. 2, ч. 1, 1860 г., д. 2067 — «Дело об увольнении по болезни вовсе от службы учителя черкесского языка Кубанской войсковой гимназии Шаимова Ахмета и испрошении ему пенсии», л. 1—5, 7—10, 13—16 об.; *Недосекин В. И.* Ценное открытие.— По заветам Ленина (многотиражная газета Кубанского университета), 1977, 3 марта.

ные издания.— *И. Л.*) с чрезмерною охотою и готовы платить большие деньги. Показание ясно, следует им воспользоваться и регулировать его»[1].

Это чрезвычайно важное свидетельство о практических возможностях формирующейся подпольной «Земли и воли», о ее связях через Воронова и его екатеринодарских друзей со свободолюбивыми горцами, русскими военными гарнизонами на Черноморском побережье.

Правда, идея об использовании турецкой черноморской контрабанды для переброски герценовских изданий на Кавказ укрепится у Н. И. Воронова и его друзей в самом конце 1861 — начале 1862 года во время его встречи и бесед с Г. Е. Благосветловым в Петербурге. Поэтому первая фраза в цитированном нами отрывке из письма М. А. Бакунина и появится только в начале мая 1862 года, когда Воронов, находясь в Лондоне, высказал свои соображения А. И. Герцену и Н. П. Огареву.

В конце октября 1861 года Н. И. Воронов взял расчет и ушел в отставку, расставшись навсегда с Кубанской войсковой гимназией, с Екатеринодаром. Несомненной причиной быстрого отъезда Воронова из Екатеринодара была его революционная работа и грозящий арест. Вспомним, что еще в феврале — марте 1860 года он ожидал ареста. В ноябре — декабре 1861 года Николай Ильич проживал в Ставрополе (у полковника С. Гаврино), в Орле (у Рашевского), в Москве (у Трачевского), в Петербурге (у Вейнберга), выезжал в Харьков, родные Валки и, наконец, в последние дни рождественских праздников вновь появился в Петербурге. За 60 дней он побывал в шести городах[2]. Сейчас трудно сказать, чем объясняются эти частые переезды Воронова из города в город, но можно предположить, что он избегал слежки жандармерии и выполнял задания «Земли и воли» по налаживанию связей с этими городами, по переброске сюда прокламаций, герценовских изданий.

Итак, в последних числах декабря 1861 года Н. И. Воронов приехал в Петербург и сразу же связался с редакцией журнала «Русское слово» и с Г. Е. Благосветловым. Беседы с Григорием Евлампиевичем Благосветловым вряд ли ограничивались только

[1] Цит. по: *Лемке Мих.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Спб., 1908, с. 80.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46 об.—48.

обсуждением литературных планов и гонорарных дел одного из провинциальных авторов журнала. Закономерно предположить, что их разговоры могли касаться будущих связей петербургского и лондонского центров «Земли и воли» с Закавказьем как одним из оплотов готовящейся народной революции. Разумеется, в своих следственных показаниях Воронов ни словом не обмолвился о сути этих переговоров. Однако в следственных материалах имеется следующая фраза: «Через господина Благосветлова я был как-то приглашен на вечер к графу Кушелеву-Безбородко; но па этом вечере не пришлось мне ни с кем, кроме хозяина, перемолвиться ни словом» [1].

Это был торжественный публичный вечер 10 января 1862 года, проводившийся графом Г. А. Кушелевым-Безбородко и Г. Е. Благосветловым по случаю открытия шахматного клуба. Вечер состоялся в доме известного петербургского купца Елисеева. Здесь впервые Воронов увидел и услышал Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, Д. И. Писарева, редактора сатирического журнала «Искра» В. С. Курочкина, офицера Генерального штаба, будущего идеолога народничества П. Л. Лаврова, писателя и издателя журнала «Современник» И. И. Панаева и других. Всего на вечере присутствовало около ста человек. С этого времени шахматный клуб стал местом встреч деятелей «Земли и воли», своеобразной штаб-квартирой революционного подполья. По свидетельству Третьего отделения, клуб «облегчил работу по сколачиванию тайного общества «Земля и воля», явившись ширмой для свиданий, переговоров, сближения, связи различных политических кружков и направлений» [2].

По приезде в Петербург Воронов поселился в доме номер 3 по Стремянной улице. Николай Ильич прожил в столице почти полтора месяца [3]. Он неоднократно встречался со своим бывшим однокашником по Харьковскому университету Петром Вейнбергом, посещал вместе с ним литературные вечера, где выступали поэты Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин. Воронов слушал публичные лекции в «Вольном университете» в залах Городской думы. Он был открыт по просьбе демократи-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 48.

[2] Цит. по: *Кузнецов Феликс.* Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова», с. 77—78.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 2.

ческого студенчества с легкой руки князя А. А. Суворова (назначенного в январе 1862 года петербургским генерал-губернатором) вместо закрытого в октябре 1861 года Петербургского университета.

В январе — феврале 1862 года Воронов часто бывал в редакциях «Русского слова» и «Современника» (Литейный, 36), в книжном магазине Н. А. Серно-Соловьевича — одном из легальных центров «Земли и воли» (Невский, 22). Он стал постоянным посетителем шахматного клуба (ныне Невский, 15). Здесь обсуждали самые актуальные проблемы тех дней (крестьянский вопрос, меры по обеспечению свободы прессы, необходимость демократической конституции), готовили общественные адреса в защиту репрессированных профессоров Киевского и Петербургского университетов, поэта-демократа М. Л. Михайлова. Горячий интерес посетителей клуба вызывали лекции и беседы Н. Г. Чернышевского [1].

Активное участие Н. И. Воронова в общественно-политической жизни демократической интеллигенции сыграло большую роль в дальнейшем развитии и укреплении его революционных взглядов.

В начале января 1862 года редактор «Русского слова» и член «Земли и воли» Благосветлов и предложил Николаю Ильичу поехать в заграничную командировку. Важнейшей ее целью было установление личных контактов Воронова с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и М. А. Бакуниным, уточнение дальнейших действий по организации связей с Закавказьем — Черноморьем [2].

ПЕРЕГОВОРЫ С ГЕРЦЕНОМ И БАКУНИНЫМ

В конце февраля 1862 года Николай Ильич Воронов выехал за границу. Три месяца он провел в Германии, Франции, Нидерландах, Англии. Нас интересует пребывание Воронова в Англии. В Лондон Николай Ильич приехал в начале апреля и пробыл там почти два месяца. Благодаря посредничеству своего земляка и однокашника по Харьковскому университету математика Н. И. Морозова, приехавшего в Лондон для профессорской стажировки, Воронов познакомился с М. А. Бакуниным. Между ними состоялось несколько встреч и бесед.

[1] См.: *Пини О. А.* Чернышевский в Петербурге. Л., 1978, с. 189—191.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 76, л. 84 об.

Через полгода Николай Ильич вспоминал: «Здесь (у Н. И. Морозова.— *И. Л.*) и началось мое с ним (Бакуниным.— *И. Л.*) знакомство. После расспросов — кто, как, откуда и зачем я в Лондоне, он выразил удивление: почему меня не встречал у Герцена... причем заметил, что им, лондонским выходцам (то есть Герцену, Огареву, Бакунину.— *И. Л.*), особенно приятно было бы познакомиться с человеком, приехавшим в Лондон из провинции, что столичных русских жителей они уже довольно насмотрелись и наслушались... Бакунин взял с меня при этом слово, что я непременно зайду к нему когда-нибудь утром и вместе с ним навещу Герцена. Однако в то время Герцен уезжал из Лондона отыскивать для своего семейства дачу, и свидание мое с ним состоялось в один из его приемных вечеров, в воскресенье... Встречи мои с Бакуниным произвели на меня приятное впечатление — он принимал во мне живое участие как в человеке, довольно мило шутил надо мною как над «степняком»» [1].

Спустя некоторое время Воронов близко познакомился с Герценом и Огаревым. Судя по следственным материалам,— а им, разумеется, до конца верить нельзя, ибо Воронов старался в ходе следствия представить всю мимолетность своего знакомства и бесед с руководителями лондонского центра «Земли и воли»,— состоялось всего две-три встречи между ним и Герценом, Огаревым, Бакуниным. Очевидно, таких встреч было больше.

Воронов сообщал в рамках возможного в ходе следствия: «...первое мое свидание с Герценом на его приемном вечере не доставило мне никакой возможности высказаться насчет «Колокола» перед его издателями. Ни с Герценом, ни с Огаревым, кроме общих фраз, не довелось мне ни о чем переговорить, и я, среди незнакомых мне лиц, в первый раз там мне встретившихся, чувствовал себя неловко... Скоро я получил через Бакунина же (новое) приглашение на обед к Герцену» [2].

О чем же шел разговор при неоднократных встречах между Вороновым, Герценом, Огаревым, Бакуниным в апреле — мае 1862 года в Лондоне?

Ответить на этот вопрос крайне сложно, ибо, кроме следственных материалов Воронова и двух писем Ба-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 50, 50 об.
[2] Там же, л. 50 об.

кунина Микаэлу Налбандяну от 6 и 10 мая 1862 года, мы пока никакими другими источниками не располагаем. И все же попытаемся сделать некоторые выводы, опираясь на бакунинские письма.

В лондонских беседах касались двух основных вопросов: а) революционной направленности «Колокола», б) путей и средств доставки его в Закавказье[1]. Судя по следственным показаниям Николая Ильича, руководители лондонского центра были обеспокоены оторванностью их детища — «Колокола», его основной политической проблематики от многосложной и противоречивой действительности в России, особенно ее провинциальной жизни. Дальность расстояний между Лондоном и Петербургом, между Парижем и Москвой все более и более давала себя знать. Несмотря на весь героизм и оперативность герценовских связных, письма, статьи-обзоры корреспондентов из России доходили до Лондона в лучшем случае за полторы-две, а то и за три-четыре недели. А в обстановке нарастания общественного и революционного движения такой разрыв в сроках с момента свершения самого события в России до его освещения в «Колоколе» весьма затруднял его своевременное, правильное описание. Поэтому такой человек, как Николай Воронов, представитель южнороссийской провинциальной интеллигенции, большой знаток Кавказа и Украины, был сущей находкой для редакции «Колокола».

В откровенных, принципиальных и иногда острых разговорах с Герценом, Огаревым и Бакуниным Николай Ильич от своего имени, от имени своих екатеринодарских, ставропольских и петербургских единомышленников выразил полную солидарность с антикрепостнической и антицаристской направленностью «Колокола». Но одновременно он просил издателей «Колокола» более точно и конкретно отражать в журнале российскую действительность, жизнь провинциальной глубинки с вековечным крестьянским вопросом, всю сложность проблем национальных окраин, и в первую очередь Закавказья. Он подчеркивал, как трудно и сложно привить «социалистические мечтания» российскому крестьянству через сельскую общину[2].

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 50—51 об.
[2] Там же, л. 51; ЛАВ.

Первостепенное внимание было уделено выяснению конкретной социально-экономической и политической обстановки в районах Северного Кавказа, Закавказья, Восточного Причерноморья; положению в Кавказской русской армии, ее казачьих частях, в русских причерноморских фортах и гарнизонах; действиям горских повстанцев. Герцена и Бакунина особенно интересовало мнение Воронова о путях и средствах доставки «Колокола», изданий Вольной русской типографии на Кавказское побережье и распространения их среди русских офицеров и солдат, местного населения (издатели «Колокола», очевидно, уже были знакомы с содержанием очерка Н. И. Воронова «Плавание у восточных берегов Черного моря», опубликованного в «Русском слове»).

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ЗАДАНИЕ

От встреч, разговоров, выяснения обстановки и мнений перешли к делу. Лондонский центр «Земли и воли» предложил Николаю Ильичу возглавить дело по организации транспортировки герценовских изданий в Закавказье. Воронов показал во время следствия:

«Перед отъездом моим из Лондона Бакунин расспрашивал меня о Кавказе... Предлагал мне познакомиться в Петербурге с некоторыми из его знакомых, например с Краевским и Тургеневым, чтобы через знакомство с ними я мог при случае получить литературную работу в журналах или же частные уроки... На вопрос его (Бакунина): «Получается ли «Колокол» на Кавказе?» — я отвечал: «Говорят, что получают его начальствующие лица да в приморские города (то есть, очевидно, в Одессу, Севастополь, Керчь, Сочи, Сухум.— *И. Л.*) завозят его («Колокол») на пароходах...»» [1]

Еще одно документальное свидетельство о широте распространения герценовских изданий в Южной России. Разумеется, Воронов умалчивал о своей личной роли и о роли своих друзей-единомышленников (в Екатеринодаре, Ставрополе и Тифлисе) в организации этого опаснейшего дела.

По заданию лондонского центра по возвращении в Россию Николай Ильич должен был установить связь с петербургским центром общества «Земля и воля» и через него связаться с революционными демократами Закавказья. Важнейшей частью задания являлось налаживание транспортировки герценовского «Колокола»

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 51, 51 об.

и других изданий Вольной русской типографии в Южную Россию и Закавказье по двум направлениям: 1) южному — Лондон — Париж — Марсель — Неаполь — Константинополь — Трапезунд — Одесса — Севастополь — Керчь — Сухум — Тифлис и 2) северному — Лондон — Амстердам — Роттердам — Копенгаген — Либава — Петербург — Москва — Екатеринодар — Тифлис. Существенную помощь в этом Воронову должны были оказать два других лондонских революционных агента в России — Микаэл Налбандян и один из друзей Бакунина, корреспондент «Колокола», издатель петербургского журнала «Мировой посредник» маркиз Николай де Траверсе. М. А. Бакунин писал 6 мая 1862 года М. Л. Налбандяну:

«...Я сошелся с одним положительно хорошим и полезным человеком, с Николаем Ильичом Вороновым. Он будет в Питере в июне и привезет вам от меня письмецо. Примите его, как хорошего человека, заслуживающего полного доверия... Теперь немедленно по возвращении из-за границы (он) едет в Тифлис. Научите его, как переписываться со мною и через Петербург, и через Москву, а также и через Одессу, и через Тифлис, то есть через Константинополь, куда ему должен быть дан адрес. Он и в европейском и в азиатском отношении будет полезен. Поэтому не худо бы было рекомендовать его (Воронова) добрым людям в Тифлисе»[1].

Н. И. Воронов в тесном контакте с М. Л. Налбандяном, который также хорошо знал Кавказ, и должны были наладить транспортировку лондонских изданий южным путем через Средиземноморье и Черноморье в Закавказье.

10 мая 1862 года Бакунин пишет более развернутое письмо-инструкцию тому же Налбандяну. От имени Герцена, Огарева и от себя лично Бакунин дает высокую оценку деловым и моральным качествам Воронова и более подробно развивает план укрепления связей лондонского центра с Закавказьем. Вот эти строки:

«Явится к вам в Питере с письмом от меня Николай Ильич Воронов, которого мы будем впредь называть: Александр Петрович Вандерман. Примите его, как нашего друга, вам всеми тремя (то есть Герценом, Огаревым, Бакуниным.— *И. Л.*) рекомендуемого. Он крепкий и умный хохол, долго проживавший в Новороссий-

[1] *Лемке Мих.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 77—78.

ском крае и хорошо знающий Кавказ; в июне будет в Питере, а в сентябре в Тифлисе. Он переговорит с вами о новом средстве доставления наших товаров в Кавказский край... Смело рекомендуйте ему наших торговых друзей в Тифлисе и в других местах. Наш дом за него отвечает; и он готов служить вашим интересам точно так же, как служит нашим» [1].

Из письма явствовало, что Герцен, Огарев и Бакунин одобрили идею Воронова использовать для переброски в Закавказье лондонских изданий южным путем (Средиземноморье — Черноморье) как армянских революционеров-демократов, проживавших в Турции, так и при благоприятных возможностях турецких контрабандистов; при транспортировке же подпольных изданий северным путем (Петербург — Москва — Екатеринодар — Тифлис) через кавказские перевалы использовать дружественных горцев, возивших дрова и продукты в русские военные гарнизоны на Черноморском побережье, а в Тифлисе — грузинских и армянских демократов.

Оба письма были сугубо конспиративными. Поэтому в письмах Бакунин пользовался иносказательной терминологией. «Наш дом» — это лондонский революционный центр; «наши товары» — лондонские подпольные издания, и прежде всего «Колокол»; «торговые друзья в Тифлисе» — организующийся закавказский филиал «Земли и воли». В письме содержалась и «Прибавка к словарю», то есть новые зашифрованные имена, названия городов и стран, дополняющие общепринятый в лондонском центре старый зашифрованный словарь имен и географических пунктов. В письме Бакунина это выглядело так:

«Я (Бакунин) — Леонтий Федоров Брыкалов.
Воронов — (Александр Петрович) Вандерман.
Маркиз де Траверсе — граф.
Турция — Австрия.
Константинополь — Вена.
Трапезунд — Триест.
Тифлис — Берлин.
Кавказский край — Пруссия» [2].

Причем в целях удвоенной конспирации Бакунин предлагал, чтобы в переписке Воронов называл Налбан-

[1] *Лемке Мих.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 80—81.
[2] Там же, с. 81.

дяна «монсеньор Леонарди»; сам Бакунин в письмах Налбандяну именовал маркиза де Траверсе «мадемуазель Серпуховская»; Налбандян свои письма в Лондон для Бакунина должен был адресовать «Петру Александровичу Курдюмову» [1]. Указанные меры служили обеспечению конспирации связей между Лондоном — Петербургом — Закавказьем. Этой конспирации большое внимание уделял и Александр Иванович Герцен. Бакунин сообщал в том же письме Налбандяну:

«Пусть (Воронов), называя вас «монсеньор Леонарди» (пользуйтесь и вперед этим именем), скажет, что на основании вашего приглашения сделал то-то и то. желает того-то, предлагает то-то и то, ясно обозначив все желания, условия, требования, время и также адрес, на который ему должны посылаться наши товары и письма. Постарайтесь устроить это дело, любезный друг, не я один, сам Privat (то есть Герцен.— *И. Л.*) просит вас о том же. А когда увидетесь с господином Вандерманом (Вороновым.— *И. Л.*), вы научите его, к кому обратиться в Тифлисе для того, чтобы прийти в сношения с главою константинопольской контрабанды» [2].

Несмотря на принятые меры предосторожности, Бакунин в своих письмах слишком откровенно писал о задачах установления связей между Лондоном — Петербургом — Закавказьем и о технике этих связей, возлагавшихся на Н. И. Воронова и М. Л. Налбандяна. Этим нарушался один из важнейших принципов всемерной конспирации связей лондонского центра с герценовскими связными и корреспондентами в России. Как обнаружится впоследствии, царской жандармерии удастся напасть на этот канал связи между Лондоном и Закавказьем.

Во время пребывания в Лондоне Николай Ильич сблизился с Герценом и Огаревым. Он понравился им своим широким и самобытным умом, критичностью взглядов, скромностью, деловитостью, энергичностью. Недаром в письмах Бакунин от имени Герцена и Огарева характеризовал Воронова как «положительно хорошего» человека, «нашего друга», «заслуживающего полного доверия», «полезного» для редакции «Колокола»

---

[1] См.: *Лемке Мих.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 80—81.

[2] Там же, с. 80—81.

«в европейском и азиатском отношении», за которого лондонский центр полностью отвечал. Это была высокая оценка.

Вот тогда-то, по убедительному свидетельству семьи Вороновых, в конце мая 1862 года, при последней встрече и прощании Александр Иванович Герцен и подарил возвращавшемуся в Россию Николаю Ильичу Воронову свои трость-шпагу и дорожный несессер. В воспоминаниях младшей дочери Воронова, Людмилы Николаевны Вороновой, удалось обнаружить следующую запись, сделанную ею со слов матери, Александры Константиновны Прогульбицкой-Вороновой:

«...При прощании А. И. Герцен подарил Николаю Ильичу трость-шпагу и несессер. Александра Константиновна свято хранила все его вещи — свидетельство его встреч с Герценом, Огаревым, Бакуниным, плодотворной, вопреки надеждам самодержавия, деятельности в (фактически) пожизненной кавказской ссылке».

В феврале 1971 года Светлана Васильевна Воронова и ее сын, Юрий Николаевич Воронов (младший),— внучка и правнук Николая Ильича Воронова — через автора этих строк передали трость-шпагу и дорожный несессер А. И. Герцена на вечное хранение в Государственный музей истории Ленинграда, где эти вещи ныне экспонируются.

...В последних числах мая 1862 года Воронов выехал из Лондона в Париж, затем из Парижа в Роттердам, а оттуда пароходом в Петербург. Связной Александра Герцена — Искандера, получивший специальное и ответственное задание по налаживанию связей лондонского центра и Петербурга с Закавказьем, возвращался на родину, в Россию, навсегда унося в своем сердце и памяти образ великого провозвестника российской революции Александра Ивановича Герцена. Впереди ждали неизвестность и важные революционные дела.

ВОРОНОВ, НАЛБАНДЯН, «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

...Длинным протяжным гудком пароход оповещал о своем прибытии в Кронштадт. Корабль медленно подходил к пирсу. За бортом шумела и пенилась зеленовато-серая балтийская вода. Июньские штормы на Балтике на лишние сутки задержали пароход в пути, поэтому ни начальство Кронштадтского порта, ни таможенные чиновники не знали точного срока прибытия рейсового парохода Роттердам — Петербург в Кронштадт.

Последнее обстоятельство было на руку одному из пассажиров парохода. Им был Николай Воронов. Он избежал в Кронштадте тщательного таможенного досмотра. Все обошлось как нельзя лучше. Через несколько часов уверенный в успехе дела Николай Ильич покинул палубу корабля и сошел на пристань, что находилась напротив 17-й линии Васильевского острова.

А ведь проверь таможенный служащий более тщательно дорожный сундучок, и все могло бы кончиться печально для Воронова. В сундучке красного дерева под верхней стенкой был вделан тайник. Воронов спрятал там очередные листы «Колокола» [1]. Часть экземпляров необходимо было оставить в Петербурге, а часть перебросить в Тифлис. Кроме того, под шелковой подкладкой своего сюртука из серого драпа, во вшитом потайном кармане, Воронов привез два письма от Герцена — Бакунина для передачи их М. Л. Налбандяну и Н. А. де Траверсе. Причем на первом конверте было написано: «На Васильевский остров, в Биржевом переулке. Спросить (Л. И.) Хафафова, для передачи М. Налбандову»; а на втором конверте: «Петербург, Гончарная улица, дом Прокоповича. Маркизу де Траверсе» [2].

Микаэл Лазаревич Налбандян являлся важным связующим звеном между лондонским и петербургским центрами «Земли и воли» и закавказскими революционными демократами. Это был высокоодаренный, энциклопедически образованный человек. Филолог, литератор, он хорошо разбирался в новейших проблемах истории, философии, политэкономии, медицины, биологии и ряда других наук. В 1854—1858 годы он был вольнослушателем медицинского факультета Московского университета. В октябре 1859 года поступил в Петербургский университет на восточный факультет. Здесь Налбандян учился одновременно с Д. И. Писаревым, Н. И. Утиным, Е. П. Михаэлисом, Л. Ф. Пантелеевым, И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Гогоберидзе, то есть с людьми, которые активно работали в «Земле и воле» или близко стояли к ней.

---

[1] Другой связной Герцена — П. А. Ветошников должен был провезти 1200 экземпляров листов «Колокола» из Лондона в Петербург в конце июня — начале июля 1862 года.— ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 125 об.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 51 об,; *Лемке Мих.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 81.

В формировании общественно-политических и философских взглядов М. Налбандяна огромную роль сыграли вожди русской революционной демократии А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. В апреле — мае 1859 года Налбандян устанавливает личную связь с Герценом и Огаревым в Лондоне, сотрудничает в «Колоколе». В январе — марте 1861 и в январе — апреле 1862 года Налбандян побывал в Лондоне, где находился в тесном контакте с Герценом, Огаревым, а затем и с Бакуниным. Микаэл Лазаревич помогал Огареву в составлении уже упоминавшегося революционного воззвания «Что нужно народу?», вел переговоры с Герценом и Бакуниным об установлении связей лондонского центра с Закавказьем, югом России, с Турцией (Константинополем), где имелась большая армянская община, среди которой действовала подпольная организация «Партия молодых» (создана М. Налбандяном и редактором армянского журнала «Мегу» А. Свачяном).

В то время М. Налбандян и «Партия молодых» во главе с А. Свачяном и С. Тагворяном готовили народное армянское восстание в Зейтуне — горной Киликии (турецкая Западная Армения) — против турецкого владычества. Герцен, Огарев и Бакунин были в курсе дел Налбандяна и его единомышленников[1]. Они чрезвычайно высоко оценивали роль Налбандяна в укреплении дружбы и тесных связей между русскими и армянскими революционерами. В июне 1862 года Огарев писал Н. А. Серно-Соловьевичу в Петербург о Микаэле Лазаревиче Налбандяне: «...золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости»; в том же письме Герцен добавлял: «Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его»[2].

Последний раз Налбандян виделся с Герценом, Огаревым и Бакуниным за две недели до приезда Николая Воронова. Стремясь познакомить Воронова и его друзей с Налбандяном и его соратниками, Герцен и Бакунин рассчитывали их объединенными усилиями создать надежный подпольный аппарат связи между Лондоном, Парижем, Константинополем, Петербургом,

[1] См.: *Даронян С.* Микаэл Налбандян и русские революционные демократы. М., 1967, с. 147—148, 161—162; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 262—267.

[2] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т., т. 27, кн. 1, с. 243.

Закавказьем. В этих целях руководители Лондонского центра собирались также опереться на силы, средства и связи грузинского и армянского студенческих землячеств в Петербурге.

Грузинское землячество в Петербурге оформилось осенью 1861 года. Это было время, когда революционная ситуация в стране резко обострилась и вслед за крестьянством в революционное движение начало втягиваться демократическое студенчество. Центром движения стал Петербургский университет, где в сентябре — октябре 1861 года вспыхнули волнения среди студентов. Университет был закрыт, а свыше 300 передовых студентов арестованы и заточены в казематы Петропавловской и Кронштадтской крепостей. У истоков грузинского землячества стоял 22-летний студент юридического факультета Петербургского университета Илья Чавчавадзе, уже тогда известный грузинский поэт и признанный руководитель студенческого революционного движения в Петербурге. Чавчавадзе испытал на себе благотворное влияние идей Н. Г. Чернышевского, лично был с ним знаком и пользовался его доверием. За участие в студенческих волнениях весной 1861 года его исключили с последнего курса университета, и он вернулся к себе на родину [1].

После его отъезда грузинское землячество возглавили студенты-старшекурсники Николай Гогоберидзе (историк) и Виссарион Гогоберидзе (математик), которые были связаны с редакцией журнала «Современник», с Чернышевским и играли видную роль в петербургском отделении «Земли и воли». Осенью 1861 года в землячество вошел 18-летний студент-первокурсник юридического факультета Нико Николадзе, ставший одним из его руководителей. Вскоре Николадзе близко познакомился с Чернышевским и стал его доверенным лицом среди студентов-грузин. В землячество входило 40—50 студентов. Грузинское землячество приняло активное участие в студенческих волнениях осенью 1861 года, свыше 30 студентов-грузин были заключены в Петропавловскую и Кронштадтскую крепости [2].

В Петербургском университете существовало и армянское землячество. В него входили М. Налбандян,

---

[1] См.: *Джибладзе Г.* Илья Чавчавадзе.— Литературная Грузия, 1977, № 7, с. 68—69.

[2] См.: *Николадзе Н.* Воспоминания о шестидесятых годах.— Каторга и ссылка, 1927, т. 4 (33), с. 32—34, 37—51.

студенты университета братья Н. и П. Шаншиевы (Шаншян), двоюродные братья Р. и К. Патканяны, М. Будагян, коммерсант Л. Хафафов и другие. Характерно, что Н. Шаншиев и Р. Патканян поддерживали контакты с членами редакции «Современника» Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым. Квартира Лазаря Хафафова — друга и земляка М. Налбандяна — в доме Меняева по Биржевому переулку (рядом с университетом), очевидно, была центром армянского землячества. Через Микаэла Налбандяна и Виссариона Гогоберидзе между армянским и грузинским землячествами была налажена тесная связь [1].

Духовным отцом грузинского и армянского землячеств Петербурга был Н. Г. Чернышевский. В революционно настроенных студентах грузинской и армянской национальностей он видел будущих пропагандистов революционно-демократических идей на Кавказе. Поэтому Николай Гаврилович не жалел своих сил и времени на встречи и беседы со студентами.

В первых числах июня 1862 года Микаэл Налбандян находился в столице, вел активную революционно-организаторскую работу. Жил он на квартире Л. И. Хафафова. Сюда, очевидно, и пришел к нему Воронов с посланием от Герцена и Бакунина. Возможно, нам никогда не удастся узнать, о чем конкретно вели переговоры герценовские связные, но можно не сомневаться в том, что речь шла об установлении связей между Лондоном, Петербургом и Закавказьем. В справке Третьего отделения «О кандидате С.-Петербургского университета Михаиле Налбандове», помеченной 1 ноября 1865 года, говорилось:

«...По возвращении Налбандова в Россию (в апреле 1862 года.— *И. Л.*) Бакунин прислал ему письмо и 10 экземпляров книги на армянском языке, названною поварскою; но книга эта, оказавшаяся по переводе изданною в Париже в 1862 году под заглавием «Земледелие как верный путь» [2], заключала в себе суждения

[1] См.: *Николадзе Н.* Воспоминания о шестидесятых годах.— Каторга и ссылка, 1927, т. 5 (34), с. 33—34; *Даронян С.* Микаэл Налбандян и русские революционные демократы, с. 135—139.

[2] Упомянутая книга — социально-политический трактат М. Л. Налбандяна, посвященный экономическому положению крестьянства после отмены крепостного права, защите его аграрных интересов, задачам революционной борьбы против самодержавия.

вовсе не о поварском искусстве, а о существующих правительствах и между прочим о России, в возмутительном духе. В бумагах Налбандова найдены два письма к нему Бакунина от 6 и 10 мая 1862 года, в которых между прочим упоминалось о находившемся в Лондоне коллежском асессоре Воронове, которому Бакунин просил дать средство устроить привоз на Кавказ лондонских изданий» [1].

Николай Ильич Воронов пробыл в Петербурге не менее недели. Он должен был также установить связь с другим герценовским агентом — маркизом Николаем Александровичем де Траверсе и передать ему письмо М. А. Бакунина. Очевидно, Воронову удалось встретиться и с де Траверсе. Личная квартира Николая де Траверсе, выпускника Александровского лицея, чиновника для особых поручений при Государственном контроле, находившаяся в доме Прокоповича по Гончарной улице, была одним из важных «почтовых ящиков» лондонского центра для связи с Петербургом. Через семью де Траверсе Герцен и Бакунин поддерживали связь с Сибирью, с начальником штаба русских войск в Восточной Сибири генерал-майором Б. К. Кукелем [2].

В первой половине июня 1862 года Воронов выехал из Петербурга в Москву, оттуда в Орел. Несколько позднее Налбандян направился в Новый Нахичеван. Герценовские связные начали прокладывать пути для установления связей с Закавказьем.

ПРОВАЛ

После майско-июньских пожаров 1862 года в Петербурге, в которых правительственный лагерь и купеческо-мещанские слои населения пытались обвинить революционную студенческую молодежь, реакция перешла в наступление. Царизм был напуган подъемом крестьянского и студенческого движения, деятельностью «Земли и воли», укреплением сил революционной демократии во главе с Чернышевским. Особое беспокойство у властей вызывали широкое распространение и рост влияния герценовских изданий внутри империи. Поэтому были усилены слеж-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, 1862 г., д. 230, ч. 76, л. 84, 84 об.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 60, л. 24—25; *Озеров Г. В.* Н. А. де Траверсе — корреспондент «Колокола» и распространитель лондонских изданий Герцена.— Сб. Проблемы изучения Герцена. М., 1963, с. 479—481.

ка и карательные меры по отношению к лицам, привозившим с собой из-за границы революционные издания. Как раз в те дни, когда Воронов возвращался из Лондона в Петербург, управляющий Третьим отделением генерал-майор Потапов потребовал от жандармского аппарата, обслуживавшего пограничные таможни: «Предлагаю в случае передачи Вам таможнею лиц, задержанных при возвращении из-за границы с запрещенными книгами и подозрительными бумагами, отправлять этих лиц немедленно под присмотром жандармов в Третье отделение... вместе с пакетами и тюками, которые будут Вам переданы из таможни» [1].

В первых числах июля 1862 года произошел провал петербургского революционного центра «Земли и воли». 2 июля из Лондона в Петербург на пароходе «Провиданс» прибыл герценовский связной, служащий столичной торговой конторы Павел Александрович Ветошников. При проверке документов он был арестован жандармами и со своим багажом сразу же доставлен в Третье отделение. При нем находились письма Герцена, Огарева, Бакунина, адресованные Николаю Серно-Соловьевичу — одному из руководителей «Земли и воли», Микаэлу Налбандяну, Николаю де Траверсе [2].

Арест П. А. Ветошникова был полной неожиданностью для руководителей «Земли и воли». Есть все основания считать, что Ветошников был выдан Третьему отделению Г. Перетцом. Сей господин, будучи преподавателем русской словесности в одной из петербургских гимназий и секретарем Общества грамотности, тайно сотрудничал с чиновником Третьего отделения А. К. Гедерштерном. По его заданию Перетц приехал в Лондон к открытию Всемирной выставки, что явилось не вызывающей подозрений маскировкой истинных целей посещения Лондона. С начала июня 1862 года он стал бывать в доме Герцена на Орсетт Террас, 1. То, чего удалось избежать Налбандяну и Воронову, не удалось избежать Ветошникову. В последний июньский воскресный день, когда дом на Орсетт Террас был полон посторонними людьми (а среди них находился и Перетц), Герцен допустил неосторожность при передаче писем Ветошникову. Очевидно, сразу же последовал провокаторский донос Перетца, и судьба герценовского связно-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 69, л. 3.
[2] Там же, ч. 60, л. 24 об., 25.

го была предрешена [1]. Ветошников оказался в Петропавловской крепости.

Царские власти перешли к открытым репрессиям. 7 июля 1862 года жандармерия арестовала Чернышевского и Серно-Соловьевича. 9 июля последовал приказ о розыске и аресте Налбандяна. 15 июля он был схвачен в Новом Нахичеване и доставлен в Петербург. 8 августа был арестован де Траверсе.

Правительство затеяло судебный процесс «Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». «Земля и воля» лишилась своих наиболее выдающихся руководителей, стойких и мужественных революционеров, и прежде всего Чернышевского. Удар по революционной организации был тяжелый. Царские власти запретили издание журнала «Современник» — ведущего легального революционно-демократического органа печати. Но деятельность «Земли и воли» не прекратилась. Ею руководили Герцен и Огарев с «Колоколом» в Лондоне и Благосветлов с «Русским словом» в Петербурге, хотя через некоторое время и этот журнал был закрыт. Оценивая общую ситуацию после июльско-августовских арестов, Герцен писал 21 августа 1862 года Е. В. Салиас:

«Страшно больно, что С[ерно]-С[оловьевича], Чер[нышевского] и других взяли — это — у нас незакрывающаяся рана на сердце,— но дело не останавливалось...» [2].

7 августа 1862 года последовало распоряжение Высочайшей следственной комиссии об аресте Николая Ильича Воронова, а на следующий день Третьим отделением был объявлен на него всероссийский розыск. Первые сведения о том, что Воронов посещал Лондон и является герценовским связным, Третье отделение получило в конце июля. После этого были приняты меры к выяснению местожительства и адресов Воронова. В материалах жандармерии хранится архивное дело за 1862 год под номером 230, часть 117, под заголовком «О чиновнике Николае Воронове». В деле имеется справка полицейского околоточного надзирателя Мофолова от 8 августа 1862 года:

---

[1] См.: *Розенблюм Н. Г.* Г. Г. Перетц — агент III отделения.— Сб. Литературное наследство. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959, т. 67, с. 685—687.

[2] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т., т. 27, кн. 1, с. 251.

«Воронов Николай Ильич, коллежский асессор, старший учитель русской словесности в Кубанской войсковой гимназии. Жил (в Петербурге), (в) Московской части I квартала в доме под номером 3 по Стремянной улице и 10 января 1862 года выбыл за город. Дознано, адрес загородный: «Его высокоблагородию Ивану Федоровичу Рашевскому, в городе Орел, на Болховской улице, в доме Соколова; прошу передать Николаю Ильичу Воронову». Также дознано, что Воронов приезжал в Петербург в конце марта или в начале апреля и жил без прописки» [1].

В этой справке две неточности. Во-первых, сообщается, что Воронов выехал из Петербурга в Москву 10 января. Но мы уже знаем, что в конце этого дня Николай Ильич по приглашению Благосветлова был на вечере по случаю открытия шахматного клуба. Для нас такая «неточность» интересна вот чем: документально подтверждается, что вплоть до 10 января 1862 года Воронов был в Петербурге. Затем, по всей видимости в целях конспирации, либо он, либо его друзья отметили в домовой книге, что он выехал из столицы 10-го числа. Во-вторых, в марте — апреле того же года Воронов никак не мог быть в Петербурге, ибо в конце февраля выехал за границу. В следственных материалах имеется фраза: «...с марта месяца 1862 года за границей» [2]. Отсюда видно, что каждый жандармский или полицейский документ требует тщательной проверки и анализа.

Воронов был арестован жандармерией в Тифлисе 24 сентября 1862 года. А ведь с момента прибытия из Лондона в Россию прошло почти четыре месяца. Чем же было заполнено это время у герценовского связного?

СВЯЗНОЙ ВЫПОЛНЯЕТ ЗАДАНИЕ

С июня и по конец сентября Николай Ильич побывал в Петербурге, Москве, Орле, Валках и Ивановке, Харькове, Екатеринодаре, Ставрополе и Тифлисе. За четыре месяца — в восьми городах и деревеньке. Это только то, что удалось установить. В Орле у Ивана Федоровича Рашевского Воронов прожил июнь и часть июля. Он передал Рашевскому несколько экземпляров «Колокола» и, очевидно, вел с ним переговоры о путях переброски «Колокола» из Петербурга через Москву — Орел — Харь-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 1, 2.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46 об.

ков на Кавказ. В Орле Николай Ильич узнал об аресте Чернышевского, Налбандяна и Серно-Соловьевича. И тогда, понимая, что жандармы пойдут и по его следам, Воронов принял меры к скорейшему выполнению задания Герцена. Он срочно выехал из Орла в Валки и Ивановку, никого об этом не оповестив. Прожил там неделю-две. Затем двинулся в Харьков, через Ростов-на-Дону в Екатеринодар и Ставрополь, а оттуда в Тифлис[1]. Меняя города, нигде не прописываясь, Воронов сумел сбить со следа агентов жандармерии.

Можно предположить, что Воронову удалось выполнить герценовское задание, связаться с кавказскими революционерами-демократами. Вспомним слова из письма Бакунина Налбандяну от 10 мая 1862 года: «Он (Воронов.— *И. Л.*) переговорит с вами о новом средстве доставления наших товаров в Кавказский край... Смело рекомендуйте ему ваших торговых друзей в Тифлисе и в других местах. Наш дом вам за него отвечает...».

Надо сказать, что исследователи как-то не обращали внимания на глубокий смысл этих слов. Разумеется, Герцен, Бакунин, Налбандян и, очевидно, Воронов знали о существовании и деятельности «в Тифлисе и в других местах» Кавказского края ячеек или групп «Земли и воли». Действительно, летом и осенью 1862 года в Тифлисе и Кутаисе жили и работали Илья Чавчавадзе, Виссарион и Николай Гогоберидзе, Нико Николадзе (он выехал на родину вскоре после ареста Чернышевского) и другие участники студенческих волнений, члены петербургской организации «Земли и воли». Можно говорить о наличии подобных групп в Ставрополе-Кавказском и Екатеринодаре и, очевидно, в Ростове-на-Дону и Нахичевани, где жил М. Л. Налбандян. Конечно, эта интересная проблема требует дальнейшей разработки, поиска новых фактических данных.

Весной — летом 1862 года Герцен и Огарев настойчиво рекомендовали руководящему центру «Земли и воли» в Петербурге установить широкие связи с периферией для координации действий в подготовке крестьянской революции. В конце июня Огарев рекомендовал Н. А. Серно-Соловьевичу: «уясняйте цели — провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых всего менее понятна коренная цель — земской

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46 об., 49.

земли». (Под понятием «коренная цель — земской земли» Огарев имел в виду созыв общенародного Земского собора для решения проблем «земли и воли».) Огарев подчеркивал, что реальное сближение демократической интеллигенции с революционной молодежью и народом должно произойти не «на Невской набережной и на Марсовом поле», «оно возможно только при реках черноморско-каспийских»[1]. После закрытия «Современника», предвидя, что реакция расправится с Чернышевским, Герцен и Огарев предлагали издавать журнал в Лондоне или Женеве, куда должен был бы выехать Николай Гаврилович. К осени 1862 года они планировали создать единый руководящий центр «Земли и воли» и встать во главе всего движения[2].

Для реализации этих планов «Земле и воле» необходима была широкая сеть разъездных агентов. В первой половине 1862 года эти обязанности выполняли: Н. А. Серно-Соловьевич, он поддерживал связь с Лондоном, Петербургом, Москвой, Тверью, Ярославлем, Псковом, Рыбинском; М. Л. Налбандян — с Лондоном, Парижем, Римом, Константинополем, Трапезундом, Петербургом, Москвой, Ростовом-на-Дону, Нахичеванью, Тифлисом; В. И. Кельсиев — с Лондоном, Петербургом, Москвой, Новгородом, Поволжьем, Уралом, Сибирью, Кавказом; П. А. Ветошников — с Лондоном, Петербургом, Воронежом, Нижним Новгородом, Москвой; Н. И. Воронов — с Лондоном, Парижем, Петербургом, Москвой, Орлом, Харьковом, Екатеринодаром, Ставрополем, Тифлисом; Н. А. де Траверсе — с Лондоном, Петербургом, Иркутском, Красноярском, Томском; П. П. Лялин — с Харьковом, Киевом, Сибирью; О. М. Белозерский — с Поволжьем и т. п. Уже из этого неполного перечня видно, какие широкие связи существовали у петербургского и лондонского центров «Земли и воли» с российской периферией[3]. Руководство общерусской революционной организацией планировало поднять народные массы на антицаристское восстание в начале

---

[1] *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1954, т. 2, с. 463; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 122 об.

[2] См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978, с. 279—280.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53; ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 76, ч. 69, ч. 55, ч. 60, ч. 117; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б.

осени 1862 года, в дни празднования «тысячелетия» России. Тогда этого сделать не удалось, и решающий штурм самодержавия был перенесен на весну — лето 1863 года [1].

Теперь нам становится более ясным планомерный характер поездки Н. И. Воронова из Петербурга на Кавказ. Летне-осенние месяцы — это время народных ярмарок и базаров, массового скопления крестьянства в городах. Этот момент также учитывался в планах и действиях руководства «Земли и воли» [2]. Поэтому, хотя мы пока не располагаем фактическими данными, нельзя отрицать и того предположения, что Николай Ильич мог не только распространять герценовские издания, но и проводить антимонархическую пропаганду среди крестьян.

Почти два месяца жандармерия разыскивала Воронова. Как это происходило, можно проследить по документам жандармского дела «О чиновнике Николае Воронове» [3].

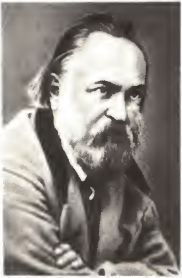
Исполняющий должность наместника кавказского генерал-адъютант князь Г. Орбелиани — главному начальнику Третьего отделения, из Тифлиса в Петербург, 21 сентября 1862 года:

«...Имею честь уведомить Вас... что Воронов в апреле сего года был в Париже, откуда прислал на имя тифлисского гражданского губернатора просьбу о предоставлении ему должности учителя словесности в Тифлисской гимназии или в Закавказском девичьем институте...»

Управляющий Третьим отделением генерал-майор Потапов — начальнику Орловской губернии, 3 октября 1862 года:

«...Письма для передачи ему (Воронову) адресуются в Орле на имя старшего учителя тамошней гимназии Ивана Рашевского. Считаю по сему долгом покорнейше просить Ваше превосходительство о приказании узнать от госп(одина) Рашевского о месте пребывания коллежского асессора Воронова, и если он находится во вверенной Вам губернии, то, сделав у него внезапный

[1] См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века, с. 279—281.
[2] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 120—124 об.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 4, 6, 6 об., 10.

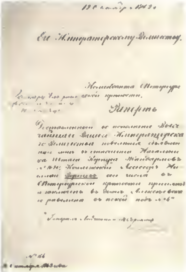
Александр Иванович Герцен.

Микаэл Лазаревич Налбандян.

Николай Ильич Воронов.

Его Императорскому Величеству.

Рапорт

Рапорт коменданта Петропавловской крепости царю о заточении Н. И. Воронова в Алексеевский равелин.

Александра Константиновна Воронова — хозяйка «Ясочки».

Александр Семенович Трачевский — друг Н. И. Воронова.

Юрий Николаевич Воронов — студент Петербургского университета.

Вера Николаевна и Людмила Николаевна Вороновы.

Петр Францевич Лесгафт.

Студенты петербургских высших учебных заведений, арестованные за участие в революционных выступлениях в январе — марте 1902 года.

Большевистская группа Курсов П. Ф. Лесгафта (слева направо): сидят — В. В. Заорская с племянником одной из курсисток, Л. Н. Воронова, Ю. А. Борисова; стоят — А. И. Мейбаум, Л. А. Качаунова, М. А. Борисова, К. А. Александер. 1905 год.

Клавдия Александровна Александер и Вера Вячеславовна Заорская.

Владимир Ильич Ленин.

Елена Дмитриевна Стасова.

Шалва Зурабович Элиава.

Михаил (Миха) Григорьевич Цхакая.

Степан Георгиевич Шаумян.

Иван (Мамия) Дмитриевич Орахелашвили.

Александр Александрович Вермишев.

Михаил Иванович Васильев-Южин.

Владимир Александрович Старосельский.

Дворец князя Ольденбургского в Кутаисе, в котором находилась резиденция «красного губернатора» В. А. Старосельского.

Борис Николаевич Захаров.

Владимир Константинович Ладария.

Гумистинский революционный комитет (сидит второй справа Т. Р. Мясоедов).

обыск и опечатав все бумаги, арестовать его и отправить вместе с бумагами в Третье отделение».

Последний запрос в Орел управляющего Третьим отделением был сделан на десятый день после ареста Воронова в Тифлисе, когда жандармы везли герценовского связного в Петербург.

Во второй половине августа 1862 года Воронов приехал в Тифлис, имея в виду две цели: связаться с закавказскими революционерами-демократами и официально устроиться на работу в одну из тифлисских гимназий. С этой целью он дважды — в апреле из Парижа и в июне из Орла — направлял прошения с просьбой зачислить его на преподавательскую службу. Устройство на работу в Тифлисе должно было служить легальным прикрытием его деятельности по организации транспортировки герценовских изданий на Кавказ. Заметим, что своевременно посланные прошения из Парижа и Орла впоследствии, во время ареста и следствия, помогли Воронову подтвердить выдвинутую им версию, что поездка в Закавказье в августе — сентябре 1862 года была вызвана стремлением устроиться на службу в Тифлисе.

Здесь Воронов прожил месяц. Начал заводить нужные знакомства, связи, готовился к поступлению на службу. В Тифлисе надо было закрепиться для успешного выполнения герценовского задания.

В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ

Однако 24 сентября последовал обыск и арест Воронова. Жандармы перерошили бумаги, просмотрели все книги, письма, личные вещи. В жандармском перечне (помеченном датой 5 ноября 1862 года) указывалось, что среди «замечательных бумаг» у Николая Воронова были отобраны: конверт с его документами, письма Трачевского, переписка с невестой Флорой Гаврино, путевые заметки, фотографии. Ничего особо «преступного» жандармам обнаружить не удалось. Сказались принятые заранее меры предосторожности.

25 сентября 1862 года под охраной двух жандармов Воронов был отправлен из Тифлиса в Петербург. 11 октября 1862 года за Николаем Ильичом захлопнулась тяжелая дверь в тюремной камере-покое под номером четыре Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Он был тридцать вторым, и последним, арестантом по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами».

В октябре 1862 года в Алексеевском равелине находились 15 строго засекреченных «государственных преступников» — руководителей и наиболее активных членов «Земли и воли». Среди них: Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, П. А. Ветошников, М. Л. Налбандян, А. И. Нечипоренко, Н. А. де Траверсе.

Две недели члены и следователи Высочайшей следственной комиссии не вызывали Николая Ильича Воронова. Устроители судебного процесса считали, что двухнедельного срока «вживания» арестанта в мертвящую обстановку Алексеевского равелина вполне достаточно для его внутреннего надлома, а затем полного раскрытия для дачи нужных им показаний. Но этого не произошло. Наоборот, тщательно проанализировав свои действия за границей и по возвращении в Россию, Воронов сумел наметить такую линию своего поведения в ходе предварительного следствия, которая вела бы к его полному алиби. В этом ему помогало то, что в ходе непосредственного выполнения задания Герцена — Бакунина ему удалось не оставить почти никаких следов и компрометирующих материалов. Поэтому он решил занять позицию любознательно-нейтрального, стороннего отношения к Герцену, его друзьям, их революционному делу, полностью отрицать свое знакомство с Налбандяном и де Траверсе. Линия полупризнания лишь в деталях, а не в существе дела позволяла уйти в сторону от следственных вопросов обвинения, скрыть подлинную правду, реабилитировать себя, ослабить удар по своим сотоварищам в революционной работе. Эта линия принесла Воронову успех.

УЗНИК ЗАПУТЫВАЕТ СЛЕДСТВИЕ

25 октября 1862 года Высочайшая следственная комиссия задала Николаю Ильичу первые четыре вопроса по его делу. Комиссию интересовали его биографические данные, родственные связи, служебное и финансовое положение; знакомства в Петербурге, Москве, за границей; цели поездок в Париж — Лондон, а по возвращении в Россию — в Орел — Харьков — Тифлис. Одновременно было сформулировано и обвинение против Воронова. Вот его текст: «По имеющимся в Комиссии сведениям, вы обвиняетесь в злоумышленных против правительства сношениях с находящимися в Лондоне русскими изгнанниками Герценом и Огаревым и с их товарищами Бакуниным и

другими; равно в содействии им к достижению преступных их целей».

Одно это обвинение грозило Воронову крепостным заключением или сибирской каторгой.

Наиболее тяжелым был для Николая Ильича четвертый вопрос, который формулировался следующим образом: «Объясните: с кем из них (то есть с Герценом, Огаревым, Бакуниным.— *И. Л.*) и с которого времени вы находились в сношениях; в чем заключались эти сношения; какие вследствие сего были ваши действия в России и кто участвовал с вами в этом деле (то есть в деле установления связей между Лондоном — Петербургом и Закавказьем.— *И. Л.*)?»[1] Этот вопрос потребовал огромного мыслительного и нервного напряжения от арестанта.

Начались беспрерывные изнуряющие допросы, очные ставки. Воронов держался спокойно, уверенно, не давая следователям сбивать себя с толку. Он не отрицал своего знакомства с Герценом, Огаревым и Бакуниным, бесед и споров с ними. Наряду с этим подчеркивал чисто случайный, объясняемый любознательностью интерес к этим встречам. Воронов категорически отрицал всякую возможность сотрудничества с «лондонскими изгнанниками». Показания Николая Ильича фактически совпадали с показаниями М. Л. Налбандяна и Н. А. де Траверсе. Все трое заявляли о том, что они друг друга не знали и никогда не встречались[2]. Все это облегчало вину Воронова в глазах царских следователей.

Единая линия в поведении и показаниях в ходе следствия трех герценовских связных — Воронова, Налбандяна и де Траверсе позволяет предположить, что между ними была предварительная договоренность, какой тактики придерживаться на допросах в случае их провала и ареста.

Почти полтора месяца следственная комиссия и жандармы проверяли «точность» ответов Николая Ильича Воронова. Вот что удивляло и бесило следователей: арестант вроде бы отвечал на их вопросы «чистосердечно и откровенно», по существу же уходил от прямых ответов. Тем самым он утаивал подлинный смысл

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46, 46 об., 48—49, 50—51.

[2] Там же, л. 51 об., 26, 26 об., 28, 31—33.

революционного задания, порученного ему Герценом и Огаревым, прикрывал герценовских связных.

4, 5 и 8 декабря 1862 года последовала новая серия допросов. Следствие хотело выяснить характер задания, полученного Вороновым в Лондоне, характер его взаимоотношений с Налбандяном и де Траверсе. Прошло два месяца с момента ареста Николая Ильича, а следствию ничего принципиально нового так и не удалось узнать. Поэтому вопросы следовали за вопросами. Вот некоторые из них:

«...Комиссия требует от вас чистосердечного объяснения: в чем заключалось участие ваше в деятельности Бакунина и товарищей его (Герцена, Огарева) по провозу в Россию издающихся в Лондоне сочинений?

...Вы имели соглашение с Бакуниным по предмету распространения преступной его пропаганды, Комиссия требует, чтобы вы объяснили в подробности планы, сообщенные вам Бакуниным, и все то, что вы сделали и намеревались сделать к исполнению их; равно для какой цели Бакунин дал Вам в письме вымышленное имя и фамилию; когда именно и куда привозили горцы лондонские издания... каким именно интересам Бакунина и товарищей его (Герцена, Огарева) вы служили?»

И вновь в камере Алексеевского равелина Николай Воронов тщательно продумывал и затем писал на листах плотной бумаги свои отрицательные или уклончивые ответы. Почти полностью отрицая свою вину, Воронов вынужден был на сей раз признать, что он попал под влияние Герцена и Бакунина. Но и только... В частности, он не скрывал: «Первая, случайная встреча с ним (Бакуниным) расположила меня в его пользу. Его колоссальная фигура, его старческий, но полный еще юношеского одушевления вид невольно родили во мне симпатию к его суждениям... Без сомнения, я поддался его влиянию и тут же уступил ему, чуть только стал он убеждать меня — познакомиться с Герценом» [1].

К узникам Алексеевского равелина следственная комиссия и тюремщики относились фактически как к уголовным преступникам. Однако мужественные борцы не были сломлены ни изнуряющими допросами царских следователей, ни издевательствами тюремщиков, ни Алексеевским равелином. Пример гражданской стойко-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 530, 530 об., 533, 533 об., 534.

сти и верности революционным идеалам подавал прежде всего Н. Г. Чернышевский. Широко известен факт написания им в равелине бессмертного романа «Что делать?», оказавшего огромное влияние на последующие поколения российских революционеров. Одновременно он занимался переводом на русский язык труда английского историка Томаса Б. Маколея «История Англии», многотомной «Всемирной истории» немецкого историка Ф.-К. Шлоссера, продолжая работать над формированием известной «Исторической библиотеки». Когда в декабре 1862 — январе 1863 года ему были запрещены свидания с женой, Ольгой Сократовной, он объявил голодовку. Очевидно, это была первая политическая голодовка революционера-демократа в истории царской тюрьмы. Перетрусившие власти разрешили свидания не только Чернышевскому, но и Налбандяну, Воронову и Ветошникову [1].

Кроме того, некоторое облегчение режима для арестантов было произведено по указанию петербургского военного генерал-губернатора графа А. А. Суворова — внука великого русского полководца А. В. Суворова. Генерал-губернатор был поражен стойкостью революционеров во главе с Чернышевским. Он предоставил Н. Г. Чернышевскому право пользоваться чернилами и бумагой, дал разрешение на написание романа «Что делать?». По его распоряжению Н. А. Серно-Соловьевич, М. Л. Налбандян, Н. И. Воронов также получили право на литературные занятия в равелине [2].

ИЗ КРЕПОСТИ В ССЫЛКУ

...Прошло ровно шесть месяцев с тех пор, как Николай Ильич Воронов был заключен в Алексеевский равелин. Высочайшей следственной комиссии не удалось добиться от него признания вины, а особо инкриминирующие материалы (кроме двух писем Бакунина Налбандяну от 6 и 10 мая 1862 года) по его судебному делу так и не были добыты. По всей видимости, ему удалось убедить следственную комиссию в своей невиновности, запутать и сбить со следа следствие.

На последних допросах Воронов неизменно и упорно показывал только одно: «Ни маркиза де Траверсе,

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 5, 1862 г., д. 104, л. 150, 151, 157, 166, 193, 209.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 76, л. 38—39, 40; д. 230, ч. 60, л. 20—23; ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 5, 1862 г., д. 104, л. 140, 151, 153, 157, 193 и др.

ни Налбандова я не видел и вовсе их не знал. Кроме означенных разговоров более никаких сношений с (лондонскими.— *И. Л.*) пропагандистами у меня не было и никакого участия в делах их я не принимал» [1].

На решение царских властей по поводу Н. И. Воронова повлияли и два следующих немаловажных фактора. Первое: ни Микаэл Налбандян, ни Николай де Траверсе не признались следствию в знакомстве с ним, а, наоборот, единодушно отрицали саму возможность подобного знакомства и этим оказали неоценимую помощь Николаю Ильичу. Второе: начавшееся в январе — феврале 1863 года восстание польских патриотов в польских губерниях России, резкий рост антицаристских настроений среди прогрессивной общественности внутри страны и в Западной Европе заставили самодержавное правительство сделать несколько либеральных жестов. В частности, по делу о «лондонских пропагандистах» были освобождены Николай Воронов и Олимпий Белозерский. Они были выпущены на поруки, и с них была взята подписка о том, что они никуда не будут отлучаться из столицы без разрешения правительства.

12 марта 1863 года Николай Воронов вышел из камеры. Позади остались шесть ужасных месяцев пребывания в Алексеевском равелине.

Пройдет еще шесть месяцев. 1 сентября 1863 года А. И. Герцен напишет М. А. Бакунину гневные, но справедливые строки:

«Болтовней ты погубил не одного Налбандова, а, напр(имер), и Воронова; твоя ненужная отметка о нем в письме к Налбанд(ову) свела его сначала в крепость из Кавказа — а потом в ссылку» [2].

Через месяц вслед за Герценом Огарев вновь с возмущением выговаривал Бакунину: «Твое хвастовство об общ(естве) З(емля) и в(оля) не принесло ему пользы... Пора сознать, что мы живем для дела, а не дело для нас. В последнем случае мы бы только производили игру в революцию... Я умоляю тебя, Бакунин. Мы много уже наделали ошибок и зла, ты во главе их» [3].

Руководители российской революционной демократии Герцен и Огарев из далекого Лондона следили за

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 336, 336 об.
[2] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т., т. 27, кн. 1, с. 371.
[3] *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения, т. 2, с. 490—491.

судьбой своих связных и корреспондентов Николая Воронова и Микаэла Налбандяна.

Первый — Воронов — в начале лета 1863 года выехал по приговору Правительствующего сената в Закавказье, куда он ссылался под строжайший гласный надзор полиции. Выехал без средств к существованию, без служебного аттестата, не зная, примут ли его на службу. Второй — Налбандян — до середины мая 1865 года пребывал в Алексеевском равелине, где заболел туберкулезом, а затем был выслан в приволжский городок Камышин Саратовской губернии и там умер в апреле 1866 года.

ВЕРНОСТЬ ИДЕАЛАМ

...Запряженная парой коней почтовая карета быстро катилась по Ставропольской дороге. Какой уже день она передвигалась все дальше и дальше на юг. На заднем сиденье кареты дремал Николай Ильич Воронов. Он направлялся в Тифлис. Неожиданно ямщик зычно крикнул: «Глянь, господин хороший, виден Эльбрус! Ох и высоченная гора!»

Воронов очнулся, осмотрелся. Вдали в лучах утреннего солнца виднелась заснеженная вершина Эльбруса. Величественная гора как бы олицетворяла собой силу и мощь свободолюбивого и гордого Кавказа, красоту его природы. Почтовая карета вздрагивала и громыхала на каменистой дороге. Николай Воронов ехал в свою «пожизненную, двадцатипятилетнюю кавказскую ссылку». Эти слова о «пожизненной ссылке» напишет через 60 лет его жена и верный друг Александра Константиновна Прогульбицкая-Воронова.

ПОИСКИ РАБОТЫ

В июле 1863 года Воронов приехал в Тифлис. Как сосланный «государственный преступник» он встал «на учет» в жандармском управлении наместничества. Вскоре из Петербурга ему переслали конфискованные год назад при аресте 90 рублей 50 копеек серебром. На какое-то время эти деньги помогли в его затрудненном положении. Затем пришлось искать любую работу и, прежде всего, частные уроки. Многие знакомые и доброжелатели отвернулись от недавнего узника Алексеевского равелина. На протяжении трех лет (1863—1865 годы) жизнь Николая Ильича протекала

в непрерывных заботах о хлебе насущном. Однако духом он не падал и никогда не терял интереса к труду, к книге.

10 декабря 1864 года судебное следствие по делу Воронова было официально прекращено. В начале 1865 года он подал заявление в главное управление Кавказского наместничества о возвращении ему служебного аттестата из Третьего отделения. Без аттестата он не мог работать ни в одном учебном заведении. На решение судьбы Николая Ильича, на возвращение его аттестата карательно-бюрократическим ведомствам понадобился ровно год. Никому из царских чиновников не было дела до волнений тридцатитрехлетнего учителя Воронова, не имеющего постоянной работы.

Только 15 декабря 1865 года шеф корпуса жандармов князь В. А. Долгоруков сообщил в Кавказское наместничество, что в выдаче Воронову «сего аттестата препятствия по (судебному) делу, о нем производившемуся, не встречается» [1].

Наконец аттестат был получен. Теперь у Воронова появилась надежда устроиться учителем в одну из тифлисских гимназий. В феврале 1866 года его пригласили работать преподавателем русского языка в Тифлисское женское училище. Оно было открыто год назад и очень нуждалось в опытных учительских кадрах. Здесь Воронов проработал два года. Его уроки проходили с блеском: истосковавшийся по настоящей работе, Николай Ильич всю душу, весь талант педагога и воспитателя отдавал своим ученицам.

В училище он познакомился и сблизился с Митрофаном Андреевичем Селитренниковым и Леонардом Петровичем Загурским. Селитренников был молодым ищущим человеком. Загурский — постарше, поляк по национальности, участник польского освободительного движения, высланный на Кавказ и оказывавший прогрессивное влияние на юных грузинских гимназистов и гимназисток [2]. Долгие годы Воронова, Загурского и Селитренникова объединяла крепкая дружба.

В условиях наступления монархической реакции учительский труд не мог полностью удовлетворить Николая Ильича. Он стал его даже тяготить из-за недове-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 21.

[2] См.: *Николадзе Н.* Воспоминания о шестидесятых годах.— Каторга и ссылка, 1927, т. 4 (33), с. 33.

рия к нему училищного начальства, бюрократизма и бездушия, из-за бесконечных проверок и ограничений (не дай бог, как бы бывший преступник не стал проповедовать крамолу на уроках!). Поиски возможных для него в эту мрачную пору занятий привели Воронова к издавна привлекавшим его журналистике, публицистике, а также к науке: этнографии, статистике, географии, археологии. Он стал одним из крупных исследователей Кавказа.

КРИТИКА КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА НА КАВКАЗЕ

Кавказ интересовал Н. И. Воронова и раньше. Еще в сентябрьско-октябрьской книжке московского журнала «Русский вестник» за 1860 год в разделе «Современная летопись» появилась статья «Из Тифлиса». Она была помечена датой 15 июля 1860 года, под нею подпись: «-й-в». Под этим псевдонимом выступал Николай Воронов (этим псевдонимом подписывал он и свои очерки в журнале «Русское слово»).

Статья носит краткий информационный характер. Автор стремится «глазом очень и очень зоркого наблюдателя» взглянуть на тифлисское общество, чтобы «составить верную его физиологию». Воронова поражает калейдоскопическая смесь одежд и лиц, племен и наречий, резко выраженные социальные контрасты — богатство и бедность. Тифлис — одновременно и «европейский» и «азиатский» город. Причину резкой социально-экономической поляризации тифлисского населения, проявлявшейся и во внешнем виде центральных дворянско-купеческих и окраинных бедняцко-нищенских кварталов Тифлиса, автор видел в политике самодержавного правительства, местной бюрократии. В скрытой форме Николай Ильич критикует центральные и местные власти за реакционный курс в области общественной и культурной жизни города. Правда, в этой заметке автор еще не поднимался до широких обобщений.

Есть все основания предположить, что одну из наиболее серьезных статей, посвященных грузинским и общекавказским проблемам, Н. И. Воронов написал для «Колокола», когда находился в Англии. В сентябрьские дни 1862 года в Лондоне вышел в свет 145-й лист герценовского «Колокола». В нем была помещена статья анонимного автора «Из Грузии». По свидетельству А. К. Прогульбицкой-Вороновой, автором статьи мог

быть Н. И. Воронов[1]. Круг вопросов, выдвигаемых в статье,— это те общие проблемы, которые обсуждал в Лондоне Воронов с Герценом, Огаревым, Бакуниным. Прекрасное знание фактического материала из истории Грузии, событий из жизни Кавказского наместничества, своеобразный стиль конструирования текста, сходство с другими публицистическими статьями Воронова (например, очерк «Долина Риона (Из путевых воспоминаний)».— Журнал «Эпоха», 1864, № 11) делают довольно убедительным предположение о его авторстве.

В этой статье проблема взаимоотношений России и Грузии анализировалась с революционно-демократических позиций. Автор указывал на закономерность добровольного присоединения Грузии к России, ибо, «будучи прикрыта совершенно Турциею от Европы, она (Грузия) не имела другого исхода и другой надежды к скорому спасению, как просить помощи у русских. Мо-

---

[1] ЛАВ. Записи Л. Н. Вороновой в 20—30-е годы. Исследователи С. К. Даронян и Г. Д. Джавахишвили считают, что автором статьи «Из Грузии» мог быть грузинский демократ Нико Николадзе, тогда студент Петербургского университета. В подтверждение своего вывода С. Даронян не приводит никаких доказательств (см.: *Даронян С.* Микаэл Налбандян и русские революционные демократы, с. 166). Г. Джавахишвили считает, что статья «Из Грузии» содержит ряд «текстуальных совпадений» с другой статьей Николадзе — «Июньские дни в Тифлисе» в 204-м номере «Колокола» за 1865 год (см.: Нико Николадзе и русская журналистика. Тбилиси, 1978, с. 28—29.) По нашему мнению, ряд деталей не подтверждает авторство Николадзе. Анализ текста статьи «Из Грузии» показывает, что она написана русским по национальности. В статье имеются слова: «Но истым русским патриотам, желающим, чтобы Россия приостановилась до времени дальнейшим распространением своих границ, никогда, разумеется, не приходило в голову добровольно отказываться от закавказских провинций, которые сами еще ничего не заявляли об этом» — так в то время не мог написать ни грузинский, ни армянский демократ. Кроме того, если бы автором этой статьи был Н. Николадзе, вряд ли он обошел бы молчанием данный факт в своих мемуарах, посвященных событиям 1861—1862 годов (см.: Каторга и ссылка, 1927, № 4(33), 5(34). Да и Г. Джавахишвили со ссылкой на дневник воспоминаний Н. Николадзе, который вела его дочь Р. Н. Николадзе-Полиевктова, признает, что А. И. Герцена впервые заинтересовали статьи Н. Николадзе о наделении польских крестьян землей, напечатанные в июле 1864 года в газете «Народное богатство», после чего состоялось их личное знакомство. Во время наших неоднократных встреч с Р. Н. Николадзе-Полиевктовой в Тбилиси (декабрь 1972 года) она не подтвердила, что ее отец является автором статьи «Из Грузии».

гущественная Россия скоро избавила Грузию от всех внешних ее врагов»[1].

Воронов рассматривал в ретроспективном плане историю России и Грузии, их экономические, политические и культурные связи, единую судьбу их народов, жаждущих свободы и скорейшего избавления от «дурного управления». Автор подводил читателя к мысли о необходимости совместной борьбы русского и грузинского народов против царского самодержавия, остро критиковал колониальную политику правительственных властей в отношении грузинского и других кавказских народов, жестокие меры подавления их свободомыслия и стремления к независимости.

«Действительно, нет в настоящее время на Кавказе порядочного человека, имевшего дело с полицией или гражданским начальством, который не поносил бы это начальство и вообще дух гражданского русского управления... Каждый задает себе вопрос, что неужели Россия для того только и пролила столько крови своих сынов на Кавказе, чтобы передать затем эту страну хищничеству своих чиновников»[2].

Негодование автора вызывает запрещение вести преподавание на грузинском языке в местных гимназиях и духовной семинарии. Едко высмеивает автор неслыханное обогащение гражданских и военных администраторов, чиновничьей бюрократии за счет ограбления и нещадной эксплуатации ремесленников и крестьянства Грузии. Автор бичует карьеризм, взяточничество, махровый шовинизм русских и грузинских сановников. Обращаясь к читателю, Воронов пишет в саркастической форме: «Берите побольше взяток и уделяйте часть из оных своим начальникам, и тогда наверное наследуете высокие в иерархии вожделенные места; льстите сильным и влиятельным лицам, старайтесь способствовать всеми мерами их порокам, если вы желаете сделаться порядочными людьми»[3].

Статья «Из Грузии» представляла собой одну из первых попыток дать в «Колоколе» характеристику колониальной политики царизма в Закавказье с позиций революционного демократизма. Статья была одобрена Герценом и Огаревым. Об этом свидетельствовала приписка к ней: «Редакция «Колокола» благодарит от всей

[1] Колокол. М., 1964, вып. 5, с. 1199.
[2] Там же, с. 1200.
[3] Там же.

души корреспондента, приславшего эту прекрасную статью».

В семействе Вороновых сохранились сведения, почерпнутые из устных рассказов Александры Константиновны Прогульбицкой-Вороновой, о том, что Николай Ильич сотрудничал в «Колоколе» и в последующие годы, то есть после выхода из заключения в Петропавловской крепости.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ «ЭПОХА»

В сентябре — декабре 1864 года Николай Ильич Воронов поместил в журнале «Эпоха» три очерка и рассказ. Еще никогда Воронов не публиковался с такой интенсивностью в ведущих столичных журналах. Журнал «Эпоха» выпускался Ф. М. Достоевским и его братом М. М. Достоевским. Он носил в целом демократический характер, но не имел четко выраженной политической платформы. За идейный эклектизм журнал подвергался резкой критике со стороны некрасовского «Современника» и благосветловского «Русского слова» [1].

Писать свои статьи и очерк Воронов начал еще в Алексеевском равелине. Читателя, конечно, не может не заинтересовать вопрос: остался ли верен Николай Ильич своим свободолюбивым и демократическим идеалам через год после освобождения? Чтобы ответить на этот вопрос, следует выявить идейную направленность и практическую значимость публикаций Воронова, рассмотрев их в едином комплексе.

В сентябрьской книжке журнала «Эпоха» за 1864 год появились два произведения Н. И. Воронова: «Материал для размышлений. Из рассказов моего приятеля» и «Лондонский пансион. Очерк из жизни наших туристов». В первом рассказе Воронов со свойственным ему сарказмом обличал провинциальную интеллигенцию за пустое времяпрепровождение, за моральную распущенность. Через рассказ рефреном проходит мысль: «Значит, мало в среде нашей света и разума, коли они (подобные люди.— *И. Л.*) плодятся как грибы в дождь».

Очерк «Лондонский пансион» написан совершенно в ином ключе: это как бы путеводитель для российских туристов, посещающих и осматривающих Лондон «на свою скудную трудовую копейку». Автор очерка реко-

[1] См.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975, с. 231.

мендует туристам, в какой части Лондона целесообразно выбрать наиболее дешевый пансион, как вести себя в обществе английских мелких буржуа, чем и как питаться, как правильнее одеваться к первому и второму завтракам, к обеду, как пользоваться обеденными приборами. Очерк написан в юмористической тональности и высмеивает лицемерие и ханжество английской буржуазной среды, помещичьи замашки отдельных русских туристов по отношению к служанкам, привратникам, прислуге, то есть к простым английским труженикам [1].

Невольно возникает вопрос: почему еще в Петропавловской крепости Воронов начал писать, а по выходе из нее доделал и опубликовал свой туристический очерк именно о Лондоне? Ведь он с таким же успехом мог написать очерки о Париже, Берлине, Роттердаме, Амстердаме, которые посещал весной 1862 года. Ответ на данный вопрос может быть один: он стремился хоть чем-нибудь помочь Герцену и Огареву в вовлечении новых членов в организацию «Земля и воля» после крупных провалов и арестов 1862—1863 годов.

Очерк «Лондонский пансион» имеет глубоко скрытый подтекст. Это настойчивая рекомендация российской демократической публике посетить Лондон, где живут и работают Герцен и Огарев. А ведь именно из прогрессивно мыслящей демократической интеллигенции Герцен и Огарев вербовали своих сторонников.

Анализ содержания всех четырех произведений Воронова, напечатанных в «Эпохе», убеждает в том, что он оставался верен не только своим революционно-демократическим идеалам, но и стремился, насколько это было возможно в его положении, содействовать выполнению заданий Герцена, Огарева и Бакунина.

Еще 15 декабря 1862 года Герцен и Огарев опубликовали в 152-м листе «Колокола» передовую статью под кратким, но емким названием: «Пути! Пути!» Издатели революционного органа обращались к демократическому читателю с просьбой открыть новые пути для переброски подпольных изданий в российскую провинцию, выявить новых подписчиков на эти издания. Герцен и Огарев писали: «Открыть новые пути сообщения мы не можем, это ваше дело (то есть сторонников революционной демократии в России.— *И. Л.*); этого требует

---

[1] Эпоха. 1864, сентябрь, т. 9, с. 1—15.

справедливость... Когда вы устроите постоянные и прямые пути, тогда мы будем печатать вместо каждой тысячи — десять тысяч... Наконец, если это для вас легче, перепечатывайте внутри России все наши издания, Россия велика, как не спрятать в ней типографского ящика» [1].

Николай Ильич Воронов был в числе тех, кто активно искал новые пути для переброски «Колокола» в Закавказье.

Сначала в ноябрьской книжке журнала «Эпоха» появился очерк «Долина Риона (Из путевых воспоминаний)», затем в декабрьской книжке — «Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России» (по поводу издания императорским Русским Географическим обществом «Географическо-статистического словаря Российской империи». Выпуск 1—6. Спб. 1862—64).

Очерк «Долина Риона» являлся как бы продолжением очерка «Плавание у восточных берегов Черного моря», напечатанного ровно три года назад в журнале «Русское слово». Снова автор детально описывает устье Риона, подходы со стороны моря к реке, наличие морской и таможенной охраны, окружающий ландшафт (берега, лес). Много внимания уделено состоянию морского порта Поти — этой «калитки будущих ворот для торговли Закавказья с Европой» [2].

Н. И. Воронов рисует удручающую картину положения городских поселенцев и местного крестьянства, задыхающихся от удушливых испарений болотистых почв, ведущих полуголодное существование. С огромной теплотой и симпатией пишет он о грузинском населении — «красивом племени», «грациозных» мужчинах и женщинах, представляющих «живую модель для художника», людях трудолюбивых и мужественных.

Воронов считает, что все беды местного населения происходят от социального неравенства между помещиками и крестьянами, купцами и ремесленниками, наличия значительных крепостнических пережитков [3].

Н. И. Воронов был одним из первых авторов, кто знакомил российского читателя с реальным положением в Грузии. Для руководителей же «Земли и воли» в очерке имелся скрытый намек на наличие конкретных

[1] Колокол, вып. 5, с. 12.
[2] Эпоха, 1864, ноябрь, т. 11, с. 1—3.
[3] См. там же, с. 15—22.

путей для переброски герценовских изданий из Лондона южным путем через Париж — Рим — Константинополь — Трапезунд в Поти. Автор писал: «На торговую роль города (Поти) намекают только стоящие у пристани турецкие кочермы и мингрельские каюки». Здесь мы вновь сталкиваемся с терминологией очерков Воронова «Плавание у восточных берегов Черного моря» и «Долина Риона» («турецкая контрабанда», «турецкие кочермы»), с подтекстом о возможности использования кавказских горцев и турецкой контрабанды для реализации планов Герцена и Огарева по установлению связей с Кавказом.

В своей изобретательности Николай Ильич Воронов пошел еще дальше. В очерке-рецензии «Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России» он предложил создать так называемую «Дорожную книгу». Эта книга, по мысли автора, должна содержать подробные транспортные, географические, исторические, этнографические, статистические и библиографические сведения о всех районах и губерниях России, составе ее населения. Особое внимание обращалось на «дорожные данные»: названия железнодорожных, почтовых и ямских станций, расписание поездов и дорожных дилижансов, расстояния между станциями, условия езды, питания и т. п. Воронов считал, что сведения для «Дорожной книги» должны собирать «люди бывалые, хотя бы и не имеющие особых мундиров и особых названий (то есть званий и титулов.— *И. Л.*),— люди наблюдательные, способные». Очевидно, среди них Николай Ильич предполагал найти людей, которые помогут наладить прокладку новых путей для транспортировки герценовских изданий в глубь необъятной страны [1].

Воронов считал, что «Дорожная книга» должна включать в себя всевозможные сведения и о народах, населяющих Россию: об их истории, культуре, быте и нравах. Автор проводил идею, что русский народ должен жить в мире и дружбе с народами национальных окраин, способствовать развитию их экономики и культуры, помогать им избавляться от феодально-крепостнических пережитков. Воронов именует эти пережитки «частями, отжившими свое и поддерживаемыми лишь обстоятельствами» [2].

[1] См.: Эпоха, 1864, декабрь, т. 12, с. 32, 36—37, 30—31.
[2] Там же, с. 35.

Так, используя страницы петербургского журнала «Эпоха», Н. И. Воронов попытался своими очерками не только оказать помощь Герцену и Огареву в установлении связей с Кавказом, но и с демократических позиций осветить пути решения крестьянского и национального вопросов в условиях Закавказья.

Н. И. Воронов и в условиях жесточайшей реакции остается верен своим революционно-демократическим убеждениям. Как мы увидим дальше, Воронов не изменяет этим убеждениям и в своей дальнейшей научной и издательской деятельности, пропагандируя идеи демократизма в научных работах, в газетных и журнальных статьях.

ЗНАКОМСТВО С Д. С. СТАРОСЕЛЬСКИМ И П. К. УСЛАРОМ

Деятельность Н. И. Воронова в Грузии протекала в 60—70-е годы прошлого столетия. В это время наместником на Кавказе был великий князь Михаил Николаевич. Хотя сам он являлся законченным реакционером, в его окружении были прогрессивно мыслящие, либерально настроенные люди, честно относившиеся к своим военно-административным обязанностям. Особенно выделялся своим умом, энергией и дальновидностью начальник главного штаба Кавказской армии генерал-адъютант Д. А. Милютин, сторонник последовательных буржуазных преобразований, автор известных военных реформ, будущий военный министр.

С 1859 года при генерале Милютине состоял адъютантом двадцатисемилетний подполковник, а затем генерал Дмитрий Семенович Старосельский. Это был человек умный, с широким политическим кругозором, энергичный, культурный. Он понимал, что огромный разноязыкий и разноплеменный Кавказский край нуждается в действенных административных реформах, направленных на оживление экономики, торговли и культуры. Семь лет возглавляя Горское управление, Старосельский со своими помощниками урегулировал систему государственного налогообложения, запутанные аграрные отношения, осуществил ликвидацию горского патриархального рабства, кунли и продажи людей [1]. По линии своей супруги-грузинки он породнился с великим поэтом и мыслителем Грузии, выдающимся революционером-ше-

[1] См.: Русский библиографический словарь (Смеловский — Суворина). Спб., 1909, с. 353, 354.

стидесятником князем Ильей Григорьевичем Чавчавадзе. В семье генерала некоторое время рос и воспитывался племянник, сын его брата Александра Семеновича — Владимир Александрович Старосельский, впоследствии видный ученый-агроном и революционный деятель России и Закавказья, большевик-ленинец, «красный губернатор» Кутаиса в 1905 году [1].

С целью изучения огромного края по инициативе Д. С. Старосельского была организована группа из талантливых энергичных ученых-языковедов, этнографов, экономистов, а также журналистов для сбора сведений о численности горцев, крестьянском и городском населении, поземельных правах, экономическом быте, истории и традициях. Среди привлеченных к сотрудничеству с Горским управлением наместничества были известный ученый-кавказовед, этнограф и лингвист, офицер генерального штаба (впоследствии член-корреспондент Академии наук) Петр Карлович Услар и скромный учитель Тифлисского женского училища, но уже известный публицист Николай Ильич Воронов. Так судьба на долгие годы связала бывшего государственного преступника Воронова и блестящего офицера-администратора Старосельского.

За короткий срок группа исследователей проделала большую работу по сбору материалов по антропологии и этнографии горских племен Кавказа. По предложению Услара и Воронова, при поддержке Старосельского в Тифлисе при Горском управлении были организованы два специальных издания: «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник сведений о кавказских горцах». С 1866—1867 годов сбор, обработку материалов и публикацию сборников возглавил Николай Ильич Воронов. На этот научно-организаторский пост его пригласил генерал Старосельский, который был весьма расположен к нему как человеку и высоко ценил его талант публициста, педагога, ученого.

К тому времени четко определились научные интересы Воронова. Его привлекало изучение этнографии, географии, экономики и культуры народов Северного Кавказа, Закавказья и Кавказского Причерноморья. Он публикует несколько обширных статей в газете «Кавказ», выступает с содержательными докладами на заседаниях

[1] См.: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы. Тбилиси, 1969, с. 6—7.

Кавказского отделения Российского географического общества. 11 декабря 1867 года Воронов был избран действительным членом общества.

Тогда же он сблизился с П. К. Усларом. Основательно познакомившись с его трудами по кавказской этнографии и лингвистике, Николай Ильич с большим интересом воспринял передовую для того времени идею Услара о создании для горских народов своих национальных азбук и букварей на основе русского алфавита, об открытии народных школ для распространения грамотности и культуры среди горского мусульманского населения. Еще в 1862 году Петр Карлович Услар издал грамматику абхазского языка, на основе русской графики составил абхазский алфавит и подготовил абхазский букварь, который ему закончить не удалось. Алфавитом, составленным П. К. Усларом более 100 лет назад, пользуются в Советской Абхазии и поныне. Идею Услара об открытии светских народных школ для горского населения горячо поддерживали Старосельский и Воронов. Однако наместник разрешил открыть лишь несколько таких школ. Мечты П. К. Услара осуществились только в нашу социалистическую эпоху.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДАГЕСТАНУ

В сентябре — октябре 1867 года Н. И. Воронов по предложению Д. С. Старосельского совершил с ним длительное путешествие по районам Верхнего, Среднего и Южного Дагестана. Экспедицию финансировало наместничество. Она была хорошо оснащена. В ее состав входили офицеры-специалисты (военные инженеры, землемеры), проводники и небольшой отряд охраны. Путешествие дало возможность Воронову познакомиться с глубинными районами Восточного Кавказа, его народами, их экономикой, нравами, культурой, увидеть следы недавнего военного погрома, учиненного царскими усмирителями горского повстанческого движения.

В первом (1868 год) и третьем (1870 год) выпусках «Сборника сведений о кавказских горцах» Николай Ильич поместил свои путевые заметки «Из путешествия по Дагестану». Это строгое и точное описание самого путешествия, авторские наблюдения и размышления над судьбами численно малых горских народов, их крайне тяжелом положении в условиях царской колонизации. Автор очерка неоднократно ставит вопрос перед правительственными и местными властями о необходимости прокладки новых и улучшении старых дорог,

строительства мостов и переходов в целях экономического и культурного подъема Дагестана. Он восхищается трудолюбием горцев, строящих в труднодоступных горных районах дороги и тропы, прокладывающих оросительные каналы. Этих умельцев строителей Николай Ильич называет «замечательными инженерами-самоучками». Воронов высоко оценивает национальную культуру, духовные качества, самоотверженный характер дагестанского народа: «Кто видел Дагестан, тот согласится, что страна эта представляет замечательный, в высшей степени своеобразный мир, и в общих чертах и в мелочах сложившийся по одной мерке, по одному идеалу (четверть века шла повстанческая борьба горских народов! — *И. Л.*), так что не будет натяжкой приписать ему обладание своего рода (горской) цивилизацией».

Очерк Н. И. Воронова — открытое и смелое обвинение царских властей в бюрократическом, равнодушном, издевательском отношении к горским народам. Прошло почти 10 лет с момента замирения Дагестана, но кругом «нищета и дикость»: бедные аулы со следами страшных разрушений после опустошительных походов царских войск, поголовно неграмотное население, религиозно-фанатический разгул мусульманской церкви. Гнев и боль вызывает у автора социальное положение дагестанской женщины — женщины-рабыни, полуголодное существование ее детей.

Очерк «Из путешествия по Дагестану» — многоплановый научный труд, представляющий собой серьезный вклад в разработку этнографических проблем кавказоведения, и в частности Дагестана. Ценность статьи и в том, что Николай Ильич одним из первых среди русских ученых с позиций революционной демократии освещал положение народов Дагестана в системе Кавказского наместничества, осмысливал с этих же позиций характер освободительного движения горских народов. На конкретном материале путевых заметок он разоблачал колониальную политику самодержавных властей.

Первая и вторая части очерка Воронова появлялись в свет одна за другой на протяжении трех лет. Цензура наместничества проявила серьезные колебания перед тем, как дать свое разрешение на публикацию этих материалов, особенно второй части очерка. Путевые заметки увидели свет только благодаря поддержке генерала Старосельского. Исходя из этого, можно предполо-

жить, что Дмитрий Семенович разделял в определенной мере точку зрения Воронова на дагестанские проблемы.

Подвижнический труд ученого

Поездка в Дагестан сблизила Старосельского и Воронова. По предложению Дмитрия Семеновича с 1 февраля 1868 года Воронов стал работать столоначальником статистико-поземельного отдела Кавказского горского управления. В ведении Николая Ильича оказался огромный статистико-экономический материал по Кавказскому наместничеству, накопившийся за долгие годы. Значительный материал был предоставлен в его распоряжение и Кавказским отделением Российского географического общества. Впервые в практике наместничества под его руководством готовится двухтомный «Сборник статистических сведений о Кавказе». В основу этого труда Воронов положил те же принципы, которых он придерживался, предлагая создать «Дорожную книгу».

Сборник вышел в свет лишь весной 1869 года. Дело оказалось слишком новым, трудоемким и ответственным. Первый том, под редакцией Воронова, состоял из двух частей. В первой части содержались сведения о деятельности статистических комитетов наместничества, списки населенных пунктов Дагестанской области, материалы для статистики Тифлисской и Эриванской губерний. Во вторую часть тома были включены данные о территории, населении наместничества, его национальном составе, вероисповедании; сведения о промышленности, торговле, финансах, городах, образовательном цензе населения края. В томе имелось несколько десятков интересных статистических таблиц. Впервые в отечественной статистике появился столь полный, многоплановый и оригинальный сборник с точными цифровыми данными по Кавказскому региону. 20 января 1870 года за этот труд Воронову была присуждена большая серебряная медаль Российского географического общества.

В эти же годы Н. И. Воронов усиленно работал над подготовкой к печати трех первых выпусков «Сборника сведений о кавказских горцах». Первый том (выпуск) вышел в свет в декабре 1868 года, второй — в 1869 и третий — в 1870 году. Николай Ильич проделал огромную работу. Он подбирал авторский коллектив, определял научное направление каждого тома, читал и правил все авторские статьи, сам выступал в роли автора.

Каждый том включал 30—40 авторских листов текста, набранного убористым шрифтом. Это было невиданное научно-этнографическое издание в публикационной практике кавказской администрации.

В числе авторов «Сборника» были лучшие научные и культурные силы Кавказа. В нем участвовали русские ученые П. К. Услар, А. В. Комаров, Н. Г. Петрисевич, Н. И. Воронов, Л. П. Загурский и другие. Впервые к участию в подобном издании были привлечены представители местной горской интеллигенции Абдулла Омаров, Инал Кануков, Чах Ахриев, Джантемир Шанаев, Айдемир Черкеевский и другие. Двое из них — А. Омаров и А. Черкеевский — являлись учениками и сподвижниками П. К. Услара. Лакиец Абдулла Омаров кончил русскую светскую школу в Темир-Хан-Шуре, изучил русский язык и русскую культуру, помогал Услару в овладении лакским языком и составлении лакской азбуки на основе русской графики. Выступал за политическое и культурное сближение народов России и Дагестана. При поддержке Н. И. Воронова он опубликовал в «Сборнике» два интересных этнографических очерка: «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки». Аварец Айдемир Черкеевский (сын известного аварского поэта и богослова) служил несколько лет на русской военной службе в Темир-Хан-Шуре, хорошо знал русский язык, сотрудничал с П. К. Усларом в составлении аварской азбуки, активно пропагандировал русскую культуру. А. Черкеевский стал первым аварским этнографом и фольклористом, первым собирателем и переводчиком на русский язык аварских сказок[1]. Услар и Воронов активно поддерживали научную и культурную деятельность аварского ученого. Об этом свидетельствует отрывок из письма Услара Воронову от 25 апреля 1866 года:

«Милостивый государь, Николай Ильич! Аварские сказки переведены были мною совместно с Айдемиром Черкеевским и перевод напечатан мною в Шуре в числе ста экземпляров... Подлинник и перевод этих сказок препровождены были мною еще в прошлом году в Академию Наук... (В аварских сказках) интересны обороты речи, прибаутки и т. п. В этом отношении они заслуживают полного внимания. Желательно иметь аварскую сказку, представляющую сколь возможно большее число таковых характеристических особенностей.

[1] См.: История Дагестана. М., 1968, т. 2, с. 331—332.

Сказка в таком виде составит замечательное явление на страницах Сборника».

Письмо говорит о глубоком уважении двух русских ученых к труду аварского ученого А. Черкеевского.

Пятнадцать лет своей жизни (1866—1880 годы) отдал Николай Ильич Воронов подготовке и выпуску 10 томов «Сборника сведений о кавказских горцах». Это было фундаментальное исследование. Оно включало в себя самые разнородные сведения (экономика, домашний и семейный быт, сословное и поземельное устройство, обычаи, нравы, верования и мировоззрение, судопроизводство и обычное право, народные сказания, история, лингвистика, статистика и т. п.). По обилию научных рубрик, широте проблем, по объему привлекаемого фактического материала вороновский десятитомный «Сборник сведений о кавказских горцах» значительно превзошел все российские этнографические сборники второй половины XIX века. Научная ценность «Сборника» огромна. И в каждом из 10 его томов была большая доля личного участия, волнений и сил его организатора, редактора-издателя Воронова.

Последователь и сподвижник Николая Ильича, известный кавказовед и этнограф Л. П. Загурский позднее вспоминал: «Он (Воронов.— *И. Л.*) предварительно подвергал до того тщательному анализу доставляемые ему статьи, что самый взыскательный критик не мог бы указать на какую-нибудь несообразность в сведениях, сообщенных в «Сборнике», который был безукоризнен и в литературном отношении. А сколько труда стоило это... Воронову! Надо знать, что сотрудниками его по большей части были горцы. Нам случалось видеть статьи, проредактированные Николаем Ильичом,— в них подчас не оставалось, как говорится, живого места» [1].

Большой талант ученого и добросовестность редактора-издателя благодаря заботам генерала Д. С. Старосельского были положительно оценены администрацией Кавказского края. Воронов заметно продвинулся по служебной лестнице: с января 1871 года он стал начальником статистического отделения Горского управления, в августе 1874 года произведен в коллежские советники. 11 мая 1875 года Николай Ильич Воронов был избран большинством голосов из трех кандидатур пра-

---

[1] Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1886—1888, т. 9, № 2.

вителем дел (ответственным секретарем) Кавказского отделения Российского географического общества[1]. С получением этого высокого научно-организаторского поста прибавились новые заботы. Друзья и сотрудники Воронова поражались его работоспособности и организованности в труде[2].

В эти годы судьба вновь свела в Тифлисе двух старых друзей — Николая Воронова и Александра Трачевского. Друг Николая Ильича, получивший ученую степень магистра, а затем доктора истории, специализировался по истории России и Франции, Испании, Польши. Крупный советский историк А. З. Манфред в монографии «Наполеон Бонапарт» помянул добрым словом А. С. Трачевского как «незаслуженно забытого и недооцененного» ученого-историка. При содействии Воронова Трачевский стал преподавателем истории в мужских и женских гимназиях Тифлиса. Оба друга являлись горячими поборниками среднего и высшего женского образования в Закавказье и России.

Н. И. Воронов вошел в тесный круг демократически настроенной грузинской интеллигенции. Еще в 1862 году Воронов познакомился с руководителями грузинской революционной демократии Ильей Чавчавадзе и Нико Николадзе. Это знакомство продолжалось и в последующие годы. Воронов высоко ценил поэтическое творчество И. Г. Чавчавадзе. В одной из своих статей он писал: «...известно, что Илья Чавчавадзе лучший современный поэт Грузии... Будучи страстным поклонником его поэтической музы, я всегда с удовольствием внимал каждому слову, произнесенному поэтом»[3].

---

[1] ЛАВ. Служебный аттестат Н. И. Воронова от 12 декабря 1877 года; Кавказ, 1875, 16 мая.

[2] В рамках данной книги нет возможности более подробно осветить научный вклад Воронова в различные отрасли кавказоведения. Имя Воронова советской науке неизвестно, его труды никем и никогда не изучались. Между тем число опубликованных им работ довольно велико (не менее двухсот). Своими публицистическими очерками и научными трудами в области кавказской этнографии, географии, лингвистики он был хорошо известен в 50—70-е годы XIX века целому ряду выдающихся российских революционных, общественных и научных деятелей. Крупнейший русский биолог И. И. Мечников в статье «Борьба за существование в обширном смысле», помещенной в 1878 году в журнале «Вестник Европы», использовал этнографические и статистические данные Воронова о росте народонаселения на Кавказе.

[3] Тифлисский вестник, 1875, 6 марта.

Николай Ильич был лично знаком с выдающимся прозаиком и публицистом Георгием Церетели, крупным писателем-реалистом Александром Казбеги, поэтом Рафаэлом Эристави, писателем и географом Георгием Казбеги и искренне ценил их таланты. Контакты с ними окрепли после того, как с января 1877 года Воронов стал редактором-издателем газеты «Кавказ». Долгие годы знакомства, а затем и дружбы связывали Воронова с выдающимся грузинским историком и археологом Дмитрием Бакрадзе, впоследствии членом-корреспондентом Российской Академии наук.

ВО ГЛАВЕ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

Последние месяцы 1876 года были переломными в жизни Н. И. Воронова. Став директором департамента Главного управления наместничества, генерал-майор Д. С. Старосельский предложил Воронову возглавить редакцию газеты «Кавказ». В 60 — начале 70-х годов эта газета представляла собой скучный правительственно-чиновничий официоз, три раза в неделю на трех листках заполнявшийся официальными и справочными материалами, рекламными объявлениями. Число подписчиков катастрофически уменьшалось, газета влачила жалкое существование.

Энергичный Старосельский взялся поправить дело. Вновь его выбор пал на Воронова. Два месяца Николай Ильич не давал ответа Старосельскому. Долго колебался. Он понимал, что уже не сможет как прежде, заниматься научной деятельностью. Приходилось сложить с себя руководство Кавказским отделением Российского географического общества. Почему же Воронов, который с увлечением занимался работой по исследованию Кавказа, принесшей ему известность в научных и общественных кругах России, решил все-таки оставить научное поприще? Некоторый свет на мотивы, побудившие его принять предложение Д. С. Старосельского, проливает высказывание дочери Николая Ильича — Л. Н. Вороновой.

Она писала: «Николай Ильич принимает это предложение, но для того, чтобы обеспечить себе наибольшую самостоятельность, свободу действия и проявления своей инициативы... Наместничество приняло все его условия и программу «политической и литературной» газеты типа больших столичных газет. Издательство и редакторство газеты «Кавказ» стало лебединой песнью моего отца. Наконец осуществилась его давнишняя горя-

чая мечта о широкой, всесторонней общественной, пропагандистской и политической работе» [1].

Видимо, в душе Николая Ильича не угасло стремление к борьбе за свои революционно-демократические идеалы. Руководство же газетой давало возможность для более активной общественно-политической, пропагандистской работы.

С 15 января 1877 года газета «Кавказ» стала выходить под редакцией Н. И. Воронова. На следующий же день он навсегда оставил должность в Кавказском горском управлении и сложил с себя обязанности правителя дел Кавказского отделения Российского географического общества.

Работа редактора-издателя требовала огромного количества времени, полной отдачи сил. «Кавказ» стал первой на Кавказе ежедневной газетой, печатавшейся на четырех страницах размером $55 \times 40{,}5$ сантиметра с такими же по формату «Прибавлениями». Газета издавалась по следующей программе, разработанной Н. И. Вороновым и принятой наместничеством: официальная часть (известия с театра военных действий, правительственные распоряжения); неофициальная часть (телеграммы газеты «Кавказ», новости столичных газет, местные известия, казенные и частные объявления); научный отдел (география, история, этнография, педагогика, статистика); литературная часть (путевые заметки, фельетоны, переводы, поэзия и т. п.). Наместничество заключило с Вороновым контракт на право издания и редактирования газеты «Кавказ» сроком на пять лет и выдало редактору субсидию в 20 тысяч рублей [2].

В первых же номерах «Кавказа» Воронов попытался определить политическую программу газеты. Сделать это ему было крайне сложно. С одной стороны, положение редактора-издателя наместнического официоза (да еще в условиях цензурного контроля) обязывало, как минимум, проявлять лояльность по отношению к центральным и местным правительственным властям, их внутренней и внешней политике. Но, с другой стороны, и что главное, Николай Ильич не собирался изменять своим политическим взглядам, идти на компромисс с силами реакции.

[1] ЛАВ. *Л. Н. Воронова.* Краткая биография Н. И. Воронова. Рукопись, с. 8.

[2] Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (далее: ЦГИА Груз. ССР), ф. 7, оп. 4, 1876 г., д. 879, л. 7—21.

15 января 1877 года в газете была помещена без подписи редакционная статья «Политика и общество». По убедительному свидетельству жены и дочери Николая Ильича — А. К. и Л. Н. Вороновых, в 1877—1881 годы почти во всех случаях редакционные статьи писал сам Воронов, в редких случаях в соавторстве с кем-то. В вышe названной статье Воронов следующим образом определял политическое направление «Кавказа»: «Теперь без науки немыслима политика, как немыслима медицина без анатомии и физиологии. С другой стороны, политика как последняя страница истории доставляет науке самые новые, самые полные и достоверные факты. Наука с помощью политики приобретает точность... политика же с помощью науки перестает быть игрой остроумия дипломатов и капризом публицистов. Политическое образование общества, сливающееся с наукой,— наша первая и священная задача. Только оно способно сослужить России великую и настоятельную службу».

Делая интересный экскурс в историю, Воронов отмечал огромную роль, сыгранную революционными движениями в Европе в конце XVIII — середине XIX века в борьбе с феодально-крепостническими устоями.

В этих революциях Воронов видел мощную освежающую и преобразующую силу, которая благотворно сказывалась на консолидации европейских наций, росте их просвещенности и культуры. Причем он подчеркивал влияние, оказанное на развитие общественной мысли Европы немецкой классической философией и французской социологией. Влияние европейских революций и идей коснулось и России, формирования ее демократической интеллигенции.

Вот вкратце те вопросы, на которых остановился Николай Ильич Воронов в редакционной статье «Политика и общество».

«ЕСТЬ ЛИ У НАС ИДЕАЛЫ?»

Прошло 10 дней после выхода в свет статьи «Политика и общество». Очевидно, Воронов не был до конца удовлетворен этой статьей; он сказал читателю далеко не все, что думал, что хотел и мог сказать. Поэтому вскоре в четырех январских номерах «Кавказа» (№ 9, 10, 12 и 14) появилась новая редакционная статья — «Есть ли у нас идеалы?». Огромная (на восемь «подвалов») статья носила острый актуальный характер. Автор стремился выдержать ее в лучших публицистических традициях В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Невзирая на препоны

цензуры, он ставил перед кавказским читателем животрепещущие идеи и проблемы в духе народнического просветительского демократизма. Статья написана эзоповским языком намеков и полунамеков, насыщена историческими сравнениями и параллелями из далекого прошлого.

Прежде всего автор статьи объявляет себя представителем того «великого поколения», которое «вынесло на своих могучих плечах бремя обновления России» после Крымской войны, представителем поколения «Гоголей и Белинских». Он дает высочайшую оценку деятельности «отцов нашего просвещения» и среди них называет только Гоголя и Белинского, но во множественном числе. Внимательному читателю-демократу было ясно, что автор рядом с ними в равной мере мог бы поставить имена Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова.

Вот вороновская характеристика «великого поколения Гоголей и Белинских»: «То были отцы нашего «просвещения»... То были люди убеждений, горячей веры в свои высокие идеалы, в силы своего народа, в великий запас ума и благородства, добра и правды в юном поколении. Они ничего не жалели для проведения своих идеалов в жизнь, носились с ними как с любимым детищем. Да, они умели любить и верить, умели жить полною идеальною жизнью, работать от души. То был эпикуреизм мысли и самоотверженности... И эти люди совершили гигантскую работу, которой хватило бы на несколько поколений» [1].

Правдивые, искренние слова патриота-просветителя о своем народе и о лучших представителях отечественной демократической интеллигенции.

Главная тема вороновской статьи «Есть ли у нас идеалы?» — народ, его роль в истории, в судьбах мира и войны, в дипломатии и публицистике. Эту коренную проблему тогдашней русской революционной и общественной мысли Воронов рассматривает в широком ретроспективном плане, прибегая к историческим примерам и сравнениям. Автор считает, что в 30—40-е годы российский народ был «скован по рукам и ногам» (николаевской монархией.— *И. Л.*) и «спал непробудным сном», поэтому надо было «пробудить, хлестнуть его (народ)», нужно было сказать ему из глубины наболев-

[1] Кавказ, 1877, 25 января.

шего сердца, что «он (народ) должен познать свое несовершенство, застыдиться, взяться за работу, за подготовку хорошего человека». Всенародное «пробуждение от сна» выполнило поколение «Белинских и Гоголей», революционные потрясения 1847—1848 годов, крымское поражение.

В 60—70-е годы, считает Воронов, появился новый, «хороший человек», взращенный поколением «Белинских и Гоголей». Этот «хороший человек» из народа «стал рваться к жизни, искать широкого поприща, работы для своих юных, по положительных, сознательных идеалов (идеи и борьба Чернышевского и Герцена, «Земли и воли» не пропали даром! — *И. Л.*). Он жаждал ободряющего серьезного голоса опыта и знания, ждал горячего призыва к делу и прямого указания, куда прилагать его юные силы. И, как сила, как истинное величие... он (народ) спешил вперед, на работу, с добрым чувством свежего, только что проснувшегося, начинающего свой день человека» [1].

Так в открытой форме новый редактор-издатель «Кавказа» впервые в истории этой газеты вводил в круг основных проблем времени проблему народа как главной силы истории. Автор видел в «хорошем человеке» из народа «гордого, свободолюбивого, честного, трудящегося человека». С этих позиций автор считал, что народ — творец истории — имеет свои собственные свободолюбивые идеалы, понятия чести, гордости.

Воронов обрушивался в статье на реакционную прессу, представлявшую народную массу «игрушечным медведем, который лазит по шнурку с дурацким звонком, когда его заведут». А поводырями «народа-медведя» считали себя старые славянофилы-шовинисты, жандармы и полицейские исправники [2].

Проявление самостоятельности, творческого начала в деятельности народа в середине 70-х годов Н. И. Воронов видел в том, как он «переполняет (земские и церковноприходские.— *И. Л.*) школы и заводит их на свой последний грош», как он стойко и принципиально отстаивает свои интересы в уездных земствах и волостных судах. Но главным проявлением национальной мудрости и политической активности русского и кавказских народов в тот период Николай Ильич считал их стихий-

[1] Кавказ, 1877, 25 января.
[2] См.: Кавказ, 1877, 26 января.

ный интернационализм — поддержку ими борьбы болгарского народа и других славянских народов за свободу и независимость, против турецкого гнета.

Эта тема была наиболее близка и понятна читателям «Кавказа», ибо все еще хорошо помнили героизм русских солдат и матросов в обороне Севастополя и Кавказского Черноморского побережья, борьбу грузинского и армянского народов против турецкого владычества. Внимание читателя акцентировалось в статье на отношении к восточному кризису (1875—1877) народных масс России, а не дворянства и не буржуазно-купеческих прослоек населения. Автор подчеркивал высокий патриотизм, чувство национальной солидарности, испытываемое русским народом по отношению к дружественному ему болгарскому народу.

Вот эти слова, выстраданные большим и добрым сердцем Н. И. Воронова:

«...Зверства (турок) в Болгарии как ножом кольнули в сердце русского народа[1]. Увы! Он по собственному опыту слишком хорошо понимал, что такое истинное страдание, что такое безысходное горе, что значит тихо стонать под бременем труда и оскорблений, видеть, как берут у тебя последнюю коровенку, как плачет заморенный ребенок на сухой груди голодной и избитой матери, как парнишка бросает азбуку на первых азах, запрягаясь в соху. Он (русский народ.— *И. Л.*) сам долго томился в плену в Сарае (имелось в виду татаро-монгольское иго.— *И. Л.*) и у крымского хана, бился, как рыба об лед, в борьбе с мачехой-природой и с мачехой-историей... Его охватило чувство неутомимого соболезнования...»[2]

Строки дышат возмущением, когда автор пишет о судьбе обездоленного, нищего, неграмотного российского крестьянства, о преступной медлительности в разрешении восточного кризиса, когда народы России требовали вооруженного вмешательства и помощи русской армии делу освободительной борьбы балканских славян. Эти строки написаны пером публициста-демократа, русского патриота.

Причину массовых народных бедствий, в частности кровавых зверств, совершаемых фанатически настроен-

[1] В 1876 году турецкие войска учинили кровавую расправу над болгарским населением: свыше 30 тысяч человек были убиты, десятки сел и городов сожжены.

[2] Кавказ, 1877, 26 января.

ными турецкими мусульманами по отношению к православным болгарам, Воронов видел в монархо-тиранических режимах, Турецко-башибузукскую резню он сравнивал с западноевропейскими религиозными войнами эпохи средневековья, когда «на престолах сидели кровожадные фанатики, желавшие лучше владеть пустыней», чем «еретической страной». В статье не делались прямые выпады против российской монархии (они и не могли быть сделаны, ибо «Кавказ» — правительственный официоз, а Воронов — его редактор! — *И. Л.*), но с помощью исторического экскурса в глубь средневековья автор в завуалированной форме критиковал и романовскую династию за ее массовые злодеяния против российских народов.

Публикацией редакционной статьи «Есть ли у нас идеалы?» Воронов поднимал официоз «Кавказ» до уровня лучших столичных газет, но с подчеркнутым народническим, радикально-демократическим направлением. Можно удивляться, как цензура Кавказского наместничества пропустила эту подспудно «взрывчатую» статью в свет. Очевидно, сказалась негласная поддержка Д. С. Старосельского (который к этому времени стал, по существу, правой рукой наместника). Кроме того, администрация Кавказского края была довольна улучшением финансового положения газеты, ибо остропублицистические статьи вызывали все возрастающий интерес кавказской общественности.

Внимательное изучение общественно-политической и научной направленности газеты «Кавказ» за 1877—1881 годы приводит к выводу: на протяжении по крайней мере января — июля 1877 года Николай Ильич Воронов стремился превратить газету «Кавказ» в своеобразный рупор народнического демократизма, поднять ее по содержанию до уровня благосветловского журнала «Русское слово».

ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ О СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ-НАРОДНИКАМИ

Сразу же вслед за редакционной статьей «Есть ли у нас идеалы?» редактор-издатель начинает из номера в номер публиковать стенографические отчеты двух судебных процессов над революционерами-народниками 70-х годов. Отчеты перепечатывались из «Правительственного вестника» по мере поступления его номеров в Тифлис, в Главное управление Кавказского наместничества, которое с июня 1876 года воз-

главлял Д. С. Старосельский. Именно с его согласия Воронов публиковал эти материалы.

Внешне дело обстояло весьма благопристойно: газета «Кавказ» (и не только одна она, но и другие органы печати!) делала перепечатку стенограмм судебных процессов с правительственного официоза. По существу же все было совсем иначе. Н. И. Воронов и его единомышленники по редакции не просто перепечатывали материалы для «запугивания» местного населения: они прямо или косвенно пропагандировали среди кавказской общественности идеи, лозунги, технические приемы народнического революционного подполья, популяризировали мужественное поведение революционеров на судебных процессах.

Публикацией материалов судебных процессов над революционерами 70-х годов Воронов подводил как бы итог пятнадцатилетию своего участия в революционно-демократическом движении. В вороновском архиве в «Ясочке» сохранилась двухстраничная заметка — воспоминания Л. Н. Вороновой (датированные 1951 годом) под названием «Продолжал ли Николай Ильич Воронов свою подпольную работу?». В заметке имеются строки: «Моя мать (А. К. Прогульбицкая-Воронова.— *И. Л.*) вспоминала, что в разговорах с друзьями, бывавшими у них в доме, он (Николай Ильич) высказывал взгляды резко радикальные, несмотря на свое высокое положение в среде сотрудников Кавказского наместничества. Круг знакомых Н[иколая] И[льича] был тесно ограничен и замкнут. Все друзья отличались радикально-демократическими взглядами, с определенно критическим отношением к самодержавию, бюрократическо-эксплуататорскому строю, что неоднократно эзоповским языком высказывалось ими в литературных статьях (в «Кавказе».— *И. Л.*)... Мать передавала, что в конце 70-х годов (очевидно, в 1879 или в начале 1880 года.— *И. Л.*) Николай Ильич ожидал обыска, и она видела, как он жег рукописи и книги, и в числе их сочинения Герцена и Огарева с личными автографами».

Вернемся к материалам о судебных процессах, печатавшимся в «Кавказе». Первая публикация была помещена под названием «Дело о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади, в С.-Петербурге, 6-го декабря 1876 года. (Заседание Особого присутствия Правительствующего сената для рассмотрения дел о государственных преступлениях)». Один только заголовок

вызывал интерес у читателя. Речь шла о процессе над участниками знаменитой демонстрации у Казанского собора в Петербурге, в ходе которой революционеры, рабочие и студенты сначала «отслужили молебен за здравие Николая Гавриловича Чернышевского и других мучеников за народное дело» (слова из выступления Г. В. Плеханова) и затем провели митинг. Эту демонстрацию В. И. Ленин назвал первой революционной демонстрацией в России, где петербургские пролетарии и студенты впервые открыто заявили о своей готовности к самоотверженной борьбе с самодержавием.

В первом же «Приложении» к «Кавказу» от 17 февраля 1877 года имелись строки: «...из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин (это был Плеханов.— *И. Л.*), снял шапку и начал громко говорить, горячась... Молодой человек говорил о гнете правительства и его несправедливости, о ссылках лучших русских людей, каковы Чернышевский, Долгушин, Нечаев[1] и другие, о бедственном положении русского народа, у которого для взыскания податей продают последнюю корову. Речь была окончена при криках «браво», «браво», «браво» и аплодисментах... В тот же момент был выкинут над этою толпою красный флаг с надписью «Земля и воля»...»

Один только этот абзац текста из «Приложения» заставлял читателя задуматься о многом. И подобных «Приложений» к вороновской газете на протяжении февраля — марта было десять. Из «Приложения» к «Кавказу» от 23 марта 1877 года читатель мог узнать, что 20 участникам казанской демонстрации были вынесены несправедливые приговоры: «в каторжные разработки», «на вечное поселение в Сибирь», «к пожизненному монастырскому покаянию».

В последних числах марта 1877 года, сразу же после публикации материала о казанской демонстрации, Н. И. Воронов в «Приложении» к «Кавказу» начал печатать стенограмму процесса: ««Дело о разных лицах, обвиняемых в государственном преступлении по составлению противозаконного сообщества и распространению преступных сочинений». (Публикация из Правитель-

---

[1] А. В. Долгушин — революционер-народник, руководитель кружка передовой молодежи в начале 70-х годов. С. Г. Нечаев — сподвижник М. А. Бакунина, революционер-анархист, погиб в Петропавловской крепости.

ственного вестника»)». Эти материалы публиковались в семи «Приложениях» к газете, причем отдельные «Приложения» занимали два — четыре газетных листа, с текстом, набранным мелким шрифтом.

Среди них был материал о «процессе 50-ти» (февраль — март 1877 года) над участниками революционного кружка, действовавшего в Москве, Туле, Киеве, Иваново-Вознесенске под названием «Всероссийская социально-революционная организация». В состав кружка входили и грузинские студенты революционеры-народники Иван Джабадари, Михаил Чекоидзе, Георгий Зданович и другие, которые учились в Москве и были тесно связаны с передовой грузинской молодежью. Последнее обстоятельство, очевидно, привлекло особое внимание Воронова. В числе участников процесса был легендарный русский пролетарий Петр Алексеев, которому принадлежали слова, сказанные на суде: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» В. И. Ленин назвал эту речь «великим пророчеством русского рабочего-революционера».

НЕДОВОЛЬСТВО ВЛАСТЕЙ. УГРОЗА АРЕСТА

Привлечение внимания читателей к острым и злободневным проблемам, прямая или завуалированная критика правительственных и местных властей в газете «Кавказ» не могли пройти незамеченными со стороны администрации наместничества и Третьего отделения. В октябре — ноябре 1877 года в адрес редактора-издателя последовали грозные предупреждения со стороны властей о необходимости взять четкий «проправительственный курс». Запрещены были всякие политические «Приложения» к газете, кроме обычных правительственных распоряжений и торгово-театральной рекламы. Только благодаря поддержке Д. С. Старосельского Воронов удержался на посту редактора «Кавказа».

Газета продолжала выходить ежедневно, по-прежнему интересная, научно-проблемная, литературно-критическая, но теперь значительно реже политически острая.

На то были серьезные причины. Шла русско-турецкая война. Резко усилилась цензура, в том числе и в Кавказском наместничестве, где было введено военно-осадное положение. Однако редактор-издатель, по существу, не менял основного направления газеты.

Уже в одном из первых январских номеров за 1878 год в «Кавказе» была помещена итоговая передовая статья под названием «Что завещал нам прошедший год?». Автор писал, что в 1877 году блеснул «луч настоящей жизни». Это проявилось в поддержке народами России борьбы болгарского и других славянских народов Балкан за свою свободу и независимость. Этим самым «русское общество выказало не только способность к поднятию великой грандиозной идеи... но и силы к служению этой идее» [1]. Редактор-издатель считал, что совместная борьба русской армии и болгарского народа разбудит лучшие силы и чувства свободолюбия и патриотизма у народов России. Н. И. Воронов подчеркивал в статье:

«А сколько геройских подвигов, сколько беззаветной самоотверженности и самоотречения проявил в нынешнюю войну простой русский мужик, одетый в солдатскую шинель. Какой изумительный героизм выказали и русские интеллигентные люди, накинувшие на себя военный мундир! Для таких людей, для такого народа можно пожертвовать всеми своими личными благами, посвятить все помыслы и заботы тому, чтобы на долю их доставить те дары, которые несут с собою свобода и цивилизация, и чтобы этот народ занял наконец приличное ему место на пиру человечества» [2].

Правда, автору, как всегда, приходилось свои подлинные мысли и надежды маскировать с помощью официальной терминологии и штампов.

В том же номере газеты был помещен небольшой некролог о смерти поэта-демократа Н. А. Некрасова. «Жизнь поэта — в его стихотворениях,— говорилось в некрологе.— Жизнь Некрасова всем известна, и его биографию многие знают наизусть. У теплого еще трупа, из полуоткрытых еще уст его как бы слышится его поученье «Сеятелям» «знанья на ниву народную», так верно и точно характеризующие его сердечное желание, секрет силы его поэзии:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Следует заметить, что Н. А. Некрасов был одним из любимейших поэтов Николая Ильича и членов его семьи. Прижизненные сборники стихов поэта всегда

[1] Кавказ, 1878, 5 января.
[2] Там же.

стояли на видном месте в вороновской библиотеке. Многие его стихи знали наизусть, нередко читали их вслух по вечерам.

Большего Н. И. Воронову и его друзьям при издании «Кавказа» добиться не удалось. После целой волны убийств революционерами-народниками царских министров и сановников, после выстрелов Александра Соловьева в царя Александра II в апреле 1879 года царская цензура начала зверствовать. Реакция перешла в наступление, жестоко мстя революционерам.

И все же Н. И. Воронов продолжал поднимать в газете важные злободневные вопросы. За четыре года своего редакторства он сумел поставить в газете следующие проблемы: определяющая роль народа в истории, его угнетенное положение в России, критика колонизаторской политики царизма на Кавказе, героизм русских солдат и грузинских ополченцев-добровольцев в русско-турецкой войне; бюрократизм, взяточничество в Кавказском крае и в русской армии; необходимость развития промышленности в Грузии, Абхазии; самобытность и приобщение к мировой культуре малых народов Кавказа; эмансипация и образование женщин в России и Грузии; развитие науки и культуры в Закавказье. По многим из этих проблем Воронов неоднократно выступал сам на страницах «Кавказа».

Никогда Воронов не щадил себя в работе. Но за эти четыре-пять лет он был сверх всякой меры перегружен редакторской и авторской деятельностью. Выпуск большой ежедневной газеты в условиях войны, наступления реакции и всевидящей цензуры отнимал последние силы. В конце 1879 — начале 1880 года Воронов ждал обыска, ареста и ссылки [1]. Предупрежденный об этом Старосельским, он сжег часть своих книг, рукописей, переписки. И нервы сдали. В мае 1879 года произошло первое кровоизлияние в мозг с потерей сознания. Врачи вылечили. Через год случилось второе кровоизлияние и паралич ног.

С наступившим теплом, в марте 1882 года, Александра Константиновна Прогульбицкая-Воронова пере-

[1] Характерно, что именно в это время администрация наместничества арестовала известного грузинского общественного деятеля Н. Я. Николадзе и выслала его под гласный полицейский надзор в Ставрополь; редактируемая им в Тифлисе газета «Обзор» была закрыта за «совершенно антиправительственное направление».— См.: История социально-революционного движения в России. 1861—1881. Спб., 1887, с. 127.

везла своего больного мужа в имение «Ясочку» в селе Цебельда близ Сухума. Предварительно в Тифлисе за бесценок распродала почти все вещи и часть мебели. В «Ясочку» захватила только сундук с книгами и рукописями мужа.

Николай Воронов встречал свою пятидесятую весну...

«ЯСОЧКА»

Несколько лет назад, 13 февраля 1874 года, когда Николай Ильич Воронов еще служил начальником статистического отделения Горского управления, он был «пожалован участком из земель Сухумского отдела в количестве 462 десятин 1272 сажен (земли)». Так гласил «высочайший» приказ по Главному управлению Кавказского наместничества. И здесь не обошлось без вмешательства и личного ходатайства Старосельского. Так волей судеб бывший связной Герцена и заключенный покоя под номером четыре Алексеевского равелина стал владельцем участка земли. Получил надел Воронов не за верность романовскому трону, а за личные заслуги перед Кавказским краем и его народами, как видный общественный и культурный деятель, ученый-кавказовед.

Земли в районе древнеабхазского села Цебельда (Ольгинское) пустовали с июля 1866 года. Тогда после крупного восстания абхазского крестьянства, жестоко подавленного царскими карателями, началось массовое переселение из Абхазии в Турцию дворян и частично крестьян. Только за год в турецкие районы ушло свыше 15 тысяч абхазцев. Многие цветущие села и деревни Абхазии запустели. Бурьяном и кустарником поросли земли и сады вокруг Цебельды.

Спустя восемь лет, весной 1874 года, на одном из таких пустующих участков земли и поселилась супружеская пара Вороновых: сорокадвухлетний Николай Ильич и его двадцатишестилетняя жена, Александра Константиновна, с трехлетней дочкой Олей. А 1 июня того же года в семье Вороновых появился сын Юрий.

А. К. ПРОГУЛЬБИЦКАЯ

Николай Воронов и Александра Прогульбицкая впервые встретились в Аббастумане летом 1866 года. В то лето Н. И. Воронов со своим другом М. А. Селитренниковым отдыхали на водах Аббастуманского курорта,

По вечерам друзья любили прогуливаться по тенистому парку, послушать на ротонде курорта музыку. Там друзья и познакомились с сестрами Прогульбицкими — Александрой и Надеждой.

А. К. Прогульбицкая родилась в 1848 году, выросла в семье кадровых военных. Ее дед по матери, Михаил Иванович Старов, уроженец Москвы, офицер Уланского полка, принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года. В семье Вороновых имеются сведения, что полковник Старов был близок к офицерам-декабристам, некоторых знал и дружил с ними.

Отец Александры Константиновны, Константин Прогульбицкий,— выходец из старинного дворянского, но обедневшего польского рода, уроженец Виленской губернии. Кончил кадетский корпус, в молодые годы короткое время служил офицером в войсковой части, стоявшей в Польше. По данным Л. Н. Вороновой, офицер Прогульбицкий за симпатии к участникам польского освободительного движения (а возможно, и за связи с ними) был срочно переведен в армейский полк, сражавшийся на Кавказе против горских повстанцев Шамиля.

Традиции демократизма, честности и гуманности были определяющими в семействе Прогульбицких-Старовых; в духе этих традиций были воспитаны в особенности старшие сестры — Александра и Надежда. Както один офицер за противоправительственные разговоры по решению суда чести был выслан вместе с семьей из Ахалциха в дальнюю войсковую часть, в Озургеты, где свирепствовала лихорадка. Позднее А. К. Прогульбицкая-Воронова вспоминала: «Эта ссылка привела в нищету (офицерскую) семью, возвратившуюся обратно в Ахалцих через два года. Папа и мама снабдили их необходимой мебелью, провизией и прочим. Только они не отшатнулись от угнетенных, все остальные офицеры этого батальона в угоду командиру остались бездушны к беднягам...» [1].

...Полтора года переписывались Николай Воронов и Александра Прогульбицкая. В переписке лучше узнавали друг друга, спорили, раскрывали свои взгляды на окружающую жизнь, людей. Чаще и активнее писал Николай Ильич. Вот несколько отрывков из его писем из Тифлиса в Ахалцих.

---

[1] ЛАВ. Воспоминания А. К. Вороновой (запись 80-х годов).

11 октября 1866 года: «...мне часто говорят, что я умен, а между тем, при этом уме, я не сумел до сих пор устроить себя сколько-нибудь прочно. Прошлое мое полно таких пассажей, которые мало говорят за мою житейскую сметку...»

В этом письме Воронов впервые намекает на свою революционную деятельность в 1860—1862 годах и заточение в Алексеевском равелине.

31 октября 1866 года: «...бедность, (материальные) недостатки имеют свою счастливую сторону... Наш брат — за все благодарен».

3 ноября 1866 года: «Много и больно допекала меня жизнь, устраивая мне всякого рода неприятности, но я неисправим в том отношении, что для меня прежде всего в жизни — тот или другой принцип, то есть согласен или же не согласен мой поступок с моими убеждениями, с моими взглядами на жизнь. Не выгода, не корысть, не житейская сметка руководят мною в том или другом поступке, а нравится или не нравится моему нравственному чувству тот или другой шаг в жизни. Нравится — я его делаю...»

9 декабря 1866 года: «Всякий выход в большое общество расстраивает меня, наводит на меня тоску, чуть не отчаяние. Равновесие нравственных моих сил нарушается, и я делаюсь на некоторое время нравственно больным и сильно страдаю... В такие минуты я вижу все в самых мрачных красках; давит меня тоска...»

Душно и тоскливо было умному и высококультурному Николаю Воронову в условиях самодержавного строя. Он ненавидел весь этот «большой свет» дворянской аристократии и царской реакции, который загубил жизнь Пушкина и Лермонтова, Белинского и Чернышевского, заставил эмигрировать Герцена и Огарева. Презирал всех этих верноподданных царских управителей Кавказского наместничества: тупые и самоуверенные лица-маски, фальшивые подобострастные улыбки, генеральские эполеты, аксельбанты и орденские звезды служак-администраторов и душителей крестьянских бунтов; преуспевающих буржуа и жуликоватых купцов с их вечными разговорами о прибылях, самоуверенных грузинских князей — собственников обширных земельных владений.

Николай Ильич хотел, чтобы его невеста знала о его радикальных взглядах на жизнь, общество.

1 января 1868 года Николай Воронов скромно об-

венчался с Александрой Прогульбицкой в церкви Тифлисской мужской гимназии.

«ПИСЬМА ОБ АБХАЗИИ»

...Вороновы безмерно были рады полученному участку земли. Это воспринималось как должное, заработанное честным и тяжелым трудом. Вороновы получили возможность на лето вывозить детей (их вскоре стало четверо) в горы и к морю из душного Тифлиса.

В ту весну 1874 года они с женой поставили легкий летний домик на две комнаты на одном из холмов Цебельдинской долины в старом заброшенном тенистом саду. Выезжали сюда и жили здесь только в летние месяцы. Через два года приступили к строительству нового, более капитального дома.

Однако не было покоя на землях Абхазии. В апреле — мае 1877 года началась русско-турецкая война. Угроза вторжения турецких войск в районы Грузии — Абхазии заставила Воронова отправить свою семью к друзьям, в Кутаис. Высадившийся турецкий десант в мае захватил без боя Сухум, а позднее и село Цебельду. Дом Вороновых, как и дома других русских, греческих, армянских, сербских поселенцев, был разграблен и сожжен турецкими солдатами.

У Вороновых сохранилось несколько писем того периода. Из письма Н. И. Воронова жене в Кутаис 20 апреля 1877 года:

«Моя жизнь идет в хлопотах с 6 часов утра до 10 или 11-ти вечера: в конторе (то есть в редакции газеты «Кавказ».— *И. Л.*) ярмарка продолжается... Поклонись Селитренниковым. Попросим Митрофана Андреевича пройтись по части фельетонной на тему о нашем крайнем равнодушии и постыдном поведении (то есть, по-видимому, Воронов осуждает позицию, занятую царским правительством в отношении защиты интересов балканских славян.— *И. Л.*) ввиду грозных исторических событий, висящих на носу (канун русско-турецкой войны.— *И. Л.*). Пусть наберет побольше яду от всех колхидских медей и польет им свой фельетон направо и налево...»

Все лето 1877 года Воронов и Селитренников были заняты освещением в «Кавказе» событий войны. Выезжали на фронт в действующую армию, воочию видели, как героически сражались русские солдаты и офицеры.

В конце августа того же года русские войска после короткого боя освободили Сухум, несколько позднее и

Цебельду. В сентябре — октябре Николай Ильич вместе с известным абхазоведом А. Н. Введенским посетили город, видели следы страшных разрушений, десятки обезображенных трупов абхазцев, оставленных турками после отступления. Результатом этой поездки явилась публикация в одиннадцати номерах «Кавказа» большой и интересной статьи А. Введенского[1] «Письма об Абхазии». Появилась она благодаря поддержке Воронова.

В первом «Письме об Абхазии» автор сообщал: «Город (Сухум) не только разрушен до основания, но приведен в такой вид, что без ассепизации местности на долгое время должен сделаться необитаем. «Гуманные» турки, отняв все имущество несчастных абхазцев — скот, теснимые со всех сторон нашими отрядами, не могли его взять с собою и над ним повторили приемы, практикуемые ими над болгарами, армянами и их имуществом. Около десяти тысяч голов рогатого скота и лошадей убито ими на улицах города... Трупы нескольких десятков абхазцев, не желавших выселиться и защищавших честь своих семейств, страшным образом обезображенные, валяются тут же, на набережной, вместе с трупами убитых во время перестрелок турок. Около маяка сложено в кучу до тридцати тел абхазцев, со связанными руками и с перерезанными горлами: эти несчастные, как видно, в последний момент оказали сопротивление...»[2]

В «Письмах об Абхазии» автор пригвоздил к позорному столбу турецких захватчиков, показал страшную правду войны, выступил как поборник мира. С момента занятия Сухума русскими войсками в 1816 году город и его население пережили пятый турецкий погром. Всякий раз после очередного погрома Сухум отстраивался и вновь расширялся. Автор выражал надежду на то, что центральные и местные власти наконец обратят на Сухум должное внимание: позаботятся о благоустройстве города, его морской бухты, о его населении, о строительстве пристани и дорог.

Публикацией этой статьи Николай Ильич продолжал критику неправильных и половинчатых действий местной администрации.

[1] Выявить автора статьи «Письма об Абхазии» А. Н. Введенского (под статьей вместо его фамилии стояла буква «А») помог член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР, профессор Г. А. Дзидзария, за что автор приносит ему свою благодарность.

[2] Кавказ, 1877, 1 ноября.

ХЛОПОТЫ О ПЕНСИИ

После того как дом в Цебельде был сожжен турецкими захватчиками, семья Вороновых некоторое время не выезжала в «Ясочку». Но вот случилась страшная майская беда 1880 года. Паралич разбил сорокавосьмилетнего Воронова. Могло казаться, что все планы, мечты, надежды разом рухнули. Однако этого не произошло. Эстафету Николая Ильича — его глубокую веру в прекрасное будущее России и Кавказского края, в свободу, равенство и братство народов, борьбу за торжество своих убеждений — подхватила жена, Александра Константиновна, дети — сын Юрий и дочери Ольга, Вера и Людмила...

Когда Николай Ильич заболел, его жена приняла решение переехать в Цебельду с семьей на постоянное жительство. В 1880 году наскоро поставили на старом фундаменте сплетенный из турлука и обмазанный глиной новый домик из трех маленьких комнат. Через год возвели легкий флигель с верандой, где и прожил свои последние годы Николай Ильич. Через шесть лет (в 1886 году) Вороновы построили вместо временного домика из турлука небольшой дом на три комнаты с кухней, в котором жила вся семья и который сохранился до наших дней в первозданном виде.

С болезнью Н. И. Воронова его семья на долгие годы лишилась прежнего материального достатка. Понадобилось три года унизительной затяжной переписки Н. И. и А. К. Вороновых с бюрократическими инстанциями наместничества, чтобы выхлопотать пенсию человеку, известному далеко за пределами Кавказского края и сделавшему так много для его изучения. Не хотелось вновь обращаться к Д. С. Старосельскому. И все же пришлось. Для продвижения дела Николай Ильич в сопровождении жены совершил мучительную поездку в Тифлис.

Служебный стаж Воронова был определен в 23 года 3 месяца и 24 дня, и ему назначили пенсию 107 рублей 21 копейку в год. Таким образом, на каждого члена вороновской семьи приходилось в день по 5 копеек, в месяц 1 рубль 49 копеек, в год 17 рублей 85 копеек [1]. Это была нищенская пенсия.

Последовала очередная переписка. Генерал Старосельский уговорил нового наместника князя Дондукова-Корсакова направить специальный запрос министру

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 6824, л. 8, 10.

внутренних дел в отношении пенсии Воронова. Старосельский и его помощники подготовили соответствующую бумагу, где вся деятельность Николая Ильича на Кавказе представлялась с лучшей стороны.

Князь Дондуков-Корсаков и Старосельский просили поднять Воронову пенсию до 857 рублей 70 копеек в год «с производством оной (выплаты) из Тифлисского губернского казначейства». Учитывая заслуги Воронова перед Кавказским краем, правительственные власти увеличили ему размер пенсии до 428 рублей 85 копеек в год, что было вдвое меньше той суммы, о которой ходатайствовали наместник и его помощник [1].

Единоличной хозяйкой имения «Ясочка» стала Александра Константиновна Воронова. На плечи миловидной тридцатичетырехлетней женщины легла огромная ответственность. Забота о больном парализованном муже. Забота о четырех детях — сыне и трех дочерях. Забота о доме, саде, хозяйстве. И повсюду она успевала и успешно справлялась со своими обязанностями. Позднее Людмила Николаевна Воронова вспоминала: «Богатая кавказская природа позволяла вести натуральное хозяйство. Мы были сыты, и моя мать могла угощать гостеприимно всех кавказцев и русских, проезжавших и проходивших мимо нас. Брат Юра пас коров, я с сестрой Верой пасла сначала гусей, а потом свиней... Мы жили среди природы, и дети проходили в своем развитии стадии первобытной жизни колонистов необитаемых стран. Мать моя, молодая, живая, энергичная, смелая и гостеприимная, мечтавшая всегда о гармоническом сочетании физического труда с умственным, с радостью погрузилась в эту первобытную обстановку после тесного и всегда давившего ее большого города. Она вспоминала свою молодость и с увлечением трудилась. Ее радовало каждое деревце и цветок. Я помню ее лицо: ясное, светлое, сверкавшее внутренней радостью. Она осталась такою же, как раньше, романтической идеалисткой и демократкой».

ТРУДОВАЯ КОММУНА

В 1883—1884 годах на базе своего имения «Ясочка» Н. И. и А. К. Вороновы попытались создать нечто вроде трудовой коммуны — в духе идей романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Роман чрезвычайно почитался в семействе Вороновых.

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 6824, л. 12, 13.

В район Цебельды из голодной Екатеринославской губернии переселились две большие семьи русских рабочих-шахтеров, всего 20 человек (братья, их жены, дети). Ядро семьи составляли три брата — Андриан, Александр и Григорий (фамилии их неизвестны), скромные, честные, работящие. У Вороновых они просили исполу (то есть с условием уплаты за аренду половины снятого урожая) несколько десятин земли. И тогда Николай Ильич и Александра Константиновна предложили братьям вести вороновское хозяйство на коллективных началах, с разделом всех его натуральных доходов на три равные части, то есть на семью Вороновых и семьи двух женатых братьев. Екатеринославцы согласились. В совместный фонд «производственной общинной артели» (так называли ее А. К. и Л. Н. Вороновы) вошли: от Вороновых — вся земля, две лошади, две пары волов, 30 голов крупного рогатого скота и свиней, 100 штук ульев, семенной фонд картофеля и кукурузы; от екатеринославцев — три лошади, две телеги, плуг, мелкий инвентарь; но, самое главное, екатеринославцы вкладывали свой труд в обслуживание хозяйства (на них ложились самые тяжелые и основные сельскохозяйственные работы). Продукты, полученные в хозяйстве,— картофель, кукуруза, соленое и вяленое мясо, фрукты, мед — поступали в общее пользование и делились поровну по числу едоков. Недостающие продукты и семена приобретались на общие средства, вырученные от продажи продуктов, табака на рынке в Сухуме, и распределялись между тремя семьями. Екатеринославцы пахали землю, растили и убирали урожай, заготовляли сено; Вороновы следили за садом, пропалывали огород, с шахтерскими детьми пасли скот, присматривали за пчелами. На расходы по хозяйству пошла и пенсия Н. И. Воронова [1].

Члены шахтерских семей поселились в вороновском домике и флигеле (одновременно строили еще один). Сообща жили, питались, трудились, отдыхали и учились. Сообща делили радость и горе. Прививаемые семьей уважение и внимание к ближнему, демократизм в общении и простота нравов, любовь к труду в сочетании с любовью к книге, обстановка близости к природе — все это благотворно сказывалось на воспитании

---

[1] ЛАВ. Письмо Л. Н. Вороновой Ю. Н. Воронову (младшему), 1963 год, копия, с. 11—13.

Юрия, Ольги, Веры и Людмилы Вороновых. На их понимании горестей и радостей, мечтаний и идеалов человека труда, человека — производителя всех ценностей жизни. Это была подлинная трудовая коммуна, хотя и созданная на базе частного имения,— явление, до того невиданное в истории Абхазии и Грузии.

Вороновская трудовая коммуна просуществовала около трех лет. Соседние помещики Бобринские, Рукавишниковы, Рейнгарды, возмущенные невиданным экспериментом Вороновых, стремились подорвать их хозяйство, очернить Вороновых в общественном мнении Сухумского округа. Были трудности и другого рода. Вороновское хозяйство в целом носило натуральный характер: денежных доходов было мало. Семьи братьев-шахтеров увеличивались, росли расходы, появились долги. Нужны были новые денежные поступления, а их не предвиделось. Помещик Рейнгард и его управляющий Шраплау завели крупную плантацию американских сортов табака для своей московской табачной фабрики. Разумеется, им нужны были рабочие руки, и они довольно высокими заработками переманили к себе шахтерские семьи. Трудовая коммуна в «Ясочке» распалась, она попросту не могла существовать в условиях царской России.

Много позже, вспоминая о коммуне, Л. Н. Воронова писала о том, что «следы ее воспитательного воздействия в нашей психике остались навсегда, сделали свое хорошее дело. Мы увидели, что русские трудящиеся люди умеют дружно и честно работать, хотят быть грамотными. Мы увидели, что они ничем не отличаются от нас, могут быть нам равными и хорошими товарищами».

С уходом братьев-шахтеров вороновское хозяйство обслуживалось вольнонаемными пахарями, жнецами, косарями, пастухами. И впоследствии «Ясочка» сохраняла черты полуартельного, полуобщинного «коммунарского» хозяйства. По свидетельству Л. Н. Вороновой, каждую весну и лето из-за Клухорского перевала в «Ясочку» приходили ватаги свободолюбивых работников. Это были в основном бунтари, ненавидевшие существовавшие в России порядки; среди них — русские, украинцы, белорусы, болгары, греки, армяне, турки, немцы, абхазцы, персы.

Десятки, сотни людей — с их нуждой и бедствиями, с их бегством от страшной великорусской помещичьей

и капиталистической действительности, с их стихийной и огромной тягой к счастью, культуре, свободе, с их песнями, танцами, стихами, сказками и рассказами о доле народной, о доле неправедной. Это был настоящий «университет» для Вороновых. С трудовой коммуны, с познания народных нужд и чаяний и начинался путь в революцию второго поколения Вороновых.

КОЕ-ЧТО ОБ АБХАЗИИ

...На первый взгляд могло показаться, что «Ясочка» была расположена в глухомани, вдали от городов — центров промышленности и культуры. Однако это было не так. «Ясочка» находилась вблизи от Сухума, сравнительно недалеко от Батума и Кутаиса, где в 70—90-х годах XIX века с развитием капитализма выросло число промышленных предприятий, начали концентрироваться довольно значительные пролетарские силы.

В начале 90-х годов Сухум был связан посредством главной транспортной артерии Кавказского края — Черноморской шоссейной дороги с морскими портами и городами Новороссийском, Сочи, Туапсе. От Сухума началось строительство нового шоссе в юго-восточном направлении на Очамчиры к реке Ингур-Самтреди. Население Сухума быстро росло (с 1,3 тысячи человек в 1886 году до 8 тысяч в 1897 году), развивалась промышленность и торговля. Через 15—20 лет после русско-турецкой войны Сухум превратился в шумный портовый, торговый и курортный городок. В 1898 году Всероссийский конгресс врачей в Москве признал Сухум одной из лучших климатических зон для больных туберкулезом и другими легочными болезнями. Сухумское морское побережье превращалось в крупный дворянско-буржуазный курорт. В условиях земельной спекуляции началось быстрое строительство различных гостиниц, пансионатов; увеличилось число врачей, медицинского персонала.

В Абхазии усиленно развивалась сельскохозяйственная и ботаническая наука. В 90-х годах открылась Сухумская опытная станция по выращиванию винограда, цитрусовых, табака в субтропиках. Тогда же было организовано Сухумское общество сельского хозяйства для содействия развитию и совершенствованию сельскохозяйственного производства в Кавказском крае.

К этому времени относится начало деятельности Сухумского грузинского драматического коллектива. В Сухуме и Абхазии получили широкое распространение

произведения классиков грузинской литературы Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Георгия Церетели, которые хорошо знали Абхазию, ее народ, неоднократно бывали в Сухуме. Здесь отдыхали, лечились, работали А. П. Чехов, А. М. Горький, И. Е. Репин, В. В. Верещагин и другие представители русской интеллигенции.

В Абхазии появляется своя национальная интеллигенция: поэт и общественный деятель Г. М. Шервашидзе; известный публицист Д. З. Чхотуа — бывший студент Петербургского университета; выдающийся педагог, «дед абхазской школы» Ф. Х. Эшба; молодой талантливый писатель и публицист Д. И. Гулиа. В 1892 году в Тифлисе вышел абхазский букварь, составленный Д. И. Гулиа и К. Д. Мачавариани. «Открылась возможность говорить с народом на его родном языке» [1],— писал Д. Гулиа.

Однако развитие культуры в Абхазии сдерживалось тем, что абсолютное большинство абхазского народа пребывало в неграмотности и невежестве, испытывая на себе помещичье-капиталистический и национальный гнет, дикий произвол самодержавных властей. К началу XX столетия в Абхазии было всего около 10 процентов грамотных — в основном это были представители привилегированных слоев населения.

ОЧАГ КУЛЬТУРЫ

Обрисовав в самых общих чертах картину развития промышленности и культуры в Абхазии, вернемся опять в «Ясочку». Здесь жили интересной и содержательной культурной жизнью. Николай Ильич и Александра Константиновна, а вместе с ними и их дети ценили и знали книгу. С 60—80-х годов начала складываться знаменитая вороновская библиотека. Ее составляли газеты и журналы, общественно-политическая, историческая, экономическая и художественная литература. В библиотеке было немало книг на английском, немецком и французском языках. Ею пользовались не только сами Вороновы и их соседи-дворяне Краевичи, Шафрановы, Захаровы, местные учителя, агрономы. Нередко и окрестные крестьяне, сельскохозяйственные рабочие брали вороновские книги: сказки А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, стихи М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, И. Г. Чавчавадзе.

[1] *Гулиа Д.* История Абхазии. Тифлис, 1925, т. 1, с. 1.

Хозяйка «Ясочки» Александра Константиновна любила музыку, недурно музицировала на концертино, исполняла романсы, русские и украинские народные песни. Иногда Вороновы вместе с соседями устраивали музыкальные и театрализованные вечера с пением романсов, песен, чтением стихов.

Переписка Вороновых, сохранившаяся в их архиве, дает представление о том, какова была духовная атмосфера в «Ясочке» в эти годы, какие явления общественно-политической и культурной жизни волновали членов семьи.

4 ноября 1894 года А. К. Воронова пишет дочери Вере в Кутаис:

«...У нас установились вечера по примеру прежних цебельдинских вечеров с работой, пением и чтением вслух».

11 февраля 1896 года А. К. Воронова — Вере:

«...Читаем вслух М. Е. Салтыкова-Щедрина, хорошо он писал, и у него есть такие превосходные места, которые можно читать, как роли...»

21 января 1898 года А. К. Воронова — сыну Юрию в Монпелье:

«...Получили мы первую книжку «Мир Божий», прочли лекцию профессора К. А. Тимирязева «Физиология растений как основа рационального земледелия» — все в ней ясно и понятно, и я понимаю, какое могут слушатели испытывать наслаждение во время чтения лекций известными даровитыми профессорами».

25 марта 1898 года А. К. Воронова — Юрию:

«Знаменитый Вирхов (выдающийся немецкий ученый-биолог.— *И. Л.*), командированный исследовать голод в Силезии... высказался, что для предотвращения этого народного бедствия необходимо совсем изменить строй жизни жителей... Не то ли же самое нужно в России?..»

18 ноября 1901 года А. К. Воронова — Юрию в Петербург:

«...Прочитала драмы Чехова... Очень понравились».

1 февраля 1902 года А. К. Воронова — дочери Вере в Тифлис:

«...Ты, родная, забываешь, что писать нельзя очень многого. Время тревожное. Тысячи молодых жизней растрачиваются и гибнут... Лесков — это жизнь, сила, яркие краски, каждый из действующих лиц стоит перед читателем живым существом, юмора сколько!»

Таких писем Александры Константиновны Вороновой многие десятки. Читаешь их и поражаешься: какая широта взглядов, какой глубокий интерес к жизни, политике, литературе, истории, политэкономии, сельскохозяйственной науке; и одновременно тревога за судьбу родины — России, где самодержавный строй сковывал гигантские творческие силы народа.

НАРОДНАЯ ШКОЛА

Александра Константиновна Воронова превратила «Ясочку» в местный центр общеобразовательного просвещения грузинского, абхазского, армянского, русского, греческого, украинского крестьянского населения. С 1880 года начались первые эпизодические занятия с крестьянами и их детьми. Сначала занятия вел парализованный Николай Ильич; но вскоре болезнь его начала быстро прогрессировать, и уроки взяла на себя Александра Константиновна.

Со временем (уже после смерти Н. И. Воронова) решили открыть в «Ясочке» народную школу. За дело энергично взялись Александра Константиновна и ее старшая дочь, Ольга Николаевна, закончившая к тому времени гимназию. На Вороновых заразительно действовал яснополянский эксперимент Л. Н. Толстого. О том, как продвигалось дело с открытием школы, рассказывают вороновские письма.

15 октября 1896 года А. К. Воронова писала Юрию в Москву:

«...Школа через неделю-две откроется. Армянских мальчиков — 5, наших греков — 10. Теперь столяр спешит к 20-му (октября) закончить классные столы, скамьи и доску. Все будет по-настоящему. Мы уже выписали из Тифлиса необходимые учебники... Класс будет в первой комнате (флигеля)».

18 ноября 1896 года А. К. Воронова — Юрию в Одессу:

«...Наша школа открыта с 15 ноября, конечно неофициально...»

21 февраля 1897 года А. К. Воронова — Юрию:

«...В нашей школе дела идут хорошо. Оля сдала на мое попечение самое младшее отделение 6 чел[овек], и я с ними занимаюсь аккуратно, успехи очевидны. Все они пишут на грифельных досках отдельные слова и короткие фразы; делают сложение, а к вычитанию я их понемногу приучаю; каждый день они читают, и потом я им пишу самые общеупотребительные в домашнем

обиходе фразы, их переводит Георгий (молодой крестьянин — житель Цебельды.— *И. Л.*), а мои малютки заучивают их наизусть».

22 апреля 1897 года А. К. Воронова — Юрию в Монпелье:

«...Я думаю, что к сентябрю придется и вторую комнату флигеля обратить в класс. Я и интернат устрою для мальчиков, далеко живущих... Благодаря книгам, которые у нас не переводятся с нового года, мы узнаем многое».

Вскоре о народной школе в «Ясочке» прослышали сухумские школьные инспектора: доложили попечителю учебного округа в Кутаис. Пришлось Вороновым зарегистрировать школу как действующую на основе министерских программ и подчиняющуюся учебному округу.

4 мая 1897 года А. К. Воронова — Юрию в Монпелье:

«...Инспектор (учебного округа.— *И. Л.*) дал совет Оле, чтобы она учила детей молиться... «Если приедет к вам благочинный и дети не будут уметь перекреститься и прочитать молитву, то может донести на вас, отчего будут неприятности и вам и нам». ...Да, если бы не попье, то можно было бы обойтись без всех этих умопомрачающих детские головы истин».

Всегда Николай Ильич и Александра Константиновна Вороновы воспитывали своих детей в духе последовательного атеизма; в таком же духе воспитывали и крестьянских детей-школьников. Народная школа в «Ясочке» просуществовала около пяти десятилетий, из них 10 лет — в годы Советской власти.

ДРУЗЬЯ И ГОСТИ ВОРОНОВЫХ

Все эти годы (80—90-е годы прошлого столетия) Александра Константиновна Воронова вела активную переписку с другом семьи — Александром Семеновичем Трачевским. Он глубоко уважал и ценил Прогульбицкую-Воронову за ее светлый ум, сердечность, доброту и гостеприимство (Трачевский неоднократно бывал в «Ясочке»), за стойкость и оптимизм. В одном из писем Трачевский писал Вороновой:

«...Мне так кстати было окунуться в пахучий, свежий мир горной идиллии, оживляемой неутомимою работой русской женщины-героини... Вижу, что с Вами не пропадут ни Ваши дети, ни Ваш больной, которому от души желаю поздороветь... Вы — новое доказательство, что стоит работать для нашей женщины, для которой, смею сказать, я много сделал в Одессе».

Выше уже отмечалось, что Н. И. Воронов и А. С. Трачевский были активными поборниками эмансипации российской женщины, создания системы среднего и высшего образования для женщин, их совместного и равного обучения с мужчинами. В условиях царской России это была одна из животрепещущих проблем, решения которой требовали революционно-демократический лагерь, прогрессивная общественность. Не найдя поддержки своих идей в Кавказском наместничестве, в конце 1877 года Трачевский переехал с семьей в Одессу. Здесь он блестяще защитил докторскую диссертацию и единогласно был избран профессором по кафедре всеобщей истории в Новороссийском (Одесском) университете.

Ведя большую научную и преподавательскую работу, Трачевский вместе со своей женой Юлией Александровной, талантливым педагогом и публицистом, приступил к созданию одного из первых в России высших учебных заведений для женщин — Одесского женского университета. В условиях российского самодержавия предприятие Трачевских было смелым, вызывающим, рискованным. Дворянско-монархические мракобесы подвергли А. С. Трачевского и его жену бешеной травле в печати. Он рассказывает об этом времени в письме А. К. Вороновой:

«...Моя деятельность была связана еще с женским вопросом. Я начал строить Женский университет. Никогда я не был таким молодцом и счастливцем! Расшевелил всех. Сыпались пожертвования, устраивались спектакли, (городская) дума определила 10 000 (рублей) и обещала еще. В начале (18)79 г. был послан устав. А между тем я устроил подготовительные курсы: женщин набралась масса, и они платили всего несколько копеек за урок у лучших учителей. Весной (1879) было известно, что министр на днях утвердит устав, и мы готовились открывать университет в августе... как вдруг последовал выстрел Соловьева[1] — и началась реакция, от которой мы не можем опомниться до сих пор. Устав не утвержден».

В борьбе за высшее женское образование А. С. Трачевский показал себя мужественным ученым. Сотрудничество с революционером-шестидесятником Н. И. Вороновым не пропало даром для него. Трачевский попытал-

---

[1] 2 апреля 1879 года народоволец А. Соловьев совершил неудачное покушение на Александра II, был схвачен и казнен.

ся организовать выступление преподавателей университета против новых правил для студентов, принятых правительством.

Вот как он рассказывает об этом в письме А. К. Вороновой:

«Вскоре прибыл Тотлебен, сдавший дела Панютину (сменившему Тотлебена на посту генерал-губернатора Новороссийской губернии.— *И. Л.*), который многих перевешал и сослал в Сибирь (речь идет о расправах над революционерами-народовольцами в конце 70-х начале 80-х годов.— *И. Л.*). Власти коснулись и университета: явились новые правила для студентов, вредные. Студенты стали волноваться. Чтобы остановить их, я взял дело на себя и стал уговаривать товарищей (преподавателей) объяснить вредность правил. Сделан донос на меня — и явилась телеграмма из Ливадии (там находился в это время царь.— *И. Л.*) о ссылке меня в Восточную Сибирь, если не уймусь. Я подаю в отставку — не пускают. Кое-как уладилось — и я очутился в командировке в Париже. Много сделал для науки, издал в одном журнале сочинение, которое французы заметили, их ученые подружились со мной. Но много бедствовал (думал, что не возвращусь в Россию), страшная дороговизна, плохой курс франка...»

А. С. Трачевский прожил в Париже до августа 1881 года и затем вернулся в Россию. В октябре 1881 года он вместе с женой открыл в Одессе «Новую школу». Александр Семенович и Юлия Александровна Трачевские осуществили на практике идею совместного обучения юношей и девушек. Занятия в школе велись по новой программе, в которую входил цикл физико-математических и естественных наук, углубленно изучалась русская литература и история. Совместное обучение юношей и девушек да еще явно материалистический уклон в преподавании предметов — это была неслыханная дерзость в условиях российской действительности.

«Новая школа» Трачевских просуществовала два с половиной года. Дворянско-монархические мракобесы подвергли Александра Семеновича бешеной травле в печати. В августе 1884 года Трачевский писал из Петербурга в «Ясочку»:

«Наша казенная педагогика так опротивела нам, что мы решились завести свою школу. Дело пошло хорошо. Но кончилось тем, что в апреле (1884) закрываем... Ра-

ботая над учебником средневековой истории (а Юлия над своей грамматикой), внезапно получаю бумагу о закрытии «Новой школы» по распоряжению министра просвещения. Если я так вреден, то и с кафедры сгонят. Не буду говорить еще о куче мерзостей... Здесь я содрогнулся от того, что узнал: меня возвели в опасные госуд(арственные) преступники... Во всяком случае, мне закрыт путь ко всякой общественной и журналистской деятельности. Но сказали, что моей кафедры (в Новороссийском университете.— *И. Л.*) не тронут, если я умру, заставлю забыть о себе. Учебник не только не одобряют, но хотят запретить. Одно время думал, что не вынесу...»

Однако царским властям не удалось сломить мужество А. С. и Ю. А. Трачевских. Они продолжали жить, трудиться, бороться за свои человеческие права и высокие идеалы [1]. Обо всем этом стало известно только благодаря вороновскому архиву.

Кроме А. С. и Ю. А. Трачевских в «Ясочке» гостили, отдыхали и работали член-корреспондент Академии наук Д. З. Бакрадзе, археолог П. С. Уварова. Они изучали древние архитектурные памятники Цебельды и Полтавского (древние храмы, остатки великой Абхазской стены и т. п.). Побывали в «Ясочке» также известный путешественник и ботаник Н. М. Альбов — исследователь флоры Кавказа, Абхазии, Огненной Земли; профессор медицины А. А. Остроумов — зачинатель курортологии в Абхазии; молодой абхазский учитель Д. И. Гулиа, поэт и писатель Г. М. Шервашидзе (Чачба) и многие другие.

...31 октября 1888 года Н. И. Воронов скончался. Дело отца продолжили его дети.

---

[1] А. С. Трачевский скончался в июле 1906 года в Петербурге, вскоре после того как была опубликована его последняя работа «Крестьянская война в Германии и Мюнстерская коммуна».

СВЯЗНАЯ АБСОЛЮТА

ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

80—90-е годы прошлого столетия были переломными в истории России. После падения крепостного права страна вступила на путь интенсивного развития капитализма. В классовой борьбе, общественно-политической жизни все чаще заявлял о себе стремительно формировавшийся российский рабочий класс. На смену революционерам-разночинцам пришли пролетарские революционеры.

С середины 90-х годов в освободительном движении России начался пролетарский период. В лице рабочего класса зрела новая мощная общественно-политическая сила, которая в союзе с крестьянскими массами, с угнетенными народами России могла сокрушить самодержавно-крепостнический строй, свергнуть гнет помещиков и капиталистов. Пролетариат возглавил борьбу трудящихся России за свое социальное и национальное освобождение. Зарождалась революционная социал-демократия. Передовая часть российской интеллигенции овладевала марксизмом, несла его в рабочую массу. Во главе социал-демократии России встал В. И. Ульянов-Ленин.

Именно на эти переломные годы приходится формирование и вступление на стезю самостоятельной жизни второго поколения Вороновых.

...Их было четверо в семье Вороновых. И все четверо родились в столице Грузии — древнем Тифлисе: Ольга — 29 сентября 1870 года, Юрий — 1 июня 1874, Вера — 15 марта 1878 и самая младшая, Людмила,— 27 ноября 1879 года.

Дети росли и воспитывались в кругу семьи в «Ясочке». Здесь они получали начальное образование. Как уже говорилось, эти годы были чрезвычайно благотвор-

ны для их нравственного и умственного развития. Но вот настала пора учения.

Ольга Воронова

Первыми покинули родное гнездо на долгие годы Ольга и Юрий. Ольга поступила во второй класс Тифлисского женского учебного заведения св. Нины в сентябре 1884 года, а Юрий начал учиться в первом классе Кутаисской мужской гимназии с октября 1885 года. Со времени болезни Николая Ильича и после его смерти семья Вороновых постоянно испытывала материальные трудности. В семейном архиве Вороновых сохранились десятки писем, в которых сквозит тревога по поводу финансового положения семьи, экономической нерентабельности «Ясочки», нарастания долгов за имение. Учитывая тяжелое материальное положение семьи, Вороновы старались обеспечить своим детям бесплатное обучение. В этом им помогали тифлисские (Д. С. Старосельский, Е. Г. Вейденбаум[1]) и кутаисские (Е. А. Нарбут, Ю. Ф. Глушковская[2]) друзья.

На долю Ольги Вороновой выпали огромные жизненные трудности. Окончив гимназию, она два года проучилась на Петербургских сельскохозяйственных курсах (больше учиться не было возможности). После этого Ольга Николаевна отдала все свои силы и недюжинный ум заботам о подрастающих сестрах и брате, их воспитанию, помощи матери по хозяйству, вечным поискам дополнительных заработков, напряженной работе педагога и воспитателя в народной школе в «Ясочке». Ее письма к матери, сестрам, брату всегда полны сердечной теплоты, внимания к ним, беспокойства за родной дом, за свою школу.

6 декабря 1897 года О. Н. Воронова пишет Людмиле в Кутаис:

«...Наша Ясочка преобразится в культурный уголок, маленький эдем (земной рай.— *И. Л.*). Я почти все время занимаюсь с детишками, но в этом году мне гораздо легче справляться с ними: они и послушные и усердные. Книги (учебники) Левшинского нравятся и мне и детям. (Их) теперь ты не узнаешь — это не манекены... а мыслящие головы».

---

[1] Е. Г. Вейденбаум — чиновник Кавказского наместничества, ученый и журналист.

[2] Е. А. Нарбут — учитель французского языка Кутаисской гимназии, бывший сотрудник газеты «Кавказ».

Ю. Ф. Глушковская — жена ветеринарного врача, домашняя учительница.

Интернациональная народная школа в «Ясочке» требовала углубленной подготовки не только по предметам обязательной программы, но и в области педагогики, психологии, гигиены, специальных знаний в абхазском, грузинском, греческом и армянском языках. И Ольга Николаевна находила время для этой подготовки. Много сил и долгие годы жизни отдала Ольга Николаевна обучению местных крестьянских детей. В одном из официальных прошений на имя попечителя Кавказского учебного округа она писала: «Проживая в деревне, я достаточно хорошо ознакомилась с здешним населением и нашла, что оно очень нуждается в школе. Многие родители обращались ко мне с просьбой учить их детей русскому языку... Прошу разрешить мне открыть школу для первоначального обучения детей чтению, письму, арифметике...» [1]

Семьи своей О. Н. Воронова никогда не имела и всю свою душевную теплоту отдавала матери, сестрам, брату. Она, так же как и ее мать, следила за всеми новостями общественно-политической и культурной жизни, читала новые интересные книги, выезжала на театральные спектакли и концерты в Батум, Сухум. Она горячо сочувствовала революционному движению, переживала за судьбы революционного студенчества (брат и сестры были в его передовых рядах). А когда в первые годы нового столетия Вера и Людмила Вороновы начали налаживать транспортные связи из Петербурга в Закавказье через «Ясочку» для переброски в Закавказье революционной литературы, Ольга Николаевна приняла в этом непосредственное участие. В годы первой русской революции она вместе с матерью скрывала, кормила, лечила в «Ясочке» многих российских революционеров. Такова была старшая из второго поколения Вороновых.

ЮРИЙ ВОРОНОВ

...В октябре 1885 года перед одиннадцатилетним Юрием Вороновым открылись тяжелые, массивные двери Кутаисской мужской гимназии.

В 80—90-е годы Кутаис являлся одним из крупных центров быстро развивающейся капиталистической промышленности Грузии. Численность его населения к этому времени выросла до 30 тысяч человек (грузины, армяне, русские, греки, евреи, персы, поляки). В городе

[1] ЛАВ. Прошение О. Н. Вороновой от 16 ноября 1896 года.

насчитывалось 492 небольших фабрично-заводских и ремесленных предприятия (по производству шелковых и шерстяных тканей, глиняной посуды, давильных колод для виноделия) с 4200 рабочими, которые составили быстро растущий революционный отряд грузино-русско-армянских пролетариев. В Кутаисском уезде добывался каменный уголь, в селении Ткибули начиналась промышленная разработка залежей свинцовой, медной, марганцевой руд. Здесь также с каждым годом росла численность рабочего класса.

Кутаис являлся крупнейшим центром национально-освободительного и революционного движения, общественной и культурной жизни Западной Грузии.

Основанная в 1880 году Кутаисская гимназия, куда поступил учиться Юрий Воронов, являлась одним из рассадников прогрессивных общественно-политических идей в городе и Западной Грузии.

В Кутаисскую гимназию Юрий Воронов пришел прекрасно подготовленным. Даже в пору своей работы в редакции «Кавказа» Николай Ильич всегда находил час-другой, чтобы уделить внимание общеобразовательной подготовке сына. Пока позволяло состояние здоровья, он и в «Ясочке» продолжал заниматься с Юрием по русскому языку, литературе, истории, географии, ботанике, английскому и немецкому языкам. Александра Константиновна занималась с сыном французским языком, литературой, музыкой. Родителям не надо было заставлять сына садиться за книгу, за учебник; наоборот, чаще приходилось отрывать его от чтения и настойчиво рекомендовать пойти поиграть с сестрами или соседскими мальчишками. В Тифлисе и в «Ясочке» Вороновы получали новейшие учебники от Трачевских из Одессы, Петербурга, Парижа; чаще всего первым читателем этих учебников был Юрий.

Юрий рос честным, целеустремленным, любознательным, трудолюбивым. Его отличали скромность, даже излишняя застенчивость, внутренняя организованность. Юрий глубоко любил мать, отца, сестер, уважал и ценил своих лучших учителей и профессоров. Всегда был верен гимназической и студенческой дружбе. По примеру отца, который был заядлым путешественником, любителем собирать гербарии, коллекционировать различных насекомых, Юрий с детских лет страстно любил окружающую природу, часто бродил по окрестностям «Ясочки», находил, засушивал, сортировал де-

сятки неизвестных ему растений, запоем читал книги по ботанике и биологии.

В гимназии учителями Юрия Воронова были известные деятели грузинского просвещения И. Оцхели, О. О. Чебиш, А. И. Стоянов; математику преподавал талантливый инженер Н. В. Згурский, историю и географию — С. Гогоберидзе, французский язык — Е. А. Нарбут, друг Н. И. Воронова[1]. На уроках этих учителей Юрий углублял и шлифовал свои знания. В его классных табелях монопольной была оценка «пять».

И все же, несмотря на старательность, самодисциплину, способности, Юрию, как и многим его товарищам, было нелегко учиться. Нелегко потому, что приходилось сталкиваться с реакционным доктринерством и догматизмом отдельных учителей, и прежде всего законоучителей, вдалбливавших в гимназические головы закон божий, приходилось подвергаться гимназической муштре.

Концентрированным выражением монархического мракобесия в области среднего образования являлись «Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения», утвержденные еще в мае 1874 года и действовавшие на протяжении четверти века. Приведем некоторые из пунктов этих «Правил»:

«§ 1. Ученики обязаны в воскресные и праздничные дни, а также и вечером накануне этих дней посещать общественное богослужение...

§ 3. Ученики гимназий и прогимназий обязаны представить (учебному начальству.— *И. Л.*) свидетельство от своего духовника о том, что были у него на исповеди и причастились св. таинств».

От гимназистов требовалось «беспрекословное повиновение своим начальникам и наставникам» (§ 19); им запрещалось «составлять между собою или с посторонними лицами какие-либо общества или вступать в таковые общества» (§ 29). Еще большим ограничениям подвергались гимназисты в свободное от учебы время; категорически запрещались, например, выходы в театры, кафе и т. п.

В «Правилах» 72 страницы убористого текста! Они строжайше регламентировали всю жизнь учащихся в гимназии и вне ее, все времяпрепровождение дома и

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, 1888 г., д. 2795, л. 3 об., 4.

вне его, отношения с учителями и родителями, форму одежды и количество пуговиц на ней (!). В «Правилах» был раздел «О взысканиях», состоящий из 14 параграфов и 19 «мер взысканий». Применялись различные меры наказания, начиная от «выговора преподавателя наедине», «стояния ученика на месте (или в углу)», «одиночного сидения в классе (или карцере)» вплоть до исключения из гимназии с лишением права поступать в какое-либо учебное заведение. «Правила» специально изучались и разучивались вслух гимназистами. Юрия Воронова и друзей его круга тошнило от этой школярской регламентации.

...В начале октября 1888 года в Кутаисской гимназии начался переполох. Стало известно, что мужскую и женскую гимназии посетит сам государь Александр III с супругой и наследником, будущим российским царем Николаем II. За неделю до приезда монарха занятия в гимназии полностью прекратились. Целую неделю, с утра до вечера, гимназистов учили маршировать. Классные наставники надрывали голоса, подавая команды, а учащиеся рвали на площадях и немощеных улицах свою обувь и учились браво, по-солдатски, кричать слова приветствия «государю-батюшке». Законоучители и гимназисты хрипели от усталости, разучивая царский гимн и соответствующие случаю молитвы.

Сохранилось письмо Юрия матери от 22 октября 1888 года, где он насмешливо описывает всю комедию встречи «монарших особ». Он рассказывал:

«...13 октября все собрались и пошли в женскую гимназию, где должна была произойти встреча государя, в парадной форме. Накануне шел проливной дождь, и слякоть по улицам была ужаснейшая. Несмотря на калоши, я выпачкался почти по колена, другие до пояса (слишком усердно тянули «ножку» по грязи). Было холодно; все дрожали всем телом. Меня директор выбрал (первый ученик! — *И. Л.*), чтобы я поднес букет ее величеству, и я должен был сказать следующее: «Имею честь вашему императорскому величеству от Кутаисской гимназии всеподданнейше поднести этот букет». Ждали долго, около четырех часов. Когда они (царь с супругой.— *И. Л.*) подошли к нам, то директор выдвинул (!) меня вперед, я подошел, сказал дрожащим голосом (!), что нужно было, и пошел назад... Меня начала трясти лихоманка».

Пройдет некоторое время, и факты из жизни Юрия

того периода покажут, что у него уже начали формироваться антимонархические, демократические взгляды путем осмысливания жизни и деятельности отца. 13 ноября 1888 года в газете «Кавказ» появился некролог в связи со смертью Николая Ильича. В этом некрологе сотрудник «Кавказа» некто Ю. П. Проценко открыто обвинял бывшего редактора-издателя в том, что тот в конце 50 — начале 60-х годов «разуверился в правильности лежавших у нас (в царской России.— *И. Л.*) основ (монархического строя) и усердно занялся исканием новых начал, которые могли бы быть спасительны для русского общества... Занятый этим выводом, Н(иколай) И(льич) в 1861 (неверно, в 1862 году!— *И. Л.*) совершил путешествие в Европу, именно в Голландию (не только туда, но и во Францию, Англию, Германию.— *И. Л.*). Эту страну он взял за образец труда... Во время этого путешествия Н. И. сделал ошибку, которая отозвалась на его дальнейшей жизни. Отыскивая основы для новослагавшейся, как он думал, жизни нашего отечества, Н. И. не остановился и перед знакомством в Лондоне с корифеями русской эмиграции (Герценом, Огаревым, Бакуниным.— *И. Л.*), которые громко провозглашали усвоенные ими принципы как истины, отыскивавшиеся всеми».

И далее в таком же духе. Автор некролога резко отрицательно отзывался о революционно-демократической деятельности Н. И. Воронова, которая якобы и загубила его жизнь. Юрий был возмущен утверждениями клеветника. Он поделился своими переживаниями с другом семьи, Евгением Антоновичем Нарбутом. Вот что по этому поводу писал Юрий матери 19 февраля 1889 года:

«...Ю. П. Проценко (да будет он проклят трижды!) очернил нашего дорогого покойного папу в своей статье... Он (Е. А. Нарбут.— *И. Л.*) решился ответить Проценко на его статью. О папе он все знает, что ты мне рассказывала, даже лучше, чем ты...»

Итак, очевидно, Юрий (ему шел пятнадцатый год!) вполне одобрял революционно-демократическую деятельность отца, понимал ее значение. Через два года Юрий посвятит матери стихи под названием «Борьба». В них он одобрительно отзовется о повседневной борьбе «многих людей с сильным врагом» — самодержавием.

Круг друзей Юрия Воронова был весьма узким. Среди них следует назвать Бориса Глушковского,

Михаила Коридзе, Адрияна Сорочинского. Юрий, как и его сестра Ольга, близко был знаком и дружил с Анютой (Анной Константиновной) Маяковской, родной сестрой Владимира Константиновича — отца будущего поэта Владимира Маяковского. В те годы она жила и училась в Кутаисе. В коллекции писем Вороновых не один раз встречается фамилия Маяковских. Оказывается, еще в конце 50-х годов прошлого столетия в Ахалцихе семья штабс-капитана Прогульбицкого близко познакомилась с семьей обедневшего дворянина чиновника Ахалцихской городской ратуши Константина Маяковского (дед поэта). Николай Ильич и Александра Константиновна Вороновы хорошо знали и ценили энергичного и остроумного Владимира Константиновича Маяковского (отца поэта), служащего кутаисского управления земледелия, а затем лесничего. Последнему было известно революционное прошлое Н. И. Воронова. Знакомство с Маяковским (старшим) поддерживали Юрий и Ольга Вороновы.

Пройдут годы, и в 1901 году Маяковские из глухого селения Багдади, что в 25 верстах от Кутаиса, переедут в губернский центр. Поселятся они в доме Юлии Феликсовны Глушковской, где неоднократно жили и гостили Юрий, Ольга, Вера и Людмила Вороновы. Мужественная женщина, с передовыми демократическими взглядами, Юлия Феликсовна Глушковская [1] была другом семьи Вороновых. Это с ее сыном дружил Юрий Воронов. Ю. Ф. Глушковская будет готовить к вступительным экзаменам в Кутаисскую гимназию девятилетнего Володю Маяковского, будущего поэта [2].

Когда в начале лета 1899 года сын Юлии Феликсовны Борис будет выслан полицией из Петербурга за участие в студенческих волнениях в университете, она обратится за помощью к Александре Константиновне и Ольге Вороновым и получит ее. 11 июля 1899 года Ю. Ф. Глушковская напишет из Кутаиса А. К. и О. Н. Вороновым:

---

[1] Ю. Ф. Глушковская (1850—1919 гг.) всю свою жизнь поддерживала дружеские отношения с семьей Вороновых; ее сын, Б. П. Глушковский, закончил Петербургский университет, затем Технологический институт; в Петербурге поддерживал связь с большевичкой Л. Н. Вороновой, участвовал в революционном движении, умер в 1916 году.

[2] См.: Семья Маяковского в письмах. Переписка 1892—1906 гг. М., 1978, с. 17—18, 406.

«...Я очень и очень Вам благодарна за то радушие, которым Вы обещали встретить Борю у себя, в «Ясочке». Боря выслан из Петербурга, выгнан из университета... Он должен был так поступить, чтобы остаться честным по отношению к товарищам... Боря в Багдадах (у Маяковских.— *И. Л.*) очень поправился, выглядит очень хорошо, занимается, читает и рисует и часто разъезжает с Маяковским (Владимиром Константиновичем, отцом поэта.— *И. Л.*) в горы. Это меня утешает».

Отсюда можно догадываться, что собой представляли друзья Юрия Воронова Борис Глушковский, Анна Маяковская, каковы были их взгляды, убеждения[1]. А вот что говорит о себе третий друг Юрия — студент Московского университета Адриян Сорочинский в письме к Ольге Вороновой от 13 мая 1897 года:

«...Мне пришлось оказать (голодающим) крестьянам помощь... Я кончу университет и пойду туда, где голод и холод, мрак и невежество и, несмотря на это, все-таки существа человеческие, в которых под оболочкою забитости таятся непочатые духовные богатства».

Так в 80—90-е годы XIX века выходцы из среды прогрессивной интеллигенции, молодые люди демократических убеждений постепенно втягивались в революционную борьбу, сближались с революционной социал-демократией.

После блестящего окончания Кутаисской гимназии в августе 1894 года Юрий Воронов поступил в Новороссийский университет в Одессе, на естественное отделение со специализацией по зоологии. В августе — сентябре 1896 года он пытался перевестись в Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве, но неудачно. Сдал вступительный экзамен в Московский университет и один семестр занимался на естественном отделении геолого-почвенного факультета. Юрий не был удовлетворен постановкой образования на естественных факультетах: этим и объясняются его частые переходы из одного высшего учебного заведения в другое.

Юрий внимательно вглядывается в жизнь: в письмах матери, сестрам сообщает о росте революционных

---

[1] Так благодаря нескольким пожелтевшим листкам из переписки Вороновых — Глушковских почти вековой давности нам удалось узнать еще одну непрочитанную и неизученную страницу жизни будущего великого пролетарского поэта, трибуна революции В. В. Маяковского, его семьи, его родителей.

настроений среди одесского и московского студенчества. В одном из писем прорвется фраза:

«...Как говорит А. И. Герцен в своем дневнике: «Мы годом ближе к смерти, а человечество — «к великой эпохе братства и гармонии...» »

Еще в конце 1895 года видный общественный деятель, поэт и прозаик и одновременно крупный землевладелец Абхазии князь Г. М. Шервашидзе по ходатайству друга Вороновых Е. Г. Вейденбаума согласился выделить Ю. Н. Воронову специальную стипендию для получения агрономического образования за границей со специализацией по виноградарству, но при условии, что, окончив учебу, Юрий Николаевич будет работать в качестве агронома-управляющего в его обширном имении. После некоторых колебаний Юрий принял условие князя и в начале января 1897 года выехал из России во Францию. Зная передовые настроения Юрия и помня исход поездки его отца к А. И. Герцену в 1862 году, Александра Константиновна в те дни наставляла сына:

«...Будь осторожен на чужбине, и пусть твоя переписка не только с нами, но и с покинутыми товарищами не касается политики, за одно невинное по существу слово, но в глазах известной власти (!!)... можно погибнуть, пусть эта чаша минет меня».

С марта Ю. Н. Воронов стал вольнослушателем высшего сельскохозяйственного колледжа в Монпелье, крупнейшем центре французского виноделия и виноградарства, расположенном вблизи Марселя. Здесь он изучал полный курс естественных наук, знакомился с лучшим мировым и европейским опытом выращивания высокосортного винограда, с практикой винодельческого производства.

Из письма Ю. Н. Воронова от 9 марта 1897 года матери:

«Не знаю, чему это приписать, но мною овладела какая-то лихорадочная жажда учиться, учиться всему, всем наукам, абстрактным, конкретным, теоретическим и прикладным; я слушаю ботанику, геологию, французскую литературу и политическую экономию; не пропускаю публичных лекций и рефератов и читаю дома (книги) по различным отраслям. Я чувствую, что с приездом сюда (во Францию) началась новая эра моей жизни, от которой все будущее зависит».

Юрий работал по жесткой, до предела уплотненной,

им самим разработанной программе занятий. Чтобы быть в курсе всех достижений ботанической науки, он выписывал «Вестник Кавказского общества сельского хозяйства» из России, следил за всеми французскими журналами, получал сельскохозяйственный журнал из Германии.

Во Франции, в Монпелье, Юрий Николаевич овладевал знаниями не только для себя лично. Ему хотелось быть полезным своему народу, оказывать конкретную помощь крестьянству. Ознакомившись с новейшей фабрикой сельскохозяйственных орудий для виноделия и заводом по производству плугов, Ю. Н. Воронов 19 августа 1897 года пишет в «Ясочку» матери:

«...Почему не вводить усовершенствованных орудий у нас (в России): если не может приобрести машины какой-нибудь один крестьянин, то целое село или община легко это могут сделать; и единственное, что может предотвратить порабощение его (крестьянина) машиною, это научиться самому пользоваться машиною и приобрести ее, если нельзя самому, то в сообществе с другими. Наше же дело (то есть квалифицированных специалистов.— *И. Л.*) — это показать ему, крестьянину, преимущество машинного труда перед ручным, научить его пользоваться машинами и помочь их приобрести».

В Монпелье существовала немногочисленная русская колония. Юрий Воронов стал ее активным членом. Костяк колонии составляли студенты и студентки местного университета, сельскохозяйственного колледжа. В нее входили и несколько кавказцев-стажеров, проходивших производственную практику на местных винодельческих фабриках, в крупных виноградарских хозяйствах. Колония имела общую денежную кассу (с более богатых студентов брался больший взнос — пай), дешевую столовую, небольшую библиотеку российских и французских изданий (в ней была представлена и марксистская литература), самодеятельный театр и хор. Колония была разноклассовой, разнопартийной; в ней имелись отдельные подозрительные типы: возможно, даже осведомители российской жандармерии.

Наиболее близко из членов колонии Юрий познакомился с Николаем Ивановым — сыном богатого ташкентского купца. Они снимали скромную комнатку у старой говорливой француженки. Часто вечерами приятели спорили и мечтали о создании в Закавказье и в

Туркестане громадных сельскохозяйственных кооперативов — товариществ на основе новейших достижений агрономической науки, об организации в родных краях сельскохозяйственных высших учебных заведений, центров агрономического образования.

Ю. Н. Воронов 26 ноября 1897 года — в «Ясочку» матери:

«...Ну, ты только представь себе следующую картину. Среди страны, где культурные способы и приемы ведения хозяйства совершенно отсутствуют, выбрано место, подходящее для самых разнообразных сельскохозяйственных отраслей. Каждая отрасль имеет своего специалиста: есть полевод, есть специалист по различным ценным культурам, есть скотовод и специалист по молочному хозяйству, есть винодел и виноградарь и т. д. Культуры и хозяйство ведутся интенсивно, т. е. на данном пространстве стремятся извлечь максимум выгод, что влечет за собою введение машин, а следовательно, уменьшение стоимости продукта производства. Для того чтобы иметь у себя знающих и умеющих людей, тут же возникают школы, в которых для обучения берутся местные учителя, (учащиеся) обучаются за счет общества... Так как в настоящее время необходимо быть в курсе настоящего нового слова в науке, в целях самого же товарищества будут производиться проверки опытов, самостоятельные опыты и исследования, необходимы, значит, опытные станции, поля, фермы. Руководит опытами тот же специалист, под его руководством работают те же практики, вышедшие из школы товарищества... Кто боится труда, тому нет места в этом товариществе, тут каждый должен трудиться столько же, сколько будет работать простой чернорабочий...»

И далее:

«Мне лично все это кажется возможным, и, если бы нашлись на Кавказе люди, сочувственно отнесшиеся к подобному плану, я сейчас же принялся за устройство его. Этот план — наше детище...»

Грандиозные планы смелых мечтателей: они рождались под влиянием идей Н. Г. Чернышевского, практического опыта трудовой коммуны в «Ясочке», знакомства с крупными фермерскими хозяйствами юга Франции. Но планы эти были утопичны: путем создания сельскохозяйственных товариществ добиться улучшения положения российского крестьянства, не меняя в корне существующего строя в империи. Через год-дру-

гой Юрий Воронов укрепится в мысли о необходимости революционным путем устранить самодержавие, свергнуть буржуазно-помещичий строй. Он поймет, что его планы из утопии могут стать реальностью только с победой социалистической революции в России.

Жизнь была сложной и противоречивой. Всякий честный русский интеллигент, демократ и патриот не мог оставаться вне пределов политики, ее сторонним наблюдателем. Юрий Воронов все внимательнее и критичнее присматривался к республиканскому строю капиталистической Франции.

Из письма от 7 июня 1897 года в «Ясочку» матери:

«Франция — республика, а гадостей и подлостей в ней едва ли меньше, чем у нас; взяточничество, воровство — все это практикуется так же хорошо в хваленой республике, как и в нашей самодержавной России. Громкое панамское дело обнаружило, что французские депутаты не отказываются поживиться чем бог послал, хотя и проповедуют и на страницах журналов, и в залах (Национального) собрания высокие принципы честности...»

Ю. Н. Воронов старался разобраться в соотношении классовых и партийных сил внутри Франции, интересовался развитием массового пролетарского движения, ростом авторитета и действиями партии социалистов, в особенности ее левого крыла, возглавляемого Жаном Жоресом и Жюлем Гедом.

Из письма от 17 мая 1898 года сестре Людмиле в Кутаис:

«...К стране (Франции) вполне подходит название «гнилого» Запада, республиканское здание покоится на подгнивших столбах, клерикализм и реакция грозят его опрокинуть, вся надежда мыслящей страны на социалистов, на крайнюю левую, которая одна только и движет страну вперед, но результаты последних выборов отняли у прогрессирующей части (населения) несколько крупных лидеров, как Жорес, Гед».

Юрия Николаевича многое удивляло и возмущало в капиталистической Франции: лживость и продажность буржуазной печати, падкой на дешевые сенсации; тот факт, что в высших и специальных учебных заведениях Монпелье не было ни одной студентки-француженки (как это ни парадоксально, но в Монпелье учились только русские студентки!), хотя в стране много говорилось и писалось об эмансипации женщины; то, что

«хваленое всенародное образование здесь доступно только состоятельным людям».

Ю. Н. Воронов немало поездил по Франции: побывал в Париже, Лионе, Марселе, Боне. Всюду его внимание привлекали люди труда: рабочие, крестьяне, грузчики, студенты — наследники идей Парижской коммуны. Воронов восторгался их трудолюбием, жизненным оптимизмом, традиционным свободолюбием. Но где бы ни был Юрий и что бы ни делал, мыслями и сердцем он всегда был со своим народом, его бедами и трудностями. Встречая новый, 1898 год в Монпелье, он писал сестре Людмиле в Кутаис:

«...Меня не покидала мысль, что в эту минуту, когда я, благодушествуя за вкусным шашлыком, запивая его хорошим вином, когда я и сыт, и одет, и обут, и сижу в теплой комнате,— там в холодной России миллионы голодного люда теснятся по нескольку семей в одной хате, холодной и нетопленной, черствые корки мякинного хлеба запиваются холодной водою, а на дворе завывает метель... плач голодных ребятишек... кругом грязь, смрад, нищета...»

Юрий Николаевич интересовался историей Великой французской революции, Парижской коммуны, читал книги и статьи Жана Жореса, Жюля Геда. Начал серьезно изучать труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова. Весной 1898 года он переслал в «Ясочку» заказной бандеролью первый том «Капитала» К. Маркса, только что изданный в русском переводе в Швейцарии. Из письма от 8 января 1898 года сестре Вере в Батум:

«...Мыслителей дает больше Англия с Германией; припомни Дарвина, Спенсера, Гельмгольца, Маркса, Энгельса...»

После обучения в Монпелье Ю. Н. Воронов проходил сельскохозяйственную практику в Австро-Венгрии (селение Сан-Михель, близ города Триента), в Германии(Берлин, Мюнхен); кроме того, побывал в Швейцарии и Северной Италии. Он по-прежнему пристально вглядывался в окружающую действительность и критически оценивал ее.

Из письма от 12 июня 1898 года в «Ясочку» матери:

«...В Италии совсем смутное время, все передовые журналы закрыты, редакторы, сотрудники и даже типографы их сидят в тюрьмах... В новом парламенте проектируются новые законы, низводящие свободу слова и печати на ступень низшую, чем в России...»

Почти два года прожиты за рубежом в упорном труде и учении. Юрий рвется домой, чтобы приложить приобретенные знания к сельскому хозяйству, помочь крестьянам Закавказья.

Из письма от 15 июля 1898 года в «Ясочку» матери:

«...Меня всегда будет тянуть к себе в Россию, а именно на Кавказ. Кавказ всегда был предметом моей внутренней жизни, моих мыслей и в Одессе, и в Москве, и в Моннелье, и здесь (в Сан-Михеле). Только его (Кавказа) интересы мне дороги, только его радостями могу я радоваться, его горем страдать...»

Отъезд Ю. Н. Воронова на родину был ускорен и тем, что князь-«благодетель» Г. М. Шервашидзе прекратил выплату стипендии.

Итак, благодаря нескольким десяткам подробных, интересных писем Ю. Н. Воронова из-за рубежа мы смогли конкретно представить, что делал, о чем думал и мечтал, что читал передовой русский студент-демократ (через два года он станет марксистом, будет участвовать в студенческом революционном движении). Как он для себя, матери, сестер «открывал» Францию, ее историю, науку, ее великий народ. Так формировался, так готовил себя для будущей научной и практической деятельности Юрий Николаевич Воронов.

ВЕРА ВОРОНОВА

В середине 90-х годов вслед за Ольгой и Юрием покинули «Ясочку» Вера и Людмила Вороновы. Вера была на полтора года старше Людмилы и учиться в Кутаисском женском учебном заведении св. Нины начала на год раньше младшей сестры. Когда же с осени 1893 года туда поступила Людмила, Вера взяла шефство над сестрой. Год-два за сестрами присматривал Юрий, пока учился в гимназии. Часто в Кутаис наезжала и Александра Константиновна проведать своих меньших дочерей и любимого сына.

...Сведений о периоде учебы Веры Вороновой в Кутаисе почти не сохранилось. Из писем А. К. Вороновой дочери видно, что Вера жила и училась на очень скромные средства. Из-за материальных трудностей в конце 1896 года Вера Воронова вынуждена была временно прекратить занятия в Кутаисе и переехать в семью младшего брата Александры Константиновны — Николая Константиновича Прогульбицкого, служившего батальонным адъютантом в екатеринославском

гарнизоне. В дядиной семье весь дух, обстановка и быт были совершенно иными, чем в «Ясочке». Дядя соблюдал неукоснительную верность монархии, и главной его заботой было продвижение по службе. С этой целью в августе 1901 года он добровольно перешел с армейской службы в Отдельный корпус жандармов [1].

С первых же месяцев пребывания в Екатеринославе Вера Воронова стала проявлять сначала молчаливое несогласие, а затем вслух выражать недовольство дядиными реакционными монархическими взглядами. О своем недовольстве Вера писала матери. Александра Константиновна пыталась как-то повлиять на дочь, примирить ее с братом, которого, впрочем, и сама недолюбливала.

17 января 1897 года А. К. Воронова — Вере в Екатеринослав:

«...Ты пишешь, что не сошлась с кузеном, что поспорила и поссорилась с дядей. Эх, моя родная, зачем ты не обладаешь житейским тактом; зачем не хочешь постараться найти с ними что-либо общее помимо Добролюбова и Писарева...»

В Екатеринославе, быстро растущем промышленно-пролетарском центре Украины, Вера Воронова познакомилась с идеями российской революционной демократии. Ее далеко не мог удовлетворить, как в свое время и Юрия, а затем и Людмилу, уровень гимназического образования. Среди екатеринославского гимназического начальства было очень много взяточников, морально разложившихся людей. Они сквозь пальцы смотрели на пьяный разгул сынков местной буржуазно-помещичьей знати, проваливали на экзаменах гимназистов — выходцев из демократических трудовых прослоек населения, поощряли доносы, подхалимство [2]. Все это вызывало возмущение у передовой гимназической молодежи, в том числе и у Веры Вороновой.

28 декабря 1896 года Вера Воронова — Людмиле в «Ясочку»:

«...Я познакомилась с несколькими абитуриентками — будущими курсистками. Эти не походят на всех гимназисток уже по одному своему развитию. Нас со-

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 153, оп. 1, д. 643, л. 3, 3 об.

[2] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 165, 1895 г., д. 1234, л. 32—33. 61—62.

ставляется целый кружок, каждая из нас имеет свою особую цель... Все это большей частью голытьба, собирающаяся, как и я, копить деньги на поездку (на Женские медицинские курсы в Петербург.— *И. Л.*)... Теперь есть с кем поговорить, высказать свои взгляды, поспорить, поволноваться по поводу несовершенства всего нас окружающего. Мы проводим время в разговорах, причем проявляем необычайную смелость и свободу в суждениях... Я читаю Ч. Дарвина и прослыла ученой».

(Позднее, в 1904—1906 годах, екатеринославские знакомые Веры Вороновой, их адреса очень пригодятся в партийной работе Людмилы Вороновой по установлению связей между Петербургом, Екатеринославом, Донбассом, Одессой, Сухумом, Тифлисом, Кутаисом.)

Таким образом происходило постепенное формирование личности Веры Вороновой как принципиального, честного, цельного и непримиримого человека. Будущий революционер и врач постоянно думает об униженном народе и его нуждах. Сестры — Вера и Людмила — переписываются, старшая воспитывает младшую.

6 января 1898 года В. Н. Воронова — Людмиле в Кутаис:

«Мы с тобою строим фундамент личного счастья прочнее: наша семья — великая бедная матушка Русь, для которой всегда хватит работы, было бы желание. Нужно забыть себя, стремиться к одной цели, положить душу в свое дело, и только в этом можно обрести то счастие, которое не дается ни в любви, ни в семье».

19 февраля 1898 года В. Н. Воронова — Людмиле в Кутаис:

«...Ты увлекаешься Достоевским, я ему многим обязана, так как он имел влияние на склад моего теперешнего миросозерцания. «Преступление и наказание» — чудная вещь, но не понимай ее очень узко. Меня, я помню, поразила в ней глубина психологического анализа, а ведь я читала ее еще в начале нашего шестого класса. А какая увлекательная вещь «Братья Карамазовы» — всю душу выматывает. Я теперь совсем не могу читать легких романов. Теперь я читаю Жорж Санд... Но что меня увлекло, так это Чернышевский. Какие чудные взгляды на семейную жизнь, на права женщины! И его роман («Что делать?» — *И. Л.*) считается безнравственным?! Когда прочтешь такую вещь,

то невольно чувствуешь прилив сил для борьбы с (современной) жизнью. Выбиться на прямой путь во что бы то ни стало...»

Это еще одно свидетельство действенного влияния передовой русской литературы, идей Н. Г. Чернышевского на формирование поколения российских революционеров пролетарского периода освободительного движения.

Летом 1897 года Вера Воронова закончила с отличием Екатеринославскую женскую гимназию. И с осени того же года начала работать учительницей в Батумском народном училище. Оно находилось в рабочем пригороде Батума — Холодной Слободе. Вера вела два класса — мальчиков и девочек — по 25 человек; преподавала русский язык, чистописание, литературу, арифметику. Работа увлекала ее, заставляла усиленно заниматься самообразованием, внимательнее всматриваться в окружающую жизнь, в людей. Здесь она впервые близко соприкоснулась с пролетарской средой, познакомилась с рабочими семьями, узнала тяжелые условия их существования и быта.

Батум к началу XX века был городом резких контрастов. Южный город на берегу Черного моря в окружении богатой природы. В то же время это первый порт Грузии и третий торгово-промышленный центр Закавказья (после Тифлиса и Баку). В городе насчитывалось около 240 предприятий. Десятитысячный отряд батумского пролетариата составляли нефтяники, портовики, машиностроители, судоремонтники. Батумские рабочие трудились в нечеловеческих условиях, получая нищенскую заработную плату. Рабочий день длился 12 часов, работали в праздничные дни.

В середине 90-х годов в Батуме оформилась первая марксистская группа — один из филиалов «Месамедаси». Будучи связана с ленинским петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», она начала пропагандировать марксистские идеи, наладила перевод на грузинский язык и печатание в подпольной типографии произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, распространяла их среди рабочих, портовиков, учащейся молодежи. Однако в начале 1898 года полиция напала на след батумской группы и разгромила ее [1].

[1] См.: *Чулок И. С.* Очерки истории Батумской коммунистической организации (1890—1921 годы). Батуми, 1970, с. 12—16, 23—31.

В этот период к батумскому социал-демократическому революционному движению присоединяется и учительница народного училища Вера Николаевна Воронова. В «Ясочке» сохранился ее рукописный дневник. На титульном листе написано: «Батум. Холодная Слобода. 1897—1899». Дневник раскрывает внутренний мир двадцатилетней девушки, народной учительницы, готовящей себя к самостоятельной жизни и к участию в революционной борьбе. Дневник интересен: в нем бьется пульс жизни того далекого времени, когда лучшая часть российской молодежи искала дорогу к правде, к свободе. Откроем дневник Веры Вороновой, прочитаем некоторые из ее записей.

1 декабря 1897 года: «...сколько жалости и сострадания к людям и особенно к моей бедной родине, как я страстно хочу быть ей полезна! Не нужно мне ни славы, ни известности, я желаю только положить силы в избранном труде на пользу общества... Мне непременно надо быть медиком...»

5 марта 1898 года: «...если бы даже бог почему-нибудь и оказался не созданием человека, а его творцом, я и то отказалась бы его почитать... Я глубоко убеждена, что бог, которому поклоняется такое множество людей, есть их собственное творение, созданное по образу и подобию человека».

4 сентября 1898 года: «...в Петербурге никакая зима не страшит: там наука, товарищи, общие интересы, все то, что заставит забыть о сырости и холоде, всяких лишениях жалкого существования. На душе почему-то тоскливо, чего-то хочется, душа куда-то рвется. Знаешь, что там где-то идет деятельная борьба во имя всеобщего блага, люди борются и умирают за идею, а здесь только одни копеечные расчеты...»

14 декабря 1898 года: «Читаю теперь К. Маркса. Он открывает целый мир, мир полный ужасов (капитализма), борьбы рабочих за существование. Думаю часто о России, сколько терпит она бедствий, и как мало общество проявляет деятельности в пользу общего блага... А как бы хотелось узнать суть дела, к чему стремиться, где с большой пользой можно приложить свои силы».

11 марта 1899 года: «...слухи о студенческих беспорядках (в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове.— *И. Л.*) самые разноречивые и невероятные носятся всюду. Как относиться к ним? Где правда и вымысел? А хотелось бы знать истину. Студенческие интересы и

теперь мне близки, а с будущего года станут моими интересами... Много еще надо учиться, надо подготовить себя к пониманию всех тех истин и заблуждений, над которым трудились представители человеческого рода...»

19 марта 1899 года: «Эх, если бы силу Базарова! Может быть, и можно выработать в себе что-нибудь похожее...»

20 марта 1899 года: «...я думаю познакомиться с биографиями возможно большего числа замечательных людей и завтра же пойду за новым запасом книг...»

24 марта 1899 года: «Читаю теперь «Жерминаль» Золя, и читаю с удовольствием. Мне кажется, в этом произведении знаменитый натуралист правдиво обрисовал положение рабочих. Сколько нужды, беспросветного мрака, невежества, доводящего людей до животного состояния. И все-таки, когда сравниваю жизнь этих французских углекопов с положением наших «рогожников», рабочих спичечных фабрик и других, о которых приходится кое-что прочитывать, видно, что у нас хуже, как и во всем. Те рабочие хоть грамотны. А наши бедняки совсем потонули во мраке самого грубого невежества, суеверия (речь в данном случае идет о положении рабочих в Батуме.— *И. Л.*)... Кто и что изменит это ужасное положение? Вот вопрос, над которым стоит задуматься. Неужели так будет продолжаться еще долго? Не хочу этому верить! Чем больше я думаю обо всем этом, тем более прихожу к тому, что необходимо учиться и учиться, бороться и бороться».

Учиться и учиться, бороться и бороться. Вера Воронова будет верна этому завету своей юности. Уже через полгода, в сентябре 1899 года, она переступит в Петербурге порог Женского медицинского института и попадет в среду демократического студенчества, в котором нарастал протест против существующих порядков. В Петербурге Вера Николаевна познакомится с грамотными и культурными питерскими пролетариями — цветом российского рабочего класса. В пролетариате, в его революционной борьбе она, как и вся передовая, демократическая студенческая и учащаяся молодежь России, увидит силу, способную возглавить борьбу с царизмом и свергнуть буржуазно-помещичий строй.

А пока в Батуме Вера Воронова была в числе тех молодых социал-демократов, кто распространял марксистские идеи среди рабочих. Она пыталась вести пропаганду и на своих уроках в воскресной школе

для рабочих, где работала короткое время. Но делала это робко, неумело; не хватало опыта, решительности и, главное, революционной закалки. Все еще было впереди. Третья из Вороновых второго поколения шла в революцию.

ЛЮДМИЛА ВОРОНОВА

Людмила была самой младшей в семье и вобрала в себя все лучшее, что дали ей отец, мать, брат и сестры. Она была подвижна, любознательна и целенаправленна. Юрий прозвал ее за веселый и энергичный нрав Дроздиком. Учеба в женском учебном заведении св. Нины в Кутаисе давалась ей легко. Людмила много внимания уделяла своему самообразованию, формированию широкого взгляда на жизнь.

В семейном архиве в «Ясочке» сохранилась «Записная книжка» Л. Н. Вороновой за 1894—1899 годы. Гимназические записи вместе с дневниковыми записями и письмами за эти годы дают целостное представление о складывании социально-психологического облика передовой девушки, через несколько лет ставшей большевиком-ленинцем, революционером [1].

Стихи Н. А. Некрасова из «Записной книжки» за 1894 год:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:
Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

Из «Записной книжки» за 1894 год: «В чем же заключается жизнь? Что за цели ее и где ее смысл? В труде ли, в любви, в науке? Кажется мне, что все заключается в любви, (но) не к одному человеку, а ко всем вместе, ко всему человечеству, к родине. Для любви этой (нужны) и труд и наука. Без знания не может быть любви, без труда не может быть применения любви... в живой жизни».

В эти годы Людмила увлекается изучением отечественной и зарубежной истории, читает труды и учебники А. С. Трачевского, публицистические статьи

[1] ЛАВ. Дневник и письма Л. Н. Вороновой за 1895—1900 годы хранятся в «Ясочке» в специальной коллекции, собранной и систематизированной Ю. Н. Вороновым (младшим).

Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова. Пытается дать самостоятельную оценку прочитанному.

19 декабря 1895 года Людмила из «Ясочки» пишет Вере в Кутаис:

«...Вечера проводим в разговорах, спорах, чтениях вслух; читаем сочинения Д. И. Писарева (Юрий привез)... Сочинения Писарева разрешили читать лишь в прошлом году, нужно приобрести (следующие тома), а то запретят опять».

8 января 1896 года Людмила — Вере в Кутаис:

«...Жизнь не шутка и не наслаждение, а труд, пересыпанный страданиями... Читаем Писарева. Вот пишет! Музыка, да и только...»

А вот характерные строки в письме Людмилы от 18 ноября 1896 года, направленном Вере в Екатеринослав; они свидетельствуют о самом тщательном изучении истории России, ее наиболее революционных и героических страниц:

«...В «Русской старине» нашла записки Михаила Бестужева — одного из... зачинщиков декабрьского бунта (1825 года)... Что за ужасная их (декабристов) была жизнь... Женщинам (-декабристкам) не позволяли жить в деревне, и они должны были помещаться в каземате вместе со всеми (декабристами); вокруг них собирались кружки, и они скрашивали жизнь заключенным... А какие все головы! Не там бы им сложить их! Я решила еще порыться в «Русской старине»».

Людмила Воронова изучала движение дворян-декабристов, борьбу революционеров-шестидесятников, политическую экономию К. Маркса, русскую классическую литературу. На следующий же день после того, как она отослала письмо Вере, Людмила записала в своем дневнике:

«Я не удовлетворяюсь настоящей жизнью и захотела найти удовлетворение в знании. Я набросилась на книги, но не на романы, как прежде, а на серьезные статьи. Я жаждала знания и без разбора читала все, что попадалось на глаза. Тут были и биографии, и критика, и философские рассуждения... Но когда я разобралась, то поняла — это все ненастоящее знание... Если я хочу познакомиться с теорией К. Маркса, то должна знать и всю политическую экономию; чтобы понять обзор современной литературы, я должна знать всю прошлую».

А через неделю, 26 ноября 1896 года, Людмила вновь писала Вере в Екатеринослав:

«Эх! Русь, Русь-матушка! Искры Прометеевой нет, нет ветерка, чтобы раздул эту искру в полымя и очищающим пожаром по всем лесам и долам всколыхнул, взволновал все «болото стоячее». Ведь есть же у нас люди, есть и у нас головы... А ведь когда-нибудь да всколыхнется все».

В строках письма звучит явное ожидание революции. Эти строки написаны ровно за день до того, как Людмиле Вороновой исполнилось семнадцать лет.

Людмила не только увлекалась изучением теории революционного марксизма, чтением многочисленных книг по русской, грузинской истории и литературе. По натуре она была человеком действия, человеком практики, и она попыталась применить свои теоретические знания в жизни. В конце 1897 — начале 1898 года под ее руководством в стенах Кутаисского женского учебного заведения св. Нины организуется революционный кружок гимназисток-старшеклассниц. Первоначально в кружок входили только три подруги; они шутливо называли себя: «Людмила Истребляющая и Изгоняющая», «Вера Ассимилирующая и Уравнивающая», «Анастасия Всеобщая — Российствующая» [1]. Несколько позднее кружок расширил свой состав до шести-семи человек.

4 июня 1898 года Людмила Воронова записала, что три подруги по гимназии «составили нерушимый союз в том, что учредят государство единое на началах свободы, равенства, братства, всеобщего мира и благоденствия» и что они взорвут царское самодержавие «посредством адской машины» и революции. Таким образом, в идейных взглядах участниц кружка своеобразно переплетались народничество и марксизм. Члены кружка изучали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, разбирали произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова.

18 февраля 1899 года Людмила из Кутаиса пишет Вере в Батум:

«...Оля (О. Н. Воронова.— *И. Л.*) прислала мне в подарок сочинения (Н. В.) Шелгунова. Для Кутаиса это библиографическая редкость, и те, которым я даю,

[1] Фамилию Веры пока установить не удалось; Анастасия — по-видимому упоминающаяся на странице 87 «Записной книжки» Анастасия Елагина.

читают с увлечением. Сама я с трудом отрываюсь от него... он будит мысль... Шелгунов — это тип настоящего шестидесятника, в котором, как в зеркале, отразилась эта эпоха».

Переписка Людмилы, ее дневниковые записи, как и письма Юрия и Веры Вороновых, свидетельствуют о том, что передовая студенческая и учащаяся молодежь России на рубеже конца XIX и начала XX века усиленно овладевала и идеями русской революционной демократии, и идеями революционного марксизма, считая, что и то и другое есть порождение российской действительности, лучших умов ее. Страна стояла на пороге буржуазно-демократической революции, а ее вступление в эпоху империализма ускорило вызревание предпосылок как демократической, так и социалистической революций. Этот процесс находил своеобразное отражение в сознании, умах российской демократической и пролетарской молодежи, в ее идейно-революционном обогащении марксизмом и революционным демократизмом. Однако в конце прошлого столетия марксизм — идеология передового рабочего класса — взял верх в мировоззрении революционной молодежи. «...Это учение,— указывал В. И. Ленин,— не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России» [1].

Людмила активно переписывается с Верой, Юрием, матерью. Эти письма носят более всего общественно-политический характер и менее всего интимно-семейный. Так, например, в письме к Людмиле в Кутаис от 20 июня 1898 года Юрий, находившийся в то время в селении Сан-Михель (Австро-Венгрия), рассуждает о монархическом и республиканском строе, выказывая себя последовательным республиканцем:

«...В Италии алчная свора католических ксендзов и монахов и фальшивость государственного строя. Конституционализм в Италии, равно как в Германии и Австрии, есть фальшивейшее лицемерие, какое себе можно представить; рядом с ними, впрочем, можно поставить и Францию, эту монархию с вакантным троном. Конституция в таком виде есть не что иное, как замаскированный монархизм, политический строй, лишенный всякой логики; логичен только монархизм или

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 31.

свободная республика, конституция же стоит в открытом противоречии с собою: с одной стороны, монарх, т. е. верховное право одного лица распоряжаться своим народом и печтись о его благе, с другой стороны, народное представительство, т. е. право самого народа распоряжаться собою и заботиться о себе. Одно исключает другое, одно противоречит другому. Что теперь делается с народным представительством в Италии? Представители народа сидят по тюрьмам, а в парламенте заседают представители монархизма. Народ голодает, бедствует; разве в таких условиях возможен прогресс нации? А жаль, итальянцы — народ способный, даровитый; они это доказали и в искусствах, и в науках, и в литературе».

ВОЛНЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КУТАИСА

Внимание Людмилы и Веры приковано к студенческим волнениям.

27 февраля 1899 года Людмила из Кутаиса — Вере в Батум:

«...Слышала ли ты о беспорядках в университетах (Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Юрьева.— *И. Л.*)? Дело, кажется, выходящее из ряда вон по своей обширности. При нас этого еще не было, чтобы университеты так единодушно действовали и влияли так сильно на все учебные заведения... Меня удивило то участие, которое принимают наши гимназистки в студенческих делах... Я не ожидала такого горячего сочувствия и внимания... И мы бунтовали (против директрисы гимназии.— *И. Л.*), и бунт этот принес ощутительную пользу».

Людмиле Вороновой шел двадцатый год, она уже училась в восьмом, дополнительном классе гимназии с целью получения звания «домашней наставницы» с правом преподавания русского языка, математики и истории. Это она и ее революционный кружок были запевалами в организации двухдневных выступлений в феврале 1899 года против бездушно-бюрократических распорядков гимназии, против насаждения директрисой подхалимства и шпионажа, за внимательное, товарищеское отношение к учащимся со стороны дам-наставниц. Целый ряд требований был удовлетворен.

Действия Людмилы Вороновой и ее подруг по кружку были поддержаны молодой преподавательницей Ниной Прокофьевной Смольняковой. Несколько лет назад она закончила Кутаисское женское учебное заведение св. Нины. Смольнякова была очень начитана,

знакома с марксизмом. Она была человеком демократических убеждений, кроме того, обладала твердым характером. Поэтому неудивительно, что молодая преподавательница встала на сторону гимназисток-бунтарок. Она хорошо была знакома с семьями В. К. и А. А. Маяковских, А. К., О. Н. и Л. Н. Вороновых, П. В. и Ю. Ф. Глушковских, готовила юного Володю Маяковского к занятиям в гимназии. Пройдет год-два, и Смольнякова примкнет к ленинско-искровской, а затем и большевистской организации Кутаиса, станет активной участницей революционного движения. В 1904 году эта мужественная женщина станет женой и верным другом выдающегося грузинского большевика-ленинца Филиппа Иесеевича Махарадзе. Позднее Людмила Николаевна вспоминала: «Нина Смольнякова была нашей старшей подругой. Умная, добрая, кристально честная, прекрасно знающая русскую и грузинскую историю и литературу, она оказывала на нас, гимназисток, облагораживающее влияние. Позднее, она, как и я, вся ушла в марксизм и в революцию» [1].

Организация беспорядков в гимназии не прошла бесследно для Людмилы Вороновой. Гимназическое руководство снизило ей оценки. Общий курс Кутаисской гимназии она закончила с золотой медалью, а дополнительный восьмой класс (на звание «домашней наставницы») лишь с «удовлетворительными успехами».

Центром гимназических волнений в Кутаисе стала мужская классическая гимназия. В середине 90-х годов пропаганду идей марксизма среди кутаисских рабочих и учащейся молодежи вел молодой учитель этой гимназии и частного пансионата Михаил (Миха) Григорьевич Цхакая, ставший впоследствии выдающимся революционером-ленинцем. Он познакомил революционно настроенную молодежь с «Манифестом Коммунистической партии», другими трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, с произведениями Г. В. Плеханова, В. И. Ленина. Среди учеников Михи были Александр Цулукидзе (позже известный грузинский марксист), Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили, Ной Буачидзе, позднее Серго и Петре Кавтарадзе. Рефераты и выступления Цхакая в марксистских кружках Кутаиса слушали и Вороновы —

---

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов); Семья Маяковского в письмах. Переписка 1892—1906 гг., с. 411.

Вера и Людмила. Тогда же Людмила Воронова познакомилась с Шалвой Элиава и Мамией Орахелашвили. Впоследствии она вспоминала: «Шалва и Мамия были гордостью Кутаисской мужской гимназии. Они были честными и мужественными юношами. Революционный марксизм их еще более внутренне обогатил, вскоре они стали рыцарями революции» [1].

Участие в гимназических волнениях, в марксистских кружках оказало благотворное влияние на формирование личности Людмилы Вороновой.

Перед нами толстая тетрадь в плотном картонном переплете с темно-зелеными разводами. Это личный дневник Людмилы Вороновой с записями за 1896—1900 годы. Мысли и чувства молодой девушки, нашедшие отражение в дневнике, подтверждают, что в тот период, когда рабочий класс во главе с В. И. Лениным, с революционной социал-демократией выходил на арену широкой политической борьбы, эта борьба впитывала в себя все честное и мужественное, что имела многострадальная Россия.

Из записи от 22 марта 1899 года:

«...Я чувствую снова и силы, и борьбу, и муки, и счастье... Да, гибнут силы и молодость. Много гибнет их теперь, но не даром. Я знаю, что они отстаивают там правое дело. Там (то есть в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Харькове.— *И. Л.*) идет борьба Давида с Голиафом. Кто же победит? Но сколько счастья дает сознание того, что там борьба, что все светлое и хорошее стало, как один человек, за общее дело. Главное, как один человек».

Учебу и жизнь Людмилы в Кутаисе осложняли серьезные материальные трудности. Она систематически занималась репетиторством для заработка. Частенько приходилось брать деньги в долг.

Некоторое время Людмила жила в семье Юлии Феликсовны Глушковской, через нее познакомилась с семьей В. К. и А. А. Маяковских. В доме Ю. Ф. Глушковской часто бывали интересные люди, среди них и революционные студенты, высланные из петербургских и московских институтов.

29 декабря 1897 года Людмила из Кутаиса пишет Вере в Батум:

---

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

«...Я познакомилась у Юлии Феликсовны (Глушковской) с одной бывшей курсисткой, которая теперь под надзором полиции...»

В мае 1900 года Людмила Воронова получила диплом домашней наставницы. Месяц она отдыхала в родной «Ясочке». Затем выехала в грузинский городок Самтреди, где ровно год работала учительницей в местной железнодорожной школе. Это был первый год самостоятельной трудовой жизни. Одна из записей в дневнике Л. Вороновой свидетельствует о том, что именно в это время она особенно глубоко осознала основное предназначение человека:

«Труд благородит человека, но труд не механический, а полный сознания своей полезности. Без труда не может быть ни удовлетворения, ни счастья. Только труд дает цену и смысл жизни. Только с того дня, как я стала трудиться и приносить этим трудом прямую пользу окружающим, только тогда я почувствовала удовлетворение и внутреннюю полноту. И чем больше я тружусь, тем больше дает мне счастье труд».

В конце августа 1901 года скорый поезд увозил Людмилу Николаевну в далекий Петербург. Она ехала туда, чтобы учиться. Сложившиеся у нее к тому времени взгляды на жизнь, идейные убеждения вели ее в ряды революционного студенчества и пролетариата. Четвертая из второго поколения Вороновых шла в революцию.

Итак, мы убедились в том, что бурный рост общественного, национально-освободительного движения народов России и прежде всего революционного рабочего движения, широкое распространение марксизма в конце XIX — начале XX столетия, знакомство с революционно-демократической и марксистской литературой оказали непосредственное влияние на формирование мировоззрения и характеров второго поколения Вороновых. Главным из этих факторов явилось то, что Юрий, Вера и Людмила Вороновы близко познакомились с положением, настроениями и борьбой рабочего класса (Екатеринослав, Батум, Кутаис в России, Марсель и Монпелье во Франции). Именно в революционной борьбе пролетариата Вороновы, как и десятки и сотни других честных представителей демократической интеллигенции, увидели ту решающую силу, которая смогла бы сокрушить царское самодержавие и помещичье-капиталистический гнет в России.

Теперь уже не в крестьянстве и не в сельской общине, не в «хождении в народ» и не в индивидуальном терроре, не в народническом просветительстве видела лучшая часть российской интеллигенции пути и методы борьбы с царизмом, борьбы за свободу и счастье народа, а только в массовом рабочем движении, в распространении идей марксизма среди трудящихся. Процесс перехода от народническо-разночинской революционности к пролетарской революционности был сложным и затяжным. В определенной мере эта эволюция была характерна и для Вороновых, но, видимо, жизненный пример и деятельность отца, его друзей помогли им быстрее преодолеть ошибки и заблуждения революционеров народническо-разночинского периода. А это и предопределило безболезненный переход Людмилы, Веры, Юрия с позиций революционного демократизма на сторону марксизма и пролетариата.

Пройдет два десятилетия, и В. И. Ленин, обобщая героический путь борьбы российских революционеров за передовую теорию и практику, напишет в известной книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [1].

Правильность и глубина ленинских слов применима не только к отдельным классам и партиям, группам и отдельным революционерам, но и к таким семейным «гнездам» революционеров, как два поколения Вороновых.

...На пороге стоял XX век с его революционными бурями и потрясениями, век Великого Октября.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

КУРСЫ РЕВОЛЮЦИИ

ДВА ЛИЦА СТОЛИЦЫ ...Петербург. Столица Российской империи. Эпицентр ее финансово-промышленной, общественно-политической, научной и культурной жизни. В 1900 году в городе проживало почти полтора миллиона жителей, он входил в число 10 крупнейших городов мира. Это был город социальных контрастов. В центре города, на его площадях, на гранитных набережных величавой Невы, на центральной магистрали — Невском проспекте — располагались царский двор, совет министров, важнейшие министерства и департаменты, генеральный штаб и штаб войск гвардии, правления банков и акционерных обществ, Государственный совет, сенат и синод.

В этой центрально-аристократической части города находились музеи и театры, Публичная библиотека и Академия наук, прекрасные дворцы и особняки представителей романовской династии, дворянско-земельной, торгово-промышленной и военно-чиновничьей знати, иностранные посольства.

В начале века в городе насчитывалось около 116,5 тысячи лиц дворянского сословия (8 процентов населения города), около 16 тысяч хозяев промышленных заведений, около 15 тысяч чиновников, 5 тысяч полицейских и 4 тысячи священников и монахов, военный гарнизон столицы насчитывал 45 тысяч человек. В городе размещался огромный военно-полицейский и чиновничье-бюрократический аппарат.

Однако был и другой Петербург. Столица революционной, пролетарской России. Центр столицы был опоясан плотным кольцом рабочих окраин и пригородов. Нарвская, Невская, Московская заставы, Выборгская и Петроградская стороны, Васильевский остров — все они входили в пролетарский «красный пояс» города. Здесь бился индустриально-промышленный и революционный пульс Петербурга. По данным переписи, в декабре 1900 года в городе трудилось более 288 тысяч рабочих, а вместе с членами семей их число достигало около 433 тысяч (или почти 30 процентов всего населения) [1].

Здесь на рабочих окраинах молодой помощник присяжного поверенного, выпускник Петербургского университета, выдающийся марксист и революционер

---

[1] См.: История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. 1, с. 182.

В. И. Ульянов-Ленин основал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Тут закладывались первые организационные и идеологические основы российской революционной социал-демократии. Позднее, отмечая революционные заслуги питерского пролетариата, В. И. Ленин указывал, что он являлся одним из «лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых... отрядов рабочего класса и всех трудящихся России» [1].

Среди питерских рабочих зрели гроздья гнева и возмущения. Их материальное положение становилось все более невыносимым в связи с разразившимся экономическим кризисом. Петербургский студент Юрий Воронов участвовал в однодневной переписи городского населения 15 декабря 1900 года и оставил интересное свидетельство о посещении им рабочей окраины за Нарвской заставой.

23 декабря 1900 года Юрий из Петербурга пишет матери в «Ясочку»:

«...Какая масса впечатлений, после которых обо многом поразмыслишь, попризадумаешься. Сколько нищеты и грязи, сколько тьмы и невежества, горя, страданий. Мой участок (переписи) находился на одной из отдаленных окраин Петербурга, в районе фабричной и заводской промышленности. Квартиры ужасные, народу набито как сельдей в бочке... А что творится вечером, когда вернувшиеся с работы принесли с собою запах рабочего пота, когда маленькая лампочка коптит вовсю, а за день в комнате накопился и чад, и смрад, и угар от плиты... Все это рабочие с резиновых, бумагопрядильных мануфактур, с чугунолитейных и железопрокатных заводов... Это народ еще молодой, здоровый и неунывающий, тянущийся к грамоте, а главное, имеющий сейчас место... Много приходилось встречать сидящих без работы: один, например, бедняга со слезами жаловался мне на то, как несправедливо лишили его места, придрались к какому-то пустяку и представили к 2-рублевому штрафу, а когда он стал протестовать, и совсем уволили. И вот теперь бедняга с тремя детишками и женой должен перебиваться на 70 копеек в день, которые зарабатывает жена на калошной фабрике. И сколько озлобления, сколько ненависти к заводским заправилам было в его словах, а в глазах такое

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 361.

отчаяние и злоба, что, попадись они ему сейчас в руки, в клочки бы разорвал их... Своей тактикой господа заводчики, конечно, озлобляют рабочих до крайних пределов, и при случае последние жестоко мстят за свое угнетение...»

Под влиянием идей революционного марксизма, распространившихся в результате плодотворной деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного В. И. Лениным, филиалов «Союза борьбы» (в Москве, Нижнем Новгороде, Киеве, Одессе, Тифлисе), российское освободительное движение пролетарского периода приобрело политическую направленность. Определяющими лозунгами движения масс стали: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!» Рабочий класс выдвинул и начал практиковать новые формы борьбы — массовую политическую стачку и демонстрацию, как действенную школу сплочения и революционного воспитания трудящихся. Эти формы борьбы по примеру передовых рабочих взяло на вооружение и демократическое студенчество.

В рядах демократического студенчества Петербурга в этот период оказались и трое Вороновых. Вера училась в Женском медицинском институте с сентября 1899 года, Юрий поступил в Лесной институт в декабре того же года, а Людмила стала слушательницей Высших курсов П. Ф. Лесгафта с августа 1901 года. Они — активные участники студенческого движения, свидетели ожесточенных классовых схваток петербургского пролетариата с царизмом и буржуазией. Их дневниковые записи, письма к матери, друг к другу передают тревожное предреволюционное биение общественного пульса, нарастание революционного кризиса в стране и столице.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В МАРТЕ 1901 ГОДА

В канун нового, 1901 года из Киева пришло телеграфное сообщение, которое потрясло всю честную и свободолюбивую Россию. Самодержавный суд на основании «временных правил» [1] приговорил 400 участников ноябрьских волнений

[1] «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков» были изданы царским правительством в период разгара студенческих волнений — 29 июля 1899 года. Эти правила царизм впервые применил по отношению к передовому студенчеству спустя полтора года после их публикации.

1900 года в Киевском университете к различным мерам наказания: 183 студентов — к отдаче в солдаты, 217 — к карцеру и административной высылке [1]. Выражая мнение передовой русской интеллигенции, А. М. Горький писал: «...отдавать студентов в солдаты — мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов» [2].

Ленинская газета «Искра», которая начала выходить в декабре 1900 года, обратилась с призывом к российскому пролетариату выступить в защиту требований студенчества об отмене «временных правил», открыто протестовать против насильственной мобилизации студентов в армию. Во втором номере «Искры» В. И. Ленин опубликовал статью «Отдача в солдаты 183-х студентов». Он считал, что на наглый репрессивный вызов правительственных властей должны ответить всеобщей забастовкой не только студенчество, но и все сознательные элементы всех слоев народа под руководством передовой части рабочего класса, его марксистских организаций.

В. И. Ленин обращался к организованной части пролетариата со словами: «И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему,— рабочий должен прийти на помощь студенту» [3]. Ленин указывал, что там, где имеются крепкие социал-демократические организации, необходимо переходить от устной и печатной агитации и пропаганды, от устройства митингов и собраний к открытым и действенным формам протеста — к политическим стачкам и уличным демонстрациям.

Один из первых массовых митингов протеста состоялся в Женском медицинском институте (он был открыт на частные средства в июне 1895 года усилиями прогрессивной общественности). К 1901 году в Женском медицинском институте училось около 800 слушательниц, выходцев главным образом из демократических слоев населения. Среди слушательниц царил дух вольности и свободомыслия. Первокурсница Вера Воронова писала младшей сестре в Кутаис в декабре 1899 года:

[1] См.: *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971, с. 45.
[2] *Горький А. М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1954, т. 28, с. 153.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 395.

«...Народ у нас большею частью славный, есть дух товарищества и единодушия в общих делах. Я раньше не верила в это, но последние дни у нас полны событий, и тут-то сказался и дух нашего курса. Медицинский институт представляет учебное заведение единственное в своем роде. У нас легально существуют сходки, своя товарищеская организация с выборными депутатками для ведения общих дел, сношений с начальством и т. д. Собственная касса, не подлежащая ведению начальства, куда поступают сборы с благотворительных вечеров и концертов...» [1]

В период 1898—1901 годов в институте распространяются идеи марксизма. Студентки читают подпольную литературу, в том числе с начала 1901 года «Искру». В февральско-мартовские дни 1899 года 370 студенток медицинского института приняли активное участие в студенческих волнениях и демонстрациях в Петербурге [2]. Возглавляли революционных медичек Елена Ракова, Вера Воронова, Юлия Менделеева, Ольга Рашевская и другие.

Через год-два многие из них станут революционными социал-демократками, членами партии большевиков. Ю. А. Менделеева познакомилась с Е. Д. Стасовой, которая спустя много лет вспоминала о ней: «...В свое время, когда она (Ю. А. Менделеева — *И. Л.*) училась в медицинском институте и была знакома с моим дядей Владимиром Васильевичем Стасовым, на ее имя (во внутреннем конверте) приходила из-за границы «Искра». Внешний конверт адресовался В. В. Стасову на императорскую публичную библиотеку в Питере... С Юлией Ароновной мы дружили до самой ее смерти в Ленинграде» [3]. Тогда же О. Н. Рашевская установила связь с одним из руководителей «Путиловской группы РСДРП», Г. М. Шкапиным, передавала ему «Искру», прокламации. Через несколько лет путиловский котельщик, большевик, пролетарский поэт и журналист Георгий

---

[1] Цит. по: *Воронов В. Г.* Слушательницы С.-Петербургского женского медицинского института в период 1899—1904 гг.— Советское здравоохранение, 1978, № 10, с. 74.

[2] См.: Студенческое движение 1899 года. Сборник под редакцией В. Черткова. Эссекс (Англия), 1900, с. 75.

[3] Цит. по: *Воронов В. Г.* Слушательницы С.-Петербургского женского медицинского института в период 1899—1904 гг.— Советское здравоохранение, 1978, № 10, с. 75.

Шкапин и бывшая слушательница-медичка большевичка Ольга Рашевская соединят свои жизни.

Однако вернемся к февральским событиям 1901 года в Женском медицинском институте. Накануне на сходке 700 революционно настроенных слушательниц-медичек было решено провести общеинститутский митинг, на котором объявить забастовку протеста против зверских расправ царизма над передовым студенчеством. В числе организаторов сходки были Вера Николаевна Воронова и ее подруга и землячка из Сухума, Олимпиада Петровна Деклеиз (стала впоследствии женой Юрия Воронова). Вера Николаевна записала в дневник в те далекие мартовские дни 1901 года:

«Настроение у всех было приподнятое... День был ясный, и заходящее солнце освещало эту живую, суетящуюся толпу студенток. Лица у всех были оживленные, в глазах горел боевой огонек. Вот все уселись и расположились как могли, по рукам пошли печатные и литографированные листки... Выбрали председательницу, и началось обсуждение забастовки. Говорили многие, говорили с чувством, некоторые со слезами. Все, у кого еще не притупилась совесть, кто мог отзываться на призыв чести, забыть свои личные дела и интересы во имя высших требований справедливости и человеческого достоинства, горячо ратовали за забастовку. «Институт закроют»,— говорили противницы. «Что ж, пусть закроют, но мы уйдем из него с чистой совестью и высоко поднятыми головами». Мы говорили это вполне чистосердечно, потому что жить дальше в таком состоянии, как до сих пор, казалось невозможным, это был какой-то кошмар, давивший по ночам и мешавший заниматься днем... Подсчет голосов показал, что для абсолютного большинства в пользу забастовки нужно собрать голоса тех, которые не явились. Это нас несколько расхолодило. Как много оказалось таких толстых шкур, которых не проймет ничто человеческое. «Одна надежда на демонстрацию, может быть, они расшевелятся, когда подруг изобьют нагайками»,— думалось мне. Желающие идти на демонстрацию собрались в читальне, тут был сообщен план завтрашнего предприятия».

План проведения общегородской демонстрации заключался в следующем: часам к одиннадцати-двенадцати утра к Казанскому собору собирались группы революционных студентов и рабочих; здесь происходило

общее построение, и колонна демонстрантов двигалась по Невскому проспекту к Николаевскому вокзалу. Демонстранты должны были перед всем российским обществом заявить свой гневный протест против палаческих действий самодержавия. Активными участниками демонстрации были Вера и Юрий Вороновы, Ада Деклеиз, Ольга Рашевская, Юлия Менделеева, Елена Ракова и другие.

...Утро 4 марта 1901 года. С Петербургской стороны, с улицы Михаила Архангела (ныне улица Льва Толстого) в центр столицы, к Казанскому собору, двигалась небольшая группа медичек вместе с Верой Вороновой. Несли заранее заготовленный флаг с надписью на нем: «За отмену «временных правил»!» Шли мелкими группами: человек по пять — десять, чтобы не привлечь внимания полиции. В эти же часы группа «лесников», в том числе Юрий Воронов, направилась в центр с Выборгской стороны. Шли студенты, группы пролетариев-путиловцев, обуховцев, семянниковцев из-за Нарвской и Невской застав.

10 марта 1901 года Ю. Н. Воронов — матери в «Ясочку»:

«...В правительственном сообщении факты извращены до неузнаваемости, и я хочу описать тебе их как участник и свидетель. Дело происходило так. Около двенадцати часов дня у Казанского собора собралась тысячная толпа, среди которой было человек около 800 учащейся молодежи. Цель была выразить протест против «временных правил», что и было написано на пущенных при помощи красных детских пузырей (то есть воздушных шаров.— *И. Л.*) аншлагах. Из толпы один (студент) начал читать прокламацию, в которой говорилось о студенческом протесте... Сочувствующая публика закричала «ура!». Появились казаки, оттеснили толпу к ступеням (Казанского собора) и без предупреждения расходиться начали бить нагайками кого попало и по чему попало. Били жестоко и женщин, и детей, и взрослых... кровь лилась ручьями. Избитых и раненых не давали уносить, избивая тех, кто хотел оказать им помощь. Весь Невский покрылся толпою народа, казаки и там давили, били без разбору, озверев от вида крови и отуманенные винными парами... Толпа стала защищаться, кто чем мог... С 8-го марта забастовали все здешние высшие учебные заведения. Забастовка объявлена до тех пор, пока не будут отменены «вре-

менные правила» и возвращены назад пострадавшие товарищи... Рабочие всю неделю порываются в город поддержать студенческое движение, но их не пускают усиленные наряды конной полиции. Уже было несколько кровавых схваток, где было пущено в ход и оружие...»

Из дневника Веры Вороновой:

«Еще и теперь меня подирает мороз по коже при воспоминаниях. Эти ужасные крики, свист нагаек, возмущенный шум толпы... А потом в соборе: стоны избиваемых под самыми дверями, страшные душераздирающие крики, истерика под стройное церковное пение. Эти толпы, загоняемые в храм нагайками, с разбитыми лицами, капающей из рассеченных рук кровью. Разве можно забыть это, хотя бы мне пришлось жить сто лет!»

Приведенные строки из письма и дневника клеймят палаческие действия царизма и говорят о мужестве, проявленном студентами и пролетариями у Казанского собора. Недаром ленинская «Искра» так оценивала совместные действия рабочих и студентов: «...рабочие на (Казанской.— *И. Л.*) площади вели себя молодцами. Они разломали деревянную лестницу собора и этими кусками дерева дрались из последних сил... Студенты дрались как львы, защищали женщин» [1].

Вера Воронова и ее подруги Ада Деклеиз, Юлия Менделеева, Ольга Рашевская, Елена Ракова были избиты, затем с сотнями других студентов и курсисток переписаны полицейскими и под усиленным конвоем направлены в Казанскую полицейскую часть.

Вот как сама Вера Воронова описывает эти события:

«...Мы (слушательницы-медички) столпились вместе, решив держаться плотнее, чтобы нас не отрезали, и двинулись на площадь. Теперь она была расчленена, на ней толпились казаки, конная и пешая полиция, раздавались звуки команды. Далее, на Невском, слышался гул гневной толпы. Перед папертью выстроились каре в два ряда городовых и ряд конных казаков. Мы стали спускаться по ступеням (собора) вниз. Тут же толпились полицейские офицеры. Они смотрят на нас свысока: «А, все бабы!» — вырвалось у одного из них презрительно. И невольно теперь страшно становится за этих людей, потерявших облик человеческий: избить,

---

[1] Искра, 1901, апрель, № 3.

надругаться и потом издеваться над этими избитыми. Раздалась команда, и мы двинулись в часть... Тротуары были запружены любопытными, из всех окон торчали головы. Для петербуржцев это было интересное зрелище: тысячная толпа мужчин и женщин тихо двигалась под конвоем.

Вот и Казанская часть. Мы столпились во дворе. Тут нам пришлось простоять до восьми часов вечера. Скоро принесли хлеб, который моментально был разорван на куски и уничтожен. Только теперь все почувствовали, что голодны, и начали разговаривать, послышался кое-где смех. Скоро пищу стала присылать публика...

Студенты запели. Никогда я не слышала такого хора, громадного, стройного, торжественного. Все притихли, пел всякий, кто мог. Как странно звучали слова песни: «Ради вольности веселой собралися мы сюда... Мы пируем пир веселый...» ...Стало совсем темно, а нас все не уводили. Песни все перепели и замолкли, все едва держались на ногах. Наконец позвали курсисток. Мы двинулись, нас провожали криками: «Ура!», «Да здравствуют русские женщины!», «Спасибо!»... Нас повели в Спасскую часть» [1].

Юрий Воронов избежал ареста. Он вместе с другими демонстрантами — рабочими и студентами, находившимися в другом месте Невского проспекта, отбивался от наседавших казаков кусками льда, поленьями, булыжниками. Позднее ему удалось скрыться.

Царские власти жестоко расправились с революционным студенчеством Петербурга: несколько человек было убито, свыше 100 изувечены, 1050 человек арестованы, 26 руководителей демонстрации подлежали ссылке в Восточную Сибирь и Степной край. По решению министра внутренних дел сотни передовых студентов и курсисток — участников демонстрации — были насильственно высланы из столицы сроком на год, на два (причем им запретили жить в университетских городах); среди репрессированных — будущие известные деятели Коммунистической партии Г. И. Бокий (Горный институт), Б. М. Кнунянц, Н. А. Скрыпник, А. Д. Цюрупа (Технологический институт), К. Н. Самойлова и Л. А. Фотиева (Бестужевские курсы).

---

[1] ЛАВ. Дневник В. Н. Вороновой, запись за 22 мая 1901 года.

Были высланы из столицы на год под гласный надзор полиции в Сухум и автоматически исключены из института Вера Воронова и Ада Деклеиз[1].

Осмысливая случившееся, Вера Воронова размышляет в своем дневнике о судьбах передовой студенческой молодежи, о судьбах родины (запись 9 апреля 1901 г.):

«...Никому не могло прийти в голову, что я вернусь сюда (в «Ясочку») как изгнанница, пострадавшая за правду и любовь к свободе и справедливости... Трудно учиться на Руси, трудно окончить курс какого бы то ни было учебного заведения... Этот год прошел для нее (учащейся молодежи) не даром: сколько сил затрачено, сколько жертв принесено! Даст ли все это плоды? Я верю в то, что ни одна жертва не приносится даром, что идущие за нами поколения студентов увидят лучшие времена. Но зачем все это покупается такою дорогою ценой? Ценою крови и жизни лучших представителей молодого поколения... За что лучшую молодежь высылают, сдают в солдаты, исключают? За что гноят в тюрьмах и Сибири цвет нашего общества? За что голодают и вырождаются наши рабочие и крестьяне? Весь наш безобразный государственный строй держится ценою гибели одних и темным, полным самого ужасного мрака, положением других. Он (царизм), и только он один, виновник всех этих ужасов».

Год вдали от друзей, от института, ставшего родным, год без «шума городского», петербургского. Весну и лето Вера Николаевна провела в «Ясочке». Она много читала, писала письма друзьям, бродила в окрестностях Цебельды, раз в неделю ездила отмечаться в полицейское управление Сухума. Внимательно следила за дальнейшим развитием студенческого движения. Осенью 1901 года Вера Николаевна Воронова уехала в Тифлис, где проходила медицинскую стажировку.

П. Ф. ЛЕСГАФТ И ЕГО КУРСЫ

В сентябре 1901 года Людмила Воронова стала слушательницей Курсов П. Ф. Лесгафта. Ее последующая революционная деятельность настолько тесно связана с этими Курсами, что следует немного рассказать о них и об их основателе — П. Ф. Лесгафте.

В один из августовских дней 1893 года в дом под номером 18 по Набережной реки Фонтанки, в квартиру

[1] ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 11, 1901 г., д. 333, л. 1, 1 об.

доктора медицины, профессора Медико-хирургической академии Петра Францевича Лесгафта пришел студент-вольнослушатель Петербургского университета Н. М. Сибиряков. Молодой богатый сибирский золотопромышленник рано разочаровался в жизни и незадолго до знакомства с П. Ф. Лесгафтом был на грани самоубийства. Дело бы, наверное, кончилось плохо, если бы Сибиряков не попал однажды на публичную лекцию этого кумира петербургской передовой молодежи.

Н. М. Сибиряков увлекся жизнеутверждающими, прогрессивными идеями Лесгафта в области физиологии, педагогики и психологии. Узнав о том, что Петр Францевич лишен денежных средств для реализации своих масштабных планов, Сибиряков решил оказать ученому помощь. В то утро он передал Лесгафту купчую на многоэтажный дом по Бассейной улице стоимостью в 150 тысяч рублей и чек на 200 тысяч рублей.

Все полученные деньги и весь свой талант ученого Лесгафт отдал на организацию Анатомического музея, Биологической лаборатории и Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования. Этого удалось добиться только после трехлетних переговоров и переписки с министерствами внутренних дел и народного просвещения. С 1896 года Курсы Лесгафта начали функционировать. Дом на Бассейной улице Петр Францевич за ненадобностью продал и приобрел два других дома под номером 25а по Торговой улице (ныне улица Союза печатников, дом 25). В первом из них были развернуты Курсы, музей и лаборатория. Второй дом — во внутреннем дворе — сдавался под квартиры зажиточным людям, а доходы, полученные от сдачи квартир, шли на содержание дешевой столовой для курсисток. Позднее, в 1904 году, на свободном участке земли на Английском проспекте (ныне проспект Маклина) была завершена постройка нового четырехэтажного здания, где и разместились Высшие курсы и Физическая лаборатория [1].

Петр Францевич Лесгафт, сын петербургского часовщика-ювелира (когда Л. Воронова поступила на курсы, ему шел 65-й год), был выдающимся русским ученым-демократом, замечательным врачом, анатомом и физиологом, педагогом и психологом, сторонником идей

[1] ЛАВ. См. рукопись Л. Н. Вороновой «П. Ф. Лесгафт и его система психофизического образования как способ перевоспитания масс, подготовки их к коммунизму и продления жизни человека», т. 1, 2.

А. И. Герцена, последователем К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова. С осени 1871 года он жил и работал в Петербурге. Ученый был противником самодержавного строя, рутинно-бюрократических порядков, мешавших развитию науки, просвещению народных масс. За прогрессивную общественную деятельность П. Ф. Лесгафт неоднократно подвергался преследованиям царского правительства [1].

В Москве, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, в объемистом деле департамента полиции «О Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования профессора Лесгафта» сохранилась подробная справка министерства внутренних дел о П. Ф. Лесгафте, помеченная началом 1902 года. Приведем отрывок из нее:

«Лесгафт, Петр Францевич, статский советник... будучи профессором Медико-хирургической академии, Петербургского университета и Высших женских курсов, вселял в молодежь революционные убеждения. На его лекции часто продавались билеты, сбор от которых шел на нелегальные предприятия, сам постоянно находился в сношениях с людьми, известными своей политической неблагонадежностью, оказывал им материальную поддержку... Лесгафт в настоящее время ведет усиленную агитацию и возбуждает общество по поводу демонстрации 4 марта (1901 г.) у Казанского собора, принимая участие в издании «злободневных листков». Организованные им Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования являются подготовительной революционной школой. Причем он, ежегодно отправляясь за границу, приглашает с собой ехать избранных курсисток, которые там и заканчивают свое революционное образование под руководством самых серьезных эмигрантов-революционеров» [2].

Характерно, что 4 марта 1901 года П. Ф. Лесгафт вместе со своим другом профессором математики И. П. Долбней были участниками студенческой и рабочей демонстрации в Петербурге. Ученый-демократ не мог быть в стороне от действий передовой молодежи,

---

[1] В 1871 году «по высочайшему повелению» П. Ф. Лесгафт был «уволен от службы» в Казанском университете за обличительную статью против попечителя Казанского учебного округа и ряда монархистов-профессоров. За ученым был установлен негласный надзор полиции на 10 лет.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 40, 40 об.

которую, по словам И. П. Долбни, «любил не показной, а настоящей любовью». Они стали свидетелями зверской расправы казаков и полиции с революционной молодежью. Петр Францевич был возмущен до глубины души. По своей инициативе он написал письмо-протест от имени «Союза взаимопомощи русских писателей» по поводу избиения демонстрантов на Казанской площади. В тот же вечер Лесгафт, его друзья и ученики собрали под протестом 79 подписей, и среди них А. М. Горького, В. В. Вересаева, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. Г. Гарина-Михайловского, А. Н. Бекетова, Д. В. Стасова (отец Е. Д. Стасовой), А. А. Шахматова и других. Видные писатели, деятели науки и культуры открыто выступали против злодеяний царских властей и требовали строгого наказания виновных. Письмо-протест было переслано за границу и напечатано в ленинской «Искре», в ряде других газет. И. П. Долбня свидетельствует: «Однако... ни публика, ни департамент полиции не знали, что инициатором адреса (то есть письма-протеста.— *И. Л.*) был наш дорогой П. Ф. Лесгафт» [1].

И все же 18 апреля 1901 года петербургская полиция произвела тщательный обыск в квартире Лесгафта по Торговой, 25а. При обыске у ученого были обнаружены письма к политическим эмигрантам, расписки на выдачу денежных сумм для политических ссыльных и заключенных, приходно-расходная книжка о поступлении и расходе денег на помощь революционным студентам, пострадавшим от царских властей [2].

Поводом для обыска у Лесгафта послужили следующие события. В июне 1900 года группа выпускниц-лесгафтичек во главе с Петром Францевичем выехала из Петербурга через Варшаву в заграничную экскурсию для ознакомления с музеями, библиотеками, театрами в Австро-Венгрии, Италии, Швейцарии и Франции. Недели за две до отъезда этой группы из столицы жандармская агентура перехватила письмо из Москвы в Казань, в котором сообщалось о том, что ряд лесгафтичек во время этой поездки «сговорились перетащить контрабандою (нелегальные) книги» в чемоданах с двойным дном из-за границы в Россию. Жандармский

[1] *Долбня И. П.* Страничка из жизни П. Ф. Лесгафта.— Сб. Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб., 1912, с. 205—206; *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971, с. 93.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 22 об.

сыск был приведен в действие. 27 июня на пограничном пункте Граница (на русско-австрийской границе) вся группа Лесгафта в количестве 34 человек была проверена; переписаны их паспортные данные; формальный обыск не был произведен, чтобы не вызвать подозрений, и вся группа пропущена за границу. Лесгафт и его выпускницы оказались в опасности, за рубежом за ними была установлена слежка [1].

Однако случай помог вызволить Петра Францевича и его группу из назревавшей беды. Один из словоохотливых жандармских офицеров на пограничном пункте Граница показал таможенному чиновнику Ф. Д. Дувакину секретный циркуляр о тщательном досмотре группы Лесгафта при обратном проезде через границу. Ф. Д. Дувакин, человек честный, преклонявшийся перед талантом Лесгафта, сообщил об этом факте своему знакомому, профессору медицины Одесского и Московского университетов А. И. Кирпичникову. Последний срочно написал об этом своему коллеге и другу П. Ф. Лесгафта известному русскому врачу, профессору медицины Федору Эрисману, проживавшему в то время в Цюрихе. Ф. Ф. Эрисман успел обо всем предупредить Лесгафта и его группу. Готовившаяся операция против всемирно известного ученого и его учеников провалилась.

Царские власти были взбешены. Чиновник таможни Дувакин был отстранен от службы. В ночь на 30 января 1901 года последовали обыски и аресты у лесгафтичек, подверглась унизительному обыску младшая сестра Лесгафта — М. Ф. Лесгафт, слушательница Высших женских курсов. После обыска власти запретили Петру Францевичу с 7 мая 1901 года жить в столицах, столичных губерниях и университетских городах в течение двух лет [2]. П. Ф. Лесгафт вынужден был покинуть Петербург и поселиться в курортном городке Териоках (ныне Зеленогорск), в Финляндии. Но связи с Курсами он не порывал и два-три раза каждую неделю полулегально приезжал в город, чтобы продолжать чтение лекций.

Вот какой человек возглавлял учебное заведение, гостеприимно распахнувшее двери перед Людмилой Вороновой. Ее сразу же увлекли содержательные лекции

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 2, 6, 7, 9.
[2] Там же, л. 10, 11, 12, 16 об., 21 об., 23.

известных петербургских профессоров, семинарские и практические занятия. Лесгафт привлекал к чтению лекций маститых ученых, являвшихся уже тогда гордостью российской науки. Курс общей физиологии читали И. П. Павлов и А. А. Ухтомский, курс ботаники — В. Л. Комаров, зоологии — С. И. Метальников, геологии — Е. С. Федоров и Ф. Н. Чернышев, физики — В. К. Лебединский, русской истории — В. И. Семевский, всеобщей истории — Е. В. Тарле, математики и механики — И. П. Долбня. Это были ученые, придерживавшиеся передовых демократических взглядов. В большинстве случаев они читали лекции на Курсах бесплатно, неся лесгафтичкам новейшее слово научной теории и практики. Специальный подбор основных лекторов-ученых, материалистические, республиканские, антимонархические установки, проводившиеся ими в лекциях,— все это способствовало революционизированию студенческой молодежи на Курсах Лесгафта.

Полицейские власти, чиновники от просвещения были крайне обеспокоены подобным направлением преподавания основных предметов на Курсах. За многими профессорами и преподавателями велась слежка, на них заведены были полицейские досье.

Приведем два примера. В течение двух лет, пока П. Ф. Лесгафту было запрещено жить в столице, временно исполняющим обязанности заведующего Курсами по просьбе Петра Францевича (и, разумеется, с согласия властей) был назначен его последователь, профессор математики Горного института Иван Петрович Долбня. Однако, как выяснилось, полицейские власти также весьма критически оценивали «политическую благонадежность» профессора И. П. Долбни.

«Политическая благонадежность профессора Долбни не менее сомнительная, чем благонадежность господина Лесгафта. Как известно, он (Долбня) усиленно поддерживал и поощрял студентов Горного института продолжать обструкцию в последнее студенческое движение (1901 года.— *И. Л.*)... имел конспиративные сношения с русскими эмигрантами-революционерами за границей» [1].

Огромной популярностью среди лесгафтичек пользовались глубоконаучные и вместе с тем интереснейшие лекции по всеобщей истории приват-доцента Петербург-

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 26.

ского университета Евгения Викторовича Тарле — в будущем крупнейшего советского ученого и академика.

По поводу Е. В. Тарле читаем в отчете окружного инспектора Петербургского учебного округа от 18 февраля 1904 года по проверке Курсов Лесгафта:

«...Известный большой публике по своей политической благонадежности и как отличный лектор, он (Е. В. Тарле) везде, где только может, избирает предметом своих чтений какую-нибудь революцию или восстание. Он читает с шумным успехом в Университете... И, наконец, появился в декабре (1903 г.) на Курсах Лесгафта. Здесь он имеет одну лекцию в неделю для оканчивающих, т. е. 30—40 слушательниц, но его обыкновенно собираются слушать во множестве со всех курсов, так что аудитория бывает переполнена. Я слушал его лекцию вечером 13-го февраля (1904 г.), и, как и следовало ожидать, она была тоже о революции — английской, о Кромвеле и Карле I. Как и в других местах, где мне приходилось бывать на лекциях госп. Тарле, выносилось такое впечатление, что революция или восстание, руководимое искусною и энергическою рукою, в конце концов достигнет цели. Я считаю чтение таких лекций искусною и энергичною прививкою революционного яда и потому продолжение чтений госп. Тарле нахожу нежелательным» [1].

Наибольшей популярностью пользовался все же «духовный отец» Курсов Петр Францевич Лесгафт. Он читал лекции по анатомии, педагогике, истории педагогики, теории телесных движений и... даже по теории фехтования (в молодости сам был отличным фехтовальщиком!). В основе системы обучения на Курсах Лесгафт положил психофизическое изучение человеческого организма, чтобы на основе понимания взаимодействия всех его органов и отправлений образовать и воспитать по-новому тело и дух человека. Под физическим образованием на практике понимались естественные, соответствующие строению и возрасту движения тела, приведенные в строгую систему постоянного развития психофизических способностей человека. К индивидуальным и массовым физическим движениям прибавлялись игры для воспитания сознательной коллективной дисциплины, чувства товарищества, целеустремленности и неприкосновенности личности. Завершалась эта

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 88 об.—89.

система экскурсиями, прогулками, посещениями предприятий, музеев, библиотек, спортивных площадок с целью познания внешнего мира, природы труда и жизни своего народа, человека как гражданина и строителя жизни.

Все в этой педагогической системе физического воспитания, созданной П. Ф. Лесгафтом, звучало по-новому, необычно, интересно.

Следует подчеркнуть, что центральной фигурой своей системы воспитания Лесгафт сделал девушку и женщину, продолжательницу человеческого рода. Наряду с историком академиком К. Н. Бестужевым-Рюминым (племянник декабриста М. П. Бестужева-Рюмина), основателем Петербургских высших женских курсов (1878 год), историком профессором Одесского университета А. С. Трачевским, попытавшимся создать Одесский женский университет и создавшим «Новую школу» совместного обучения мужчин и женщин (1879—1881 годы), П. Ф. Лесгафт был горячим поборником высшего женского образования.

П. Ф. Лесгафт, убежденный демократ-республиканец, ненавидевший царскую монархию, не был марксистом (хотя и имел представление об учении К. Маркса). Его социальная программа являлась утопической. Он считал, что сначала надо уничтожить в человеке рабскую покорность перед монархией, сильными мира сего, затем уничтожить в нем рабскую буржуазную психологию и уже тогда провести социальную революцию и приступить к строительству нового, социалистического общества.

В то же время ученый-демократ всегда активно помогал революционному студенчеству, социал-демократическому движению.

Сторонница педагогической системы Лесгафта, Л. Н. Воронова вспоминала:

«Лесгафт жил своей мечтой. Он был полон ею до краев, до предела. Он хотел, чтобы все шли к нему, зажигались его ярким светом, ибо его свет есть правда для всех. Он не был беспристрастным ученым, познавшим истину и погрузившимся в созерцание науки. Он был проповедник-агитатор, философ, несущий новую правду для новой жизни... Это было его убеждение».

Петр Францевич пользовался глубочайшим уважением и признанием известных ученых и писателей, дея-

телей искусства и культуры, видных революционных и общественных деятелей. Он поддерживал постоянную связь с Г. В. Плехановым, дружил с А. М. Горьким, В. В. Стасовым, академиками М. М. Ковалевским и И. П. Павловым, народовольцем Н. А. Морозовым, лично знал В. И. Ленина, А. В. Луначарского, Н. К. Крупскую, А. М. Коллонтай, В. В. Воровского, Н. Я. Николадзе. Среди его учеников были революционерка В. Н. Фигнер, всемирно известный геолог и кристаллограф, академик Е. С. Федоров, физиолог, впоследствии советский академик и Герой Социалистического Труда Л. А. Орбели и многие другие.

ЮРИЙ И ЛЮДМИЛА ВОРОНОВЫ — УЧАСТНИКИ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Пять лет училась Людмила Воронова на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования — с сентября 1901 года по июнь 1906-го. Своей аккуратностью, четкостью, серьезностью в занятиях она обратила на себя внимание П. Ф. Лесгафта. Вскоре она стала одной из его добровольных помощниц — препараторщицей в Анатомическом музее, ассистенткой физического воспитания. Людмила была вполне удовлетворена своей учебой на Курсах. Это настроение удовлетворенности звучит в ее первом письме от 11 ноября 1901 года из Петербурга в «Ясочку»:

«Я занимаюсь, работаю, чувствую, что кругозор мой расширяется и, главное, что меня все больше и больше притягивают к себе эти занятия. Нервы мои успокаиваются... Я чувствую, что... иду вперед, становлюсь ближе к тому идеалу, который должен всегда стоять перед человеком... У нас с (братом) Юрием есть увлечение в науке, в расширении своего кругозора... в процессе самого приобретения знаний, самого знакомства с наукой».

Людмила жила с братом на частной квартире, по утрам вместе завтракали, затем встречались только вечерами после занятий, ужинали, делились последними новостями. С осени 1901 года Юрий перешел из Лесного института на естественный факультет Петербургского университета, где продолжал активно заниматься научной работой.

С конца 1901 года Юрий и Людмила Вороновы присоединились к открытым выступлениям революционного студенчества столицы: брат — в университете, сестра — на Курсах Лесгафта.

Петербургский университет был главным оплотом революционного студенческого движения в столице и в России. В нем были очень сильны традиции свободомыслия и демократизма. С конца 1901 года движение революционных студентов возглавила «Касса радикалов», которая тогда же и образовалась из наиболее активных членов общеуниверситетской «Кассы взаимопомощи». В эту группу вошли передовые студенты: Н. Н. Воскресенский, И. И. Игнатьев, Н. Н. Кузьмин, Ф. И. Махарадзе, Б. Е. Райков и другие. «Касса радикалов» решительно порвала с оппортунистической тактикой общеуниверситетского студенческого руководства.

«Радикалы» были сторонниками политических средств борьбы и студенческое движение рассматривали «как движение общественное, во главе которого стоит пролетариат». «Касса радикалов» являлась общестуденческим политическим центром в университете; она была связана со многими высшими учебными заведениями Петербурга. «Касса» имела восемь хорошо законспирированных типографий (гектографы), которые размещались в самых благонадежных квартирах. Причем члены «Кассы радикалов» не знали адресов этих квартир, не имели права их посещать, чтобы не провалить. Эти типографии снабжали многие институты революционными листовками [1]. Легальным местом сборов, сходок, явок, встреч стала университетская столовая. Здесь почти каждый день бывал Юрий Воронов, частенько заходила сюда и Людмила.

2 января 1902 года Людмила писала Вере в Тифлис:

«Новый год я встречала в студенческой столовой (университета). Это была, собственно, совсем нелегальная встреча. Собрались все радикалы, и все носило специфически радикальный характер, начиная со списка высланных товарищей и сборов в пользу Красного Креста и кончая речами петербургских известных студенческих ораторов... После праздников назначена забастовка».

Юрий Воронов сблизился с членами «Кассы радикалов», тем более, что с одним из них, И. И. Игнатьевым, учился вместе в Лесном институте, а затем они оба перешли в университет. Юрий познакомил Людмилу с Иваном Ивановичем Игнатьевым, в революционном

[1] Ленинградский архив Академии наук СССР (далее: Ленархив АН СССР), ф. 893, оп. 2, д. 2, т. 8, л. 128, 135, 142.

кружке которого опа некоторое время занималась. В том же письме она сообщала Вере:

«Ив. Ив. ушел весь в «работу» (то есть в революционное дело.— *И. Л.*), теперь уже он не может, если бы и захотел даже, повернуть назад, для него одна только дорога — идти вперед, пока будут давать возможность идти, а там... там, конечно, известная участь (то есть тюрьма, ссылка.— *И. Л.*)».

Наиболее активным и авторитетным среди «радикалов» был двадцатилетний студент естественного факультета университета Борис Евгеньевич Райков, сын мелкого московского чиновника. Это один из признанных вожаков революционного студенчества в 1900—1903 годах: он председательствовал на студенческих митингах, выступал оратором от «Кассы радикалов», являлся автором прокламаций и стачечных студенческих бюллетеней [1].

Вороновы близко познакомились с Борисом Райковым: Юрия он привлекал своими научными интересами, Людмилу — общественной активностью. Тогда же Вороновы установили связь и с другим руководителем «Кассы радикалов» — Николаем Воскресенским.

Через Райкова и Воскресенского Юрий и Людмила узнали о существовании революционного Кавказского землячества. В тот период в него входили революционные социал-демократы Александр Вермишев, Арчил Джапаридзе, Петре Кавтарадзе, Александр Зурабов, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава (университет), Богдан Кнунянц, Степан Шаумян (до переезда в Ригу из Петербурга), Мешади Азизбеков (Технологический институт), Мамия Орахелашвили (Военно-медицинская академия), Мария Микеладзе (Бестужевские курсы), Александр Арабидзе (книгоиздатель) и другие. Б. Е. Райков (в советское время известный биолог, профессор, доктор наук) вспоминал в послереволюционные годы:

«В конспиративных поручениях принимали участие десятки студентов; причем особенно хороши были кавказцы. Я помню двух студентов — грузин: А. Джапаридзе [2] и Ф. Махарадзе. Они никогда ни о чем не рас-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1902 г., д. 1025, л. 2; Ленархив АН СССР, ф. 893, оп. 2, д. 2, т. 8, л. 142, 144.

[2] А. Л. Джапаридзе в 1902—1903 годы примыкал к революционным социал-демократам; в 1905—1906 годы стал меньшевиком, сторонником лидера грузинских меньшевиков Ноя Жордания.

спрашивали, но с мрачным и решительным видом на заросших черными волосами лицах делали свое революционное дело с аккуратностью часов» [1].

Через Бориса Райкова, Николая Воскресенского, Филиппа Махарадзе Юрий и Людмила Вороновы были вовлечены в работу революционного социал-демократического и студенческого подполья.

ТРЕТЬЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ СТАЧКА СТУДЕНТОВ

С осени 1901 года студенческие организации развернули агитацию за проведение новой (третьей) всероссийской забастовки студентов, имевшей целью бойкот разрабатываемых в министерстве просвещения правил о студенческих органах. Подготовку общегородской стачки в столице возглавил Организационный комитет студентов и «Касса радикалов» университета. Установлена была координационная связь с Московским, Киевским, Харьковским университетами, Рижским политехническим институтом (через С. Г. Шаумяна), ярославским Демидовским юридическим лицеем (через М. С. Кедрова, Н. И. Подвойского). Руководители Организационного комитета и «радикалы» стремились определить свою программу и тактическую линию в общероссийском освободительном движении. В связи с этим в феврале — марте 1902 года была выпущена листовка «К обществу», получившая широкое распространение среди петербургского студенчества.

Из листовки «К обществу»:

«Увлечение социалистическими идеями [К.] Маркса, знаменитые стачки петербургских рабочих 96—97 гг., начавшееся брожение в среде интеллигенции, общее недовольство господствующим полицейско-бюрократическим режимом — все эти факты были первыми симптомами начинающегося обновления русской жизни. Но теперь уже не ничтожная кучка интеллигентов подымала знамя освобождения и не узкие слои образованного класса с сочувствием смотрели на загоравшуюся борьбу. Новый общественный класс, новая могучая сила — русский пролетариат впервые выступает в середине 80-х годов на арене общественной жизни. И русская интеллигенция, радостно приветствовавшая появление нового сильного союзника в борьбе с самодержавием, быстро пошла ему навстречу...

---

[1] Ленархив АН СССР, ф. 893, оп. 2, д. 2, т. 8, л. 136.

Когда-то Пирогов очень метко назвал нашу учащуюся молодежь «барометром русской общественной жизни». Да, она действительно самая чувствительная к переменам погоды, самая чуткая и свободолюбивая часть нашей интеллигенции. Этим определяется ее роль в истории русской жизни... И вот в 1901 г[оду] перед глухой стеной полицейского режима и бесправия произошло объединение борющихся элементов русской жизни: студентов, рабочих и интеллигенции. С этого момента движение начинает принимать широкий общественный характер».

...Пожелтевший лист плотной белой бумаги. По нему бегут строки процитированной выше отпечатанной на гектографе листовки. Один экземпляр ее Людмила Воронова переслала в «Ясочку», и он там хранился 70 лет (ныне передан Вороновыми в Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции).

Около пяти экземпляров, полученных через Райкова, Людмила отправила своим друзьям в Кутаис, Батум и Вере в Тифлис. Вскоре Л. Н. Воронова начала регулярно пересылать революционную литературу из Петербурга в Закавказье.

Авторы листовки «К обществу» стояли, как это видно из ее содержания, на ленинско-искровских позициях в оценке студенческого движения. В декабре 1901 года В. И. Ленин писал в «Искре», оценивая первые итоги студенческого революционного движения: «Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа,* за *политическую свободу»* [1].

Проведенная работа по подготовке третьей общестуденческой стачки имела положительные результаты. С конца января по февраль 1902 года стачечными выступлениями было охвачено 36 высших учебных заведений России (Петербург, Москва, Рига, Одесса, Томск, Казань), в которых приняло участие свыше 30 тысяч студентов. Однако провокационные действия реакционных буржуазно-дворянских прослоек студенчества

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.

вкупе с администрацией высших учебных заведений, полицейские репрессии тормозили развитие массового студенческого движения. Сказывалась определенная неорганизованность действий студенческой массы, ее недостаточная связь с рабочими. Это, в частности, проявилось в выступлениях петербургского студенчества в феврале 1902 года.

Людмила и Юрий Вороновы были в числе активных организаторов и участников февральских выступлений. В письмах в «Ясочку» и Тифлис Людмила дает развернутый анализ прошедших студенческих стачек.

12 февраля 1902 года Людмила — Вере в Тифлис:

«...Почему все движение этого года (то есть январско-февральские события.— *И. Л.*) производит в общем-то какое-то странное разрозненное впечатление? Теперь мне это понятно. Прошлый год породил много желаний, так как многим показалось, что наконец пришел тот желанный день, о котором говорил Н. А. Добролюбов. Прошлый год многим затуманил глаза на действительность. Мы думали, что уже начинаем побеждать. Мы почувствовали вдруг силы, которых раньше никогда не видели, и преувеличили эти силы... Мы забыли, что, несмотря на сочувствие общества и рабочих, мы не организованы так же, как раньше. И в конце концов получился тот результат, что несколько сотен человек, веря, что их поддержит вся Россия, потребовали Учредительного собрания — и остались одни, без поддержки (массы). Мне вспомнились слова Г. В. Плеханова: «Мы не правы — потому что мы слабы, а слабы потому, что не организованы... Поэтому нам надо, во-первых, организоваться, во-вторых, организоваться в более широких размерах и, в-третьих, организоваться в еще более широких размерах. Тогда только мы чего-нибудь достигнем...» Этот год показал, что он (Г. В. Плеханов.— *И. Л.*) прав!.. Теперь идет (профессорский) суд над универсантами, бывшими на сходке. Вероятно, и их всех исключат. Юрий тоже теперь подсудимый».

Петербургское студенчество вновь понесло тяжелые потери. В ночь на 8 февраля 1902 года полиция арестовала 89 студентов. Вечером 9 февраля полиция и черносотенцы устроили жестокое избиение студентов и курсисток в стенах Народного дома, где после спектакля студенчество организовало антиправительственную манифестацию. Еще 67 студентов и курсисток были арестованы и судимы, в том числе руководители студенче-

ских волнений: Г. И. Бокий, Б. М. Кнунянц, Д. И. Курский (впоследствии видные деятели партии большевиков), К. Е. Рерих, С. Г. Струмилин (в будущем видный советский ученый-экономист, академик).

Эти репрессии не напугали передовое студенчество. Петербургская революционная социал-демократия и студенты-искровцы обратились за поддержкой к питерским рабочим. Петербургский комитет РСДРП призывал пролетариат в листовке «Студенты и рабочие», выпущенной 8 февраля 1902 года: «Будем же оказывать поддержку студентам в их борьбе с полицейским произволом... Будем же участвовать в их демонстрациях, и пусть вместе с их возгласами сольются и наши возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!»» [1]

Через три недели, 3 марта 1902 года, Петербург впервые увидел огромную тридцатитысячную, революционную демонстрацию рабочих и студентов. Среди них была значительная группа лесгафтичек во главе с Екатериной Крич, Дорой Клебановой и Людмилой Вороновой. Через два дня в Тифлис из Петербурга полетело объемистое письмо.

5 марта 1902 года Людмила — Вере в Тифлис:

«...Народу была масса... преимущественно рабочие. Невский, начиная от Полицейского и до Аничкова (моста), был сплошь покрыт головами людей. И сколько можно было бы сделать с такою тьмою народа, если бы... Ну да об этом не место говорить в письме. К двенадцати часам уже никого не пускали на Невский, он был оцеплен со всех сторон. Началось в двенадцать с половиной часов. Первый флаг был выброшен на паперти (Католического) костела, потом у Гостиного двора, на Городской думе... В воздух полетели прокламации, крики: «Долой самодержавие!» и «Ура!» Толпа хлынула со всех сторон к знаменам. Вместе с нею со всех сторон, как из-под земли, из дворов, переулков, улиц вихрем неслись конные отряды жандармов с обнаженными наголо шашками... И они были пущены в ход. Толпа была сразу разрезана и оттеснена в боковые улицы; старались не оцеплять и хватать, а только избивать... Бойня продолжалась сравнительно недолго... Есть и убитые, и раненые, об избитых и говорить нечего. Главным обра-

[1] См.: *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. 1899—1907, с. 74—75.

зом били рабочих. Это тоже политика — за студентов могут заступиться папеньки. Но и на долю студентов досталось — одному путейцу раздробили череп. Вообще теперь трудно определить, сколько было жертв, да едва ли это когда-нибудь будет известно... От Гостиного до Казанского все было как вихрем сметено, но через несколько времени опять все тротуары запрудились народом. И опять в некоторых местах были схватки... Во всяком случае, демонстрация была... [и] она всколыхнула всех... Казаки отказались идти против демонстрантов... на демонстрации не было ни одного казака, только жандармы. И ходят слухи, что Преображенский и Семеновский полки отказались идти против демонстрантов».

В письме Людмилы — точная фотография событий. Интересная, полная динамизма, важная для исследователя студенческого движения.

Вера Воронова рассылала копии писем младшей сестры в Кутаис, Сухум, Батум, Екатеринослав. Путем незримой для жандармерии переписки демократическая молодежь оперативно получала сведения о революционных событиях в Петербурге.

Частная переписка тех лет — важный, но малоизученный канал революционной информации и воздействия на демократическую молодежь, широкое общественное мнение.

Людмила Воронова сообщала сестре о том, как на нее подействовало участие в этой демонстрации:

«Про себя лично могу сказать, что демонстрация меня толкнула вперед. Я шла совершенно сознательно, без малейшего стихийного увлечения до самого последнего момента, даже тогда, когда вокруг меня двигалась толпа, и я понимала, что эта толпа пришла сюда для того же, для чего и я. И только в тот момент, когда взвилось в воздухе знамя и толпа с одним криком рванулась к нему,— тогда я почувствовала, что такое стихия, ощутила, что и я капля этой могучей стихийной волны, и была подхвачена ею. А теперь, несмотря на то, что я видела избиение, видела все те ужасы, о которых раньше только приходилось слышать,— теперь я чувствую, что жизнь есть, что мы должны жить и для чего мы должны жить».

...Жить, чтобы бороться, бороться до конца, до победы, до свержения самодержавия и буржуазно-помещичьего строя. Самая младшая из второго поколения Во-

роновых — Людмила Николаевна, верная примеру отца, вступила на путь открытой революционной борьбы.

МАРКСИСТСКИЙ КРУЖОК

В Ленинградском историческом архиве хранятся некоторые из записных книжек Петра Францевича Лесгафта. На пожелтевшей страничке одной из книжек за 1893—1895 годы рукою Лесгафта написано: «Крупская Н. К.». Оказывается, в 1894—1895 годах Надежда Константиновна Крупская посещала лекции Петра Францевича по педагогике, психологии, анатомии и физическому образованию [1]. Эти лекции в то время читались главным образом на квартире Лесгафта в доме 18 по набережной реки Фонтанки. Крупская вместе с матерью проживали неподалеку — по Невскому проспекту, дом 97, затем по Гродненскому переулку, дом 7/36 (угол Знаменской улицы — ныне улица Восстания) [2].

Четыре года назад, в 1889 году, двадцатилетняя Надежда Крупская ушла с Бестужевских женских курсов. Ее не удовлетворяли академические, оторванные от жизни лекции. Желая продолжить свое образование, она и записалась на частные лекции П. Ф. Лесгафта. В этот период Крупская работала учительницей в рабочей вечерне-воскресной Смоленской школе за Невской заставой — в центре одного из пролетарских районов Петербурга. В конце февраля 1894 года она познакомилась с В. И. Лениным, под его руководством продолжала углубленное изучение марксизма, вместе с ним вела агитационную работу среди питерских рабочих [3].

Н. К. Крупская была первой слушательницей Курсов Лесгафта, которая знала теорию К. Маркса, изучала работы молодого В. И. Ульянова-Ленина. Очевидно, Надежда Константиновна начала приобщать некоторых демократически настроенных слушательниц Курсов к марксизму. Возможно, не без ее участия и П. Ф. Лес-

---

[1] Фонды музея истории Ленинградского института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта; фотокопия страницы записной книжки П. Ф. Лесгафта за 1893—1895 годы. Автор благодарит директора музея М. Ф. Прокофьева, сообщившего о данной записи.

[2] См.: *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге — Петрограде. Места жизни и деятельности в городе и окрестностях. 1890—1920. Л., 1977, с. 68—69, 87—88.

[3] См.: Надежда Константиновна Крупская. Биография. М., 1978, с. 19—23.

гафт познакомился с отдельными работами К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности с «Анти-Дюрингом».

Так, с именем Н. К. Крупской связана одна из важных страниц истории Курсов Лесгафта — начальный этап распространения марксизма на них.

В период 1896—1899 годов среди слушательниц Курсов Лесгафта появились молодые марксисты — Клавдия Тимофеевна Новгородцева, Екатерина Георгиевна Крич, Людмила Константиновна Громозова, Ольга Ивановна Виноградова и другие [1]. Пройдет несколько лет, и все они вступят в ряды ленинской партии. Лесгафтички изучали марксистскую литературу, сотрудничали с ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», боролись с экономизмом.

Однако до начала 900-х годов на Курсах не было марксистского кружка, не существовало там и революционной организации. Кустарщина, разброд и шатания в российской социал-демократии, определенное засилье экономизма в рабочем движении проявлялись в нечеткости и разнообразии политических настроений слушательниц Курсов Лесгафта. Но время шло, революционное движение и социал-демократия России набирали силу, опыт и размах.

...Дмитрий Ильич Лещенко появился на Курсах Лесгафта в 1900 году. Он еще обучался на химическом отделении физико-математического факультета Петербургского университета, когда его пригласил на Курсы для преподавания химии, проведения лабораторных занятий Петр Францевич Лесгафт. Молодой студент-химик, к этому времени убежденный марксист, сторонник В. И. Ленина, вел подпольную работу среди рабочих за Невской заставой. Да, это был тот самый Дмитрий Лещенко, который позднее, в 1905—1907 годах, неоднократно укрывал В. И. Ленина у себя на квартире, весной 1906 года являлся секретарем ПК РСДРП, а в 1917 году, в один из июльских дней, ездил на станцию Разлив к Ленину, где сфотографировал Владимира Ильича в парике и косоворотке для изготовления пропуска на имя «рабочего Сестрорецкого оружейного завода Константина Петровича Иванова».

В начале 1901 года по инициативе Д. И. Лещенко и группы лесгафтичек, активных участниц революционного студенческого движения,— Екатерины Крич, Доры

[1] ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 8406а, л. 75 об., 104—105 об.

Клебановой, Ольги Глинки, Ольги Уваровой, Людмилы Громозовой, Елены Лещенко (жена Д. И. Лещенко) — образуется на Курсах первый марксистский кружок. Позднее в его состав вошли Ольга Виноградова и Людмила Воронова, имевшие к тому времени известный опыт подпольной работы, сестры Зинаида и Мария Казиненко и другие [1]. Первоначально в кружке насчитывалось 12 человек, через год — уже 25—30. Члены кружка изучали произведения К. Маркса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, горячо спорили по вопросам международного и российского рабочего и студенческого движения, распространяли нелегальные издания в рабочих районах Петербурга и в провинции во время каникул. Вели разъяснительную работу среди тех курсисток, которые тяготели к идеям народовольчества, легального экономизма.

Связь с ленинской «Искрой»

Пропагандой марксистских идей среди курсисток наиболее активно занимались Людмила Воронова, Дора Клебанова, Людмила Громозова, Мария Митарина, Софья Познер.

Весной 1901 года на Курсах Лесгафта появилась миловидная девушка с копной вьющихся волос на голове. Это была девятнадцатилетняя Дора Клебанова. Она выросла в небогатой семье лесоторговца в городе Борисове Минской губернии, затем ее семья переехала в украинский городок Новозыбков (ныне входит в состав РСФСР). Дора закончила с золотой медалью Новозыбковскую гимназию. Приехав в Петербург, она поступила на Надеждинские лечебные курсы, стала посещать лекции в Женском медицинском институте. Здесь Дора Клебанова познакомилась с Петром Францевичем Лесгафтом. По его совету она перешла вольнослушательницей на Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, не оставляя прежних занятий. К тому времени Клебанова была горячим приверженцем революционно-демократических идей [2].

---

[1] См.: *Шувалов Ф.* Подвиг студентки.— За физкультурные кадры (орган Института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта), 1967, 21 апреля; ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1902 г., д. 687, л. 6, 26 об.

[2] Ленинградский партийный архив (далее: ЛПА), ф. 4000, оп. 5, д. 3129 — автобиография и воспоминания Д. А. Лазуркиной; ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1903 г., д. 746, ч. 4, л. 1—2.

На Курсах Лесгафта Дора Клебанова познакомилась и сблизилась с Людмилой Вороновой. Вскоре они обе стали признанными вожаками первокурсниц-лесгафтичек. С конца 1901 года Клебанова и Воронова принимали участие в доставке на Курсы и распространении ленинской «Искры». Дело было ответственное.

Бывшая лесгафтичка, член КПСС с 1902 года, активный работник Петербургской большевистской организации, Д. А. Лазуркина (Клебанова) вспоминала о деятельности марксистского кружка на Курсах Лесгафта:

«С весны — лета 1901 года в нашей среде лесгафтичек стала появляться «Искра». Газету на Курсы мы получали через Елену Дмитриевну Стасову, Дмитрия Ильича Лещенко. «Искру» читали нарасхват, ждали с нетерпением очередного номера. Особенно нас волновали те статьи Ленина, где давался анализ рабочего и студенческого движения. Перед нами раскрывались огромные задачи, перспективы нашей борьбы. Перед кружком была поставлена сложная задача: оказать материальную помощь «Искре». За эту работу отвечали Людмила Громозова, Людмила Воронова, Екатерина Крич, Ольга Виноградова и я. На Курсах часто устраивались с одобрения Лесгафта вечера, концерты с приглашением известных артистов, писателей. Нередко все собранные деньги передавались в кассу петербургской искровской группы».

Лесгафтички самозабвенно работали в революционном подполье. Член КПСС с 1898 года Е. Д. Стасова в своих воспоминаниях дала высокую оценку отважной организационно-технической работе революционных студентов и курсисток, незаметных тружеников подполья Петербурга [1].

Весной 1902 года Людмила Громозова, Екатерина Крич, Дора Клебанова, Ольга Уварова, Мария Казиненко, Мария Митарина вступили в ряды Российской социал-демократической рабочей партии. Людмила Воронова вступила в партию на год позднее, ибо считала себя еще недостаточно подготовленной в теоретическом отношении.

Огромное впечатление на лесгафтичек — участниц марксистского кружка произвела книга В. И. Ленина «Что делать?». В ней была разработана программа стро-

[1] См.: *Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., 1969, с. 41—42.

ительства новой марксистской пролетарской партии на основе соединения массового рабочего движения и научного социализма, показано значение социалистической идеологии, марксистской теории, вскрыты идейные истоки международного и русского оппортунизма. Ленинский труд появился на Курсах в начале лета 1902 года и способствовал укреплению искровского направления среди лесгафтичек.

Прочитала книгу В. И. Ленина и Людмила Воронова. Позднее она запишет для себя:

«Сильная вещь — книга «Что делать?». Сильна логикой, верой в рабочий класс, его партию, его идеологию, победоносную революцию, борьбой против социал-реформизма. Это сама жизнь. После «Что делать?» Чернышевского ничего подобного не читала».

Людмила Воронова была неутомима в работе, ее хватало на все: она успевала принять участие в сходке курсисток и разбросать прокламации у проходной Франко-Русского завода, прочесть свежий номер «Искры» и последнюю драму А. П. Чехова, сбегать на новый горьковский спектакль. Всегда собранная, подтянутая, аккуратно и со вкусом одетая, с миловидным лицом, высоким чистым лбом и красивыми карими глазами — она привлекала к себе общее внимание студентов и курсисток...

Марксистский кружок, созданный на Курсах Лесгафта, установил прочные связи с ленинской «Искрой», активно участвовал в печатании нелегальной революционной литературы и распространении ее среди рабочих и студентов. Весной — летом 1902 года Петербургская социал-демократическая организация, исходя из указаний В. И. Ленина и редакции «Искры», наметила широкий план агитационно-пропагандистской и издательской деятельности. Активное участие в организации подпольных типографий принимали И. В. Бабушкин, И. И. Радченко, В. П. Ногин, Е. Д. Стасова, А. В. Шотман. В 1902—1903 годах издательские нужды Петербургского комитета РСДРП обслуживали две типографии: в Новгороде и Петербурге [1].

В сентябре — октябре 1902 года по просьбе петербургских искровцев собрание делегатов студенческих землячеств и организаций выделило денежные средства

[1] См.: *Ольховский Е. Р.* Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975, с. 311—323.

и группу студентов-печатников для устройства и налаживания работы подпольной типографии. Студент Петербургского университета Виктор Рагозин и студент Горного института Михаил Штейнман сняли квартиру в доме 7 по Апраксину переулку, где и установили мимеограф [1]. Затем был приобретен ротатор и печатная машинка, которые были размещены в квартире дома 23 по 9-й Рождественской улице [2]. Объединенная типография обслуживалась четырнадцатью студентами и тремя рабочими. В этой группе почти одну треть составляли лесгафтички: Людмила Громозова, Мария Митарина, Мария Дмитриева, Варвара Ревенко и Евгения Штейнман (сестра М. Е. Штейнмана) [3].

Подпольная типография Петербургского комитета РСДРП действовала свыше семи месяцев, невзирая на все ухищрения департамента полиции и охранного отделения по розыскам ее месторасположения.

В начале 1903 года типография в среднем ежемесячно выпускала три-четыре новые политические прокламации, каждая тиражом по 10—15 тысяч экземпляров. 30 марта Е. Д. Стасова сообщала в редакцию «Искры»:

«Новая типография работает с быстротой тысячи листов в день в среднем. Нормально выпускаем по 1 листку в неделю, кроме местных агитационных, которые выходят не в очередь, листки в количестве 10 000». Через неделю, 5 апреля, Елена Дмитриевна просила: «Посылайте нам стереотипы «Искры», новая техника так налажена, что может воспроизводить со стереотипа 3000 в сутки» [4].

Огромного риска, мужества и мастерства требовали доставка отпечатанной литературы на склады и явочные квартиры, ее хранение и отправка на предприятия и в высшие учебные заведения. Для этого работники технической группы ПК РСДРП (Л. Громозова, М. Митарина, брат и сестра Штейнманы, Е. Евстифеева и другие) использовали различного типа чемоданы с двой-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, 1904 г., д. 458, л. 59 об.

[2] См.: *Штейнман Е. Е.* Типография Петербургского комитета РСДРП. 1903 г.— Сб. Техника большевистского подполья, вып. 2. М.—Л., б. г., с. 137—140.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, 1904 г., д. 458, л. 59—62 об.

[4] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. М., 1970, т. 3, с. 289, 299.

ным дном, особые корзины, баулы, специально сшитые нагрудники, в которых можно было проносить по нескольку сотен, а иногда и тысяч экземпляров листовок. Самые крупные склады и экспедиции для хранения нелегальной литературы были устроены на квартирах лесгафтичек Л. К. Громозовой, а также М. М. Митариной и М. С. Дмитриевой [1]. Небольшие склады литературы имели студентки Женского медицинского института О. М. Генкина и В. Н. Воронова и лесгафтичка Л. Н. Воронова.

Все же полиции и жандармерии Петербурга удалось выследить мужественных юношей и девушек. 10 и 14 апреля 1903 года наряды полиции совершили налеты на обе квартиры, где размещалась типография. Начались повальные обыски и аресты работников Технической группы Петербургского комитета РСДРП. Среди арестованных были и лесгафтички — Л. Громозова, М. Митарина, Е. Штейнман, М. Дмитриева и В. Ревенко. Незадолго до этого, 31 марта, полиция арестовала одну из руководительниц революционных лесгафтичек — Дору Клебанову. У Людмилы Вороновой, Екатерины Крич, Ольги Уваровой и других слушательниц Курсов были произведены обыски [2].

Однако несмотря на аресты значительной группы лесгафтичек социал-демократок, несмотря на усиление слежки и контроля за деятельностью Курсов Лесгафта, полиции не удалось прекратить революционную деятельность на Курсах. Лесгафтички-искровки по совету Д. И. Лещенко, Е. Д. Стасовой прибегали к хорошо разработанным средствам конспирации.

Поступавшую нелегальную литературу сразу же сдавали в библиотеку и там прятали ее среди всей массы общедоступных книг и журналов. Одним из самых удобных мест на Курсах для явок, конспиративных бесед, собраний и даже для прочтения подпольных изданий считалась препараторская, где проходили учебные занятия по анатомии и производилось вскрытие трупов. Там чаще всего и занимался марксистский кружок.

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, 1904 г., д. 458, л. 60—61 об.; *Штейнман Е. Е.* Типография Петербургского комитета РСДРП. 1903 г.— Сб. Техника большевистского подполья, вып. 2, с. 139—141.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2188, л. 5 — из воспоминаний Д. А. Лазуркиной (Клебановой) и Л. Н. Вороновой.

В АВАНГАРДЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Наряду со студентами университета, Горного и Технологического институтов, слушательницами Бестужевских курсов лесгафтички играли ведущую роль в студенческом движении в Петербурге в 1900—1904 годах.

О все большем вовлечении Курсов Лесгафта в революционное движение свидетельствуют данные архивной справки министерства внутренних дел об участии лесгафтичек в политических демонстрациях за 1897—1901 годы и привлечении их к политическому дознанию за 1898—1900 годы[1]. На основании этих данных составлена таблица:

Участие студентов в демонстрациях				Привлечение студентов к политическому дознанию			
Дата демонстрации	Общее число участников	Число курсисток	Число лесгафтичек	Годы	Общее число привлеч. к дознанию	Число курсисток	Число лесгафтичек
4 марта 1897 года	805	253	22	1898	226	26	3
19 февраля 1901 года	227	128	19	1899	343	20	2
4 марта 1901 года	775	323	75	1900	204	17	5

Полицейские данные явно неполные, ибо в них приведены сведения только об учтенных, то есть задержанных и переписанных чинами полиции демонстрантах — студентах и курсистках, или только об арестованных и привлеченных к полицейскому дознанию. Но и эти цифры весьма показательны: в демонстрации 4 марта 1901 года лесгафтички составляли одну десятую всех участников и почти одну четвертую всех курсисток, а в 1900 году они составляли почти одну треть всех курсисток, привлеченных к политическому дознанию.

После демонстраций 1901—1902 годов революционное студенчество начинает усиленно пополнять ряды российской социал-демократии. В начале 1902 года В. И. Ленин указывал: «Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представи-

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 42—43.

тели молодого поколения образованных классов... люди, тяготеющие к социал-демократии...» [1].

В. И. Ленин настойчиво предлагал местным социал-демократическим организациям вовлекать студенческую молодежь в свои ряды, улучшать и расширять работу среди нее; использовать энергию и революционную активность учащейся молодежи в интересах рабочего класса.

Исходя из ленинских указаний, Петербургская социал-демократическая организация стремилась овладеть студенческим движением.

В конце 1902 — начале 1903 года в Петербурге возникают первые студенческие социал-демократические группы: в октябре 1902 года — в Политехническом институте, в январе 1903 года — в университете, а в феврале оформляется группа и на Курсах Лесгафта, несколько позднее — во всех высших учебных заведениях столицы [2]. В марте 1903 года секретарь Петербургского комитета РСДРП Е. Д. Стасова сообщила в редакцию ленинской «Искры», что в столице организованы 24 студенческие группы, охватывающие все высшие учебные заведения.

С осени 1903 года, после II съезда партии, Петербургский комитет через Е. Д. Стасову и М. М. Эссен установил прямую связь с вузовскими социал-демократическими группами, в январе — феврале 1904 года они были конституированы как партийные организации. К маю 1904 года 14 социал-демократических организаций высших учебных заведений объединились в общестуденческую партийную организацию — Объединенную социал-демократическую организацию студентов при ПК РСДРП. В сентябре был утвержден ее устав, согласно которому задачами организации были: «подготовка сознательных работников партии, доставление ей материальных средств и поддержка студенческого движения». К концу года в общегородской организации студентов насчитывалось свыше 100 членов партии и более 500 студентов объединялись в социал-демократических кружках.

Высшие педагогические курсы П. Ф. Лесгафта в 1903—1904 годах имели самую многочисленную пар-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 87.

[2] См.: Петербургские большевики в период подъема первой русской революции 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Л., 1955, с. 257—258.

тийную группу даже в сравнении с университетом. Это было отмечено общестоличной студенческой организацией в официальном отчете III съезду партии. Осенью 1903 года партийная группа лесгафтичек насчитывала 20—25 членов и в кружках занималось не менее 40—50 человек, то есть более 10 процентов всех слушательниц Курсов непосредственно входили в ряды революционной социал-демократии или примыкали к ней.

Обстановка на Курсах Лесгафта для проведения агитационной и организационно-массовой работы была благоприятной. Этому способствовал ряд обстоятельств: позиция, занимаемая администрацией Курсов во главе с П. Ф. Лесгафтом, демократический состав преподавателей и радикально-демократический состав самих курсисток. В отчете окружного инспектора Петербургского учебного округа о проверке Курсов Лесгафта, проводившейся в феврале 1904 года, приведены данные о численности и составе слушательниц Курсов [1]. На основе анализа этих данных можно сделать следующие выводы: из 616 лесгафтичек трех курсов 261 слушательница (или 43 процента) являлись выходцами из дворянского, чиновничьего и духовного сословий и 355 курсисток (или 57 процентов) — из демократических прослоек населения города и деревни (врачи, учителя, ремесленники, рабочие, крестьяне, солдаты). Представительницы трех первых социальных групп, составлявшие две пятых всех лесгафтичек, в большинстве случаев происходили из семей мелкого или разорившегося дворянства, среднего и низшего чиновничества и духовенства, где были весьма сильны демократические настроения. Таким образом, социальный состав слушательниц Курсов Лесгафта был значительно более демократическим, чем социальный состав ряда других высших учебных заведений Петербурга.

Анализ численного и социального состава лесгафтичек помогает понять, почему в 1903—1904 годах (а также и позднее, в период революции 1905—1907 годов) Курсы Лесгафта представляли собой один из оплотов большевиков, теснейшим образом связанный с деятельностью В. И. Ленина, Центрального и Петербургского комитетов Российской социал-демократической рабочей партии.

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 85 об.

ВСТУПЛЕНИЕ В ПАРТИЮ

Осенью 1903 года Людмила Воронова познакомилась на Курсах с тремя девушками: Клавдией Александер, Лидией Качауновой, Верой Заорской. С этого времени началась их дружба. Все четверо были одного возраста, одного миропонимания: ненавидели самодержавие, эксплуатацию человека человеком, страстно желали помочь своему народу в борьбе за счастье и свободу.

Клавдия Александер и Лидия Качаунова, так же как и Людмила Воронова, выросли в Закавказье, хорошо знали традиции и культуру грузинского и армянского народов, владели грузинским и армянским языками.

Клавдия Александер участвовала в революционном движении с 16 лет. По заданию грузинских революционеров Михи Цхакая и Прокопия Джапаридзе (Алеша), которые неоднократно бывали в доме ее матери, Л. С. Чижовой-Александер, в Тифлисе, Клавдия распространяла листовки, вела революционную пропаганду среди грузинской, армянской и русской молодежи.

После окончания Тифлисской женской гимназии К. А. Александер два года (1900—1901) провела в Швейцарии (она хорошо владела французским, шведским и немецким языками). В Женеве Клавдия близко познакомилась с замечательными революционерами-ленинцами Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем и его женой Верой Михайловной Величкиной. Вместе с ними она слушала рефераты В. И. Ленина, Г. В. Плеханова. Через В. Д. Бонч-Бруевича состоялось ее личное знакомство с Владимиром Ильичем Лениным.

В январе — феврале 1901 года, по заданию В. И. Ленина и В. Д. Бонч-Бруевича, К. А. Александер выезжала в Болгарию для налаживания транспортировки «Искры» в Россию и Закавказье. Осенью 1901 года она привезла в Москву два чемодана с первыми номерами ленинской «Искры» и доставила их в дом А. Н. Коншина (ныне Дом ученых в Москве). Затем часть транспорта с «Искрой» увезла в Тифлис [1].

Поступив на Курсы Лесгафта, Клавдия вскоре стала одним из руководителей революционных лесгафтичек. В материалах департамента полиции сохранилась копия письма В. Д. Бонч-Бруевича из Женевы от 22 сентября 1903 года К. А. Александер в Тифлис: «Вы, наверно, в

[1] Личный архив К. А. Александер-Рудневой (Москва). Автобиография (1935 год); ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1901 г., д. 285, л. 56, 20.

Питере, и я все ждал от вас адрес, чтобы ответить на все ваши запросы. Пишу теперь на Тифлис; может быть, вы как-нибудь и получите это письмо... С Кавказа получена часть (партийного) архива, но у нас нет адреса, чтобы уведомить об этом, ни исполнить личную просьбу этого лица. Позаботьтесь об этом... У нас устраивается социал-демократический журнал для сектантов (собственно, для крестьян), и, если возможно сделать что-нибудь для него, в денежном особенно, да и во всяком другом отношении, ради бога, постарайтесь. В настоящую минуту это бесконечно важно» [1].

Из письма видны размах работы большевистского центра за рубежом и значение, которое руководители большевиков придавали связи с Петербургом и Закавказьем.

Весной 1902 года, находясь в Тифлисе, Клавдия Александер привлекла к участию в революционной деятельности Лидию Качаунову, вместе с которой раньше училась в гимназии. Через Миху Цхакая девушки познакомились с социал-демократами Г. Я. Франчески и Д. С. Постоловским, сосланными в тот период в Тифлис. По их рекомендации Клавдия Александер установила переписку с редакцией ленинской «Искры», и на домашний адрес ее матери, Людмилы Сергеевны Чижовой-Александер (дом 152/154 по Николаевской улице), начала поступать из-за рубежа часть нелегальных транспортов с «Искрой». Большую помощь в организации этого дела оказывала и Л. А. Качаунова [2].

Весной 1903 года К. Александер и Л. А. Качаунова на взносы рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских открыли в рабочем пригороде Нахаловка бесплатную начальную школу для детей железнодорожников, а при ней — воскресную мужскую школу для рабочих. В воскресной школе грузинские и русские социал-демократы проводили революционную агитацию, занятия марксистских кружков. Через полгода по распоряжению полицейских властей школа была закрыта. Молоденькие учительницы — Клавдия Александер и Лидия Качаунова — выехали в Петербург, где и поступили на Курсы П. Ф. Лесгафта. Еще перед отъездом Клавдия получила от Д. С. Постоловского явку в Пе-

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1903 г., д. 1952, л. 1, 4.
[2] Личный архив К. А. Александер-Рудневой (Москва). Автобиография (1935 год); ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1903 г., д. 1952, л. 4.

тербурге к Е. Д. Стасовой. Стасова связала К. А. Александер с общегородской студенческой социал-демократической организацией, с искровской группой на Курсах Лесгафта.

Вера Заорская выросла в семье земского врача (у него было небольшое имение во Владимирской губернии). Имела хорошее домашнее и гимназическое образование, любила искусство, музицировала, владела английским, французским, немецким языками. Спокойствие и выдержка Веры Заорской удачно сочетались с порывистостью Клавдии Александер, бесстрашием Людмилы Вороновой, твердостью Лидии Качауновой.

Через некоторое время в дружеский кружок, состоявший из четырех девушек, вошла еще одна — Алиса Мейбаум. Алиса Ивановна Мейбаум (с 1909 года жена известного большевика-ленинца Ивана Ивановича Радченко) родилась и выросла в Ревеле в семье мелкого эстонского служащего. Рано лишившись отца, Алиса работала шесть лет домашней учительницей в Петербурге, материально поддерживая мать, четверых сестер и братьев. Одновременно по вечерам училась на Курсах гигиены доктора Волковой, работала в Передвижном музее учебных пособий. С 1901 года принимала активное участие в студенческих волнениях в столице[1].

Осень 1903 года была знаменательной для подруг: Людмила Воронова, Клавдия Александер, Вера Заорская, Алиса Мейбаум стали членами РСДРП. Лидия Качаунова вступила в партию в начале 1905 года.

ТОВАРИЩ ТАМАРА

Жизнь и учеба потекли по бурному и неповторимому руслу. В сентябре — октябре 1903 года Людмила Воронова была назначена партийным организатором Коломенского подрайона Городского района. Это назначение она получила от секретаря Петербургского комитета РСДРП Е. Д. Стасовой. Знакомство Стасовой и Вороновой состоялось при посредничестве социал-демократа студента Лесного института Александра Эдуардовича Рериха (с которым учился до своего перехода в университет и дружил Юрий Воронов). Рерих был одним из руководителей петербургского студенчества, членом Петербургского комитета РСДРП. За четыре года обучения

[1] Фонды Музея истории Ленинграда (далее: МИЛ). Из автобиографии А. И. Радченко (Мейбаум), составленной 23 апреля 1963 года.

в Лесном институте его дважды арестовывали и высылали из столицы.

В Коломенском подрайоне насчитывалось около 10 тысяч рабочих, которые трудились на таких крупных заводах, как Адмиралтейский судостроительный и Франко-Русский, на Екатерингофской бумагопрядильне. Этот пролетарский подрайон территориально примыкал к Курсам Лесгафта.

На предприятиях подрайона действовало несколько социал-демократических кружков. Агитационную работу здесь проводила группа лесгафтичек, среди них — Людмила Воронова и Клавдия Александер.

Организатор Коломенского подрайона Воронова отвечала за налаживание агитационной работы, за создание новых партийных ячеек и кружков на предприятиях, за сбор членских взносов, за доставку и распространение подпольной литературы. Работа была сложная, рискованная, требовавшая огромных моральных сил. Позднее Людмила вспоминала:

«...Я стала «товарищ Тамара». Эту партийную кличку дали мне рабочие за мое кавказское происхождение. Рабочим сразу полюбилась. «Присылайте эту малюсенькую...— просили они (районный комитет),— здорово так объясняет и тянет к себе, как магнит»».

В подрайоне велась активная борьба между большевиками и меньшевиками за влияние на рабочие массы. Большевики одерживали неизменный верх. В этом была немалая заслуга большевичек Курсов Лесгафта, и в частности Людмилы Вороновой — товарища Тамары. Партийным организатором Коломенского подрайона она проработала два-три месяца, до конца 1903 года.

...В Цебельде в вороновском семейном архиве сохранился слегка пожелтевший лист тонкой папиросной бумаги. Прокламация почти восьмидесятилетней давности. Черный, четкий шрифт заголовка: «Извещение о Втором очередном съезде Российской социал-демократической рабочей партии». В конце прокламации подпись: «Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии». Мелкий шрифт, призывный текст:

«Недавно состоялся II-й очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии... Мы, российские социал-демократы, имеем наконец фактически восстановленную единую организованную партию. Сплоченный в Рабочую Партию, наш пролетариат удесятерит теперь энергию своей борьбы с царским само-

державием и со всеми эксплуататорскими классами России... Перед нами стоит теперь громадная задача — провести в жизнь те решения, которые приняты II-м съездом, превратить на деле нашу Партию... в принципиально (марксистски) выдержанную, организационно сплоченную коллективную силу...».

Извещение было написано в ноябре 1903 года при непосредственном участии В. И. Ленина, двумя членами Центрального Комитета партии — Г. М. Кржижановским и Ф. В. Ленгником. 25 ноября извещение было опубликовано в «Искре», затем в виде прокламации отпечатано в типографии ЦК РСДРП в Швейцарии, значительная часть тиража которой была переброшена в Россию.

В декабре 1903 года секретарь Петербургского комитета партии Е. Д. Стасова, носившая партийную кличку Абсолют, через посредника передала Людмиле Вороновой полтора десятка экземпляров извещения о II съезде РСДРП для распространения их в Коломенском подрайоне и пересылки нескольких экземпляров в Закавказье. Это поручение Воронова выполнила. На оборотной стороне прокламации, хранящейся в Цебельде, очевидно, рукой Л. Н. Вороновой была сделана малозаметная карандашная запись: «Лес[гафт — Курсы] — 3 экз[емпляра], Тиф[лис] — 2 зкз., Кут[аис] — 1, Бат[ум] — 2, Сух[ум] — 1, Яс[очка] — 1». По этим адресам и были доставлены экземпляры извещения ЦК РСДРП.

II съезд РСДРП создал в России революционную марксистскую партию. Решающую роль в борьбе за партию большевиков сыграл В. И. Ленин. «Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины... в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: *партии*» [1].

КАВКАЗСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО И НАЛАЖИВАНИЕ СВЯЗЕЙ С ЗАКАВКАЗЬЕМ

Большевистская партия нуждалась в дальнейшей централизации своего подпольного аппарата, четкой координации действий с местными организациями. Осенью 1903 года в Петербургском комитете РСДРП зародилась идея использовать Кавказское землячество студентов Петербургского университета, Политехнического, Горного, Технологического и Лесного институтов, Курсов

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 401.

Лесгафта и Бестужевских курсов для установления более тесных связей с закавказскими большевистскими организациями, переправки туда подпольной литературы.

...В один из сентябрьских дней 1903 года на юридическом факультете Петербургского университета появился новый студент — Шалва Элиава, приехавший в столицу из далекого грузинского горского селения Ганири, под Кутаисом. Он сразу же обратил на себя внимание революционных студентов. Шалва обладал твердым, энергичным и вместе с тем общительным характером, любил добрую шутку и умное, меткое слово. Но главное, имел уже трехлетний опыт революционной борьбы, который приобрел в старших классах Кутаисской мужской гимназии. Большое влияние на него оказывал старший брат, Нико, социал-демократ, искровец, активный участник студенческого движения в Москве, привозивший и присылавший в Кутаис марксистскую литературу, подпольные листовки. Первыми марксистскими учителями Шалвы Элиава стали Миха Цхакая и Александр Цулукидзе. Они нередко бывали в доме Нико и Шалвы Элиава, беседовали с братьями. Знакомство и дружба с этими революционерами-ленинцами наложили огромный отпечаток на мировоззрение, характер и последующую деятельность Шалвы Элиава.

Шалва быстро вошел в число наиболее авторитетных вожаков революционных студентов. Он работает рука об руку с Николаем Крыленко, Николаем Дорошенко, Константином Жарновецким, Александром Вермишевым, Николаем Кузьминским. Это была великолепная когорта мужественных молодых людей, чьими усилиями в 1903—1904 годах была создана большевистская организация в Петербургском университете.

Квартира Элиава в доме 73 по Невскому проспекту служила партийной явкой и почтовым адресом для нелегальной переписки. Здесь хранилось значительное количество нелегальной литературы. Студент юридического факультета Александр Вермишев, с 1903 года член партии большевиков, ввел Шалву в университетскую кассу взаимопомощи. Ее использовали не только для помощи бедствовавшим студентам (сбор денежных средств, дешевая столовая), но и главным образом для организации революционных сил студенчества. Вскоре Элиава стал одним из руководителей кассы взаимопомощи.

С осени 1903 года в Петербурге в Военно-медицинской академии учился земляк и друг Шалвы по Кутаису — Мамия (Иван) Орахелашвили. Он вырос в обедневшей дворянской семье в селе Сакара Шорапанского уезда Кутаисской губернии[1]. Мамия успешно закончил Кутаисскую гимназию, где под влиянием М. Цхакая и А. Церетели вошел в социал-демократическую группу. Осенью 1899 года он поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Орахелашвили стал одним из руководителей студенческого движения, вел занятия в марксистском кружке[2]. В начале 1903 года из-за полицейских репрессий и материальных трудностей он перевелся на «казенный кошт» в Военно-медицинскую академию в Петербурге. Вскоре Мамия возглавил группу революционно настроенных слушателей. Осенью 1903 года Орахелашвили вступил в ряды РСДРП, ровно через год членом партии стал его друг Элиава.

Шалва Элиава и Мамия Орахелашвили почти одновременно вошли в петербургское Кавказское землячество, во главе которого стояли Филипп Махарадзе, Петре Кавтарадзе, Александр Вермишев, Богдан Кнунянц, Людмила Воронова, Клавдия Александер, Софья Познер, Юрий Воронов. Через Л. Н. Воронову Орахелашвили и Элиава познакомились с секретарем Петербургского комитета РСДРП Е. Д. Стасовой. По ее заданию Мамия и Шалва организовали партийные явки в столовых Военно-медицинской академии и университета. Через многие годы Елена Дмитриевна вспоминала:

«Явки были в столовой Технологического института, в Военно-медицинской академии, в столовой Петербургского университета. Устроить явку в университете помог студент Ш. З. Элиава»[3].

Элиава и Орахелашвили, как и другие члены Кавказского землячества, занимались подпольной работой с необычайным жаром и энергией. Они выступали на

---

[1] В Сакарском виноградарском заповеднике работал в те годы В. А. Старосельский, будущий «красный губернатор» Кутаиса.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1906 г., д. 4889, ч. 14— «Об Иване Орахелашвили», л. 1—2; личный архив К. И. Орахелашвили (дочь И. Д. Орахелашвили) — Мамия Орахелашвили. Документальная биография, с. 1. Автор выражает благодарность К. И. Орахелашвили и А. А. Орахелашвили за переданные документы и фотографии И. Д. Орахелашвили.

[3] *Стасова Е. Д.* Воспоминания, с. 42.

студенческих сходках, распространяли революционную литературу среди рабочих и студентов. Вскоре Мамия начал вести революционную пропаганду среди рабочих Выборгской стороны и Невской заставы, а Шалва — среди пролетариев Васильевского острова.

С началом русско-японской войны заволновалось и забурлило петербургское студенчество. В аудиториях, коридорах и библиотеках университета, Технологического и Политехнического институтов, в Военно-медицинской академии, на Курсах Лесгафта и Бестужевских курсах происходили бурные споры и дискуссии по вопросам войны и мира. На этих сходках Николай Крыленко, Шалва Элиава, Людмила Воронова, Александр Вермишев, Мамия Орахелашвили горячо отстаивали антивоенную, интернационалистскую линию.

В начале февраля 1904 года члены Кавказского землячества приняли участие в организации и проведении антивоенного митинга революционного студенчества на Стрелке Васильевского острова. С короткими, но яркими речами против войны и царизма выступили Николай Крыленко и Шалва Элиава [1].

Вечером того же дня члены Кавказского землячества собрались на квартире Шалвы Элиава. Они читали стихи, пели революционные песни.

Под аккомпанемент гитары была исполнена песня, сочиненная Александром Вермишевым:

Нам ненавистны цитаты закона,
Им и весенний порыв не сломить.
Бьются в груди переливные звоны,
Сердце бунтует и хочет любить...
К солнцу пробьемся, в лучах захлебнемся,
На Стрелку! — вперед, зубрящий народ! [2]

Молодость и энергия били через край, сама жизнь звала к борьбе.

Находясь в далекой эмиграции, В. И. Ленин внимательно следил за деятельностью кавказских революционных социал-демократов. На важность связей и координации действий ЦК и ПК РСДРП с кавказскими партийными организациями он указывал в письме из Женевы от 20 октября 1903 года в адрес Кавказского союзного комитета.

---

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (запись 50—60-х годов).

[2] См.: *Сухотин Я. Л.* Песню расстрелять нельзя! Л., 1977, с. 46.

«Пусть кавказские товарищи твердо держатся того пути, на который они встали... Пусть продолжают они дружную работу с товарищеским доверием к ЦК... Мы усиленно думаем теперь об организации здесь издания грузинской и армянской литературы. За это взялись компетентные товарищи; деньги надеемся найти. Нужна помощь и литературой и средствами. Шлем привет кавказским товарищам и горячее пожелание успехов в работе» [1].

Заметную роль в налаживании связей между Петербургской организацией РСДРП, столичным Кавказским землячеством и закавказскими партийными организациями (Тифлис, Баку, Батум, Кутаис, Сухум) сыграли трое Вороновых — Людмила, Юрий и Вера.

Еще весной 1902 года Юрий Воронов был отстранен от занятий в университете за участие в студенческих волнениях. Он оставил университет и начал трудовую деятельность. Ю. Н. Воронов выехал в «Ясочку» и отправился в экспедицию по изучению растительности в Сухумском округе и Кутаисской губернии. Обследовав значительный район Абхазии, он привез ценный гербарий новых неизученных кавказских растений в Ботанический музей Академии наук.

С осени 1902 года Юрий Воронов устроился ассистентом в отдел систематизации растений Ботанического музея. Его научными руководителями были академик И. П. Бородин (брат композитора А. П. Бородина), возглавлявший Ботанический музей, и молодой профессор-ботаник В. Л. Комаров, будущий президент Академии наук СССР [2]. Владимир Леонидович Комаров с большой симпатией относился к революционному движению рабочих и студентов, поддерживал его материально. По просьбе секретаря Петербургского комитета Е. Д. Стасовой (которую профессор хорошо знал) он отдал свою академическую квартиру на службу революции. Она долгое время служила местом для ночевок и «почтовым ящиком» петербургским большевикам. Елена Дмитриевна вспоминала:

«Кроме квартир для явок, для складов, для собраний нужны были квартиры для ночевок. Одной из них была квартира ныне покойного президента Академии наук СССР В. Л. Комарова. Она была удобна тем, что входы

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 310.

[2] Архив Академии наук СССР (Ленинградский филиал), фонд персоналий, разряд V, опись «В», д. 101, л. 86—87.

в нее были с разных сторон. Адресом Комарова мы пользовались и для получения писем» [1].

Неудивительно, что энергичная и неистощимая на выдумки в области совершенствования техники партийной конспирации Стасова при помощи Комарова, его учеников Ю. Н. Воронова и Ф. Н. Алексеенко [2] поставила и помещение Ботанического музея на службу революционному подполью. С конца 1902 года в библиотеке музея хранились нелегальная литература, прокламации, отдельные экземпляры ленинской «Искры».

Ботанический музей в то время размещался в правом крыле трехэтажного здания, расположенного в виде буквы «П» за основным корпусом Российской Академии наук и образовывавшего ее внутренний двор [3]. Рядом с Академией наук находился Петербургский университет, невдалеке — Горный институт и Бестужевские женские курсы. Место для партийной явки было выбрано как нельзя лучше: вход в музей был во дворе, к самому зданию можно было подойти разными путями — со стороны Университетской набережной, Университетской линии (ныне Менделеевская линия), Биржевого проезда и Таможенного переулка. В случае необходимости революционер, обнаруживший за собой полицейскую слежку, мог скрыться в зданиях Академии наук, соседней Кунсткамеры или Фондовой биржи, проскользнуть незамеченным в многочисленные и запутанные аудитории и коридоры университета.

Осенью 1903 года перед отъездом в Сухум, куда его пригласили работать ассистентом на Сельскохозяйственную опытную станцию, Юрий Николаевич Воронов устроил свою сестру Людмилу секретарем-машинисткой в Ботанический музей. В. Л. Комаров поддержал кандидатуру Вороновой, тем более что хорошо знал ее прилежность и добросовестность по Курсам Лесгафта, где читал лекции по ботанике.

С этих пор каждый вечер в одно и то же время в третью комнату налево от входа на втором этаже Ботанического музея приходила Людмила Воронова. Она по-

[1] *Стасова Е. Д.* Воспоминзния, с. 45.

[2] Ф. Н. Алексеенко — выпускник Лесного института в Петербурге, член РСДРП с 1902 года. В 1904 году был застрелен жандармерией при переходе границы с грузом подпольных изданий, отпечатанных в Швейцарии.

[3] Автор благодарен ленинградскому профессору-ботанику Е. Г. Боброву за указание места расположения Ботанического музея в 1902—1905 годы.

лучала очередное задание по систематизации гербария от Комарова или Алексеенко и садилась за работу. С ноября — декабря 1903 года по предложению Е. Д. Стасовой комната для обработки гербариев в Ботаническом музее, где обосновалась Людмила Воронова, сделалась партийной явкой Петербургского комитета РСДРП, а сама Тамара стала связной секретаря ПК РСДРП Стасовой — Абсолюта. Явка функционировала месяцев шесть-семь. Сначала она была предназначена для обслуживания большевистских организаций Закавказья и Украины. К весне 1904 года явкой стали пользоваться и работники ЦК РСДРП, большевики, ехавшие из-за границы через Петербург на нелегальную работу в Россию [1].

Некоторые детали, касающиеся новой партийной явки, мы узнаем из текста шифрованного письма, посланного из Петербурга 9 апреля 1904 года в один из заграничных большевистских центров в Германии:

«...Сообщаем адрес для писем: (Петербург), Коломенская улица, дом 7, квартира 34. Екатерина Акимовна Браткова. Явка — Ботанический музей, 2-й этаж, прямо первая комната, налево — вторая, налево — третья, (здесь) спросить Людмилу Воронову. Письмо за подписью Андрон для лица, дающего пароль Акакий, ежедневно от 10 до 2-х, кроме праздников» [2].

Письмо нуждается в некоторых пояснениях. К концу 1903 года Петербургский комитет большевиков был ослаблен из-за арестов большинства его членов. В марте — апреле 1904 года по указанию В. И. Ленина и ЦК партии в Москве было основано Северное бюро ЦК РСДРП. От имени Северного бюро ЦК и направлено письмо в один из большевистских центров в Германии. В состав бюро вошла группа ленинцев — Н. Э. Бауман, П. А. Красиков, Е. Д. Стасова, тогда выехавшая в Москву, и Ф. В. Ленгник. Бюро руководило работой Московского, Петербургского, Тверского, Нижегородского, Рижского и Северного комитетов РСДРП. Опираясь на Северное бюро ЦК, В. И. Ленин и заграничный большевистский центр вели успешную борьбу за укрепление партии, поддерживали связь со многими местными партийными

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2392, л. 84, 84 об., 85, 85 об.; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (запись 1956—1957 годов).

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2392, л. 78.

организациями, боролись против меньшевиков и примиренцев[1].

Е. А. Браткова, на чей адрес шли шифрованные письма из-за границы в Петербург,— бывшая жительница Екатеринослава, знакомая Веры и Людмилы Вороновых. Андрон и Акакий — нерасшифрованные псевдонимы большевиков.

Партийную явку в Ботаническом музее кроме Тамары обслуживали студент университета Шалва Элиава, курсистка Женского медицинского института Вера Воронова, ассистент музея Федор Алексеенко; нередко здесь бывали Александр Вермишев и Мамия Орахелашвили. Теперь в музей более регулярно поступали на хранение революционная литература и прокламации. Налажена была переписка с тифлисской, батумской и екатеринославской большевистскими организациями.

В начале 1904 года Л. Н. Воронова получила из Тифлиса экземпляр листовки «Братцы-солдаты!», выпущенной на русском языке Тифлисским комитетом РСДРП в марте 1903 года. Листовка была посвящена разгону солдатами и казаками шеститысячной рабочей демонстрации на Головинском проспекте в Тифлисе 23 февраля 1903 года. Листовка просто и понятно разъясняла солдатам тяжесть положения и бесправия рабочих, задачи революционной борьбы пролетариата. Она призывала солдат к совместной борьбе с рабочими против царизма. Листовка была передана Людмилой Вороновой в партийную группу Курсов Лесгафта, там размножена от руки и распространена среди лесгафтичек и рабочих Коломенского подрайона. Один экземпляр листовки на узкой, пожелтевшей полоске бумаги сохранился в «Ясочке», в архиве товарища Тамары.

В воспоминаниях Л. Н. Вороновой имеется интересное свидетельство о том, что в апреле 1904 года на явке в Ботаническом музее побывал Степан Георгиевич Шаумян. Он не впервые посетил столицу; с осени 1898 года по весну 1899 года Шаумян учился здесь в Технологическом институте. Он установил связь с ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», познакомился с петербургскими марксистами, вел агитационную работу среди рабочих Волковой деревни. Весной 1899 года он перевелся в Рижский политехнический ин-

[1] См.: История КПСС. М., 1964, т. 1, с. 496; *Стасова Е. Д.* Воспоминания, с. 58—61.

ститут. В феврале 1902 года Шаумян вновь в Петербурге как делегат от рижского студенчества на I Всероссийском съезде студенчества [1].

По заданию В. И. Ленина весной 1904 года Шаумян выехал из Швейцарии — Германии в Россию и на день-два заехал в Петербург. Поездка Шаумяна была связана с необходимостью улучшить транспортировку из-за границы революционной литературы в Закавказье, с организацией выпуска за рубежом газеты для Кавказа, с изданием социал-демократической литературы на грузинском и армянском языках [2]. Для выполнения всех этих заданий надо было заручиться материальной и технической поддержкой петербургской большевистской организации и, в частности, Кавказского землячества, ибо среди студентов-кавказцев можно было собрать деньги, найти хороших переводчиков и смелых транспортеров литературы. По-видимому, Шаумян использовал явку в Ботаническом музее для установления нужных связей.

Кроме того, Шаумян предложил Л. Н. Вороновой с группой большевичек Курсов Лесгафта выехать на время летних каникул в Екатеринослав и Донбасс для проведения партийно-массовой работы, выполнения заданий Южного бюро ЦК. В одном из писем Е. Д. Стасовой в ноябре 1963 года Л. Н. Воронова вспоминала:

«Я хорошо запомнила эту встречу. Степан Георгиевич очень устал с дороги от преследований полицейских шпиков, от которых удачно оторвался только в Петербурге. Невзирая на это, его красивое лицо с черными выразительными глазами было радостным. Мы сидели вдвоем за моим рабочим столом, изолированные длинным коридором полок с папками сухих растений. Мы отхлебывали из стаканов остывающий крепкий чай и доверчиво, как близкие товарищи, делились обо всем, что наболело у нас. А с каким подъемом он мне рассказывал о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным, его величайшем уме, обаянии и скромности. О том, какое огромное внимание вождь партии уделял проблемам координации революционных действий между петербургскими и кавказскими пролетариями. Наша беседа была глубокой и серьезной. В результате ее я поняла

---

[1] См.: *Акопян Г. С.* Степан Шаумян. Жизнь и деятельность (1878—1918). М., 1973, с. 15, 19.

[2] См.: там же, с. 34—37.

многое, твердо определила себя как работника партии»[1].

Революционные контакты Вороновой с выдающимся деятелем партии большевиков Шаумяном не прерывались и в 1905—1907 годах.

УСИЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ВЛИЯНИЯ НА КУРСАХ ЛЕСГАФТА

После II съезда РСДРП среди лесгафтичек образовалось несколько партийных группировок. Ведущей являлась большевистская группа. Она объединяла социал-демократический кружок высшего (теоретического) звена и три кружка низшего звена. Во главе группы стояли сестры Александра и Вера Богомазовы, Людмила Воронова, Клавдия Александер, Маргарита Шишкина, Екатерина Крич, Мария Смирнова, Алиса Мейбаум. Энергичная и дружная группа большевичек упорно боролась за влияние на лесгафтичек, распространяла среди них революционные идеи.

Группе большевиков противостояли группировки меньшевиков и социалистов-революционеров. Во главе последних были сестры Александра и Екатерина Измайлович. Часто эсеро-меньшевистские группировки объединялись для борьбы против большевиков, но это не приносило им успеха. Большевики завоевали общепризнанный авторитет на Курсах. Нередко по призыву большевистской группы лесгафтички, принадлежавшие к различным партийным группировкам, объединялись вместе для проведения массовых митингов и выступлений.

Для усиления своего влияния большевички использовали различные средства идейного воздействия на курсисток. Это были выпуск и распространение подпольных листовок, брошюр В. И. Ленина, Г. В. Плеханова; проведение антиправительственных митингов, собраний, демонстраций, коллективные посещения театральных спектаклей, концертов, встречи с передовыми писателями; сборы денежных средств для политических арестантов и ссыльнопоселенцев. Когда знакомишься с исторической хроникой революционных событий на Курсах Лесгафта с сентября 1903 по апрель 1904 года, поражаешься их насыщенности, динамичности, размаху, восхищаешься мужеством девушек-революционерок.

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76 — воспоминания Л. Н. Вороновой, л. 14; см.: *Воронова Людмила.* На Курсах Лесгафта (Странички воспоминаний).— Отчизна, 1977, № 9, с. 5.

Вот краткая хроника событий революционной и общественной жизни на Курсах Лесгафта за эти восемь месяцев.

Из дневника А. И. Мейбаум: [1]

27 сентября 1903 года: «Сегодня была в предварилке (дом предварительного заключения — политическая тюрьма.— *И. Л.*) на Шпалерной улице (ныне улица Воинова), отнесла Мане Смирновой ее вещи. Она уже сидит... Я наслаждаюсь своей волей и удивительно интересной и разнообразной курсовой жизнью...»

1 октября 1903 года: «...устроили вечеринку у «Хохлушки» (у Людмилы Вороновой.— *И. Л.*)... Нас было человек восемь. Пили чай, пели и разговаривали до часа ночи. Тон беседы задавала Саша (Клавдия Александер.— *И. Л.*) — самая политически грамотная из нас... Она мало придает значения роли земцев, молодежи и вообще интеллигенции в современном революционном движении; кроме рабочих, для нее ничего не существует».

2 октября 1903 года: «Наш с[оциал]-д[емократический] кружок собирается вскладчину выписать журнал для своего политического самообразования. На Курсах за душу курсисток борются две партии: социал-демократок и эсерок... Были целой компанией на «Ромео и Юлии» с Л. В. Собиновым».

17 октября 1903 года: «...ведь если я на это решусь (то есть стать членом партии большевиков.— *И. Л.*), то уж навсегда. И достаточно ли я могу быть полезна (революционному) делу?.. Саша (Клавдия Александер.— *И. Л.*) собирается всю свою десятку — кружок оптом передать в партию, когда он станет и политически и экономически достаточно грамотным».

Из письма лесгафтички В. И. Сердобовой от 26 ноября 1903 года из Петербурга М. Ф. Соловьевой в Одессу:

«Наша партия (большевистская группа на Курсах Лесгафта.— *И. Л.*) начинает проявляться и напоминает о себе обществу. Выпускаем прокламации, участвуем во всех сходках и протестуем против произвола... С заключенными я поддерживаю сношения. Присланы переводом еще сто рублей. Кр[асный] Крест очень обеднел, денег нет. У нас сильные аресты» [2].

[1] Фонды МИЛ. *Радченко (Мейбаум) А. И.* Дневник 1897—1907 гг. Записки маленького рядового революции. Рукопись, л. 76—80; письмо А. И. Радченко Л. А. Качауновой в Ереван от 27 марта 1963 года.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 48.

Из записки петербургского охранного отделения 8 декабря 1903 года: «Вчера, 7 декабря 1903 года, в помещении Курсов проф. Лесгафта состоялся литературно-музыкальный вечер... На вечер допускались за небольшую плату только слушательницы Курсов — около 400 чел. Во время вечера в отступление от программы слушательница Гуляева прочла известные произведения М[аксима] Горького «Песнь о Соколе» и «Буревестник», что вызвало шумные аплодисменты... В химической лаборатории группа курсисток вела разговоры о конспиративности революционных кружков, что вызвало замечание (К. А.) Александер, что конспирация в России необходима... Другая группа запела революционную песню» [1].

Из записки петербургского охранного отделения 24 декабря 1903 года: «Среди слушательниц Высших женских курсов и Курсов физического образования профессора Лесгафта составилось решение воспользоваться рождественскими каникулами для поездок в разные университетские города с целью ознакомления на месте с настроением учащейся молодежи, обмена мыслей и выработки общего плана действий по поводу предполагающихся весною академических сходок и демонстраций. Некоторые из курсисток уже выехали в Москву и Киев» [2].

Из письма лесгафтички В. И. Сердобовой от 28 декабря 1903 года Володе в Кишинев:

«Володя, устройте у себя в институте группу, читайте, организуйтесь, заведите сношения с ближайшими университетами и работайте... Я уже уверена: не захочешь же ты проспать жизнь, ведь время идет. Так нужны работники (партии), а ты хочешь сесть за работу культурника... «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на борьбу, брат голодный!» Я бы советовала поменьше отвлеченности, ближе к жизни стоять... Уговаривай своих сестер ехать на наши Курсы в Петербург, чтобы жить, а не прозябать» [3].

Из записки петербургского охранного отделения от 23 января 1904 года: «Агентурное наблюдение за Курсами воспитательниц и руководительниц физического образования (Курсы проф. Лесгафта) установило, что за последнее время среди слушательниц этих Курсов

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 49—49 об.
[2] Там же, л. 55.
[3] Там же, л. 58—58 об.

особенно усилилось противоправительственное настроение. На Курсах ежедневно появляется и широко распространяется нелегальная литература; причем экземпляры различных преступных изданий лежат нередко совершенно открыто на столах и свободно читаются вслух в отдельных группах слушательниц... Курсы профессора Лесгафта утратили ныне значение учебного заведения и превратились в место сходок молодежи, где открыто обсуждаются вопросы о предстоящих весенних беспорядках. Учебное начальство смотрит на все происходящее сквозь пальцы, а низшая администрация, до сторожей включительно, интересуется агитацией и принимает участие в чтении преступных изданий» [1].

Из записки петербургского охранного отделения от 8 февраля 1904 года: «Вечером 7-го февраля на Курсах Лесгафта состоялась сходка. Председательствовала известная департаменту полиции Клавдия Александер. Решено было выразить порицание старшему курсу за его «реакционное направление» (несколько лесгафтичек-старшекурсниц приняли участие в «патриотических» манифестациях по случаю начала русско-японской войны.— *И. Л.*). Решено было собрать сходку 9 февраля» [2].

Из письма управляющего министерством народного просвещения от 24 марта 1904 года министру внутренних дел В. К. Плеве:

«...Таким образом, Курсы профессора Лесгафта представляются ныне очагом (революционной) агитации среди столичного населения» [3].

Приведенные выдержки из документов, строки из писем говорят о том, что слушательницы Курсов — большевички с каждым днем усиливали свою революционную работу.

В конце мая 1904 года петербургская охранка напала на след Людмилы Вороновой, выявила партийную явку ЦК и ПК РСДРП в Ботаническом музее Академии наук. Тамара почувствовала за собой полицейскую слежку, кольцо которой все плотнее сжималось вокруг нее.

Из донесения начальника петербургской охранки 27 мая 1904 года в особый отдел департамента полиции:

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2388, л. 60—60 об.
[2] Там же, л. 67—67 об.
[3] Там же, л. 71.

«В числе лиц, занимающихся в Ботаническом музее при Академии наук, именно во втором этаже, в третьей комнате, налево от входа, оказалась дочь коллежского советника Людмила Николаевна Воронова, 24 лет, состоящая также в числе слушательниц Курсов профессора Лесгафта и проживающая в доме № 93, квартира 14, по Екатерингофскому проспекту. Людмила Воронова действительно ежедневно приходит в помещение вышеназванного музея, где занимается печатанием карточек для подвижного каталога с платою 30 рублей ежемесячно» [1].

Надо было немедленно скрываться. По рекомендации Е. Д. Стасовой Тамара выехала в Екатеринослав.

В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМ ПОДПОЛЬЕ

8 июня 1904 года Людмила Воронова уже была в Екатеринославе. Убедившись, что за ней нет слежки, она вышла на явку. Местные партийцы порекомендовали ей поселиться под видом домашней учительницы в доме Благовых по Волоской улице, 18. Через несколько дней она дала объявление о том, что слушательница Петербургских курсов воспитательниц и руководительниц физического образования может репетировать и давать уроки по арифметике, алгебре, русскому языку и литературе, истории, химии. Всероссийская известность Курсов Лесгафта сыграла свою роль: быстро нашлись уроки, вместе с ними небольшой заработок и, главное, возможность легально передвигаться в любой конец города (особенно на рабочие окраины), оперативно связываться с местными большевиками.

Тамара приехала в Екатеринослав, когда городская большевистская организация переживала большие трудности. Еще 17 января 1904 года полиция арестовала большинство членов Екатеринославского комитета РСДРП. Некоторое время комитет в полном составе восстановить не удавалось. По просьбе Южного бюро ЦК Центральный Комитет партии через Е. Д. Стасову и С. Г. Шаумяна направил группу петербургских партийных работников в Екатеринослав, Одессу, Николаев, Харьков для укрепления местных парторганизаций. В их числе были Л. Н. Воронова и Д. А. Клебанова.

Основная цель почти трехмесячного пребывания Вороновой в Екатеринославе состояла в укреплении связей между петербургской и екатеринославской больше-

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 2392, л. 84 об.—85.

вистскими организациями, а затем и с закавказскими партийными организациями, в развертывании по питерскому образцу революционной агитации среди екатеринославских пролетариев и солдат-новобранцев. Недели через полторы после приезда Тамара была кооптирована в состав Екатеринославского комитета РСДРП [1].

Екатеринославская организация РСДРП была одним из оплотов большевизма на юге страны. В тот период в Екатеринославском комитете работали Г. И. Петровский, С. И. Гопнер, В. П. Ногин, В. С. Раевский, с августа — Д. А. Клебанова и другие. Комитет имел в своем распоряжении хорошо налаженную подпольную типографию. Екатеринославские большевики развернули работу по разоблачению предательской тактики меньшевиков в партии и рабочем движении, повели агитацию за созыв нового съезда партии.

Как член городского комитета Людмила Воронова отвечала за координацию агитационно-пропагандистской деятельности в пролетарских районах Екатеринослава. Очень важный и трудоемкий участок работы! Людмила быстро познакомилась и сблизилась с десятками екатеринославских рабочих.

20 июня 1904 года Людмила пишет матери:

«...Впечатлений у меня очень много. Много совершенно новых, много таких, о которых лишь приходилось отвлеченно мыслить, но зато теперь столкнуться непосредственно. Жизнь страшно интересная наука... У меня нет здесь ни близких, ни родных, но зато есть люди, с которыми очень много общего во взглядах на жизнь. Отсюда вывод ясен — я не могу чувствовать себя одинокой. Потом у меня много занятий, читаю, пишу, много думаю,— словом, живу жизнью интеллигентного человека... В прошлом году жила над Волгой [2], в этом — живу над Днепром».

Письмо полно намеков, ибо писалось оно открытым текстом в далекую «Ясочку». Письмо передает оптимистическое настроение большевика-конспиратора.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 1195, л. 15, 15 об.— из воспоминаний Л. Н. Вороновой (1963—1966 годы) и Д. А. Лазуркиной (Клебановой) (ноябрь — декабрь 1973 года).

[2] Л. Н. Воронова имела в виду свою поездку по заданию Е. Д. Стасовой и Л. М. Книпович по волжским городам, где связывалась с местными социал-демократами, передавала им партийные инструкции, нелегальную литературу, а в Астрахани встречалась с большевиком-ленинцем И. Ф. Дубровинским. ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (запись 50—60-х годов).

Людмила Воронова принимала активное участие в составлении, редактировании и распространении листовок. Одна или с друзьями разносила и развозила листовки по городу, на предприятия, в цехи, в солдатские казармы, на крестьянские базары. В летние погожие дни ее можно было встретить либо в одежде скромной домашней учительницы, либо в легком открытом сарафанчике кокетливой курсистки, либо в грязной робе работницы, либо в темном одеянии солдатской вдовы-крестьянки. Она ездила по железной дороге, на городской конке, плавала на речных пароходах и лодках, тряслась в крестьянских телегах, а чаще передвигалась пешком. За три месяца подпольной работы были отмерены сотни тяжелых и рискованных верст, распространены десятки и сотни экземпляров революционных прокламаций в Екатеринославе, Александровске, Луганске, Макеевке, Юзовке, Верхнеднепровске, Каменском, Новомосковском.

С 15 июня 1904 года за ней было установлено так называемое «наружное наблюдение» силами екатеринославской агентуры. В материалах особого отдела департамента полиции сохранилась ведомость полицейской слежки за Вороновой. Из этой ведомости можно почерпнуть некоторые цифровые данные о деятельности большевички Л. Н. Вороновой с 15 июня по 21 августа 1904 года в Екатеринославе. Приведем обобщенные данные о количестве встреч Людмилы Николаевны с партийными работниками на явочных и частных квартирах, в редакциях газет и учреждениях Екатеринослава: 15—30 июня — 7 встреч, 1—31 июля — 63, 1 — 21 августа — 83 встречи. Итого за 67 дней только в Екатеринославе состоялись 153 встречи по 39 адресам; в среднем по 2—3 встречи в день [1]. За каждой встречей стоит беседа с партийным работником, екатеринославским рабочим, крестьянином, солдатом-новобранцем, передача им листовок, брошюр или газет с ленинскими статьями, писем, указаний, инструкций большевистского центра. 153 повода для ареста, допроса, ссылки.

Тамаре везло. Стремительность в передвижениях, частая смена адресов, выезды в другие города Екатеринославщины и Донбасса, строжайшее соблюдение правил конспирации неоднократно спасали Л. Н. Воронову от обыска и ареста.

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 5, ч. 6, Л. А., л. 50—205 об. (подсчеты автора).

Из того же полицейского дела за 1904 год можно получить некоторое представление о деятельности пропагандистской коллегии местного комитета партии и его руководителя Л. Н. Вороновой. Приведем отрывочные данные за июль 1904 года.

8 июля 1904 года в деревне Суваковке Каменской волости Екатеринославской губернии полицией были обнаружены пять экземпляров прокламации Екатеринославского комитета РСДРП «Кризис, безработица, война». «Лица, подбросившие прокламации, не обнаружены»,— доносила охранка.

В ночь на 11 июля в селе Павловка Каменской волости полиция нашла 50 экземпляров листовок Екатеринославского комитета РСДРП «К крестьянам». Листовки разбросали двое неизвестных с брички, запряженной парой лошадей.

В ночь на 13 июля в Екатеринославе, в Английском саду, по Клубной улице, были разбросаны листовки «Кризис, безработица, война».

17 июля на Южно-Днепровском металлургическом заводе в селе Каменском полиция подобрала две листовки «Кризис, безработица, война».

В ночь на 23 июля на заводе «Русский Провиданс» близ города Мариуполя были розданы 28 брошюр «Кому быть самодержцем всероссийским» (издание РСДРП).

27 июля в поселке Новые Планы Александровского уезда и в городе Александровске обнаружены 53 экземпляра листовки «Кризис, безработица, война».

30 и 31 июля на улицах города Александровска распространены листовки «Для чего должен умирать русский солдат».

25—30 июля Екатеринославский комитет РСДРП выпустил 16 тысяч экземпляров листовки «К рабочему народу».

Данные полицейского дела, конечно, лишь весьма приблизительно говорят об активизации пропагандистской и агитационной деятельности екатеринославских большевиков, и в том числе одного из солдат революции — Л. Н. Вороновой.

15 августа 1904 года Л. Н. Воронова пишет В. Н. Вороновой в «Ясочку»:

«...Работать приходится с раннего утра до позднего вечера, если не за восьмерых, то за четверых во всяком случае... Теперь я уже могу подвести поверхностный

итог лету. Оно мне очень много дало. Хотелось бы поделиться с вами. Помнишь те слова, в которых говорится о цветке, который вырос на прозаической ниве... Я вдохнула аромат этого цветка, и вдохнула полной грудью. И если бы ты знала, какой этот незнакомый нам (так как мы любуемся только издали), но в то же время прекрасный аромат (назревающей революции.— *И. Л.*)... И я рада, что разочарования не получилось...»

Работа в рядах ленинской партии, служение делу революции, делу освобождения рабочего класса облагораживали революционера, делали его жизнь целенаправленнее, чище, значительнее. Эта работа требовала от него полной отдачи, отдачи всех моральных и физических сил. И какое удовлетворение испытывал большевик-революционер, если он видел хотя бы первые результаты своей подпольной деятельности.

В середине августа 1904 года в Екатеринослав из Одессы по заданию Южного бюро ЦК приехала Дора Клебанова. Она установила связь с членами городского комитета партии — Людмилой Вороновой и Валентином Раевским, студентом Харьковского ветеринарного института. Подруги-лесгафтички были рады встрече. В екатеринославском подполье они работали рука об руку ровно неделю.

21 августа Людмила Воронова, за которой следила екатеринославская охранка, скорым поездом срочно выехала с небольшим транспортом нелегальной литературы в Новороссийск [1]. Пути-дороги привели Воронову в Сочи, Кутаис, Сухум и в «Ясочку». Она устанавливала связи с закавказскими большевистскими организациями, налаживала транспортировку литературы. Несколько дней отдыхала в «Ясочке», затем вернулась в Петербург.

Дора Клебанова проработала в Екатеринославе около трех недель. В конце сентября 1904 года по заданию Южного бюро ЦК она выехала в Швейцарию для установления связей с В. И. Лениным, ЦК партии [2].

В конце 1904 года Людмила, Вера и Юрий Вороновы вновь все вместе оказались в Петербурге.

1 декабря 1904 года Юрий пишет матери в «Ясочку»:

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1904 г., д. 5, ч. 6, Л. А., л. 147 об.— 148; д. 1195, л. 16.

[2] Там же, л. 184.

«Людмила недоедает, недосыпает, работает в Академии по-прежнему... В жизни Питера много нового».

Шел последний месяц 1904 года — занималась заря первой русской революции...

НА БАРРИКАДЫ

...Снег скрипел под ногами на узкой Казанской улице. Еще утром он отливал синеватой белизной и в лучах зимнего солнца сиял мириадами золотистых искр. К концу же дня тысячи людских ног, копыта сотен коней перемешали белый снег с кровью тысяч невинных людей.

День 9 января 1905 года стал Кровавым воскресеньем, первым днем первой русской революции...

Группа из нескольких десятков рабочих Франко-Русского, Адмиралтейского заводов и слушательниц Курсов Лесгафта прорывалась сквозь полицейские кордоны по Офицерской и Казанской улицам (ныне улица Декабристов и улица Плеханова) к Казанскому собору. Они спешили на выручку к своим товарищам-пролетариям и студентам, которые с середины дня завязали баррикадные бои на Невском проспекте, у Полицейского моста и Казанского собора. Шли молча и быстро. У многих карманы пальто оттопыривались от булыжников и кусков металла. Группу возглавляли руководители большевистской ячейки Франко-Русского завода Иван Крехалев, лесгафтички Людмила Воронова, Александра и Вера Богомазовы. В районе Казанского собора группа слилась с общей бушующей рабочей и студенческой массой и приняла активное участие в схватках с полицией, казаками, войсковыми частями...

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

В первых числах января 1905 года большевистская ячейка Курсов Лесгафта, как и другие большевистские организации, начала агитацию среди рабочих против гапоновского предложения организовать шествие к Зимнему дворцу с целью подачи петиции царю. По заданию Петербургского комитета РСДРП и своей ячейки Лидия Качаунова, Алиса Мейбаум, Людмила Воронова, Екатерина Крич вели разъяснительную работу на предприятиях Коломенского подрайона и Выборгской стороны (Эриксона, Нобеля), разоблачая провокационную гапоновскую затею. Однако большевикам не удалось воспрепятствовать осуществлению этой затеи.

Утром Кровавого воскресенья Л. А. Качаунова, Л. Н. Воронова, В. В. Заорская, Е. Г. Крич, А. И. Мейбаум были на Дворцовой площади у Александровского сада. Видели расстрел безоружных людей, пришедших к Зимнему дворцу с хоругвями, иконами, царскими портретами. Многие лесгафтички находились среди манифестантов, участвовали в схватках с полицией, казаками, строили баррикады. По инициативе П. Ф. Лесгафта и В. Л. Комарова лесгафтички организовали санитарные дружины и превратили помещение Курсов в революционный госпиталь [1].

Под свист пуль и казачьих нагаек на Невском проспекте лесгафтички Людмила Воронова, Вера Заорская, Елена Лещенко, Феодосия Кассесинова, Варвара Четверикова, Елизавета Сорокина выносили тяжелораненых и доставляли их на Курсы или в Обуховскую больницу. Преподаватель химии большевик Д. И. Лещенко не покладая рук работал врачом-хирургом, санитаром. Он сберег десятки паспортов убитых, узнал от тяжелораненых их адреса. По его заданию Екатерина Крич, Елена Лещенко, Людмила Воронова и другие лесгафтички бегали по этим адресам, чтобы сообщить семьям о судьбах их отцов, братьев, сестер — жертв царского произвола. Лесгафтички потеряли несколько подруг убитыми и ранеными [2].

На палаческие действия романовской монархии рабочие Петербурга ответили всеобщей стачкой, баррикадами. Они проявили невиданную стойкость и организованность и были поддержаны российским пролетариатом. По всей стране прокатилась волна забастовок под лозунгом «Долой самодержавие!».

Людмила, Вера и Юрий Вороновы участвовали в январских событиях 1905 года и в письмах к матери делились с нею своими размышлениями.

27 января 1905 года Вера — матери в «Ясочку»:

«...За январь пережито столько, что, кажется, никогда в такой короткий срок не переживалось такой массы самых разнообразных впечатлений... Каждый день что-нибудь новое... Все занятия, конечно, полетели к

---

[1] Фонды МИЛ. *Радченко (Мейбаум) А. И.* Дневник 1897—1907 гг. Записки маленького рядового революции. Рукопись, л. 125—126.

[2] См.: *Шувалов Ф.* Подвиг студентки.— За физкультурные кадры, 1967, 21 апреля; *Он же.* Особое поручение партии.— За физкультурные кадры, 1970, 6 марта.

черту, теперь не до них. Все мысли о будущем нашей России, нашего народа. Я за дни беспорядков (то есть всеобщей политической стачки 7—18 января 1905 года в Петербурге.— *И. Л.*) все время наблюдала наш рабочий народ и вынесла чувство глубокой любви и уважения к нему,— такой народ не может погибнуть, он завоюет себе лучшее будущее... Эти фабричные... во время забастовки держали себя удивительно. Улицы были полны ими, но ни одного пьяного, ни одного ругательства, никто не толкнет даже нечаянно. Никогда не было так хорошо, свободно на улицах, как во время «бунта». Только после усмирения бунтовщиков начались ужасы — это полиция и войско водворяли «порядок» ».

Сколько в этих словах силы и веры в рабочий класс, его революционную роль, как высоко оценивается его организованность, дисциплинированность. Вороновы жили интересами, судьбами российской революции. Когда она началась, они без остатка отдали себя служению ей. Так поступали сотни и тысячи честных и свободолюбивых сынов и дочерей многонациональной России.

Пройдет первый месяц революции, и в феврале Людмила Воронова напишет матери прекрасные строки:

«Дорогая мамочка! Давно тебе не писала. Жизнь так быстро разворачивается... То, что мы могли представлять себе в воображении, основываясь на примерах Западной Европы, захватило и нас. Это великая историческая реальность. Это революция. И тот близорук, кто до сих пор не верит или старается себя разуверить в этом. Мы — современники революции... Победит тот, кто до конца использует все стихийное недовольство пробуждающихся масс, кто будет постоянно политически руководить ими... Наша революция будет одною из самых победных революций в мире».

Строки написаны рукой убежденной большевички. Они дышат верой в победу начавшейся революции.

В революционное движение вслед за пролетариатом все шире и глубже втягивалась радикально настроенная студенческая молодежь. В ее среде возникали сотни новых кружков, многие из которых не имели определенной политической программы. Эта молодежь являлась значительным резервом революции, потенциальным союзником пролетариата. Руководство партии большевиков, В. И. Ленин считали необходимым установить прочные связи со студенческими кружками, овладеть и

этой революционной силой, ибо молодежи принадлежало будущее в революции.

Из письма В. И. Ленина от 11 февраля 1905 года из Швейцарии в Петербург А. А. Богданову и С. И. Гусеву, руководителям петербургских большевиков:

«Нужны молодые силы... В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь... Основывайте из молодежи *сотни* кружков впередовцев (газета «Вперед», редактором которой был В. И. Ленин, являлась центральным органом партии большевиков.— *И. Л.*) и поощряйте их работать вовсю. Расширяйте комитет *втрое* приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека» [1].

Петербургская большевистская организация боролась за выполнение указаний вождя партии.

С середины января 1905 года петербургское демократическое студенчество объявило всеобщую стачку. Забастовали студенты университета, Политехнического, Технологического, Горного институтов, Института путей сообщения, Курсов Лесгафта, Бестужевских курсов.

Действия петербургского студенчества были поддержаны революционными студентами и гимназистами Москвы, Риги, Киева, Варшавы, Харькова, Томска, Казани, Гельсингфорса, Тифлиса, Ярославля, Екатеринослава.

В те дни Вера Воронова писала матери:

«...Идет общественное пробуждение, поднимаются все живые общественные силы, все, имеющие голос, подают его... Все учебные заведения решили объявить забастовку. Трепов (генерал-губернатор Петербурга.— *И. Л.*) приказал открыть их 15 февраля, и что после этого числа воспоследует, неизвестно. Очень может быть, что будут исключать и высылать массами. Мы все уже готовы к тому, что нас выставят...»

В ВЫБОРГСКОМ РАЙОНЕ

Еще с осени 1904 года Петербургский комитет РСДРП направил Людмилу Воронову на нелегальную работу в Выборгский район. Здесь на 20 тысяч рабочих насчитывалось 17 подпольных кружков, в которых объединя-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 247—248.

лось около 130 рабочих социал-демократов. В районной организации преобладало влияние меньшевиков [1]. Необходимо было усилить разъяснительную работу в кружках. Этим и объяснялся перевод большевички Вороновой, опытного агитатора, из Коломенского партийного подрайона Центрального городского района на Выборгскую сторону.

С конца 1904 года ответственным пропагандистом большевистской организации Выборгского района стал Александр Вермишев. Воронова знала Вермишева по Кавказскому землячеству. Это был интересный, талантливый человек, один из руководителей студенческих волнений в Петербурге. Весной 1904 года он был арестован полицией, дисциплинарным профессорским судом исключен из университета и выслан в Тифлис по месту жительства родителей. Через несколько месяцев SA — VE (партийная кличка Вермишева) нелегально вернулся в столицу.

С группой большевиков-выборжцев Вермишев наладил выпуск и распространение революционных изданий, и в частности прокламаций для солдатской массы: «К солдатам Петербургского гарнизона» и «Товарищи солдаты!» Причем образцом для составления этих листовок послужила прокламация Тифлисского комитета РСДРП «Братцы-солдаты!», полученная им от Л. Н. Вороновой. В январские дни 1905 года SA — VE сражался па баррикадах на Выборгской стороне и Васильевском острове.

Почти полгода Людмила Воронова работала вместе с Вермишевым на Выборгской стороне (с декабря 1904 по май 1905 года). Будучи партийным организатором Чернореченского подрайона, Тамара была прикреплена в качестве пропагандиста к заводам Эриксона и Нобеля. На телефонном заводе Эриксона Воронова познакомилась с двадцатипятилетним руководителем большевистской ячейки слесарем Тарасом Родионовичем Мясоедовым. Выходец из бедной крестьянской семьи Калужской губернии, он с пятнадцатилетнего возраста работал молотобойцем в деревенской кузнице. Через три года уехал на заработки в Петербург, где за семь лет фабрично-заводского труда прошел путь от подмастерья до высококвалифицированного слесаря. Тарас Мясоедов

---

[1] См.: Петербургские большевики в период подъема первой русской революции 1905—1907 гг., с. 246, 247—248.

участвовал в стачечном движении, познакомился с идеями революционной социал-демократии и в 1901 году вступил в ряды РСДРП. Под влиянием бесед и занятий в кружках А. А. Вермишева и Л. Н. Вороновой большевик-слесарь пристрастился к чтению марксистской и художественной литературы, начал усиленно заниматься самообразованием. Мясоедов пользовался большим авторитетом среди рабочих-эриксоновцев за свою честность, революционную смелость, производственную смекалку, начитанность [1].

С того времени и началась дружба между лесгафтичкой Вороновой и слесарем Мясоедовым. Очень многое их объединяло. Оба были членами партии большевиков, верно служили революции.

В начале 1905 года на заводе Эриксона стал работать станочником большевик Александр Васильевич Шотман, опытный революционер, один из руководителей легендарной Обуховской обороны в 1901 году, соратник В. И. Ленина, делегат II съезда РСДРП. Между Т. Р. Мясоедовым и А. В. Шотманом установились тесные дружеские отношения. Тарас Родионович учился у большевика-ленинца революционному искусству. Они вместе организовывали маевки эриксоновцев то в Удельном парке, то на Богословском кладбище, то в Лисьих ямах за Французской колонией. Со временем Тарас Мясоедов познакомил Александра Шотмана со своими друзьями Людмилой Вороновой и Александром Вермишевым. Друзья изредка собирались на квартире Вермишева в доме 3 по Невскому проспекту. Пили чай, а SA — VE нараспев читал свои стихи:

Кровь льется повсюду, опричников орды
И черная сотня насилья творят.
Бойцы не устали, их взоры так горды.
К свободе! К свободе! Ни шагу назад!
Несутся казаки... Нагайки. Блеск стали.
И крики, и стоны. И пули визжат.
Плотнее смыкайтесь! Дни битвы настали!
К свободе! К свободе! Ни шагу назад! [2]

В первой половине 1905 года Людмила Воронова особенно часто бывала на заводе Эриксона. Рабочие вели упорную борьбу за повышение заработной платы и

[1] ЛГИА, ф. 253, оп. 10, д. 348, л. 189; ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1905 г., д. 5, ч. 1, Л. А., т. 2, л. 47 об.—51; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).
[2] *Сухотин Я. Л.* Песню расстрелять нельзя! с. 52.

сокращение рабочего дня. В конце февраля начали забастовку. Прекратилась сборка полевых телефонных аппаратов для армии и флота. Тарас Мясоедов, Александр Шотман и Людмила Воронова вели неутомимую агитацию среди эриксоновцев, на соседних предприятиях за продолжение стачки. Работа большевистских агитаторов дала положительные результаты. Рабочих завода Эриксона поддержали рабочие заводов Лесснера, Людвига Нобеля, Розенкранца, Феникса и других. Администрация телефонного завода пошла на частичное удовлетворение требований забастовщиков [1].

В апреле рабочие Эриксона снова забастовали. Как и раньше, забастовкой руководили Александр Шотман и Тарас Мясоедов. Людмила Воронова вместе с Клавдией Александер и Лидией Качауновой организовали сбор денежных средств среди членов Кавказского землячества, среди студентов университета, Политехнического института, Курсов Лесгафта для оказания помощи семьям бастующих. В канун 1 Мая Шотмана арестовали. Мясоедова уволили с фабрики, но от ареста ему удалось ускользнуть. Некоторое время он скрывался на квартирах у Александра Вермишева и Людмилы Вороновой.

Так в тесном общении с питерскими пролетариями росло и крепло революционное мастерство товарища Тамары.

...Шел март 1905 года. Русская революция стремительно разрасталась вширь и вглубь. Петербургское рабочее движение шло на подъем. Только за январь — март стачечное движение питерских рабочих выразилось в огромной цифре — 1702,5 тысячи стачко-дней. Основным оружием в борьбе пролетариата стала массовая политическая стачка. Рабочее движение возглавляла столичная большевистская организация. За это время она утроила свою численность, достигнув не менее тысячи человек. За два с половиной месяца (январь — март) в городе было выпущено почти четверть миллиона листовок, которые печатали, хранили и распространяли около 100 работников партии. В распоряжении Петербургского комитета находилось 60 явок и подпольных квартир. Важное место среди них по-прежнему занимала явка ПК РСДРП в Ботаническом музее

[1] См.: Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г. Документы и материалы. М., 1955, с. 214—220; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

Академии наук, где с декабря 1904 года опять работала Л. Н. Воронова.

Партия большевиков усиленно готовилась к созыву III съезда РСДРП. Петербургская парторганизация была важнейшей опорой В. И. Ленина и его сторонников в борьбе за созыв съезда партии. В начале марта общегородское собрание ответственных районных организаторов, проведенное Петербургским комитетом, высказалось за созыв съезда, за преодоление раскола в партии, за вооружение рабочих и создание боевых дружин, за подготовку вооруженного восстания [1].

Эта же работа интенсивно проводилась и в рабочих районах. Александр Вермишев, Людмила Воронова и Тарас Мясоедов были участниками собрания агитаторов Выборгского и Петербургского районных комитетов партии. В резолюции, принятой собранием, говорилось:

«...Мы, принципиальные сторонники большинства, находим настоящее положение РСДРП невыносимо тяжелым... а потому, видя возможным конец разногласиям на Третьем партийном съезде... и полагая, что созыв в такое горячее для партии время может с избытком быть оправдан результатами его, мы приветствуем Третий партийный съезд, выражаем надежду на объединение партийного «большинства» (то есть большевиков.— *И. Л.*) с той значительной частью «меньшинства», которая не уклонилась окончательно в сторону оппортунизма...» [2].

Резолюция была напечатана в центральном органе партии — газете «Вперед» 30 марта 1905 года.

НОВОЕ ЗАДАНИЕ

В марте 1905 года в Петербург из Баку нелегально приехал М. И. Васильев-Южин, один из руководителей бакинской организации большевиков. Он вышел на явку в Ботанический музей, где познакомился с Л. Н. Вороновой. В разговоре выяснилось, что Михаилу Ивановичу хорошо знакомы родные места Людмилы Вороновой: около Сухуми, на берегу Черного моря, брат его жены П. А. Добрынин содержал фруктово-садовый кооператив «Язон». Это знакомство в будущем сыграет немаловажную роль в революционной работе Л. Н. Вороновой. Через несколько дней М. И. Васильев-Южин

---

[1] См.: Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955, с. 94.

[2] Вперед, 1905, 30 марта, № 14.

отправился к В. И. Ленину в Женеву [1]. В середине марта в столицу из Тифлиса прибыли члены большевистского Кавказского союза РСДРП Миха Цхакая и Алеша Джапаридзе. Джапаридзе и Цхакая были вызваны в столицу Организационным комитетом по созыву III съезда партии [2]. Они явились в Ботанический музей к Тамаре. Цхакая и Джапаридзе провели в Петербурге около десяти дней. Они связались с Л. Б. Красиным, Р. С. Землячкой, Е. Д. Стасовой, установили контакт с Организационным комитетом по созыву съезда. Незадолго до отъезда из Петербурга П. А. Джапаридзе и М. Г. Цхакая при посредничестве Е. Д. Стасовой встретились с членами Кавказского землячества, в частности с Мамия Орахелашвили, Петре Кавтарадзе, Александром Вермишевым, Людмилой Вороновой, Клавдией Александер, Лидией Качауновой. На этой встрече говорилось о том, что нужно больше посылать марксистской литературы из Петербурга в Закавказье; кроме того, следует направить в Тифлис, Кутаис, Батум, Сухум и Баку группу петербургских рабочих и студентов-большевиков, знающих грузинский, армянский или азербайджанский языки, для проведения агитационной работы среди местного населения [3].

После III съезда РСДРП, на котором в числе других было заслушано сообщение Михи Цхакая и Алеши Джапаридзе о развитии революционного движения на Кавказе, В. И. Ленин и Центральный Комитет партии приняли меры к оказанию энергичной помощи кавказским революционерам. В резолюции подчеркивалось:

«III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет геройскому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел па Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собеседований и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами» [4].

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971, т. 2, с. 51; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

[2] См.: *Маскулия А. В.* Миха Цхакая. М., 1968, с. 76—88.

[3] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76, л. 20.

[4] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 121.

Выполняя решения съезда, Центральный и Петербургский комитеты партии в мае — июне послали в Тифлис, в Грузию, для усиления местных парторганизаций группу петербургских большевиков. Среди них были Мамия Орахелашвили, Людмила Воронова, Клавдия Александер, Петре Кавтарадзе. Еще ранее в Тифлис, Баку и Кутаис выехали большевики М. Н. Лядов, М. Н. Леман, Ш. З. Элиава. Тогда же в Тифлис была направлена тщательно законспирированная пятерка питерских пролетариев-боевиков, хорошо владевших оружием и взрывчаткой. Только Тамара знала об этой поездке; двум большевикам — Аркадию и Сергею — она дала для связи адрес «Ясочки».

Людмила Воронова выехала в Сухум в середине мая 1905 года. Поспешность ее отъезда объяснялась и тем, что после бурных выступлений слушательниц Курсов Лесгафта в майские дни полиция арестовала группу революционных курсисток. Среди арестованных были Лидия Качаунова, Вера Заорская, Алиса Мейбаум и другие.

Вскоре Людмила Воронова приехала в родную «Ясочку». Она привезла с собой экземпляры «Манифеста Коммунистической партии», сборник статей Г. В. Плеханова «За двадцать лет», январские и первомайские листовки ЦК и ПК РСДРП, другие издания. Почти всю эту литературу она переправила в Тифлис, кое-что в Кутаис. В Тифлисе часть литературы была отпечатана большевиками в легальных типографиях на грузинском и русском языках и распространена среди рабочих, солдат, молодежи[1]. Некоторые из этих изданий были распространены в Сухуме.

Среди материалов, доставленных Л. Н. Вороновой, была листовка «Первое мая» Центрального Комитета РСДРП, изданная весной 1905 года. Вот отрывок из нее: «Мы сейчас вооружаемся чем можем и как можем для борьбы с царизмом, для вооруженного восстания. Товарищи рабочие! Пользуйтесь днем 1 мая, чтобы нести в массы мысль об уничтожении постоянной армии и вооружении народа. Лозунги международного пролетариата — наши лозунги, а наша революция — вместе с тем революция международного пролетариата. Мы боремся с царизмом не только за освобождение русского народа, но и за освобождение рабочего класса всего мира... Гор-

[1] ЛАВ. Из письма Аркадия из Тифлиса от 11 июня 1905 года Л. Н. Вороновой в «Ясочку».

дитесь, российские пролетарии! Вы выполняете теперь задачу всемирного значения».

Кроме того, Тамара привезла в Грузию три экземпляра обращения «К офицерам», выпущенного в Петербурге в январе 1905 года. Один экземпляр навсегда остался в «Ясочке». Вот строки из него: «...Офицеры!.. Так дальше жить нельзя. Русскому народу нужен хлеб, нужен свет, нужна свобода. Без этого он не может быть великой нацией. Без этого он не может отстоять даже своего права на существование... Офицеры русского войска! Вдумайтесь в то, что произошло 9 января на улицах Петербурга... Спросите же вашу совесть: где ваше место — с безумцами, всегда готовыми пролить кровь, или с многострадальным народом? В вас живо чувство чести, прислушайтесь же к ее голосу: где ваше место? С теми ли, кто боится даже принять петицию, или же со всею честной и самоотверженной Россией?»

Обращение было подписано 479 деятелями отечественной науки, искусства и культуры, в том числе А. М. Горьким, П. Ф. Лесгафтом, В. Г. Короленко и другими. По свидетельству Л. Н. Вороновой, обращение «К офицерам» было размножено на печатной машинке и распространено ею и ее друзьями среди офицеров тифлисского гарнизона.

Новые свидетельства революционных связей между Петербургом и Закавказьем, их большевистскими организациями дает нам вороновский архив.

Сохранилась переписка за этот период между Людмилой и Верой Вороновыми. В летние месяцы 1905 года Вера Николаевна проходила врачебную практику в селе Тишковка Херсонской губернии. Она приехала сюда по заданию выдающегося русского ученого — психиатра и невропатолога профессора В. М. Бехтерева. Еще с конца 1903 года Вера Воронова сотрудничала с Владимиром Михайловичем, изучала под его руководством невропатологию и нейрохирургию.

В конце июня В. Н. Воронова совершила поездку в Одессу. По поручению петербургского большевистского центра она доставила сюда небольшой транспорт нелегальной литературы. Вера Воронова была свидетельницей страшного разгрома и пожара в городе и порту после ухода восставшего броненосца «Потемкин» из Одессы.

25 июня 1905 года она писала в «Ясочку»:

«На днях я ездила в Одессу... Весь город полон впечатлениями только что происшедшего (восстания)...

В самом воздухе носилось ощущение какого-то ужаса. Порта и даже моря мне не удалось видеть, так как туда никого не пускали. Сады и бульвары превращены в военные лагеря, на улицах зловещее затишье. И все это на фоне ясного южного неба, массы свежей зелени. Не хочется верить, что рядом страшное разрушение порта, созданного трудами многих тысяч людей в течение многих десятков лет, тысячи трупов убитых и сгоревших людей».

Вера Воронова внимательно вглядывается в окружающих ее украинских крестьян, радуется их политическому пробуждению.

Из письма В. Н. Вороновой в «Ясочку»:

«...Здесь (в Тишковке) много развитых крестьян, которые выписывают газеты. Я смотрю на них и думаю, что скоро они будут гражданами великого государства, и в душе у меня растет что-то светлое — это вера в лучшее будущее... Тишковка живет вместе со всею матушкой Россией, и тут происходят «события» и помещики «трясутся». Так что крестьянская Россия приучается к политической жизни».

На Херсонщине и в Одессе Вера Воронова установила связь с группой революционно настроенных земских врачей, и среди них с Е. И. Яковенко, А. Я. Трутовским и главным врачом Одесской бактериологической станции П. Н. Диатроптовым, на служебный адрес которого в 1902—1903 годах пересылались ленинская «Искра» и другие революционные издания [1].

Вот так всегда у Вороновых — их учеба, увлечение наукой неразрывно сочетались с интересами народа и революции, подчинялись им.

В СУХУМСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Первая российская революция захватила промышленный, портовый и курортный город на черноморском побережье — Сухум. Накануне революции в Сухумском округе, входившем в состав Кутаисской губернии, насчитывалось свыше 2 тысяч промышленных рабочих, число пролетарских и полупролетарских элементов составляло около 12 тысяч человек. Основная масса наемной рабочей силы была сосредоточена в местной промышленности (лесообработка, ткацкое производство, изготовление

---

[1] См.: *Далинов В. И.* Адресат «Искры».— Советское здравоохранение, 1974, № 8, с. 73—74; ЛАВ. Воспоминания В. Н. Вороновой (запись 40-х годов).

кирпича, лесозаготовки), на строительстве Черноморской железной дороги, в Сухумском порту, в крупных помещичьих имениях и на табачных плантациях. В начале XX века Абхазский район становится ведущим районом промышленного табаководства в Закавказье, занимая пятое место по размерам плантаций табака в России [1].

В тот же период широкого размаха достигает революционное и социал-демократическое движение в Абхазии. С лета — осени 1902 года сюда начинают регулярно проникать ленинская «Искра» и журнал «Заря». Их транспортировку наладил А. Г. Цулукидзе, лечившийся в Сухуме от туберкулеза. Можно предположить, что именно тогда Александр Цулукидзе побывал в «Ясочке» и договорился с Людмилой и Верой Вороновыми, приехавшими на летние каникулы, о средствах доставки «Искры» из Петербурга в Сухум [2]. Летом 1903 года по инициативе Александра Цулукидзе организационно оформилась социал-демократическая организация Абхазии, получившая название Сухумской группы Батумского комитета РСДРП [3]. В 1903—1904 годы в руководство Сухумской группы социал-демократов вошли Борис Захаров, Леван Готошия, Северьян Кухалейшвили, Элеонора Махвиладзе, позднее Людмила Воронова.

С началом революции 1905 года Сухум стал одним из центров революционного движения в Закавказье. В феврале — марте в городе впервые в его истории произошли крупные политические выступления — митинги, стачки, демонстрации — всего рабочего и трудящегося населения, особенно молодежи. В авангарде движения

---

[1] См.: *Дзидзария Г. А.* Очерки истории Абхазии. 1910—1921. Тбилиси, 1963; *Он же.* В. И. Ленин и Абхазия. Сухуми, 1977, с. 14; *Сагария Б. Е.* Большевики Абхазии в годы первой русской революции. Сухуми, 1977, с. 6—7.

[2] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов). Людмила Николаевна рассказывала: «Тогда в самом конце лета (1902 года.— *И. Л.*) к нам в «Ясочку» наведались известные революционные социал-демократы, велись переговоры о переброске «Искры» из Петербурга в Сухум». Л. Н. Воронова не называет конкретных фамилий, но в то же время в Сухуме из «известных революционных социал-демократов» находились А. Г. Цулукидзе, С. И. Кухалейшвили, Б. Н. Захаров. Скорее всего, в «Ясочке» побывали А. Г. Цулукидзе (он знал Людмилу еще по Кутаису) и Б. Н. Захаров. См. также: *Дзидзария Г. А.* В. И. Ленин и Абхазия, с. 20—21.

[3] См.: *Сагария Б. Е.* Большевики Абхазии в годы первой русской революции, с. 16.

шли рабочие Кодорского лесопильного завода, которые успешно провели политическую забастовку 9—16 февраля 1905 года. После митинга рабочие сплоченной колонной двинулись в Сухум, но вызванные местными властями войска не пропустили их в город [1].

В течение июня 1905 года Людмила Воронова принимала активное участие в делах Сухумской группы РСДРП. Она передала местным социал-демократам решения III съезда РСДРП, кое-какую подпольную литературу. На день-два съездила в Батум, где получила необходимые инструкции, ибо местной партгруппой руководил Батумский комитет РСДРП. По заданию Б. Н. Захарова [2], одного из руководителей Сухумской группы РСДРП, ее большевистского крыла, Воронова выезжала к рабочим Кодорского лесопильного завода. Она распространяла там подпольную литературу, призывала рабочих к тому, чтобы они потребовали у царских властей немедленного освобождения из Батумской тюрьмы одного из отважных руководителей абхазских большевиков — Левана Ивановича Готошия.

В ТИФЛИССКОМ ПОДПОЛЬЕ

В середине июня 1905 года Людмила Воронова получила в «Ясочке» коротенькое письмецо из Тифлиса. В нем сообщалось:

«...Дела обстоят по-губернаторски. Кого нужно, разыскали. Жительствуем у моего брата по профессии (то есть у профессионального революционера.— *И. Л.*)... Шлем привет Ал[ександре] Константиновне и Ольге Ник[олаевне]. Если бы Вы знали, каковы здесь дела,

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1905 г., д. 4, ч. 8, л. 63—64.

[2] Борис Николаевич Захаров родился в Тифлисе в семье директора гимназии. Мать Бориса Николаевича, Вера Александровна, была родной сестрой известного русского революционера-демократа и народовольца Германа Александровича Лопатина. В революционном движении принимал участие и другой ее брат — Всеволод Александрович, у которого некоторое время воспитывался Борис Захаров. Традиции революционного демократизма, царившие в семье Лопатиных, сыграли большую роль в формировании Бориса Захарова. В годы учебы в Московском университете Б. Н. Захаров становится убежденным марксистом, вместе с М. И. Васильевым-Южиным принимает активное участие в работе Кавказского землячества университета, ведет революционную агитацию среди рабочих и студентов. Поселившись в Сухуме из-за болезни жены и став известным адвокатом и общественным деятелем, Б. Н. Захаров продолжает активно участвовать в революционном движении.

Вас, наверно, и на аркане не удержали бы. Пишите: Тифлис, Ведзенская, 14».

Письмо было написано уже упоминавшимся Аркадием, революционным питерским пролетарием. Фамилию и имя этого революционера пока расшифровать не удалось.

29 июня на имя Л. Н. Вороновой вновь пришло письмо из Тифлиса от Аркадия. Он рассказывал:

«...На пятый день нашего приезда здесь началась всеобщая забастовка. Работу прекратили все, включительно со служащими железных дорог. Газеты не выходили. Трамвай не работает, магазины закрыты; словом, город вымер. Особенно сильно подействовали пущенные в ход бомбы. Даже те немногие магазины, которые торговали под охраной полиции, после первого взрыва сейчас же закрылись. За два дня было брошено в разных местах города 8—10 бомб. Жертв много с обеих сторон. С 27-го числа объявлено военное положение. Забастовка началась 20-го числа и продолжалась целую неделю. С понедельника, т. е. 27-го, ее хотели прекратить, но ввиду того, что губернатор объявил, что, кто с понедельника не станет на работу, тот немедленно будет выслан из Тифлиса, решили забастовку продолжить до вторника (28-го), с одной стороны, игнорируя, с другой — протестуя против такой меры. Настроение великолепное, и забастовка прекращается главным образом из тактических соображений. Надвигаются события более грандиозные».

Действительно, в Петербурге и Москве, Киеве и Тифлисе — повсюду в России надвигались события исторического значения: революция стремительно шла на подъем. Людмила Николаевна Воронова немедленно выехала из «Ясочки» в Тифлис.

Тамара начала работать в тифлисском большевистском подполье. Перед ней, Клавдией Александер и другими большевиками была поставлена ответственная задача: проведение революционной агитации среди солдат и офицеров городского гарнизона. Эта работа требовала огромного риска и отваги. За появление в расположении воинской части с революционными прокламациями, не говоря уже о проведении противоправительственной пропаганды среди солдат, большевистскому агитатору угрожала смертная казнь.

Поэтому Тамара и другие агитаторы были строжайше законспирированы. Постоянную связь с Тамарой

от Кавказского союза и Тифлисского комитета РСДРП поддерживал ее знакомый по столичному Кавказскому землячеству Ш. З. Элиава. Еще с лета — осени 1904 года он вел подпольную работу в Тифлисе и Кутаисе и тогда же был принят в ряды РСДРП. Когда началась революция, Шалва принял активное участие в организации выступлений рабочих и студентов. Был арестован. После того как его выпустили на свободу, Элиава с еще большей страстью отдался революционной работе. Одной из партийных явок в Тифлисе служила маленькая харчевня под вывеской «Пургвино», находившаяся за вокзалом, в рабочем пригороде. Здесь Воронова и Элиава встречались один-два раза в неделю. Познакомилась Тамара и с другими работниками подполья [1].

21 августа 1905 года Л. Н. Воронова писала матери в «Ясочку»:

«Познакомилась я здесь с грузинами. Производят они очень хорошее впечатление. Бывают такие люди, которые производят впечатление чего-то неземного тонкостью и нежностью своей нервной организации, что-то кристально прозрачное и вместе с тем нежное, мягкое. Прибавь к этому просто безумную отвагу и презрение к смерти и чисто южную горячность и вспыльчивость — и получится сочетание чего-то несочетаемого».

Шалва Элиава подробно рассказал Тамаре о дислокации военных частей и казарм в городе, познакомил ее с группой революционных солдат и младших офицеров. Наиболее успешно велась революционная агитация в 16-м гренадерском Мингрельском полку, казармы которого располагались в Авлабаре. Людмила Воронова занималась агитационной работой не только среди солдат, но и среди тифлисских рабочих.

Л. Н. Воронова так вспоминала об этом:

«...Я связалась с военно-пропагандистской организацией (Тифлисского комитета.— *И. Л.)* и начала намеченную нами работу среди солдат. Собирались мы в кукурузных полях и, расставив патрули, лежали на земле, тихо и долго беседовали о жизни, о казарменной каторге, офицерском мордобое, революции. И глаза солдат тоже вспыхивали тем же знакомым мне огнем пробуждающихся к сознанию рабочих... Иногда я при-

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76 — воспоминания Л. Н. Вороновой. Моя работа на Кавказе (ч. 2), л. 3—4.

нимала участие в массовой агитации среди рабочих. Мы поднимались на фуникулере на гору небольшими группами, потом шли по двое, по трое дальше в условленные места. Там собиралось иногда много народу и агитация велась почти всегда на двух-трех языках (русском, грузинском и армянском)... Главной темой всех выступлений был призыв к всеобщей забастовке. Все прониклись сознанием, что она может встряхнуть самодержавие, дать толчок революции» [1].

В Тифлисе Людмила Воронова вместе с другими партийцами вела неутомимую борьбу с меньшевистским, эсеровским и националистическим влиянием среди рабочих и солдат.

В начале августа был издан царский манифест о созыве законосовещательной булыгинской Думы. Грузинская либеральная буржуазия и меньшевики приветствовали царскую подачку, сеяли среди трудящихся конституционные иллюзии, советовали им принять участие в выборах в эту Думу. Грузинские большевики разоблачали контрреволюционную природу либеральной буржуазии, оппортунистическую тактику меньшевиков и призывали рабочих, солдат, учащуюся молодежь к активному бойкоту булыгинской Думы, к подготовке вооруженного восстания.

По инициативе либералов 29 августа 1905 года в зале Тифлисской городской управы было созвано публичное собрание для обсуждения вопроса об отношении к булыгинской Думе. Большинство явившихся на собрание рабочих и молодежи отказались слушать либеральную болтовню о необходимости принять участие в выборах в Думу, потребовали резко осудить татаро-армянскую резню, развязанную в те дни царскими агентами в Баку, Елисаветполе и других городах. Через час после начала собрания здание управы было оцеплено усиленными нарядами казаков и полиции (всего около 200 человек). В публике была группа большевиков, среди них Людмила Воронова и Клавдия Александер.

31 августа 1905 года Л. Н. Воронова — матери:

«29-го августа у нас здесь произошла картина из Варфоломеевской ночи. В городской управе... публики было такое количество, что она не помещалась в здании

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76 — воспоминания Л. Н. Вороновой. Моя работа на Кавказе (ч. 2), л. 3—4.

и толпилась на Эриванской площади. Когда публика собралась, от генерал-губернатора последовало приказание разойтись. Сначала не хотели слушаться. Тогда последовало второе приказание с заявлением, что будет применена военная сила. Мы стали расходиться. В это время в залу ворвались казаки и стали расстреливать собравшихся. Выходы почему-то оказались все запертыми, исключая того, откуда расстреливали. Свет погас. Можете себе представить, какая получилась картина. В результате больше 100 убитых, несколько сот раненых, завтра будут похороны».

Дорого обошлась тифлисским рабочим и молодежи эта предательская тактика либералов и поддерживавших их меньшевиков.

ВСТРЕЧИ С «КРАСНЫМ ГУБЕРНАТОРОМ»

В середине сентября 1905 года Людмила Воронова по заданию Кавказского союзного комитета РСДРП срочно выехала в Кутаис. Перед отъездом ее инструктировали М. Г. Цхакая и С. Г. Шаумян — два виднейших руководителя большевистских организаций Закавказья. В эти месяцы в Кутаисской губернии фактически образовалась и действовала революционная коммуна восставших грузинских рабочих и крестьян. Тамаре предстояло ответственное задание — установить связь с руководителем Кутаисской коммуны — «красным губернатором» Кутаиса Владимиром Александровичем Старосельским, передать ему соответствующие инструкции и скоординировать действия Тифлисской, Кутаисской и Сухумской организаций большевиков. При этом учитывалось, что Воронова жила несколько лет в Кутаисе, знает его топографию и население, имеет там друзей, владеет грузинским языком и, главное, лично знает «красного губернатора».

Кутаис встретил привычным шумом разноязыкого говора, яркой зеленью и цветами, перекатом волн горного Риони. Но внимание Тамары привлекло другое. В городе открыто происходили митинги и демонстрации, на перекрестках улиц стояли группами вооруженные бойцы красных сотен и милиционеры с красными бантами или нарукавниками. Полицейских и жандармов почти не видно было, лишь изредка проезжали казачьи разъезды.

Л. Н. Воронова остановилась в доме Ю. Ф. Глушковской. Через день Тамара была принята В. А. Старосельским в его кабинете в губернаторском дворце,

Из-за большого дубового стола навстречу ей поднялся слегка сутулый мужчина, очень высокого роста. Через стекла очков в простой железной оправе на нее внимательно смотрели усталые и грустные серые глаза. У Старосельского было умное лицо с высоким и открытым лбом, небольшая бородка с усами. В спокойном взгляде и крепком рукопожатии чувствовалась огромная внутренняя сила. На губернаторе был не официальный мундир, а простой, но добротный костюм, белая крахмальная рубашка со стоячим воротничком и черным галстуком. В петлице левого лацкана пиджака виднелся красный цветок гвоздики. Это и был «красный губернатор» Кутаиса Владимир Александрович Старосельский, выдающийся ученый-агроном, ставший в 1905 году революционером.

— Владимир Александрович, я прибыла к вам от Кавказского союзного комитета РСДРП,— тихо сказала Людмила Воронова.— Вам шлют революционный привет товарищи Миха Цхакая и Степан Шаумян. Мы с вами знакомы, я раза два вместе с братом, Юрием Вороновым, была у вас в Сакарском заповеднике на экскурсии...

— Да, я не забыл вас. Да и о всей вашей семье я слышал немало хорошего. Мой дядя, Дмитрий Семенович Старосельский, не раз рассказывал мне о вашем отце. Присаживайтесь, пожалуйста, к столу.

Старосельский подошел к двери и плотно прикрыл ее. Разговор их длился часа три [1].

Нельзя не рассказать немного о В. А. Старосельском — человеке очень интересной судьбы. Он родился в ноябре 1860 года в Чернигове в семье дворянина средней руки — мирового судьи. Его отец, Александр Семенович, был женат на Камилле Домбровской, родственнице Ярослава Домбровского, видного революционного деятеля польского восстания 1863 года и выдающегося генерала Парижской коммуны 1871 года, соратника А. И. Герцена, Н. П. Огарева и М. А. Бакунина. Из Чернигова А. С. Старосельский с семьей переехал в Ставрополь-Кавказский. Здесь Володя Старосельский учился в той самой мужской гимназии, где в свое время учительствовал Н. И. Воронов и учился Г. А. Лопатин. После смерти отца тринадцатилетнего мальчика отдали на воспитание в семью его дяди

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76 — воспоминания Л. Н. Вороновой. Моя работа на Кавказе (ч. 2), л. 4—5.

Д. С. Старосельского, уже известного читателю деятеля Кавказского наместничества, друга и покровителя Н. И. Воронова [1].

В духовном развитии Владимира Старосельского большую роль сыграло тесное знакомство с прекрасным и богатым миром русской и грузинской поэзии, литературы, искусства. В доме Д. С. Старосельского часто бывали его свояк, известный поэт и прозаик И. Г. Чавчавадзе, поэты, писатели, журналисты Георгий и Акакий Церетели, Важа Пшавела, Нико Николадзе и многие другие деятели культуры.

Владимир выбрал себе профессию агронома. Он блестяще закончил Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве. В академии примкнул к народовольческому движению, находился под негласным надзором полиции [2]. Несколько лет Владимир Александрович работал младшим агрономом при начальнике Черноморского округа, затем агрономом-виноградарем в штате министерства государственных имуществ на Кавказе. Еще в Москве Владимир Старосельский женился на Надежде Константиновне Захаровой — дочери врача, которая стала ему верным другом, матерью шестерых детей; она прекрасно музицировала и пела, была гостеприимной хозяйкой.

В 1889 году страшное бедствие обрушилось на виноградники Грузии, они были заражены филлоксерой. Со многих сотен и тысяч десятин земли земледельцы выкорчевывали корни виноградной лозы и сжигали ее на кострах. Царские чиновники из министерства государственных имуществ и иностранные специалисты считали, что грузинскую виноградную лозу невозможно излечить от филлоксеры.

Только молодой, еще никому не известный агроном Владимир Старосельский пошел наперекор официальному мнению царских чиновников и зарубежных специалистов. Уже тогда он выдвинул смелую и оригинальную идею о привитии местной виноградной лозе филлоксероустойчивого подвоя американской лозы. Старосельский стал одним из наиболее активных и авторитетных членов Кавказского комитета по борьбе с

[1] Сведения получены автором от племянницы В. А. Старосельского — Е. Ю. Демуровой-Старосельской, кандидата педагогических наук, в октябре 1978 года в Москве.

[2] См.: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 64, 69, документы 4, 9.

филлоксерой. В этом комитете работали такие видные политические, общественные и культурные деятели Грузии, как Илья Чавчавадзе, Нико Николадзе, Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Эгнате Ниношвили и другие [1].

На общественные и свои личные средства в 1890—1892 годах Владимир Александрович создал питомник виноградных лоз в селе Сакары Шорапанского уезда Кутаисской губернии. Здесь под его руководством было организовано образцовое виноградарское хозяйство, местной лозе прививался подвой американской лозы, изучались климатические и агропочвенные условия для успешной борьбы с филлоксерой. По инициативе Старосельского за короткий срок были созданы еще шесть питомников и около двух десятков опытных участков по разведению американской виноградной лозы, обучено прививке этой лозы около 600 человек. В 138 селениях Кутаисской губернии появились виноградники на новом подвое. В 1896—1897 годах В. А. Старосельский ездил в южную Францию (Марсель, Монпелье), где изучал более совершенные методы борьбы с филлоксерой [2].

В. А. Старосельский и его небольшой штат сотрудников сделали невозможное — филлоксера была побеждена. В Сакарский питомник началось буквально паломничество крестьян за «чудо-черенками». Причем многие крестьяне старались получить лозу из рук самого Владимира Александровича и этим выразить ему свое глубокое уважение и признательность. Научный и общественно-политический подвиг русского ученого-агронома Старосельского был высоко оценен народной Грузией: его личный авторитет в канун революции 1905 года был общепризнан.

К тому времени Владимир Старосельский был убежденным революционером-демократом, хорошо знакомым с марксистской литературой, и в частности с ленинской «Искрой». Проведенные ученым в 90-х годах исследования помещичьих и крестьянских хозяйств Кутаисской губернии позволили ему в 1905—1906 годах опубликовать ряд научных трудов, в которых было ярко по-

[1] См.: *Лебанидзе Георгий.* Красный губернатор.— Правда, 1970, 4 августа.

[2] См.: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 66—73, документы 8, 10—13; с. 76, документ 14.

казано разорение широкой массы кутаисских крестьян и делался вывод о полной необеспеченности землею крестьян всех разрядов [1]. В конечном итоге Старосельский пришел к убеждению о необходимости свержения царизма, ликвидации революционным путем помещичьего землевладения и установления подлинного народовластия. Постепенно совершался его переход от народничества к марксизму.

В соответствии со своими взглядами В. А. Старосельский подбирал себе помощников — людей свободолюбивых и независимых. В 1896 году из семи сотрудников питомника трое находились под негласным надзором полиции. Пройдет 10 лет, и полицейские власти будут прямо указывать, что «Сакарский питомник, которым заведовал Старосельский, был очагом и рассадником революционной пропаганды» [2].

Когда в Грузии, как и во всей России, заполыхало пламя революции, Кутаисская губерния стала одним из центров массового революционного движения. Стараясь предотвратить взрыв, назревавший в губернии, в особенности в Гурии, кавказский наместник граф И. И. Воронцов-Дашков принял сенсационное решение: предложил В. А. Старосельскому занять пост кутаисского губернатора. Воронцов-Дашков был знаком со Старосельским, ценил его как ученого-агронома, знал, какой авторитет имеет он в кругах грузинской общественности, и считал, что с его помощью можно будет нормализовать положение в крае. Впервые предложение занять пост губернатора было сделано Владимиру Александровичу еще в марте 1905 года. Его дважды вызывали в Тифлис, с ним беседовали Воронцов-Дашков и его помощник Султан-Крым-Гирей, но ученый дважды отказывался принять это предложение. Кавказский наместник продолжал добиваться согласия Старосельского.

Прошло почти три месяца. За это время Владимир Александрович установил прочную связь с большевиками. Видный большевик, член партии с 1903 года С. И. Кавтарадзе вспоминал позднее: «Старосельский поддерживал связь и советовался с Кутаисским комитетом РСДРП, и все его действия координировались и

---

[1] См.: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 76—90, документ 15.

[2] Там же, с. 69, 120, документы 9, 55.

согласовывались с нами» [1]. По совету Кутаисского комитета РСДРП ученый-агроном решил принять предложение наместника, но с условием, что будет одобрена разработанная им программа действий.

Программа, разработанная совместно с большевиками, предусматривала: отмену военного положения в губернии, освобождение из тюрем политзаключенных, возобновление деятельности всех выборных народных органов власти в сельской местности, ограничение действий жандармерии и полиции, признание равенства языков всех национальностей и права на национальное самоопределение, а самое главное — ликвидацию помещичьего и монастырского землевладения и распределение земель среди крестьян. Эта программа была изложена в докладной записке, представленной Кавказскому наместнику 27 мая. Старосельский писал в ней:

«Народная масса наэлектризована до предела, и нельзя долго сдерживать ее страхом. В революционные периоды, как показала история, он (народ) быстро переходит в озлобление, и каждый неосторожный шаг, каждая крутая мера могут вызвать вооруженное восстание, оружие для которого уже припасено» [2].

Наместник познакомился с докладной запиской и... согласился с ней, но ее содержания в Петербург не сообщил. Граф хитрил, хотел выиграть время, посадить Старосельского в губернаторское кресло и затем его же руками задушить народное движение в Кутаисской губернии, и прежде всего в Гурии. 9 июля 1905 года Николай II подписал указ, в котором «всемилостивейше повелевал» старшему агроному и коллежскому советнику В. А. Старосельскому «быть исправляющим должность кутаисского губернатора» [3].

Власти намеревались использовать авторитет и популярность Старосельского для успокоения народного движения. Получилось наоборот: Владимир Александрович своей деятельностью способствовал росту революционного движения в Кутаисской губернии.

Много позже А. В. Луначарский так писал о деятельности В. А. Старосельского (которого хорошо знал) в период революции 1905—1907 годов:

[1] См.: *Лебанидзе Георгий*. Красный губернатор.— Правда, 1970, 4 августа.

[2] *Старосельский В*. Крестьянское движение в Кутаисской губернии.— Былое, 1906, № 11, с. 263; *Брайнин И*. Новые документы о В. А. Старосельском.— Новый мир, 1967, № 4, с. 245.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 46, 1905 г., д. 93, л. 12.

«...Попавши благодаря своим научным и агрикультурным заслугам губернатором в Кутаисскую губернию, В. А. Старосельский не перестал быть революционером, а, наоборот, под влиянием накаливания в 1905 году атмосферы окончательно примкнул к с[оциал]-д[емократической] партии (большевиков) и оказал рабочему движению на Кавказе неизмеримые услуги, чем навлек на себя бешеную ненависть всей реакции. Губернатор-революционер — это было очень ново и грозно... Владимир Ильич Ленин также относился к Владимиру Александровичу с большим уважением и очень ценил его» [1].

В конце июля семья В. А. Старосельского переехала из Сакарского питомника в Кутаис и заняла несколько комнат губернаторского дворца. Остальные помещения дворца использовались для проведения народных митингов, партийных собраний, для устройства народной читальни. Здесь же разместились нелегальные явки ЦК и Кавказского союзного комитета РСДРП, Кутаисского и Имеретино-Мингрельского комитетов РСДРП, правления местных профсоюзов табачников, угольщиков, приказчиков, учителей, склад революционной литературы и оружия, а в одном из подвалов дворца находилась подпольная типография большевиков [2].

В. А. Старосельский губернаторствовал шесть-семь месяцев. За это время в Кутаисе и губернии под руководством «красного губернатора» был осуществлен целый ряд революционных преобразований. Прежде всего, они шли по линии ломки административного аппарата. Старые органы власти были заменены: в городе — Кутаисским революционным комитетом, в сельских районах — Имеретинским и Гурийским комитетами сельских рабочих. Вопреки указаниям наместничества Старосельский пошел на узаконение крестьянских революционных комитетов («акистави» — сотских, «аристави» — десятских), которые наиболее успешно действовали в Кутаисском, Озургетском (Гурия), Шорапанском и Горийском уездах. С ведома губернатора крестьянские комитеты приступили к конфискации помещичьих земель, лесов, пастбищ и перераспределению их среди крестьянства.

---

[1] Цит. по: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 215, документ 152.

[2] Из воспоминаний Н. К. Захаровой-Старосельской (записи 40-х годов).

Кутаисский комитет, комитеты сельских рабочих и крестьянские комитеты были зародышами новой революционной власти на местах. Они активно поддерживали народное восстание в Гурии, готовились к вооруженному восстанию, создавали боевые красные сотни. В Кутаиси по распоряжению Старосельского революционные органы установили контроль над почтамтом, телеграфом, банком, железной дорогой, тюрьмами. В городе проводились массовые митинги, демонстрации, на которых самым любимым оратором был «красный губернатор» [1].

Из донесения начальника полиции на Кавказе в октябре 1905 года:

«В Кутаисской губернии политическое состояние приняло характер не просто «анархии»... а какого-то особого государства из самоуправляющихся революционных общин, признающих лишь власть революционных комитетов и ныне запасающихся оружием для открытого восстания... Происходящие в Кутаисской губернии события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами русской государственности» [2].

Успеху деятельности «красного губернатора» Кутаиса способствовало то, что он опирался на большевиков-ленинцев. Закавказский большевистский центр направил сюда лучшие партийные силы. В аппарате «красного губернатора» работали в разное время студенты-большевики петербургских высших учебных заведений: Филипп Махарадзе, Шалва Элиава и Людмила Воронова, входившие в агитационную коллегию, Николай Простосердов [3] и Серго Кавтарадзе — в военную и финансовую коллегии [4], Петре Кавтарадзе — в коллегию просвещения. Позднее Тамара вспоминала:

[1] См.: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 93—138, документы 23—69.

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 29, д. 64, л. 105.

[3] Николай Простосердов, бывший студент университета, член ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был выслан в Баку, где под руководством Л. Б. Красина и А. С. Енукидзе работал в легендарной подпольной типографии «Нина»; после тюремного заключения устроился на работу в Сакарский заповедник.

[4] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, 1903 г., д. 458, л. 147—148; ЦГИА Груз. ССР, ф. 94, оп. 1, д. 57, л. 396 об.

«Все мы... преклонялись перед умом, гуманизмом и честностью В. А. Старосельского. Он воплощал в себе лучшие черты великорусского интеллигента, революционера-интернационалиста. Для Владимира Александровича не было выше интересов народа, восставшего для счастья и свободы. Нам — большевикам — иногда приходилось сдерживать его личную мягкость и демократизм в условиях революции. Мы часто приводили ему в пример печальный опыт Парижской коммуны в борьбе с версальцами. «Красный губернатор» умел нас внимательно слушать. Это был великий человек, ученый и революционер» [1].

Тамара работала в агитационной коллегии, не щадя своих сил. Она выступала на массовых митингах перед рабочими, железнодорожниками, учащейся молодежью, выезжала в уезды Кутаисской губернии, где вместе с Петре Кавтарадзе и Николаем Простосердовым вела агитацию среди крестьян, распространяла революционную литературу. Выполнив партийное задание в Кутаисе, Людмила Воронова вернулась в Тифлис. Кутаисские события поразили ее своим революционным размахом, обогатили новым опытом. Неизгладимое впечатление произвел на нее «красный губернатор». Через полгода они вновь встретятся, но уже в Петербурге.

Между тем рабочие и крестьяне Кутаисской губернии продолжали борьбу. Монархическая реакция требовала прямой физической расправы со Старосельским и его помощниками. Черносотенно-бульварная пресса обвиняла его в том, что он хочет оторвать Грузию от России и установить там республиканский строй. В начале января 1906 года Николай II писал И. И. Воронцову-Дашкову:

«Но вот о ком я считаю нужным сказать крепкое слово — это о кутаисском губернаторе Старосельском. По всем получаемым мною сведениям, он настоящий революционер, поддерживающий с тою партиею (то есть с большевиками.— *И. Л.*) открытые сношения. Поистине место его... на хорошей иве! Пример был бы благодетельный для многих. Пора кончать» [2].

В ноябре — декабре 1905 года, когда первая российская революция достигла своего апогея, царское правительство почти два месяца не получало сведений из Ку-

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76 — воспоминания Л. Н. Вороновой. Моя работа на Кавказе (ч. 2), л. 5.
[2] Цит. по: Новый мир, 1966, № 2, с. 225.

таиса. Грузинские и русские революционеры прервали телеграфную, железнодорожную и почтовую связь с Тифлисом и Петербургом. Для восстановления связей центра страны с Кавказом и выяснения реальной обстановки в Кавказском наместничестве царскими властями была выделена группа опытных жандармских офицеров. Под видом штатских чиновников, газетчиков и революционеров они должны были объехать города Кутаис, Новороссийск, Батум, Сухум, Эриван, Тифлис.

Один из агентов под видом сотрудника либеральной газеты проник на прием к В. А. Старосельскому. В первой же шифрованной телеграмме в Петербург жандарм сообщил, что Старосельский — «член организации социал-демократов и революционеров». Тот же агент телеграфировал из Таганрога 24 декабря 1905 года:

«Кутаисская губерния в особом положении: властей, кроме губернатора, не признают; жандармов обезоружили; (революционеры) завладели западным участком (Закавказской) железной дороги, сами продают билеты и наблюдают за порядком... Во время столкновения жителей с казаками (в Кутаисе) в сооружении баррикад на улицах участвовал прокурор суда. Донесений из Кутаиса не получается; жандармы с (железнодорожной) линии сняты и сосредоточены в Тифлисе. Посылаемые с донесениями нарочные обыскиваются революционерами, которые отбирают у них бумаги. Положение там (в Кутаисе) невозможное. Войска, безусловно, надежны, но столь малочисленны, что активных действий предпринимать нельзя...» [1]

Другой агент телеграфировал в Петербург из Анапы:

«Гурия находится (в) вооруженном восстании, (население) отказалось от призыва в армию, повинностей не платит, по всему району бродят вооруженные банды (так царские агенты именовали бойцов красной сотни). Большая часть Кутаисской губернии, Поти (в) руках революционеров. Со стороны Кутаисского губернатора Старосельского репрессий не предпринимается; наоборот... Старосельский сам подозревался в потворстве движению гурийцев» [2].

Только с разгромом Декабрьского вооруженного восстания в Москве царские власти решились сместить

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1905 г., д. 2162 — «О командировании офицеров на Кавказ: Попова, Бобрикова, Шереметева и др.», л. 11, 34—37, 45 об., 46, 64.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1905 г., д. 2162, л. 65.

В. А. Старосельского с поста губернатора Кутаисской губернии. 15 января 1906 года распоряжением Николая II «красный губернатор» был «уволен от службы»[1]. Владимир Александрович с семьей выехал в Тифлис, а затем полулегально отправился в Петербург. В Кутаисскую губернию были брошены карательные войска, учинившие расправу над восставшим народом.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В СУХУМЕ

Вскоре после возвращения в Тифлис Людмила Воронова встретилась на подпольной явке с С. Г. Шаумяном и Ш. З. Элиавой. Ей было предложено немедленно выехать в Сухум для установления связи с местной большевистской организацией. Кроме того, она должна была рассказать сухумским большевикам о событиях в Кутаисе и Кутаисской губернии, передать им опыт деятельности новой революционной власти[2]. В Сухуме, как и во всем Закавказье, революционное движение продолжало нарастать.

Из доклада помощника начальника кутаисского жандармского управления в Сухумском округе от 30 ноября 1906 года:

«Беспорядки на политической почве в Сухуме начались и быстро развивались с начала 1905 года под влиянием волнений в Гурии и Мингрелии. Разгар же революционного движения относится к периоду октября — декабря 1905 года. Командированные из этих мест агитаторы (а также из Петербурга, Тифлиса, Кутаиса, Батума.— *И. Л.*)... нашли в Сухуме достойных сотрудников. Под их руководством образовали Сухумскую группу Батумского комитета РСДРП, которая сначала тайно, а потом явно забрала в свои руки руководство всем революционным движением. Заправилой в местном комитете был присяжный поверенный Б. Н. Захаров»[3].

В Сухуме Тамара встретилась с Борисом Николаевичем Захаровым. Она передала ему инструкции центра по подготовке и проведению всеобщей стачки, рассказала о «красном губернаторе» Старосельском. От Б. Н. Захарова она узнала о том, что Сухумская партийная организация с весны увеличилась почти вдвое

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 46, 1905 г., д. 93, л. 15.

[2] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

[3] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1906 г., д. 3847, л. 7, 7 об.

и насчитывает 50—60 человек, число же сочувствующих партии превышает 2—3 тысячи человек. Партийные ячейки созданы на предприятиях, среди городской молодежи, в ряде абхазских, грузинских и армянских селений [1].

Борис Николаевич обрисовал ей обстановку в Сухуме, осложнявшуюся тем, что большевики и меньшевики работают в объединенной социал-демократической организации.

Тамара написала коротенькую записочку матери, чтобы ее не ждали в «Ясочке», и передала Борису Николаевичу. На следующий день она уехала в Тифлис.

Инструкции, переданные Л. Н. Вороновой, помогли сухумским большевикам направлять дальнейший ход событий. 14 октября в городе начались отдельные стачки и демонстрации трудящихся, которые 15—17 октября переросли во всеобщую политическую забастовку. Выступления рабочих, крестьян, учащейся молодежи возглавила Сухумская группа РСДРП. Наиболее активную роль в ее деятельности играли Борис Захаров, Леван Готошия, Владимир Гобечия и другие. В Сухумской группе преобладали большевики, и они проводили последовательную линию на активизацию революционных действий трудящихся. Одновременно большевикам приходилось бороться с оппортунизмом меньшевиков [2]. Большую помощь сухумским большевикам оказывал молодой большевик-ленинец Григорий Константинович Орджоникидзе, который, работая фельдшером в Гудаутской сельской лечебнице, создал в Гудаутах сильную большевистскую организацию. Орджоникидзе вскоре вошел в состав Сухумской группы РСДРП [3].

Октябрьская всеобщая политическая стачка всколыхнула и привела в движение народные массы Абхазии. Революционным творчеством масс в Сухуме была создана Народная комиссия, фактически выполнявшая функции местного органа революционной власти. Активную роль в деятельности Народной комиссии играли Б. Н. Захаров и Л. И. Готошия. В ноябре — декабре 1905 года Народная комиссия явочным порядком взяла власть в свои руки. Был создан народный суд, отстра-

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1906 г., д. 3847, л. 1—9.

[3] См.: *Дзидзария Г. А.* Наш Серго. Сухуми, 1976, с. 3—6.

нена от власти городская управа, вместо полиции создана народная милиция, взяты под контроль банк, почта, телеграф. Под руководством Левана Готошия в Сухумском округе создавались крестьянские комитеты и боевые дружины — красные сотни. Они нападали на помещичьи имения, полицейские и воинские части, добывали оружие на нужды революции. Большую роль в снабжении красных сотен оружием сыграл Серго Орджоникидзе и гудаутские большевики [1].

Представители царской власти были бессильны противодействовать Народной комиссии. 30 ноября 1906 года помощник начальника Кутаисской жандармерии в Сухумском округе докладывал в департамент полиции:

«...(Сухумские) революционеры организовали Народную комиссию, взявшую в свои руки фактическое управление городом...

Местная администрация почувствовала себя не способной бороться с политическим движением и отказалась вообще от какой-либо деятельности» [2].

Почти два месяца просуществовал в Сухуме орган революционной власти — Народная комиссия. В этом была немалая заслуга Серго Орджоникидзе, Левана Готошия, Людмилы Вороновой, Бориса Захарова.

ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА В ТИФЛИСЕ

В начале октября 1905 года началась Всероссийская октябрьская политическая стачка. Закавказский большевистский центр считал, что трудовая Грузия поддержит боевые выступления русского пролетариата. 13 октября в рабочем районе Тифлиса — Надзаладеви состоялось межрайонное собрание социал-демократических организаций. На нем обсуждался вопрос о присоединении к Всероссийской забастовке.

Из воспоминаний Л. Н. Вороновой:

«...В октябре Тифлис был готов к поддержке Всероссийской всеобщей забастовки. На общегородском собрании партийного актива членов обеих фракций (большевиков и меньшевиков) присутствовали И. В. Джугашвили (Сталин), С. Г. Шаумян, Ш. З. Элиава, лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания. Из других

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1906 г., д. 3847, л. 1—9; *Двидзария Г. А.* Наш Серго, с. 12—14.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1906 г., д. 3847, л. 8 об.— 9.

партийцев я мало кого знала, так как, работая среди солдат, была строго законспирирована.

На собрании больше всех от меньшевиков ораторствовал Жордания. Он говорил о необходимости привлечения на сторону рабочих оппозиционной либеральной буржуазии, о «согласованности» с нею действий пролетариата в революции. Его щеголеватая одежда, мимика, жесты — все говорило о том, что он уже «генерал» от партии и хочет быть всегда «генералом» в партии»[1].

Меньшевики обвиняли большевиков в «сепаратизме». Большевики говорили о том, что пролетариату не по пути с либеральной буржуазией в революции. Прежде чем объединиться с кем-нибудь из мелкобуржуазных попутчиков, надо уметь выбрать политически верных друзей. Самым верным союзником в борьбе с самодержавием может быть только крестьянство...

15 октября 1905 года в Тифлисе началась всеобщая политическая стачка, которая слилась с Всероссийской октябрьской политической забастовкой. Прежде всего забастовали рабочие и железнодорожники Главных мастерских Закавказской железной дороги. Их поддержали фабрично-заводские пролетарии, печатники, трамвайщики, рабочие электростанций. В городе закрылись почта, телеграф, магазины, лавки, базары, не работали органы городского самоуправления, различные учреждения, редакции газет, гимназии. Тифлис был парализован мощным пролетарским выступлением. Общегородская забастовка достигла огромного размаха. В числе ее непосредственных организаторов была Людмила Воронова.

Она рассказывала в своих воспоминаниях:

«...Все встало и замерло, напряглось ожиданием. Мы думали, что бастовать будем долго, и приготовились все терпеть, но стоять до конца, до победы... С первого же дня всеобщей забастовки в рабочих районах, за вокзалом, мы — большевики — начали организовывать многолюдные митинги. Их не разгоняли ни полиция, ни казаки, ни солдаты. Царские власти ощутили угрозу и силу народа — и растерялись. Сказывались и результаты нашей большевистской агитации и пропаганды. На митингах мы выступали на разных языках — грузинском, русском, армянском и даже персидском, чтобы

---

[1] ЛАВ. *Воронова Л. Н.* 17 октября 1905 года в Тифлисе. Из личных воспоминаний, с. 4—5.

всех сплотить в едином революционном стане. Я запомнила выступление одного грузина-пролетария на русском языке. Он говорил непосредственно, образно, с самородной артистичной интонацией. И когда он обрисовал непобедимую мощь пролетариата, повсеместно бросившего работу и скрестившего на груди свои творящие и питающие всех руки,— этим оратор вызвал бурю восторга.

...Подняв над головами самодельные флаги из лоскутов красной ткани, мы все с рабочего митинга с песнями двинулись в город. Мы пели упоенно, радостно... во весь голос на разных языках. Они сливались в один ликующий гимн нашей свободе.

Мы пошли к солдатским казармам. Навстречу нам распахивались окна. Оттуда из окон, давя друг друга и вскакивая на подоконники, тянулись к нам солдаты. В руках у них были красные флаги. Из окон летело:

— Ур-ра-а! Ура!..

И в ответ из толпы переливалось волною:

— Ур-ра-а! Свобода! Революция!..

И чем дальше мы двигались к городу, тем многотысячней становилась толпа, тем мощней звучали песни, торжественней звучали речи...

— Товарищи! Граждане! Братцы!..

Мне грезилось, что эта бархатная лента голов с алыми полотнами тянется вдаль, за тысячи верст до самого родного мне рабочего Питера...» [1]

Всеобщая политическая стачка захватила всю Россию. Вырванный революционным народом у царского правительства манифест 17 октября о «даровании» трудящимся гражданских свобод представлял собой первую победу революции. Однако большевики не переоценивали значение этой победы. Царизм был смертельно напуган, но далеко еще не разбит. Он лишь временно отступил перед мощным натиском народа, он лавировал, собирая контрреволюционные силы.

На следующий же день после появления царского манифеста ЦК РСДРП обратился с воззванием «К русскому народу», в котором разоблачал лживость и лицемерие царских заверений и призывал продолжать борьбу, чтобы довести революцию до полной победы.

Правильность большевистской оценки царских по-

[1] ЛАВ. *Воронова Л. Н.* 17 октября 1905 года в Тифлисе. Из личных воспоминаний, с. 5—7.

сулов подтвердилась буквально в ближайшие после издания манифеста дни. Вместо обещанной «свободы» правительство начало объявлять губернии — одну за другой — на военном положении. По всей стране прокатилась лавина карательных расправ, черносотенных погромов, избиений и убийств революционеров.

Российская революция не могла остановиться на этапе всеобщей политической стачки, последняя неизбежно перерастала в вооруженное восстание.

Л. Н. Воронова вспоминала:

«...Из Москвы и Петербурга шли тревожные вести. Надо было спешить, возвращаться в Питер, чтобы стать там на свое место. Тем более я попала в поле зрения тифлисской жандармерии. Не заезжая в «Ясочку», где меня очень ждала мать, поспешно уехала из Тифлиса».

Тогда, в 1905 году, шесть месяцев своей жизни отдала Тамара — Л. Н. Воронова работе в закавказском большевистском подполье. Шесть месяцев из долголетней жизни большевика-подпольщика. Шесть месяцев риска и отваги, конспиративной работы среди солдат, пролетариев, учащейся молодежи, крестьян.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВНОВЬ НА КУРСАХ ЛЕСГАФТА

...Петербург встретил Людмилу Воронову привычным городским шумом. Звонками конки (трамвая в столице еще не было), зазывными криками лихачей-извозчиков, говором многолюдной толпы. Но было в этом шуме что-то затаенное, зловещее. Николаевский вокзал, Знаменская площадь, Невский проспект охранялись казачье-полицейскими и военными патрулями.

Огромный город замер в ожидании предстоящей вооруженной схватки двух противоборствующих лагерей: самодержавно-реакционного и пролетарско-революционного. Революция достигла своего апогея.

В те дни Тамара писала матери в «Ясочку»:

«Катится наша революция уже и за пределы России. И на Западной Европе все резче и резче начинает сказываться ее влияние.

В хорошее время живем мы, несмотря ни на что».

Приехав в столицу, Л. Н. Воронова направилась на Выборгскую сторону. Она установила связь с районным

комитетом партии и с головой ушла в партийную работу.

К началу декабря 1905 года Петербургская организация большевиков значительно окрепла. Она объединяла девять районных организаций, 36 подрайонов, в которых насчитывалось около 3 тысяч членов партии. Опорными пунктами деятельности питерских большевиков являлись: редакция газеты «Новая жизнь» во главе с В. И. Лениным, большевистская фракция Петербургского Совета рабочих депутатов, крупнейшие промышленные предприятия, рабочие клубы — в районах и подрайонах их было около 15, пролетарские профессиональные союзы — в 35 профсоюзах состояло 40 тысяч членов. В конце ноября — декабре произошло объединение большевистской и меньшевистской партийных организаций Петербурга. Во главе общегородской организации РСДРП стоял объединенный Петербургский комитет, в состав которого входило две трети большевиков и одна треть меньшевиков (14 и 7). С января 1906 года ПК РСДРП возглавляла Елена Дмитриевна Стасова, только что вернувшаяся из Берлина в Петербург.

С начала ноября 1905 года по возвращении из эмиграции В. И. Ленин лично руководил всей многосторонней деятельностью Центрального и Петербургского комитетов РСДРП. Это в значительной мере способствовало успеху организационно-массовой и агитационной работы петербургских большевиков. Владимир Ильич руководил фракцией большевиков в Петербургском Совете, редакцией большевистской газеты «Новая жизнь», выступал по вопросам революционной тактики перед партийным активом, рабочими, интеллигенцией и студенческой молодежью, в том числе в Петербургском университете, в Технологическом, Электротехническом, Политехническом институтах, на Курсах Лесгафта.

В 1905 году Курсы П. Ф. Лесгафта представляли собой один из бастионов большевизма в столице. В условиях подъема революции, в августе — сентябре, Петр Францевич Лесгафт реорганизовал Курсы. На их основе он открыл Вольную высшую школу, которая, однако, в ноябре — декабре была закрыта царскими властями из-за активного участия многих курсисток, слушателей и преподавателей в революции. Правда, месяца два-три явочным порядком в помещении школы дей-

ствовали Коломенские вечерние рабочие курсы, где занималось ежедневно 400—600 рабочих из Нарвского, Василеостровского, Выборгского и Петроградского районов[1]. С сентября — октября 1905 года Курсы Лесгафта, как и другие высшие учебные заведения Петербурга, превратились в постоянно функционирующий огромный митинг рабочих и студентов. В отдельные дни на Курсах собиралось до 3—4 тысяч митингующих.

В середине октября 1905 года революционным творчеством пролетариев был создан Петербургский Совет рабочих депутатов. Совет и его исполнительный комитет не имели постоянного помещения и свои заседания вынуждены были проводить в самых различных помещениях города: в Технологическом институте, Вольном экономическом обществе, в Женской гимназии О. К. Витмер. Чаще всего Совет рабочих депутатов заседал в помещении Высших курсов Лесгафта. Рискуя своим положением, Петр Францевич Лесгафт предоставил помещение Курсов Совету, являвшемуся зачатком новой пролетарской власти.

Из воспоминаний друга и сподвижницы П. Ф. Лесгафта С. М. Познер:

«Тщетно искал себе Совет (рабочих депутатов) квартиру и нигде не мог найти, так как везде встречал отказ. Здесь же, у Петра Францевича (квартиры под номерами 2 и 6 в доме 25-а по Торговой улице, ныне улица Союза печатников), он нашел себе приют. Жильцы парадной лестницы возмутились таким соседством и стали покидать квартиры. Этим наносили материальный ущерб Лаборатории, интересы которой Петр Францевич оберегал обыкновенно так ревниво. Но это не поколебало Петра Францевича, и Совет рабочих депутатов оставался в доме по-прежнему» [2].

Когда же полицейские власти Петербурга потребовали от Лесгафта немедленно удалить с Курсов исполком Совета и правление профсоюза печатников, Петр Францевич наотрез отказался исполнить это распоряжение. Военное командование округа пригрозило подвергнуть помещения Вольной школы артиллерийскому

---

[1] См.: *Шувалов Ф. П.* На Высших курсах П. Ф. Лесгафта неоднократно звучало слово Ильича.— Сб. Ученые записки Института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Л., 1970, вып. XV, с. 153.

[2] *Познер С. М.* Воспоминания о П. Ф. Лесгафте.— Сб. Памяти П. Ф. Лесгафта, Спб., 1912, с. 282.

обстрелу. Эти угрозы вызвали возмущение профессуры, лесгафтичек, студентов и рабочих. По предложению большевистской ячейки на Курсах была создана вооруженная боевая дружина из рабочих — слушателей Вечерних курсов и курсисток, санитарные группы для оказания первой помощи в случае нападения войск и полиции [1]. Пролетарии Нарвской заставы на митинге постановили: «...с оружием в руках защищать Курсы Лесгафта, если на них будет произведено нападение» [2].

НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

...Стоял морозный декабрь пятого года. Красный пояс рабочих окраин Петербурга кипел гневом и возмущением. Стало известно о том, что в Москве пролетарии под руководством большевистской организации перешли к решительным действиям, начали общегородскую забастовку, которая переросла в вооруженное восстание. Главным оплотом восстания стала рабочая Пресня. Самодержавное правительство бросило на подавление восстания верную ему гвардейскую пехоту, тяжелую артиллерию, кавалерийские части. Петербургские большевики во главе с В. И. Лениным всеми силами старались помочь москвичам, организовать в столице всеобщую стачку и перевести ее в восстание. В эти дни Центральный Комитет партии обратился к питерцам с призывом:

«Петербург первый дал лозунг к этой революции. Пролетариат всей России дружно откликнулся на его призыв. Держите же высоко знамя, которое вы подняли!» [3]

Однако в Петербурге восстания не произошло. Эсеро-меньшевистское большинство Петербургского Совета не допустило восстания в столице. Оно ограничило революционные выступления питерского пролетариата лишь рамками всеобщей стачки. К тому же сказывалась общая усталость петербургских рабочих в итоге многомесячной революционной борьбы.

В эти дни Людмила Воронова вновь была послана на Выборгскую сторону. Положение в Выборгском рай-

---

[1] См.: *Шувалов Ф. П.* На Высших курсах П. Ф. Лесгафта неоднократно звучало слово Ильича.— Сб. Ученые записки Института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, вып. XV, с. 154.

[2] Новая жизнь, 1905, 2 ноября.

[3] Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1956, ч. 1, с. 202.

оне было напряженным. Здесь с весны — лета свили гнездо меньшевики во главе с Владимиром (Юрием) Цедербаумом, братом Юлия Мартова. Используя ослабление большевистских сил в результате массовых репрессий, меньшевики усилили свои позиции на целом ряде предприятий района, развернули свою дезорганизаторскую деятельность.

В ряды районной социал-демократической организации проникли агенты охранки. В ночь на 1 августа Городская и Выборгская районная партийные организации понесли тяжелый урон. Полиции удалось арестовать свыше трех десятков работников Петербургского комитета большевиков, технической группы и коллегии пропагандистов. Провалена была нелегальная типография в доме 36 по Ропшинской улице. В числе работников Выборгского района были арестованы А. А. Вермишев и Т. Р. Мясоедов. Александр Вермишев и Тарас Мясоедов были посажены в камеры петербургской одиночной тюрьмы «Кресты»[1]. Друзья не теряли присутствия духа.

15 августа 1905 года А. А. Вермишев писал отцу в Кутаис:

«Сижу в одиночной вот уже две недели... Ежедневно отсчитываю по 500 шагов в своей камере и энное количество раз упражняюсь с табуреткой. Надеюсь вернуть себе и яркий румянец, и мускульную силу»[2].

Тарас Мясоедов вышел на свободу в конце октября и сразу же вернулся на Выборгскую сторону. Александра Вермишева освободили тогда же под большой денежный залог, который внесли его родственники и друзья. Тарас и Александр продолжали работу в революционном подполье. Мясоедов пробыл на свободе чуть больше полутора месяцев, а Вермишев через три недели вновь был арестован и посажен в «Кресты».

В октябре — ноябре 1905 года Петербургский комитет РСДРП направил в Выборгский район группу партийных работников: Ивана Бибикова (Клещ), который стал секретарем районного комитета, Дору Лазуркину (Клебанову), ее мужа — Михаила Лазуркина, Галину Виноградову, Ивана Залкинда (Ваня Теоретик). С этой

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП 00, 1905 г., д. 5, ч. 1, Л. А., т. 2, л. 45—51.

[2] Цит. по: *Сухотин Я. Л.* Песню расстрелять нельзя! с. 57—58.

группой партийцев и довелось работать Людмиле Вороновой ровно 10 дней, но каких дней!

Людмила буквально сбивалась с ног, доставляя на заводы директивы партийного центра, оружие, патроны, листовки. В Выборгском районе она вновь встретилась со своими старыми друзьями-единомышленниками Тарасом Мясоедовым и Дорой Лазуркиной (Клебановой).

Районный комитет партии был тесно связан с коллективами заводов «Розенкранц», Эриксона, Нобеля, «Старый Лесснер», «Феникс», Арсенал, Патронного завода, пользовался большим авторитетом среди рабочих. Районный комитет партии и районный Совет рабочих депутатов организовывали митинги выборжцев, вооружали их, вели борьбу с черносотенными бандами, создавали рабочие столовые, осуществляли пролетарский суд, то есть осуществляли функции органа новой рабочей власти [1].

Когда в Петербурге стало известно о начале вооруженного восстания в Москве, большевистский центр принял решение не допустить переброску правительственных войск из Петербурга в Москву. Для этого было необходимо осуществить взрывы четырех мостов на Николаевской железной дороге, подорвать подъездные пути к Москве, повредить в ряде мест телеграфные провода, вывести из строя магистральные паровозы, захватить ряд арсеналов и оружейных складов и вооружить рабочих. План был смелым, но у питерских пролетариев не хватило сил и времени для его осуществления [2].

Выполнение части плана по оказанию помощи москвичам было поручено Выборгской районной боевой дружине, командиром которой являлся Т. Р. Мясоедов. Связь с другими районными дружинами (Петербургской и Невской) осуществляла Л. Н. Воронова [3].

Часть оружия дружинники получили от партийной организации, остальное делали на заводах и добывали сами. Рабочие запасались кистенями, ножами, самодельными кинжалами и т. п. Материал для выделки хо-

---

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3129 — личный архив, автобиографии и воспоминания Д. А. и М. С. Лазуркиных.

[2] См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1962, ч. 1, с. 198.

[3] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1905 г., д. 7370, л. 3—4, 18, 43—44.

лодного оружия брали иногда на тех заводах и фабриках, где они работали. На телефонном заводе Эриксона рабочие сделали более 200 особых штыков.

...В один из декабрьских дней Выборгская районная дружина была приведена в боевую готовность и на следующий день должна была приступить к выполнению плана — подорвать один из мостов на Николаевской железной дороге. Однако до этого произошли непредвиденные события. 8 декабря после выступления на митинге рабочих завода Нобеля полиция арестовала на улице студента Политехнического института Владимира Платонова — члена боевой дружины. При обыске у него на квартире (Саратовская улица, дом 19) был арестован другой студент того же института — Роман Ганжа и изъят целый склад боеприпасов: 8 килограммов динамита, 2,5 килограмма пороха, 29 пироксилиновых шашек, 13 коробок капсюлей к винтовочным патронам, металлическая оболочка разрывного снаряда. Кроме того, полиция обнаружила переписку дружинников, по которой в течение трех дней был выявлен адрес районной штаб-квартиры боевой дружины [1].

Днем 11 декабря крупные наряды полиции оцепили дом по Оренбургской улице, где собрались 35 дружинников для обсуждения предстоящей операции.

Были арестованы пролетарии-боевики заводов «Новый Лесснер», Эриксона, «Парвиайнен», Нобеля, Металлического. Под номером 25 списка арестованных членов Выборгской боевой дружины значился Т. Р. Мясоедов [2].

В тот же и последующие дни полиции удалось арестовать членов Петербургской, Невской и Городской районных дружин. Боевым вооруженным силам питерского пролетариата был нанесен непоправимый урон.

Однако рабочие Выборгской стороны, как и пролетарии других районов города, продолжали борьбу. 12 декабря в Народном доме Нобеля (Лесной проспект — Ньюстадтская улица, 19) состоялся массовый митинг рабочих. С призывом к продолжению всеобщей стачки в поддержку москвичей выступила Д. А. Лазуркина (Клебанова) — Соня. В числе организаторов митинга были Л. Н. Воронова — Тамара и М. С. Лазуркин —

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1905 г., д. 6724, л. 3—4 об.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1905 г., д. 7370, л. 5, 3—4, 7 об.

Борис. После митинга колонна рабочих во главе с большевиками — организаторами митинга направилась останавливать конку. Полиция пыталась помешать рабочим. Произошла схватка, один городовой был убит, другой ранен. Рабочие начали возводить баррикады. Вызванная полурота солдат обстреляла стачечников, появились раненые. Полиция при поддержке солдат и черносотенцев начала избивать и арестовывать рабочих [1].

В сопровождении группы рабочих-боевиков Людмила Воронова, Дора Лазуркина (Клебанова) и Михаил Лазуркин уходили от преследовавших их городовых и черносотенцев. Однако район был плотно оцеплен полицией и войсками. В помещении рабочей столовой при Народном доме Нобеля Тамара, Соня и боевики были арестованы. Уйти от преследователей удалось только Борису. Когда арестованных революционеров со связанными руками выводили из столовой на улицу и сажали в сани-розвальни, толпа черносотенцев кричала:

— Бей анархистов! Смерть революционерам!

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Тамара и Соня были увезены в дом предварительного заключения, затем переведены в групповую камеру пересыльной тюрьмы. В одном из писем матери Людмила сообщала, что в их камере находилось 25 женщин, большей частью молодых работниц и курсисток. Целые дни уходили на чтение книг и стихов, пение революционных песен, горячие споры, перестукивание с соседями по камере. Еще шла революция, но, чтобы пользоваться тюремными «свободами», женщины и девушки вели ожесточенную борьбу с тюремной администрацией. Добиваясь своих прав, заключенные по призыву Вороновой и Лазуркиной забаррикадировались в камере и объявили двухдневную голодовку. Администрация вынуждена была удовлетворить требования, выдвинутые работницами и курсистками.

1 марта 1906 года Вера писала матери в «Ясочку»:

«...Людмила уже строит планы, как будет жить на воле. Ее выпустят 12 марта, следовательно, сидеть осталось меньше двух недель... У нее наши «благодетели» (тюремная стража.— *И. Л.*) стянули одеяло и теплый платок, да и оборвана она порядочно... Из товарищей ее Аркадий (рабочий-боевик.— *И. Л.*) уже на

[1] См.: Известия Совета рабочих депутатов. 1905, 14 декабря; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3129.

свободе. Он просил тебе и Оле передать привет... Весна возьмет свое, жизнь победит, и на смену черной реакции придут светлые деньки».

Вера и Юрий Вороновы в эти дни находились в Петербурге. Они и сообщили матери об аресте Людмилы.

2 января 1906 года А. К. Воронова из «Ясочки» — в Петербург детям: «Меня леденит ужас при мысли, что приближающиеся грозные дни унесут эти жизни, как унесены на днях сотни и тысячи дорогих жизней на улицах Москвы... Когда же наконец будет достаточно крови? Когда настанет светлый день свободы? Когда вздохнет свободно наша великая, многострадальная родина?.. Ужас всего происходящего так велик, что из-за него не видно ничего, кроме необъятной пустыни... Еще немного — и я закричу криком отчаяния и ужаса, и этот крик будет длиться без конца... О мои дети, дорогие дети, я любила вас всеми силами моей души».

Шла революция, и тысячи российских матерей теряли своих сыновей и дочерей, погибавших от казачьих нагаек, пуль и виселиц самодержавных палачей, диких черносотенных расправ. Замечательная русская женщина Александра Константиновна Воронова — жена революционера-шестидесятника — вместе с другими матерями с болью в сердце переживала за судьбы революции, за судьбы трех своих детей, за самую младшую, попавшую в царский застенок.

Вера и Юрий Вороновы — активные участники революции, участники митингов, собраний, демонстраций — по заданию большевистских организаций перевозили и распространяли революционную литературу, держали явки, помогали своей младшей сестре. Они не вступили в ряды партии большевиков, но верно служили революции. Сила партии заключалась не только в том, что в ее рядах объединялся и боролся цвет российского рабочего класса и интеллигенции, но и в том, что она оказывала огромное влияние на тысячи и тысячи честных людей России, которые также участвовали в борьбе. К их числу относились Юрий и Вера Вороновы.

Судьбы Вороновых слиты с революцией: они радуются ее росту, ее успехам, переживают ее неудачи. Свои чувства, настроения высказывают в письмах матери в далекую «Ясочку».

14 декабря 1905 года Юрий — матери:

«...Там (в Москве) творится нечто не поддающееся описанию. Москва — это что-то вроде Мукдена или Ляодуна (имеются в виду крупные военные сражения русско-японской войны.— *И. Л.)*, ружейная, пулеметная и орудийная пальба не прекращается уже несколько дней, масса убитых и раненых, множество домов превратилось в обломки, большая часть города в баррикадах».

Из письма Юрия от 29 января 1906 года:

«...Теперь перед нами реакция, какой не снилось нам... Можно подумать, что освободительное движение задавлено, погублено, но едва ли это вполне справедливо. Дума — это, кажется, одно только надувательство. И все-таки в конце концов победит революция... пока опять освободительные тенденции не выльются в такой грандиозной и естественно возникшей форме, как памятные октябрьские и декабрьские дни...»

Из письма Юрия от 6 июля 1906 года:

«...Последняя опора самодержавия — крестьяне и армия — начинает рушиться, но ведь такое междуцарствие может длиться довольно долго. К осени ожидается новая забастовка, на этот раз с участием крестьян и, вероятно, армии. Они, конечно, решат бесповоротно вопрос о судьбе России, но сколько до тех пор утечет не воды, а слез и крови! Аграрное движение сейчас разливается стихийно мощною волною по России».

Надежды Ю. Н. Воронова, как и многих других революционеров, на новый подъем революции не сбылись. Революция пошла на спад и в конечном итоге потерпела поражение.

Основную причину поражения революции 1905—1907 годов В. И. Ленин видел в разрозненности трех социальных потоков освободительного движения — рабочих, крестьян и солдат. Рабочему классу — гегемону революции — не удалось создать прочного союза с крестьянством, этот союз еще «был стихиен, неоформлен, часто несознан» [1]. Российский пролетариат вел борьбу против царизма с величайшим упорством и беззаветным героизмом, но рабочим не хватало еще опыта политической, вооруженной борьбы. Они выступали недостаточно дружно и организованно. Отсутствовало единство внутри РСДРП. В результате расколь-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 342.

нической деятельности меньшевиков рабочий класс оказался разобщенным, ослабленным.

Крестьяне, отмечал В. И. Ленин, действовали в революции слишком разрозненно, им не хватало организованности и решительности. Не было единого революционного натиска на самодержавие и со стороны трудящихся угнетенных национальностей. В русской армии и флоте вспыхивали восстания, но подавляющая часть войска еще осталась верной царизму. Комплекс этих факторов и привел революцию к поражению.

Вместе с тем революция 1905—1907 годов основательно подорвала социально-политические устои царизма, втянула в революционное движение многотысячные массы трудящихся, подготовила историческую победу рабочего класса, народных масс России в Февральской и Октябрьской революциях 1917 года.

...Шел 1906 год. Революция продолжалась. Большевики — и те, кто находился на воле, и те, кто сидел в тюрьмах,— не прекращали борьбу с самодержавием.

Людмила Воронова пробыла в тюрьме три месяца. Вела она себя мужественно и стойко. От дачи показаний отказалась, виновной себя ни в чем не признала. В марте 1906 года она вышла на волю и вновь все силы отдавала революционному подполью.

В. И. ЛЕНИН, КАВКАЗСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО И КУРСЫ ЛЕСГАФТА

В условиях революции, в живом и непосредственном общении с рабочими массами, взявшимися за оружие для смертельной схватки с царизмом, Людмила Воронова на всю жизнь поняла, в чем всесилие и величие ленинизма. Она постигала ленинизм в действии, в горниле революционной практики, когда ленинская теория овладевала умами и сердцами многих тысяч лучших представителей рабочего класса, студенчества, солдатско-крестьянской массы.

В превращении Л. Н. Вороновой в стойкого и последовательного большевика немалую роль сыграло то обстоятельство, что ей довелось не раз видеть и слышать В. И. Ленина, общаться с ним. Дело в том, что в период революции 1905—1907 годов В. И. Ленин много раз выступал в помещении Курсов Лесгафта, где она училась, а также перед членами Кавказского землячества, в которое она входила. Она рассказала об этом в своих

воспоминаниях. Ныне — это ценные свидетельства давно ушедших от нас событий.

Да простит нас читатель за некоторое нарушение хронологической последовательности, но мы вынуждены вернуться к событиям поздней осени 1905 года.

С ноября 1905 года на Курсах П. Ф. Лесгафта неоднократно появлялся Владимир Ильич Ленин. Вождь партии работал и выступал в самых различных местах революционного Петербурга. Этого требовали условия строжайшей конспирации и необходимость встреч с представителями широких масс революционных рабочих, студентов, солдат, интеллигентов. С ноября 1905 по февраль 1907 года В. И. Ленин более 20 раз побывал в гостеприимных стенах Курсов Лесгафта [1].

Частое посещение вождем партии Курсов Лесгафта объясняется целым рядом обстоятельств. Видимо, немалую роль сыграли такие факторы, как революционно-радикальный состав курсисток и слушателей-рабочих, многочисленность и сплоченность большевистской курсовой ячейки, соседство рабочего Коломенского подрайона, близость городского центра, наличие проходных дворов, подвалов, переулков, улиц, удобных для того, чтобы в случае надобности скрыться от полицейской слежки. Большое значение имело и то, что во главе Курсов стоял ученый-демократ П. Ф. Лесгафт, постоянно помогавший революционным социал-демократам. Много добрых слов в адрес Курсов и их основателя слышал Владимир Ильич от своих соратников по партии В. В. Воровского, Л. Б. Красина, В. Д. Бонч-Бруевича, Д. И. Лещенко, А. В. Луначарского, Е. Д. Стасовой, М. Г. Цхакая. Они бывали здесь почти каждый день, выступали с речами, встречались с партийными работниками.

Впервые квартиру номер 2 дома 25а по Торговой улице В. И. Ленин посетил во второй половине ноября. Здесь он встретился и беседовал с членами Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов и членами правления профсоюза печатников о дальнейшей работе Петербургского Совета. В течение шести дней в конце ноября в помещении физической лаборатории Курсов (дом 32 по Английскому проспекту) вождь партии руководил занятиями кружка аграрников-марк-

---

[1] Подсчеты произведены И. П. Лейберовым и Ф. П. Шуваловым.

систов, будущих пропагандистов и партийных организаторов в деревне. Он читал им лекции по аграрному вопросу и о задачах пролетариата в современном революционном движении[1]. Причем основными слушателями Ленина были лесгафтички и рабочие, занимавшиеся на Вечерних курсах.

В целях конспирации занятия пропагандистов проводились в часы обычных студенческих лекций и ничем по форме от них не отличались. В. И. Ленин выступал под видом одного из преподавателей Курсов. Во время перерывов между занятиями он уходил в кабинет профессора биолога В. К. Лебединского. Здесь, в кабинетной тиши, в короткие минуты покоя Владимир Ильич делал наброски своих статей, писал письма, записки. Группа большевиков — слушателей Курсов Лесгафта (их было человек шесть — восемь) обеспечивала необходимую безопасность вождя партии большевиков[2].

Днем 4 декабря в одной из аудиторий физической лаборатории Курсов произошло знаменательное событие. Пройдет много лет, и Л. Н. Воронова будет вспоминать:

«Моя первая встреча с Лениным произошла 4 декабря 1905 года. Владимир Ильич выступал на объединенном партийном собрании социал-демократов. Выступление его состоялось в одной из лекционных аудиторий физической лаборатории. В зале присутствовало несколько десятков человек, среди них была группа лесгафтовцев. Вспоминаю Александер, Борисову, Богомазову, Крич, Мейбаум, рабочих-большевиков Крехалева, Мясоедова, некоторых членов Кавказского землячества. Каково было наше удивление, когда среди присутствующих мы увидели Петра Францевича Лесгафта. Он сидел отдельно на стуле, скромно, в уголке.

Ленин делал доклад о текущих событиях революции, высказывал уверенность в том, что московские и петербургские рабочие стоят на пороге вооруженного восстания. А для этого им необходимо оружие, массовое вооружение пролетариата, его союз с рево-

---

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 203—204.

[2] См.: *Шувалов Ф. П.* Высшие курсы Лесгафта знали Ильича.— За физкультурные кадры, 1963, 3 апреля; запись беседы с профессором И. Д. Стрельниковым в феврале 1974 года.

люционной партией, сильная воля, хорошая физическая подготовка и уверенность в победе. Ленин подчеркивал необходимость создания боевых и массовых профессиональных союзов, особенно среди металлистов, текстильщиков, печатников. Короткая и убедительная речь вождя партии была встречена громом аплодисментов.

Все присутствующие были поражены силой ума и логики В. И. Ленина. На следующий день П. Ф. Лесгафт со вздохом говорил Александер, Мейбаум и мне:

— А интересное, смотрю я, учение о социализме! Жаль, что я стар стал, его бы стоило досконально изучить, из-за этого стоило бы заново жить! А Ленин каков! Сильный и мудрый руководитель у пролетариата! [1]

После собрания в кабинете профессора В. К. Лебединского состоялось короткое совещание В. И. Ленина с группой партийных активистов, принимавших участие в организации профессиональных союзов. Металлистов представляли Иван Крехалев (от Городского района), Тарас Мясоедов и Людмила Воронова (от Выборгской стороны), текстильщиков — Клавдия Александер и Алиса Мейбаум (от Невского района), печатников — Иван Любимцев. Владимир Ильич рекомендовал работникам профсоюзов более активно участвовать в подготовке всеобщей стачки и восстания [2].

---

[1] *Воронова Людмила.* На Курсах Лесгафта (Странички воспоминаний).— Отчизна, 1977, № 9, с. 4—5; ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76, л. 24—25. Здесь и далее в книге приводятся некоторые новые сведения о выступлениях В. И. Ленина на Курсах Лесгафта, о его встречах и беседах с большевиками — членами Кавказского землячества. В основе этих сведений лежат воспоминания Л. Н. Вороновой. Многие данные Л. Н. Вороновой подтверждаются в воспоминаниях закавказских большевиков А. С. Енукидзе, С. И. Кавтарадзе, А. Б. Кариняна, И. Ф. Стуруа, С. И. и С. П. Тодриа (см. Воспоминания коммунистов Закавказья о В. И. Ленине. Ереван, 1970, с. 95—98, 100—102, 104—106, 109—121, 131—133), Ш. З. Элиава (см. *Эсаиашвили В. Г.* В. И. Ленин и Грузия. Тбилиси, 1970, с. 232—233), а также в воспоминаниях лесгафтичек А. И. Мейбаум (см. Красная Новь, 1928, № 11—12), Л. А. Качауновой (см. ее воспоминания в партархиве Института истории партии при ЦК КП Армении). Факты о встрече и беседе В. И. Ленина с М. Г. Цхакая, С. Г. Шаумяном и В. А. Старосельским в апреле 1907 года в Петербурге и о присутствии В. А. Старосельского на партийном совещании, проводившемся В. И. Лениным на даче «Ваза» в Куоккала, другими источниками пока не подтверждаются.

[2] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76, л. 24—25.

Несколько раз В. И. Ленин выступал и на собраниях членов Кавказского землячества, которые нередко устраивались на Курсах Лесгафта.

В конце 1905 года в землячестве числилось не менее 150—200 студентов-кавказцев. Почти половину из них составляли грузины, одну треть — армяне, остальные — русские, азербайджанцы, осетины, украинцы, поляки, абхазцы. В землячестве была сплоченная большевистская группа в составе 40 человек; среди них 10—12 студентов университета, 10 студентов Политехнического института, 8 лесгафтичек, 5 бестужевок, горняки, путейцы, медички. Кавказское землячество возглавляли большевики Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили, Богдан Кнунянц, Людмила Воронова, Мария Микеладзе, Петре Кавтарадзе, Арташес Каринян (Габриелян).

Весной — летом 1906 года землячество укрепилось в организационном отношении. По принятому уставу оно делилось на три секции: грузинскую, армянскую и общекавказскую. Регламентировался сбор денежных средств (коллективных и индивидуальных взносов, поступлений от вечеров грузинской, армянской и азербайджанской музыки, песен, танцев, от распространения национальной литературы). Устав предусматривал выделение значительных сумм для оказания материальной помощи бедным студентам. Часть средств шла на нужды революции: выпуск прокламаций, покупку оружия и транспортировку его и подпольной литературы на Кавказ[1].

Землячество было прочно связано с петербургским большевистским центром. Эта связь осуществлялась через Л. Б. Красина, Е. Д. Стасову и М. Г. Цхакая. Последний еще в начале октября приехал из Тифлиса в Петербург для закупки большой партии оружия и транспортировки его в Грузию. Когда в середине октября был создан Петербургский Совет рабочих депутатов, в его состав под гром аплодисментов депутатов Совета ввели и Миху Цхакая как представителя грузинского пролетариата. Это было высшее признание революционных заслуг этого замечательного борца-ленинца[2].

---

[1] Из воспоминаний члена КПСС с 1907 года, Героя Социалистического Труда, академика Академии наук Армянской ССР А. Б. Карпняна. Запись беседы сделана автором в апреле 1977 года в Ереване.

[2] См.: *Маскулия А. В.* Миха Цхакая, с. 94—95.

Большую помощь большевистскому центру и М. Г. Цхакая в переброске оружия из Финляндии через Выборг и Белоостров в Петербург оказывали лесгафтички Анна Чиргадзе-Шарашидзе, Клавдия Александер, Лидия Качаунова, бестужевки Мария Микеладзе, Маро Ломинадзе, Тамара Шарашидзе.

Л. Н. Воронова вспоминала:

«Работа по приобретению и провозу оружия, как и подпольной литературы, требовала огромного напряжения сил, опыта конспирации. Для выполнения этих заданий мы направляли в Финляндию наиболее смелых девушек-большевичек, физически крепких, бдительных. Что только мы не использовали для провоза драгоценных грузов (листовок, револьверов, патронов, бомб): различного вида и формы дамские баулы, саквояжи, чемоданчики, сумки, продуктовые корзинки, бидоны для молока и даже зимние муфты.

Не могу без улыбки вспоминать, как мы с бестужевкой Марией Микеладзе везли из Выборга по железной дороге груз с оружием в двух увесистых баулах. На одной из станционных остановок полицейский офицер потребовал от нас открыть баулы. Мария закричала: «Нахал в полицейской форме, как с дворянками разговариваете!» — и «потеряла сознание». Я не растерялась и начала офицера бить зонтиком, что-то тоже крича. Офицер немедленно ретировался от «оскорбленных дам».

Скажу прямо: помогала нам физическая подготовка (зарядка, бег, прыжки, метание), полученная на Курсах. Как были мы благодарны Петру Францевичу Лесгафту за его физическую систему воспитания...» [1].

На Курсах Лесгафта был организован один из крупных складов оружия, боеприпасов, нелегальной литературы. Именно поэтому Миха Цхакая, члены Кавказского землячества часто появлялись на Курсах, передавая сюда на временное хранение оружие и боеприпасы, а затем отсюда транспортируя их в Закавказье.

Лесгафтички-кавказки помогли Михе Цхакая связаться с редакцией большевистской газеты «Новая жизнь», перевести на грузинский и армянский языки ряд статей В. И. Ленина и организовать их доставку в Закавказье. В конце ноября в 41-м номере журнала «Могзаури» («Путешественник») в Тифлисе была

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

опубликована на грузинском языке первая часть ленинской статьи «О реорганизации партии», перепечатанная из 9-го номера «Новой жизни», а в начале декабря в 7-м номере «Кавказского рабочего листка» излагалось содержание статьи В. И. Ленина «Революционная канцелярщина и революционное дело» и приведена выдержка из нее [1].

В. И. Ленин, большевистский центр рассматривали Кавказское землячество как один из каналов партийно-организационных связей столицы с Закавказьем. Поэтому Владимир Ильич уделял немало внимания деятельности землячества, охотно выступал на собраниях его членов.

Первый раз В. И. Ленин сделал доклад на нелегальном собрании членов Кавказского землячества в ноябре 1905 года. Собрание состоялось в одном из кабинетов Петербургского университета, который предоставил в распоряжение землячества доцент Иван Джавахишвили (впоследствии академик, один из основателей Тбилисского университета и его ректор). Темой доклада были разногласия между большевиками и меньшевиками. В этом докладе вождь партии подверг беспощадной критике оппортунистическую тактику меньшевиков в революции [2]. Вслед за тем в конце ноября — начале декабря В. И. Ленин выступил на собрании лесгафтичек — уроженок Кавказа на Курсах Лесгафта. Участница этого собрания вспоминала:

«Мы сразу увидели и почувствовали его (Ленина) красоту, красоту гения, глаза которого, то гневные, то насмешливые, пронизывали слушателя насквозь» [3].

Еще в ноябре 1905 года В. И. Ленин и Центральный Комитет РСДРП приняли решение об организации в Петербурге легальной большевистской типографии. Официальными владельцами ее числились М. И. Бруснев, сестра Л. Б. Красина (он был непосредственным организатором типографии), С. Б. Красина-Лушникова и О. А. Мухина, заведующим — А. А. Беляков — товарищ В. И. Ленина по марксистскому кружку в Самаре, а старшим бухгалтером —

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 119—122; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 201, 207.

[2] См.: *Эсаиашвили В. Г.* В. И. Ленин и Грузия. Тбилиси, 1970, с. 192.

[3] *Шарашидзе А.* Из воспоминаний.— Литературная Грузия, 1966, № 4, с. 72.

бежавший из ссылки и живший по чужому паспорту И. И. Радченко. Легальная типография товарищества «Дело» разместилась в шестиэтажном здании на Фонтанке, дом 96, в части цокольного этажа и в квартире 54. Эта типография стала центром кипучей и целенаправленной издательской деятельности партии большевиков [1].

В январе 1906 года по указанию В. И. Ленина из Баку в Петербург была переведена подпольная партийная типография «Нина». С частью типографского оборудования и шрифта в столицу переехала группа грузинских большевиков-печатников: Авель Енукидзе, Вано Стуруа, Вано Болквадзе, позднее Георгий Стуруа, Сильвестр Тодрия. Они приняли активное участие в организации типографии «Дело», передали привезенное из Баку оборудование и шрифт и вместе с петербургскими большевиками активно включились в работу по набору и выпуску ленинских брошюр, листовок, журнала «Вестник жизни», большевистских газет «Волна», «Вперед», «Эхо» и «Новая волна». Во главе всего этого огромного дела стоял В. И. Ленин. Только в 56 номерах газет вождь партии опубликовал 60 передовиц, статей, заметок, фельетонов [2].

Вскоре грузинские большевики-печатники установили связь с членами Кавказского землячества, а Курсы Лесгафта стали местом их нелегальных встреч. Многие члены землячества помогали в обслуживании партийной типографии «Дело», редакций газет «Волна», «Вперед», «Эхо». Студенты университета Шалва Элиава и Петре Кавтарадзе работали корректорами в типографии, лесгафтички Анна Чиргадзе-Шарашидзе, Людмила Воронова и бестужевка Мария Микеладзе являлись членами пропагандистской коллегии Петербургского комитета РСДРП.

Из воспоминаний Л. Н. Вороновой:

«...Наше землячество принимало активное участие в обслуживании легальной партийной типографии «Дело». В этой типографии, кроме русских печатников, ра-

---

[1] См.: *Метлицкий Б.* Электропечатня товарищества «Дело».— Нева, 1970, № 3, с. 138—143; *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге — Петрограде, с. 172—173.

[2] См.: *Енукидзе Н.* Большевистские нелегальные типографии. М., 1934, с. 79; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1962, ч. 1, с. 215.

ботали грузинские большевики-типографы. Я была знакома с Авелем Енукидзе (меня с ним познакомил Саша Вермишев), Вано Стуруа, Георгием Стуруа и другими. Мне приходилось иногда бывать в типографии «Дело», где я брала наши большевистские газеты для распространения их на Курсах среди текстильщиц» [1].

В марте 1906 года состоялась встреча В. И. Ленина с членами Кавказского землячества, с питерскими и грузинскими большевиками. На встрече присутствовали Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили, Людмила Воронова, Петре Кавтарадзе, Клавдия Александер, Александр Тер-Мкртчьянц, Мария Микеладзе, Вано и Георгий Стуруа.[2]

Встреча происходила в помещении женской гимназии О. К. Витмер, которая помещалась на углу Английского проспекта и Торговой улицы, в доме 27/27. Ольга Константиновна Витмер была видной общественной деятельницей, долгие годы дружила с Н. К. Крупской. В начале 90-х годов О. К. Витмер познакомилась с В. И. Лениным, поддерживала петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», позже партию большевиков. Ее муж, Борис Александрович Витмер, учитель и переводчик, хорошо знал В. И. Ленина и Н. К. Крупскую, тесно был связан с революционным подпольем, доставал деньги для партии, держал партийные явки. Семья О. К. и Б. А. Витмеров находилась в дружеских отношениях с П. Ф. Лесгафтом, а слушательницы Курсов проходили в гимназии Ольги Константиновны педагогическую практику. Соседство двух учебных заведений создавало благоприятные условия для конспиративной работы В. И. Ленина и его соратников. Неудивительно поэтому, что с ноября 1905 года по июнь 1906 года вождь партии чаще всего появлялся в этом районе. Если он выступал с речью или работал на Курсах Лесгафта, то обычно в тот же день отдыхал и ночевал в квартире О. К. и Б. А. Витмеров, расположенной на третьем этаже гимназии. Эта квартира и классные комнаты на втором, третьем и четвертом этажах гимназии использовались руководителями партии большевиков для проведения партийных конференций и собраний, для ночлега перед поездками за границу или

---

[1] *Воронова Людмила.* На курсах Лесгафта (Странички воспоминаний).— Отчизна, 1977, № 9, с. 5.

[2] См.: там же, с. 5; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

по российским губерниям[1]. Как и Курсы Лесгафта, гимназия и квартира О. К. и Б. А. Витмеров служила партийной явкой, местом встреч, работы и отдыха членов Кавказского землячества.

На упомянутой встрече с членами Кавказского землячества, питерскими и грузинскими большевиками в марте 1906 года В. И. Ленин интересовался организацией переброски транспортов с оружием, боеприпасами, литературой в Закавказье. Он поставил вопрос об ускорении перевода ряда принципиальных статей из большевистских газет «Новая жизнь» и «Волна», брошюр, листовок на грузинский, армянский и азербайджанский языки. Владимир Ильич интересовался деятельностью «красного губернатора» В. А. Старосельского и его соратников в Кутаисе, работой Народной комиссии в Сухуме. Судя по восноминаниям Л. Вороновой, В. И. Ленин проявил желание лично познакомиться с «красным губернатором»[2].

Это знакомство В. И. Ленина с В. А. Старосельским состоялось только через год, в начале апреля 1907 года, в стенах Курсов Лесгафта[3].

Надолго запомнилось на Курсах Лесгафта блестящее выступление В. И. Ленина в двадцатых числах мая 1906 года. На собрании в физической лаборатории присутствовали социал-демократы Коломенского подрайона, металлисты, печатники. На этом собрании Владимир Ильич дал решительную отповедь путаному выступлению меньшевистского лидера Федора Дана.

Л. Н. Воронова вспоминала:

«На трибуну стремительно поднялся наш большевистский Ильич. Мне показалось, что ветер революции пронесся по залу. Ленин говорил об итогах недавно прошедшего IV Объединительного съезда партии, о революционной тактике в условиях отступления революции. Говорил ярко, просто, доходчиво. Стояла мертвая тишина, аудитория ловила каждое слово оратора. Только иногда вспыхивали бурные аплодисменты, когда

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 201—202, 205, 208, 219; *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге — Петрограде, с. 123—124; *Лейберов И. П.* Курсы революции.— Вопросы истории, 1976, № 8, с. 102.

[2] См.: *Воронова Людмила.* На курсах Лесгафта (Странички воспоминаний).— Отчизна. 1977, № 9, с. 5; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

[3] См.: *Прокофьев М. Ф.* Встречи с Ильичем.— За физкультурные кадры, 1978, 17 апреля.

Ленин очень метко и язвительно высмеивал ошибочные положения меньшевистского Ильича. Дело в том, что отчество Дана было «Ильич». Ленин потребовал свободы критики в адрес меньшевистского ЦК, ибо принципиальная критика очищает партию от рутины и ошибок»[1].

Еще раз Людмила Николаевна Воронова видела вождя партии в начале осени 1907 года. Случилось это так. Через грузинских большевиков Авеля Енукидзе и Вано Стуруа, которые с осени 1906 года выпускали в Выборге центральный орган партии — газету «Пролетарий», Шалва Элиава познакомился с В. И. Лениным. По его просьбе Владимир Ильич согласился выступить с докладом о текущем моменте перед студентами-большевиками, рабочими-печатниками, членами Кавказского землячества. Элиава поставил в известность об этом Людмилу Воронову и Арташеса Габриеляна (Каринияна), студента университета, которые в течение двух дней оповестили всех членов землячества.

Встреча состоялась в сентябре 1907 года в Териоках, на даче финского прогрессивного поэта и литератора Мико Уотинена, находившейся на Церковной улице. Добирались до места встречи поездом небольшими группами, по два-три человека. В пути пели под гитару грузинские, армянские и русские народные песни, сбивая с толка полицейских ищеек.

Собралось человек пятнадцать — двадцать молодых партийцев — Шалва Элиава, Арташес Каринян, Людмила Воронова, Александр Вермишев, Даниел Шавердян, Петре Кавтарадзе, Мария Микеладзе, Саркис Лукашин, большевики-печатники — Авель Енукидзе, Вано Стуруа, Ладо Думбадзе и другие. Ленин сделал полуторачасовой доклад, затем задавал кавказцам вопросы, интересовался положением дел на местах, говорил о перспективах революции, о неизбежности грядущей победы над царизмом[2]. Участник этой встречи А. Б. Каринян вспоминал: «Слушая Ленина, мы воочию убедились, что даже в докладе «О текущем моменте» он, выдающийся революционер-трибун, одновременно проявлял себя глубоким ученым. Стройная канва и методология его до-

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 254; *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге — Петрограде, с. 126—127; *Воронова Людмила.* На курсах Лесгафта (Странички воспоминаний).— Отчизна, 1977, № 9, с. 5.

[2] См.: *Лейберов И.* Из когорты мужественных.— Вечерний Ленинград, 1978, 11 мая.

клада были очень поучительными для нас — молодых марксистов»[1].

Таким образом, неоднократные встречи с Владимиром Ильичем Лениным, его выступления сыграли громадную роль в формировании молодых революционеров-большевиков, учившихся на Курсах Лесгафта и входивших в Кавказское землячество.

ПО ЗАДАНИЯМ ПАРТИИ

Еще в начале декабря 1905 года Людмила Воронова по указанию Петербургского и Выборгского районного комитетов партии начала работу в профессиональном союзе текстильщиков. Она была направлена туда с целью усиления большевистского влияния, ибо значительная часть столичных текстильщиков, вчерашних крестьян, находилась в плену эсеровской идеологии.

Организационное оформление профсоюза произошло в начале ноября 1905 года. Правление «Союза волокнистых веществ» помещалось в той же конспиративной квартире, где расположился и штаб Выборгской районной боевой дружины (Оренбургская улица, дом 27). Однако дальнейшая организация союза текстильщиков приостановилась в связи с наступлением реакции после поражения Декабрьского восстания. Выйдя из заключения, Тамара включилась в работу профессионального союза. Правление союза по-прежнему помещалось на Выборгской стороне (Саратовская улица, дом 32). Была избрана редакция профсоюзной газеты (журнала) «Ткач». В нее вошлц: внефракционный социал-демократ Яков Пилецкий (редактор), эсер Владимир Ландзберг и большевичка Людмила Воронова. 14 апреля 1906 года увидел свет пробный номер «Ткача», а с 11 июня он начал выходить раз в две недели. В первом же номере «Ткача» Л. Н. Воронова поместила свою статью-обращение «К читателям»:

«Товарищи! Мы хотим, чтобы «Ткач» был газетой, защищающей интересы рабочего класса. Мы хотим, чтобы «Ткач» стал своею газетой не только для членов союза, но чтобы его своею рабочей газетой считала вся масса рабочих волокнистого производства. Мы хотим этого. Но одного желания мало. Надо, чтобы «Ткач» действительно стал защитником интересов всей массы, отвечал на все ее нужды, запросы... Ни одна газета не

---

[1] *Кариняп А. Б.* Слушая речь Ленина...— Воспоминания коммунистов Закавказья о В. И. Ленине. Ереван, 1970, с. 132; *Эсаиашвили В. Г.* В. И. Ленин и Грузия, с. 232.

сможет выражать все нужды и защищать полностью интересы рабочих до тех пор, пока в ней не будут участвовать сами рабочие. Ближе всего к рабочей массе тот, кто стоит рядом у того же станка, кто на собственной спине испытал угнетение, произвол и насилие мастеров и администрации. Он сам лучше чувствует и понимает горе и радость массы, с которой вспоен и вскормлен одним и тем же бесправием и нуждою. Пишите же все, кому дорого объединение рабочего класса и дороги его интересы».

Тамара еще не раз будет выступать на страницах «Ткача». Этот же первый, пожелтевший от времени номер «Ткача» хранится в «Ясочке».

Тогда же Людмила приняла участие в окончательной отработке проекта устава профессионального союза текстильщиков.

Союз текстильщиков был одним из боевых профсоюзов петербургских рабочих. Весной 1907 года его численность достигала 5 тысяч человек. Его районные отделения имелись на Выборгской стороне, за Нарвской и Невской заставами, на Васильевском острове, союз был связан с десятками текстильных предприятий. Союз текстильщиков имел свою небольшую библиотеку, клуб, самодеятельный театр, размещавшийся на Шлиссельбургском проспекте в деревянном помещении театра «Вена». Профсоюз успешно руководил экономическими и политическими выступлениями текстильщиков. В этом была немалая заслуга Вороновой и ее подруг — К. А. Александер, В. В. Заорской и А. И. Мейбаум. Лесгафтички выполняли самые разнообразные задания партии. В конце апреля 1906 года среди петербургских студентов ходила по рукам небольшая по объему брошюра В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Она была посвящена обоснованию большевистского аграрного проекта, внесенного на IV Объединительный съезд РСДРП. Ленинский труд выпустило партийное книгоиздательство «Наша мысль», помещавшееся на Литейном проспекте в доме 60. Сюда в один из апрельских дней приезжала Л. Н. Воронова, чтобы взять пачку ленинских брошюр для распространения на Курсах Лесгафта. Несколько брошюр были направлены в Тифлис, одна из них переслана в «Ясочку» [1].

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

Группа лесгафтичек-большевичек работала по личным заданиям В. И. Ленина, его соратников Л. Б. Красина, В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского, Е. Д. Стасовой. Лесгафтичка Екатерина Крич стала личным секретарем большевистского публициста А. В. Луначарского, под его диктовку писала десятки статей для партийных газет. По предложению Луначарского в мае — июне 1906 года Е. Г. Крич стала хозяйкой конспиративной квартиры в центре города — в Свечном переулке, дом 6. Почти каждый день появлялся здесь В. И. Ленин. В специально отведенной для него комнате он усиленно работал, писал статьи, редактировал большевистские газеты, отдыхал[1].

Лесгафтичка В. И. Четверикова входила в состав боевой технической группы ЦК РСДРП. В 1906 году она и ее муж Н. К. Четвериков, студент-технолог, по заданию партии держали конспиративную дачу в Териоках, на Варваринской улице. Дача являлась перевалочным пунктом для приемки оружия и боеприпасов, поступавших из Швеции и Финляндии[2]. Этой дачей активно пользовались члены Кавказского землячества.

Курсистка Ф. П. Кассесинова также являлась хозяйкой конспиративной квартиры ЦК РСДРП в Териоках, в Андреевском переулке. Здесь под руководством В. И. Ленина было проведено несколько партийных совещаний и заседаний ПК[3].

Слушательницы Курсов Лесгафта большевички Е. Г. Крич, Л. Н. Воронова, С. М. Познер, Л. А. Качаунова неоднократно организовывали нелегальные выступления В. И. Ленина перед большевиками, рабочими, студентами и курсистками Коломенского подрайона Московско-Заставского и Нарвско-Петергофского районов в 1906—1907 годах.

В июле — октябре 1906 года по заданию большевистского центра Людмила Воронова совершила две ответственные поездки по маршрутам: Петербург — Выборг — Гельсингфорс — Петербург — Екатеринослав — Севастополь — Евпатория и Евпатория — Новороссийск — Сухум — «Ясочка» — Тифлис — Батум — Кутаис — Екатеринодар. Об этих поездках партийного

[1] См.: *Крич Е.* Хозяйка явочной квартиры.— Нева, 1957, № 5, с. 121—124.

[2] См.: *Шувалов Ф. П.* Особое поручение партии.— За физкультурные кадры, 1970, 6 марта.

[3] См.: *Усыскин Г. С.* Здесь жил Ильич. Л., 1972, с. 52—53.

разъездного агента мы узнаем по отрывкам из дневника, переписки с матерью, братом, сестрами. В письмах содержатся только намеки на эти поездки.

Из переписки Л. Н. Вороновой с матерью.

11 июля 1906 года: «...попала в Выборг вместе с распущенной Думой, провела там несколько дней и в восторге от Финляндии».

Дело в том, что Тамара вместе с бестужевками и членами Кавказского землячества перебрасывала подпольную литературу, ручные бомбы и боеприпасы из столицы в Свеаборг и Выборг, а оттуда в Кронштадт, готовившийся к восстанию. Правда, непосредственно в Кронштадт Тамара не ездила, партийный центр неожиданно послал ее в Крым для налаживания связей с революционными черноморскими моряками.

22 июля: «Неожиданно для себя очутилась в Севастополе, по нек[оторым] обстоят[ельствам] оставаться в Питере мне стало неудобным... Заеду к товарищам в Евпаторию...»

13 октября: «До Екатеринодара доехала благополучно... Нигде не обыскивали».

Людмила снова везет транспорты с литературой, с партийными документами. Ведет переговоры с местными партийными организациями о подготовке всеобщей политической стачки.

Подведем некоторые итоги партийных поездок Л. Н. Вороновой за 1903—1907 годы[1]. Из 60 месяцев этого пятилетия 18 месяцев революционной жизни большевички Л. Н. Вороновой занимают различные поездки с целью переброски транспортов нелегальной литературы и выполнения ответственных заданий по установлению связей партийного центра с периферией. Партийные задания она получала от семи организаций: Центрального и Петербургского комитетов РСДРП, Южного бюро ЦК, Тифлисского, Екатеринославского, Имеретино-Мингрельского комитетов РСДРП, Кавказского землячества. Кроме того, как мы уже знаем, Людмила выполняла серьезные поручения местных организаций, налаживая агитационную работу среди рабочих, солдат, крестьян. Во время партийных командировок Вороновой довелось познакомиться с замечательными большевиками-ленинцами: Степаном Шаумяном, Михой

[1] Данные о поездках получены на основе анализа переписки Л. Н. Вороновой с родными за 1903—1907 годы, дневниковых записей, воспоминаний (записи 50—60-х годов).

Цхакая, Григорием Петровским, Иосифом Джугашвили, Алешей Джапаридзе, Вано и Георгием Стуруа, Серафимой Гопнер, Владимиром Старосельским, Шалвой Элиава, Иваном Радченко, Мамией Орахелашвили, Серго Кавтарадзе, Арташесом Кариняном, Марией Микеладзе-Орахелашвили, Леваном Готошия, Серго Орджоникидзе и другими. С некоторыми из них она непосредственно сотрудничала. Нам удалось расшифровать около 20 фамилий работников большевистского подполья, с которыми была связана Тамара. Фамилии многих нелегальных работников еще неизвестны, ибо в вороновской переписке они указаны только под партийными кличками.

Всего в течение пяти лет (точнее, 18 месяцев из них) Л. Н. Воронова посетила 48 российских городов. Причем 35 из них — это города юга России, Закавказья, Северного Кавказа, Крыма, юга Украины и Поволжья. Все это позволяет сделать вывод о том, что большевистский центр специализировал своих разъездных агентов для работы именно в тех территориально-географических регионах, где условия партийной работы, состояние промышленности, состав рабочих кадров и местного населения были хорошо известны данным агентам.

Действительно, Людмила Воронова родилась и выросла в Закавказье, прекрасно знала такие города, как Тифлис, Кутаис, Батум, Сухум, Баку, Екатеринодар, их топографию, экономику, состав населения, неплохо владела грузинским и армянским языками. Это и предопределило ее работу как большевистского разъездного агента в данном регионе России. Успех сопутствовал работе Тамары. Иной раз просто диву даешься, как этой маленькой энергичной девушке-революционерке удавалось преодолевать огромные трудности в условиях подполья и слежки.

Большевичка Людмила Воронова продолжала дело своего отца, революционера-шестидесятника Н. И. Воронова: в числе многих других революционеров она сумела наладить революционные связи между Петербургом и Закавказьем, организовать массовую транспортировку нелегальной литературы в закавказские центры. То, что не смогли сделать ни революционные демократы, ни народники, было сделано пролетарскими революционерами. Эта геройская акция оказалась под силу лишь массовой пролетарской партии — ленинской партии большевиков. Благодаря мужественной и упорной

работе десятков и сотен своих членов партия смогла наладить систематические связи между Петербургом и Закавказьем, другими районами и окраинами России.

«КРАСНЫЙ ГУБЕРНАТОР» СТАНОВИТСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ

В начале февраля 1906 года в Петербург приехал В. А. Старосельский. Ему удалось вырваться из-под домашнего ареста в Тифлисе, где его жизнь находилась под угрозой расправы со стороны контрреволюционного офицерства. Члены Кавказского землячества, в особенности Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили, Людмила Воронова, Мария Микеладзе, Петре Кавтарадзе, окружили Старосельского вниманием и заботой.

Это был период, когда в стране шла подготовка к выборам в I Государственную думу. Владимир Александрович Старосельский, до поры до времени не вступая в открытые контакты с руководством большевистской партии, решил использовать сложившуюся ситуацию для широкого разоблачения насильственной политики царского правительства на Кавказе. Он считал необходимым ознакомить российскую революционную и демократическую общественность с событиями, происходившими в Западной Грузии (Гурия, Имеретия, Мегрелия) в 1905 году. Старосельский встречался с либерально-буржуазными и демократическими деятелями, дал ряд развернутых интервью для петербургской и периферийной прессы. В середине февраля 1906 года он дал интервью корреспонденту буржуазных «Биржевых ведомостей». Владимир Александрович рассказывал:

«...Закабаленных крестьян в Кутаисской губернии находится почти 24 тысячи дымов (имеется в виду налоговое обложение с «дыма» — печной трубы или с крестьянского двора.— *И. Л.*), т. е. 120 000 человек. Нужда на месте вызвала развитие отхожих промыслов, и благодаря этому местное население быстро ознакомилось с рабочим движением в городе. Конечно, крупное влияние на развитие гурийского движения имела и политика бывшего наместника князя Голицына, всеми мерами старавшегося искоренить национальное самоопределение кавказских народностей. Поход на школы и церковь послужил толчком к тому, чтобы чисто аграрное движение перешло в политическое. Грузины — народ очень культурный и с весьма развитым правосознанием. Народная борьба у них вполне сознательна... Грузины и не думают отделяться от России, и все басни

о стремлении создать грузинское царство или грузинскую республику представляют собою злонамеренную ложь».

Старосельский специально остановился на своей политике в Гурии и современном положении в ней:

«Что касается меня, то я, конечно, отдавал свои распоряжения в пределах разума и возможности. Быть может, было бы проще всего отдать приказание подавить революцию, но, по-моему, ни пуля, ни штык не сделают ничего до тех пор, пока постоянные нужды народа не будут удовлетворены. И если бы для успокоения страны производились бы не массовые аресты и высылки, а необходимые улучшения (положения народа), то, я уверен, все давно бы уже кончилось... В настоящее время восстание окрепло, выросло, а главное, население окончательно потеряло всякое уважение и доверие к власти...

Движение в Грузии будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать общерусское движение. С ним вместе оно началось, с ним оно и прекратится» [1].

5 марта 1906 года бывший «красный губернатор» выступил с яркой речью о революционных событиях в Грузии в социально-политическом клубе. Вот только небольшой отрывок из этой речи:

«Начало свое революционное брожение получило в Западной Грузии на почве острого малоземелья. Крестьяне с 3-х десятин собственной или государственной земли платят 20—21 рубль, но временнообязанные (таковые еще оставались с 1861 года.— *И. Л.*) платят около 70-ти рублей (палога.— *И. Л.*) и, сверх того, подвергаются разным стеснениям, например не могут снять с поля урожай, пока не явится помещик или его доверенный и не позволит... В России остается с аренды хотя солома, а у грузин сплошь и рядом ничего... Агитация их (социал-демократов.— *И. Л.*) привела в 1905 году к открытому восстанию... Революция охватила Гурию, Мегрелию и Имеретию, перейдя оттуда и в восточную Грузию» [2].

Своими пламенными выступлениями и интервью В. А. Старосельский сумел приковать внимание петербургской и российской общественности к мужественной

---

[1] Цит. по: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 132—134, документ 64.

[2] Там же, с. 142—143, документ 73.

борьбе трудового народа Грузии против царской кабалы и вызвал ненависть реакционных слоев общества, представителей царских властей. Царская охранка и черносотенцы буквально охотились за ним. Ему приходилось часто менять гостиницы и квартиры. Члены Кавказского землячества осуществляли его личную охрану. Они сопровождали его в поездках по городу, к видным общественным деятелям, бывали с ним в редакциях газет, дежурили на собраниях, митингах и на явках в Петербургском университете, на Курсах Лесгафта, в Политехническом институте, на Бестужевских и Сельскохозяйственных курсах, где выступал Старосельский. По воспоминаниям Л. Н. Вороновой, он встречался в Петербурге с А. М. Горьким, А. В. Луначарским, П. Ф. Лесгафтом, Л. Б. Красиным, А. С. Енукидзе, Вано Стуруа, Н. Я. Николадзе, другими общественными и революционными деятелями [1].

В. А. Старосельский написал ряд статей для журнала «Былое» о революционных событиях в Кутаисской губернии в 1902—1905 годах. Одновременно он работал над рукописью книги «Кавказская драма». Эта книга вышла в свет осенью 1906 года, уже после отъезда Старосельского из Петербурга, в издательстве «Амиран» (набережная реки Мойки, 28), принадлежавшем известному грузинскому издателю, социал-демократу, близко стоявшему к большевикам, Александру Арабидзе [2]. Любопытно, что в финансировании издания принял участие известный грузинский общественный деятель Нико Николадзе; Владимир Александрович получил деньги от его дочери, Русудан Николаевны, в то время учившейся в Петербурге и принимавшей участие в революции 1906—1907 годов [3].

Статьи и книга В. А. Старосельского написаны пером пламенного публициста, заклеймившего кровавые действия самодержавия в Грузии и на Кавказе. В начале апреля 1906 года в тифлисской газете «Воля» было опубликовано обращение Старосельского к «Русским гражданам». Он писал горячо и страстно:

«Вы слышите, русские граждане, вопли жертв, вопли их мужей, отцов, братьев! Вы знаете, за что постигла

---

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76 — воспоминания Л. Н. Вороновой (ч. 2), л. 7—8.

[2] См.: *Горгидзе Михэил*. Грузины в Петербурге. Страницы летописи культурных связей. Тбилиси, 1976, с. 302.

[3] Из беседы автора с Р. Н. Николадзе в декабре 1972 года.

несчастных дикая кара? За то, что грузины сознательно и неуклонно, не щадя себя, шли по пути к осуществлению свободы, за то, что чуждые сепаратизма, они требовали свободы для всей России (разрядка наша.— *И. Л.*). Откликнитесь, русские граждане! Ваши братья-грузины ждут по праву вашего сочувствия... Молчание ужаснее всего!.. Зачем же варварская расправа? Заклеймите виновных...» [1]

Революционер-патриот и интернационалист не побоялся открыто поставить свою подпись под этим документом.

Знаменательный факт: жена В. А. Старосельского, Надежда Константиновна Захарова-Старосельская, оказалась достойной своего мужа. Она не только полностью одобряла его деятельность на посту «красного губернатора» Кутаиса, но и сама стремилась оказать ему посильную помощь в революционных делах. Через несколько дней в той же газете «Воля» появилось обращение к «Русским женщинам». По всей видимости, автором этого документа была Н. К. Старосельская. В семье Старосельских сохранилась машинописная копия данного обращения. Приведем отрывок из него:

«Ежедневные известия, которые приходится читать на столбцах газет о новых поджогах, разгромах, насилиях грозных войск, кочующих из селения в селение Грузии, совершенно потерявших стыд и вконец деморализованных, не могут быть более терпимы. Нас призывают в защиту наших сестер, нам говорят: «Неужели вы, русские женщины, останетесь безучастны! Неужели вы не выступите в защиту сестер, неужели равнодушно будете читать бесконечные истории насилий над малолетними! Отзовитесь, возвысьте свободный и смелый голос, пусть ваш протест разнесется громовым раскатом по долинам и ущельям Грузии... Женщины! Кто бы вы ни были — русские, грузинки, армянки, мусульманки — к вам обращаю я свой крик. Мы все должны объединиться. Мы должны требовать прекращения насилий! Мы должны требовать (революционного) суда над виновниками, глумящимися над честью невинных женщин... Я верю в то, что есть правда на земле и что она должна восторжествовать!» [2]

---

[1] Воля, 1906, 2 апреля.
[2] Воля, 1906, 6 апреля; личный архив Е. Ю. Демуровой-Старосельской.

Эти обращения к русским людям Владимира и Надежды Старосельских доходили до ума и сердца трудящихся Грузии, звали их к продолжению борьбы против монархии и военно-полицейских насилий.

Пробыв в Петербурге больше двух месяцев, В. А. Старосельский полулегально выехал в Анапу, куда перебралась его семья. В самом конце 1906 года он с семьей поселился в Екатеринодаре, где чувствовал себя безопаснее. Старосельские жили в доме 9 по Гривенской улице[1]. Жили более чем скромно: Владимир Александрович давал частные уроки, Надежда Константиновна вела хозяйство, давала уроки музыки.

Однако Старосельский не оставил революционной деятельности, он по-прежнему отдавал весь свой ум и талант, все силы делу служения революции. По свидетельству старых большевиков И. В. Резникова (последний работал вместе со Старосельским в Кутаисе, чудом избежал расстрела на станции Риони) и Д. В. Полуяна, весной 1907 года В. А. Старосельский вступил в ряды Екатеринодарской организации большевиков[2]. К этому решающему шагу — вступлению в ленинскую партию — он был подготовлен всей своей предшествующей жизнью, размышлениями над судьбами кавказских народов и российской революции, деятельностью на посту «красного губернатора». Владимира Александровича избрали в состав Кубанского (Екатеринодарского) комитета РСДРП. Летом того же года он стал секретарем Кубанского областного комитета партии, а в начале 1908 года — председателем Северо-Кавказского союзного комитета РСДРП; одновременно он являлся членом Центрального бюро профессиональных союзов Северного Кавказа[3]. Эти ответственные посты партия доверила испытанному бойцу, ученому и революционеру.

В конце марта — начале апреля 1907 года В. А. Старосельский вновь приехал в Петербург в связи с подготовкой к V съезду РСДРП. Город выглядел совсем не так, как год назад. Всюду виднелись военно-полицейские патрули, казачьи разъезды. Люди боязливо жались

---

[1] См.: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 155, документ 80; ККГА, ф. 583, оп. 1, 1908 г., д. 759, л. 418—419.

[2] См.: Новые документы о В. А. Старосельском.— Новый мир, 1967, № 4, с. 246—247.

[3] ККГА, ф. 584, оп. 1, 1909 г., д. 287, л. 96 об.; ф. 583, оп. 1, 1908 г., д. 759, л. 418.

к стенам домов, при виде вооруженных всадников скрывались в подворотнях и проходных дворах, и вообще спешили побыстрее проскочить мимо патрулей, которые могли в любой момент открыть огонь по беззащитной толпе. Монархически-черносотенная и буржуазная реакция перешла в контрнаступление, и революция медленно, с тяжелыми оборонительными боями отступала. Владимир Александрович направился на одну из явочных квартир на Выборгскую сторону, адрес которой год назад ему дали А. Енукидзе и Ш. Элиава. Через день-два он перешел на квартиру к Людмиле Вороповой, которая проживала тогда в доме 8 по Новой улице, в Лесном [1]. Здесь, в рабочем пригороде, хозяевами положения еще оставались выборгские пролетарии.

Через несколько дней Владимир Александрович с помощью большевиков-кавказцев установил связь с большевистским центром. Как представитель Екатеринодарской организации РСДРП, он принял участие в ряде партийных совещаний и встреч в Петербурге, в Куоккала (ныне Репино), в Териоках (ныне Зеленогорск). Очевидно, партийный центр рассчитывал найти в нем единомышленника, в отличие от трех делегатов-меньшевиков, избранных на V съезд от Северо-Кавказского союза РСДРП [2].

В первых числах апреля 1907 года в Петербург приехали представители большевиков Закавказья Миха Цхакая и Степан Шаумян, позднее — Иосиф Джугашвили-Сталин, избранные делегатами на съезд.

Тогда-то по инициативе Цхакая и состоялось знакомство В. И. Ленина со Старосельским. Встреча происходила в одной из лабораторных комнат Курсов Лесгафта. Владимира Александровича провожали Людмила Воронова и Клавдия Александер. Появились Цхакая и Шаумян. Вскоре сюда же пришел Ленин в сопровождении рабочего-боевика, слушателя Коломенских курсов [3]. Надо заметить, что с лета — осени 1906 года Владимир Ильич все реже и реже приезжал из Куоккала в Петербург из-за беспрерывной полицейской слежки. Этот

---

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76, ч. 2, л. 7—8 — воспоминания Л. Н. Вороновой.

[2] Там же, л. 7—8; Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963, с. 625.

[3] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76, ч. 2, л. 7—8; *Воронова Людмила.* На Курсах Лесгафта (Странички воспоминаний).— Отчизна, 1977, № 9, с. 5.

приезд объяснялся чрезвычайным событием — подготовкой к V съезду партии.

Об этой встрече свидетельствует Л. Н. Воронова: «В комнату химической лаборатории пришли раньше Цхакая, Шаумян и Старосельский. «Красный губернатор» заметно волновался и был явно не «в своей тарелке»... Миха заранее попросил меня присутствовать в помещении как «лаборантку кафедры химии» на случай возможного вторжения посторонних. За дверями осталась Клавдия Александер, которая следила за всеми проходящими по коридору...

В лабораторию быстро вошел Владимир Ильич. Внимательно... осмотрел высокую фигуру Старосельского и с теплотой в голосе произнес: «Так это значит вы, «товарищ губернатор», попытались революционными методами реформировать Грузию? Большая, добрая молва идет о вас».

Последовало крепкое рукопожатие, и сразу перешли к беседе» [1].

Ленин попросил Старосельского рассказать о революционных преобразованиях в Кутаисе и Кутаисской губернии в 1905 году, о гурийском восстании. Рассказ длился часа полтора. Ленин, Цхакая, Шаумян слушали очень внимательно, изредка задавали вопросы. Вождя партии интересовало, как удалось объединить в едином революционном усилии против царизма различные народности. Он глубоко вникал в социально-экономическую, политическую и военно-техническую деятельность «красного губернатора» и его соратников, гурийских и абхазских повстанцев. О положении дел в Закавказье, Грузии, и в частности в Абхазии, кратко сообщил Цхакая. Шаумян рассказал о борьбе большевиков за рабочие, крестьянские массы, о борьбе против грузинских меньшевиков, азербайджанских и армянских националистов.

В конце беседы Владимир Ильич Ленин дал высокую оценку попыток революционных преобразований в Закавказье, Грузии, Абхазии, подчеркнул всю важность дела пролетарского интернационализма [2].

Это была не последняя встреча В. А. Старосельского с вождем партии. Через несколько дней он в составе

---

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76, ч. 2, л. 8—9 — воспоминания Л. Н. Вороновой.

[2] Там же.

группы кавказских большевиков ездил на партийное совещание к В. И. Ленину на дачу «Ваза» в Куоккала — своеобразный штаб партии большевиков и революции. Там предстояло обсудить и выработать большевистскую линию по отношению к предательству кавказских меньшевиков — делегатов съезда, пытавшихся опротестовать кандидатуры некоторых большевиков — делегатов от Закавказья на съезд, и в частности кандидатуру стойкого ленинца Шаумяна. Впоследствии итоги этого совещания сыграли положительную роль на партийном совещании делегатов в Копенгагене и на самом съезде в Лондоне [1].

Почти весь май 1907 года В. А. Старосельский провел в Лондоне. Он присутствовал на V съезде РСДРП как гость или как особо законспирированный делегат под фамилией Старова. Здесь он снова встречался и беседовал с Лениным, Цхакая, Шаумяном, А. М. Горьким [2].

По возвращении в Екатеринодар Старосельский учительствовал и работал в городской организации большевиков, в профессиональных союзах. В конце октября он был избран делегатом от Северо-Кавказской организации РСДРП на IVконференцию РСДРП (III Общероссийская). Владимир Александрович выехал нелегально в Петербург, а оттуда в Гельсингфорс, где состоялась конференция под руководством В. И. Ленина [3]. Бывший кутаисский губернатор стал большевиком-ленинцем, революционером-профессионалом.

Между тем царские власти продолжали преследовать Старосельского, намереваясь расправиться с ним. Владимиру Александровичу удалось избежать ареста. 28 февраля 1908 года он срочно выехал в Москву, затем в Петербург и Гельсингфорс, а оттуда, загримированный и с подложным паспортом, во Францию (а семья его осталась в Екатеринодаре).

---

[1] ЛПА, ф. 4000, оп. 18, д. 76, ч. 2, л. 8—9; *Акопян Г. С.* Степан Шаумян, с. 63—64.

[2] См.: *Накоряков Н. Н.* Из воспоминаний о В. А. Старосельском.— Новый мир, 1966, № 2, с. 227; из воспоминаний Т. В. Старосельской-Усатовой. Запись беседы сделана автором в августе 1977 года в Краснодаре.

[3] См.: *Маглакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы, с. 214, документ 151; с. 217—218, документ 155; *Лебанидзе Г.* Красный губернатор.— Правда, 1970, 5 августа.

Восемь лет прожил В. А. Старосельский в эмиграции в Париже. Он весь отдался партийной и литературной работе во французской секции российских большевиков. Неоднократно виделся и беседовал с В. И. Лениным, дружил с А. В. Луначарским и М. Н. Лядовым, сотрудничал с И. Ф. Дубровинским, В. А. Карпинским, М. Н. Покровским, Н. А. Семашко и другими, выступал с рефератами и докладами перед эмигрантами-большевиками, французскими социалистами и парижскими пролетариями о революционных событиях 1905—1907 годов в России, писал историю Грузии с позиций марксизма [1].

В конце августа 1916 года он умер и был похоронен у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Старосельского хоронила вся российская революционная колония Парижа, французские социалисты и рабочие. Социалистическая и прогрессивная печать России, Франции, Англии, США поместила прочувствованные статьи-некрологи о жизненном пути этого замечательного человека. Передовая грузинская пресса писала в те дни: «Глубоко горюет и скорбит грузинский народ по поводу потери своего преданнейшего, сердечного и душевного друга, пожертвовавшего собой во имя святого народного дела». «Он достоин, чтобы память о нем жила в веках» [2]. Только полгода не дожил В. А. Старосельский до свержения царизма и несколько более года до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Известны слова А. В. Луначарского, сказанные им через 10 лет после смерти «красного губернатора»: «Ведь совсем немного не дожил Владимир Александрович до революции (1917 г.). Быть бы ему наркомом земледелия» [3].

«ПРОЦЕСС 44-х»

...Весной 1906 года Людмила Воронова рассталась с Курсами Лесгафта. Это было важное пятилетие в ее жизни: она стала большевиком, прошла полный курс революционной борьбы на «Курсах революции». Жаль

---

[1] См.: *Брайнин И., Лимонов Ф.* Товарищ губернатор.— Новый мир, 1966, № 2, с. 236; 1967, № 4, с. 249. Неопубликованная рукопись В. А. Старосельского хранится в семье его племянницы Е. Ю. Демуровой в Москве.

[2] См.: *Лебанидзе Г.* Красный губернатор.— Правда, 1970, 5 августа.

[3] См.: *Брайнин И., Лимонов Ф.* Товарищ губернатор.— Новый мир, 1966, № 2, с. 236.

было расставаться с добрейшим и мятежным Петром Францевичем Лесгафтом, своими верными подругами.

В начале июня 1906 года Воронова подала заявление на имя ректора Политехнического института князя А. Г. Гагарина с просьбой о зачислении на экономическое отделение, ибо Курсы Лесгафта не давали законченного высшего образования. Сначала ей отказали в приеме как недавней политической заключенной. Тогда, используя дружеские связи профессора истории А. С. Трачевского, Людмила обратилась с этой же просьбой к министру торговли и промышленности, которому подчинялся институт. Последовало «высокое» разрешение, и с 15 сентября того же года Воронова была зачислена в качестве «стороннего слушателя» па экономическое отделение. К занятиям она приступила в конце октября после возвращения из длительной поездки по городам Закавказья.

Когда Воронова вернулась в Петербург, вся прогрессивная общественность города жила тревожным ожиданием судебного «процесса 44-х» — по делу о боевых дружинах Выборгского, Петербургского, Невского и Городского районов. И было от чего тревожиться: по всей стране военные трибуналы без суда и следствия выносили революционерам, и особенно пролетариям-боевикам, десятки и сотни смертных приговоров. В Петербурге к суду было привлечено 44 боевика, и среди них большевики — руководители районных дружин: студент-горняк Г. И. Бокий, студент университета Н. В. Дорошенко, медичка Э. В. Завадская, рабочие Т. Р. Мясоедов, П. М. Цабо и другие.

Подсудимые держались мужественно. Многие из них не признали себя виновными и отказались давать показания.

Судебный процесс проходил под усиленной охраной нарядов полиции. Публику пропускали на заседания суда только по пригласительным билетам. Несколько раз на заседаниях удалось побывать Л. Н. Вороновой, К. А. Александер, В. В. Заорской, А. И. Мейбаум, Л. А. Качауновой, А. Е. Шарашидзе.

Когда Людмила появлялась в зале, она видела бледные лица, горящие глаза революционеров, сидевших на скамьях подсудимых. Она искала среди них Тараса Мясоедова и, когда встречала его взгляд, успокаивалась. Присутствовавшая в судебном зале публика большей частью была на стороне подсудимых. Она шумно апло-

дировала, когда революционеров вводили или уводили из зала заседания, когда подсудимые отказывались отвечать или говорили открыто о своей ненависти к монархии. Огромное впечатление на публику произвели речи подсудимых, в которых они разоблачали издевательства царских палачей над революционерами.

В обстановке продолжавшейся революции и предвыборной кампании во II Думу царский суд не посмел вынести смертный приговор петербургским дружинникам. В числе других красный сотник Выборгской боевой дружины Т. Р. Мясоедов был приговорен к семи годам сибирской каторги. Тамара видела своего друга и ученика во время объявления приговора. Последнее рукопожатие, последний взгляд...

Людмила Воронова традиционно ведет дневник. Первая запись 5 мая 1906 года, последняя — 1 марта 1908 года. Записи редкие, очень редкие. Всего 17 страничек в тоненькой тетради. Дневник большевички. Вот некоторые записи из него.

24 июля 1906 года, Евпатория:

«Жизнь далеко ушла вперед, и я ушла в жизни... А хочется видеть хороших людей. Хочется строить жизнь, жизнь прекрасную, широкую, красивую, жизнь человека, а не прозябающего обывателя».

5 февраля 1907 года:

«Удивительно резкое чувство одиночества. Давно такого не было. Я помню, когда раньше на меня надвигалась эта тяжесть, я знала, куда идти. Я шла к массам. И я забывала там и тоску, и горечь, и тяжесть. Я возвращалась оттуда усталая до изнеможения, голодная, поздно ночью, но в душе у меня играла музыка. Я знала, чем надо жить и зачем я живу».

Эти слова написаны под впечатлением закончившегося судебного «процесса 44-х».

Однако, несмотря на все трудности и жизненные испытания, выпавшие на ее долю, большевичка Людмила Воронова не пала духом. Она верна своим идеалам и по-прежнему готова идти за них на бой. Об этом говорят строки из письма Людмилы матери, Александре Константиновне, в марте 1907 года:

«...А ведь я решила не ехать домой этим летом... Еду я на лето не отдыхать, а работать. Куда — до сих пор еще не определено... Не надо беспокоиться за того человека, который знает определенно, что он делает и что он хочет сделать, и который чувствует поэтому себя

счастливым. Понимаешь ты, счастливым от полноты ощущения работы, борьбы, жизни. С каждым годом нас, сознавших, в чем счастье жизни, становится больше и больше, и мы убеждены, что человечество идет вперед... Это не утопия. Я ясно и определенно осознаю, что хочу именно такой жизни. Лучше гореть недолго, но ярко, чем тлеть, покрываясь пеплом. Мимо меня прошло столько лиц, которые сгорели в продолжение нескольких лет, но они были счастливы, так как сознавали, что, умирая, остаются бессмертными...»

Такова была жизненная установка Тамары.

Подобные же мысли и чувства и в дневниковой записи Л. Н. Вороновой от 11 августа 1907 года:

«Жизнь, жизнь!.. До сих пор я знаю только одно. Одно врезалось в меня с самой ранней юности: борьба, борьба. Лишь тот достоин жизни и свободы, кто ежедневно с бою их берет. Но в борьбе надо оружие. Надо, чтобы оно не тупилось, надо, чтобы не дрожала рука, надо, чтобы она (рука) наносила удары врагу решительно, прямо и твердо» [1].

...Судьба была благосклонна к Людмиле Вороновой и Тарасу Мясоедову. В один из дождливых дней осени 1907 года Тарас Мясоедов совершил дерзкий побег с каторги. На плоту, по стремительной Ангаре. Больше месяца он добирался до Петербурга. И однажды вечером, заросший, грязный, голодный, измученный, он ввалился к Людмиле Вороновой на квартиру.

— Тамарочка, здравствуй! Вот и я!.. Спрячь меня и достань паспорт... Чтобы не засекла жандармерия... Я — беглый каторжник...

И упал на пол во весь свой высокий рост. Спал Тарас двое суток. За это время Людмила и ее друзья сумели достать для него деньги, новые вещи и надежный паспорт на имя Василия Ивановича Ерофеева. По предложению Людмилы бывший сотник Выборгской боевой дружины Тарас Мясоедов, а ныне «мещанин Василий Иванович Ерофеев» срочно выехал в «Ясочку». Предварительно сбрил усы, бороду, наголо обрил голову. И... стал в имении Вороновых — «Ясочке» — управляющим. Это «добровольное изгнание» длилось ровно 10 лет.

Весной 1908 года Людмила Воронова и Тарас Мясоедов стали мужем и женой. Их жизни переплелись с

---

[1] ЛАВ. Дневник Л. Н. Вороновой. 5 мая 1906 — 1 марта 1908 года, рукопись, с. 3, 5, 7, 8, 10.

судьбами русской революции, с историей нашей героической партии. Сохранились их письма. Они прекрасны в своей чистоте, честности и принципиальности.

Ноябрь 1907 года Л. Н. Воронова — В. И. Ерофееву (Т. Р. Мясоедову) в «Ясочку»:

«Да, плохо дело, мой друг. Изменились времена. Наша интеллигенция правеет час от часу. Иногда просто хочется плюнуть в лицо прежним товарищам... Ну, а вы что там (в «Ясочке») поделываете? Чем занимаетесь? Успешно ли? Занимайтесь, занимайтесь, товарищ. Куйте оружие. Жизнь и революция страшно много поставили нам вопросов. Надо все разрешить. Чтобы потом идти прямо вперед, до конца. Чтобы в ваших рабочих руках никогда не дрогнуло знамя, как задрожало оно теперь у многих наших бывших товарищей. Перед вами лежит теперь большая задача. Но я думаю, вы справитесь с нею. Но главное, захотеть сильно. Желание двигает горы. А у вас это желание есть. И если вы станете таким пролетарием, какие нужны жизни, чтобы победить врага, я буду счастлива».

В условиях наступившей реакции они не дрогнули, не поддались отчаянию, не отреклись от идеалов партии, пролетариата, революции.

«ЯСОЧКА» ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

...Плотный, коренастый мужчина, одетый в скромный летний костюм заграничного покроя. Напряженное, нервное смуглое лицо с черной бородкой и усами. Неподвижный взгляд больших карих глаз за стеклами пенсне говорил о безмерной усталости от бессонницы, от крайнего физического перенапряжения. В боковом кармане пиджака мужчина имел при себе подложный паспорт на имя «рыбинского мещанина Михаила Андреевича Конкина». Вторую неделю подряд он беспрерывно мчался в курьерских поездах через Швейцарию, Австро-Венгрию, Галицию в русский черноморский порт Одессу, а потом качался в каюте третьего класса парохода, плывшего из Одессы в Новороссийск. И всюду в России бесконечные проверки документов, багажа, унизительное прощупывание одежды, придирчивые полицейские опросы. Да, было от чего устать, валиться с ног.

М. И. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН СКРЫВАЕТСЯ В «ЯСОЧКЕ»

Утомительный путь проделал Михаил Иванович Васильев-Южин, бывший студент физико-математического факультета Московского университета, владевший тремя иностранными языками, один из руководителей Бакинской организации большевиков. В. И. Ленин направил его из Женевы в Одессу для установления связи с восставшим экипажем броненосца «Потемкин». Но Васильев-Южин опоздал на несколько дней. Броненосец, покинув Одессу, ушел в Феодосию, а затем в румынский порт Констанцу. Всего этого Михаил Иванович не знал и поэтому, получив пароль от одесских большевиков для связи с потемкинцами, на первом же пароходе выехал в Новороссийск, а оттуда в Батум.

Позднее он вспоминал:

«Я предполагал, если бы не удалось захватить Одессу, направиться с «Потемкиным» к кавказскому побережью, прежде всего в район Батума. Батумский гарнизон и крепость были основательно захвачены нашей агитацией. Это я хорошо знал. Батумские рабочие уже не раз выделялись своей героической борьбой... Батум как революционная база был наиболее надежным районом на всем черноморском побережье» [1].

Но в Батуме «Потемкина» не оказалось. Васильев-Южин немедленно покинул город: царская агентура напала на его след и могла вот-вот схватить.

Михаил Иванович выехал в Сухум. Этот район Васильев-Южин знал хорошо. Здесь жил родной брат его жены, Марии Андреевны Васильевой-Южиной (члена РСДРП с 1903 года), П. А. Добрынин. В молодые годы Павел Андреевич служил армейским прапорщиком, затем делопроизводителем земской управы в Ярославле, там вошел в подпольную группу известного народовольца М. В. Цебунаева. В 1889 году последовал арест, и Добрынин почти четыре года провел в петербургских тюрьмах. Долгие годы жил под гласным надзором полиции во Владикавказе, Царицыне, Москве [2]. А с 1903 года бывший революционер-народоволец поселился с семьей в селе Адзюбжа, недалеко от Сухума. На берегу

---

[1] *М. И. Васильев-Южин.* В огне первой революции.— Сб. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, т. 1, с. 338.

[2] См.: *Меньшиков Л.* Охрана и революция. М., 1929, ч. 1, с. 393.

моря Добрынин построил дом, развел сад и организовал садовый кооператив под экзотическим названием «Язон». Под влиянием идей Н. Г. Чернышевского Павел Андреевич создал трудовую коммуну. В «Язон» съехались некоторые его друзья, бывшие народовольцы. Они и составили костяк «язоновской» коммуны, построили дома, хозяйственные постройки, насадили сады, завели домашний скот; цветы, фрукты, овощи, табак, молоко, мясо продавали на сухумском рынке.

Спустя некоторое время П. А. Добрынин познакомился и сдружился с А. К. Вороновой и ее детьми: «Ясочка» находилась в 18 верстах от «Язона» [1].

Под влиянием Михаила Ивановича Васильева-Южина и его жены Добрынин и его друзья стали помогать большевикам, хотя сами они не разделяли марксистских взглядов и не были членами РСДРП. «Язон» стал одним из опорных пунктов связи между Бакинской, Батумской и Сухумской большевистскими организациями [2]. Из Петербурга, Баку и Батума сюда нередко доставляли революционную литературу, которую затем отправляли в Сухум. Здесь останавливались и скрывались от полиции большевистские агитаторы, связные, которые приезжали из Петербурга, Тифлиса, Баку, Батума в Сухум.

...Павел Андреевич и его жена, Софья Павловна Волховская, приветливо встретили Михаила Ивановича Васильева-Южина в «Язоне». От них Михаил Иванович узнал, что постоянные обитатели и гости «Язона» попали под подозрение местной полиции и она организовала слежку за ними. Поэтому на следующее утро М. И. Васильев-Южин в сопровождении П. А. Добрынина отправился в «Ясочку» к Вороновым [3]. Это был правильный, продуманный план. Жандармерия сбилась со следа ленинского посланца.

---

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов). К сожалению, «Язон», в отличие от «Ясочки», не сохранился до наших дней; не дошли до нас переписка, документы того времени, библиотека. Абхазскому историку В. П. Пачулиа удалось лишь выявить точное месторасположение «Язона» по остаткам старого фундамента в селе Адзюбжа.— *Пачулиа В. П.* Сухуми. Историко-культурный очерк. Сухуми, 1978, с. 44—45.

[2] См.: *Костюковский Б., Табачников С.* Главный университет. Повесть о Михаиле Васильеве-Южине. М., 1975, с. 248—251.

[3] Сведения об этом получены от дочери М. И. Васильева-Южина — В. М. Васильевой-Южиной.

Недельное пребывание в «Ясочке» явилось для Васильева-Южина целительным бальзамом. Полный покой и безопасность, усиленное питание, горный воздух, длительные прогулки в окрестных горах, внимание Александры Константиновны, хозяйки имения, медицинский надзор со стороны Веры Николаевны — все это способствовало восстановлению сил, сняло страшную усталость у ленинского посланца [1].

Однако революция звала в бой. Через несколько дней М. И. Васильев-Южин уехал в Москву, где в октябрьско-декабрьские дни 1905 года он стал одним из руководителей борьбы московских пролетариев. Накануне Декабрьского восстания Васильев-Южин был арестован вместе с секретарем Московского комитета РСДРП В. Л. Шанцером (Маратом). По счастливой случайности отобранные при аресте партийные документы не попали в жандармерию, и это спасло обоих большевиков от неминуемого расстрела.

Михаил Иванович был выслан за границу, но вскоре вернулся на родину и вновь работал на юге России. В начале 1907 года Васильев-Южин выехал в Петербург, чтобы встретиться с В. И. Лениным в Финляндии, и на вокзале был арестован. Для установления личности его под охраной направили в Сухум, но по дороге мужественному большевику удалось бежать и скрыться. И вновь некоторое время он жил в вороновской «Ясочке». Сохранилась фотография того периода, где Васильев-Южин снят вместе с питерским большевиком Т. Р. Мясоедовым.

И в последующие годы Михаил Иванович посещал «Ясочку». Постоянно находили приют в «Ясочке» и многие другие революционеры. Начиная примерно с 1902 года «Ясочка» стала не только своеобразным почтовым ящиком революции, но и, очевидно, первым в истории российского освободительного движения конспиративным «домом отдыха». По самым предварительным подсчетам, за 10 лет (1902—1911 годы) в «Ясочке» скрывались, лечились, отдыхали не менее 80—90 революционеров-большевиков, пролетариев, студентов, причем некоторые из них бывали здесь по нескольку раз. Летом 1965 года в письме к писателю Борису Ни-

---

[1] См.: *Дзидзария Г. А.* В. И. Ленин и Абхазия, с. 36; *Пачулиа В. П.* По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969, с. 64.

колаевичу Полевому Л. Н. Воронова так рассказывала об этом подпольном «доме отдыха»:

«Находили приют в «Ясочке» партийцы, ответственные и рядовые, больные и отдыхающие после тюрем и Сибири. Иногда количество «гостей», садившихся за стол, доходило до нескольких десятков. Но «гости» никого не тяготили. Продуктов натурального хозяйства было вполне достаточно: молоко, яйца, мед, виноград, фрукты, овощи и т. д. — всего было так много, что всего не съедали, а продавать было некому... Все были довольны. Организовывались песни, экскурсии, доклады, чтение подпольной литературы и систематизирующие занятия по программе для желающих. Устанавливались дежурства для приготовления обеда и стирки белья. Под развесистым орехом сдвигались столы и украшались цветами, а вечером зажигались садовые фонари. На председательском месте всегда сидела гостеприимная, с доброй и ясной улыбкой хозяйка Александра Константиновна, умевшая с каждым найти подходящую тему для разговора».

Идею о превращении «Ясочки» в «санаторий» для революционеров подал А. К. Вороновой Александр Григорьевич Белинский, посетивший вороновское имение в начале 90-х годов прошлого века. Это был поэт и мечтатель, революционер-агитатор, не имевший четких политических взглядов, тяготевший и к старому народовольчеству, и к молодой социал-демократии. Отдохнув в «Ясочке» и узнав о революционном прошлом семьи Вороновых, А. Г. Белинский высказал мысль о создании на базе «Ясочки» крупного мясо-молочного и фруктового хозяйства, с тем чтобы его благами пользовались российские революционеры.

ОБ ИДЕЙНЫХ ВЗГЛЯДАХ А. К. ВОРОНОВОЙ

Крупного хозяйства на базе «Ясочки» Вороновы создать не сумели, но подпольный «дом отдыха» для революционеров они организовали. Главную роль в этом сыграла хозяйка «Ясочки» Александра Константиновна Прогульбицкая-Воронова, разделявшая убеждения своего мужа и одобрительно относившаяся к участию своих детей в революционном движении.

Наиболее четко идейная и жизненная позиция А. К. Вороновой проявилась в небольшой статье «За что был сослан Н. Г. Чернышевский (По поводу исполнения на днях 15-летия со дня кончины)», опубликованной 4 ноября 1904 года в газете «Черноморское побережье».

Опираясь на данные провинциальной газеты «Закаспийское обозрение», автор кратко информировала читателей об истории судебного процесса и многолетней каторжной ссылке великого революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Воронова приводила характерную выдержку из «Закаспийского обозрения»: «...в деле Чернышевского не было ни суда, ни ошибки, а было только заведомо неправое и насильственное деяние с заранее составленным намерением: было решено взять человека из среды живых — и решение исполнено. Искали повод, повода не нашли, обошлись без поводов».

Далее Александра Константиновна выражала свое отношение к расправе царизма над Чернышевским и его сторонниками:

«Такому страшному наказанию подвергнут был человек, которым другая страна гордилась бы неизмеримо. Один из самых сильных русских умов, стоящих во главе умственного (и) передового движения России, ведший за собою молодое поколение. Титан мысли, человек, которого даже злейшие враги считали истинно светлой личностью... Его изъяли из среды живых. В данном случае Н[иколай] Г[аврилович] разделил общую участь, постигшую и постигающую все, что было и есть лучшего в России. Ему только, как стоящему на целую голову выше других, уготовлено было наказание, из ряда вон выходящее по своей жестокости и неумолимости... Но наступит же час, придет время, когда страна поймет, какой огромный урон понесла она в своем развитии... Поймет страна и, горьким опытом наученная, будет бережно лелеять все, что в сердце ее появится сильного духом, могучего мыслью, ищущего правду. Поймет — и мученикам своим воздвигнет памятник, ими же будет гордиться народ».

Сильные, честные и провидческие слова. Написаны они были пятидесятипятилетней вдовой революционера-шестидесятника за 65 дней до Кровавого воскресенья — начала первой русской революции. Можно только поражаться тому, как царская цензура пропустила эти клеймящие монархию строки в печать.

Очерк был подписан анонимно «А. К.».

В заключительных строках статьи звучит общественный и лично-семейный мотив. Прошло 15 лет со дня кончины одного из духовных учителей ее мужа — Н. Г. Чернышевского и 16 лет после смерти Н. И. Воронова. Чернышевский и Воронов, их соратники были

официальной, дворянско-буржуазной Россией вычеркнуты из жизни. Мужественная женщина, верная памяти борцов-революционеров 60—70-х годов прошлого века, на страницах провинциальной газеты во всеуслышание поднимает вопрос о подвиге Чернышевского, его многочисленных соратников, а в их числе и Николая Ильича Воронова, о необходимости восстановления их подвига в памяти народной.

Человек высоких идейных убеждений, очень активная и деятельная по натуре, А. К. Воронова не могла остаться в стороне от революционной борьбы. Этим и объясняется ее стремление оказывать большую материальную и моральную помощь (разумеется, в рамках возможного и в пределах только вороновской семьи!) революционерам-большевикам, пролетариям, студентам, глубокое понимание ею своих детей, беззаветно отдававших силы делу революции.

ПОМОЩЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ

Александра Константиновна Воронова помогала своим детям-революционерам в конкретных делах. Об этом свидетельствует такой факт. В 1901—1908 годах семья Вороновых поддерживала связь с некоторыми деятелями науки и культуры Абхазии: талантливым ученым-ботаником В. В. Марковичем, выдающимся терапевтом профессором А. А. Остроумовым, крупнейшим абхазским писателем и поэтом Д. И. Гулиа, деятелями абхазского просвещения М. Л. Томара и В. Э. Окороковой и другими. В переписке А. К. Вороновой с Л. Н. Вороновой (письмо от 1 мая 1905 года) содержатся интересные данные о попытке привлечения к революционной работе Дмитрия Иосифовича Гулиа. Вот эти строки:

«...Я рассчитываю познакомить тебя в Сухуме с одним интеллигентным абхазцем (Д. И. Гулиа.— *И. Л.*), который мог бы быть тебе полезен для доставления материалов по истории Абхазии, легенд абхазских; он очень любознательный человек, много читает. Его материалом можно бы было воспользоваться, а главное, он мог бы достать его подходящим (путем), потому что сам человек (Д. И. Гулиа.— *И. Л.*) настолько развитой, что сообразил бы, как, какой и каким путем можно добыть его...»

Письмо содержит полускрытые намеки. Очевидно, в письме дочери-большевичке Александра Константиновна намекала на то, что Д. И. Гулиа мог бы сообщать

через «Ясочку» в Петербург проверенные данные о революционном движении абхазских и русских рабочих, крестьян, молодежи, необходимые для текстов нелегальных листовок. Сейчас трудно судить о том, насколько этот план удалось реализовать и привлечь к нему Гулиа, но то, что такой план, очевидно, существовал, подтверждают строки из письма А. К. Вороновой. Еще одна страничка из истории революционных связей между Петербургом и Грузией — Абхазией.

Летом 1902 года в «Ясочке» появились первые отдыхающие: революционные студенты и курсистки, недавно освобожденные из петербургских тюрем. Еще ранней весной Людмила и Юрий Вороновы предупредили университетскую «Кассу радикалов» о возможности использования «Ясочки» для отдыха студентов, особо нуждавшихся в нем после тюремного заключения.

13 марта 1902 года Л. Н. Воронова писала матери в «Ясочку»:

«...Ив[ан] И[ванович] (И. И. Игнатьев — один из вожаков революционного студенчества.— *И. Л.*) расспрашивал про Сухум и дорогу в «Ясочку»... За цветы спасибо, я их послала в Пересыльную (тюрьму) и они произвели там впечатление (!) на будущих жителей Сибири. Эх, страшно много во всем этом дикого».

Когда Юрий, Вера и Людмила учились в Петербурге, они часто получали от Александры Константиновны посылки с продуктами и фруктами, южные цветы. Вороновы щедро делились полученным со своими друзьями и товарищами.

В 1902—1903 годах в «Ясочку» приезжали на отдых революционные студенты столичных институтов, а с весны — лета 1904 года начинают появляться и отдельные питерские рабочие. В эти годы в «Ясочке» отдыхали и скрывались от полиции за весну — лето не более трех-четырех человек. С началом же первой русской революции картина меняется. Усилиями Александры Константиновны, Ольги, Веры и Людмилы Вороновых «Ясочка» превращается в «дом отдыха» для революционеров.

27 апреля 1905 года А. К. Воронова пишет Людмиле в Петербург:

«Помни же, родная! Приезжай на лето с кем-нибудь из хорошей трудящейся молодежи, и именно с такими, которым необходим отдых летом в благоустроенном уголке, каким может быть наша «Ясочка». Всем нам и

им хватит того, что есть в «Ясочке» и что она может дать... [И] начнут вырастать таланты один за другим и подарят миру много чудных произведений из жизни, переживаемой в данное время».

Размеры хозяйства в «Ясочке» позволяли одновременно принять на отдых десяток — полтора, а иногда и два десятка человек. Перечислить всех революционеров — большевиков, рабочих, студентов, курсисток, пользовавшихся гостеприимством Вороновых в «Ясочке», невозможно. Дело в том, что многие из них в переписке Вороновых и их друзей фигурируют под своими партийными кличками и дружескими прозвищами. Установление их фамилий, имен и отчеств, возраста, пола, профессии и партийной принадлежности крайне затруднено. Понадобится еще не один год труда, чтобы расшифровать условные имена и прозвища, выяснить вклад этих людей в революционную борьбу. Поэтому назовем лишь тех революционеров, побывавших в «Ясочке», имена которых удалось расшифровать и о которых получены более или менее полные сведения. Упомянем и некоторых революционеров-рабочих, чьи клички пока расшифровать не удалось.

В канун революции в «Ясочке» короткое время отдыхали руководители петербургской университетской «Кассы радикалов» — Б. Е. Райков, Н. Н. Воскресенский, И. И. Игнатьев; здесь скрывались рабочие-революционеры Максим и Кузьма. Побывали на отдыхе и две курсистки-медички, подруги Веры Вороновой, участвовавшие в студенческих волнениях 1901—1903 годов.

Первый крупный заезд на отдых в «Ясочку» группы петербургских революционеров состоялся в июне 1905 года. Тогда по приглашению Л. Н. Вороновой поочередно, по двое приехали питерские рабочие-боевики Аркадий и Сергей и еще двое боевиков, направлявшиеся в Тифлис для проведения военно-боевой работы. Вслед за ними прибыли разъездные агенты Петербургского комитета РСДРП лесгафтички К. А. Александер и Л. А. Качаунова, командированные вместе с Л. Н. Вороновой на партийную работу в Тифлис. Спустя месяца полтора после отъезда группы питерцев, а вслед за ними и Тамары, 11 августа 1905 года, А. К. Воронова писала этим революционерам в Тифлис:

«Хорошие товарищи Тамары! Шлю Вам сердечный, душевный привет. Шлю Вам своего изделия сорочки (они были из красного шелка; одна из них ныне переда-

на Вороновыми в Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.— *И. Л.*), носите их на доброе здоровье и на добрую память... Когда пожелаете или когда Вам необходим будет отдых, помните, что «Ясочка» всегда с радостью примет Вас как родных и в ней Вы найдете и тепло и душу. Берегите Тамару — для дела работника, для матери дитя... Будьте во всем благополучны, и да хранит Вас судьба от всяких бед» [1].

Зная, как бывает нужна подпольщикам информация о всех событиях в стране, в Закавказье и даже в родной «Ясочке», Александра Константиновна Воронова спешила сообщить в Тифлис дочери и ее друзьям последние новости.

Из письма от 15 сентября 1905 года:

«Знаем события в Баку, Кутаисе, Поти и Батуме, Шуше... Самые страшные в Баку (речь идет о татаро-армянской резне, спровоцированной царскими властями.— *И. Л.*). В Сухуме была забастовка пять дней, и я как раз попала в эти дни в Сухум...»

Из письма от 30 сентября:

«17 сентября у вас на Курсах (П. Ф. Лесгафта) была грандиозная сходка... На сходке, которая происходила от 15 часов дня и до 11 часов ночи, перебывало до 10 000 чел[овек]. Профессора (и студенты) хорошо действуют: (их требования) об отмене непринятия вновь в университет студентов, обвиняемых в участии в противоправительственной агитации и подвергшихся двухнедельному аресту; об отмене препровождения в полицию документов студентов, исключенных за участие в беспорядках...»

В феврале — марте 1906 года в «Ясочке» около месяца скрывался и отдыхал один из ближайших соратников В. А. Старосельского — Николай Простосердов. Это был мужественный большевик: за семь лет революционной деятельности (1897—1904 годы) его арестовывали четыре раза; почти два года он провел в тюрьмах, четыре года находился под надзором полиции [2]. Простосердов в дни пребывания в «Ясочке» не прекращал революционной деятельности. Он помогал сухумским большевикам-подпольщикам, налаживал переброску оружия с Черноморского побережья в глубь Закавказья.

[1] ЛАВ. Из коллекции писем Л. Н. Вороновой.
[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 94, оп. 1, д. 57, л. 396 об.

Именно тогда, ранней весной 1906 года, при участии Простосердова в «Ясочке» был организован небольшой тайный склад стрелкового оружия (винтовки, карабины, револьверы) и боеприпасов [1].

В те дни, когда в «Ясочке» скрывался Н. Н. Простосердов, в Сухуме прокатилась волна политических арестов. Казаки и полицейские искали оружие, арестовывали революционеров.

3 февраля 1906 года А. К. Воронова сообщала Вере в Петербург:

«...В Сухуме начались аресты, усиленные и ежедневные, вылавливаются поодиночке те, которые во время свободы (то есть после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года.— *И. Л.*) заявили себя так или иначе сторонниками освободительного движения... Арестовано восемь агитаторов, ораторов, пропагандистов. Намечены (еще) кандидаты в тюрьму...»

Сухумская тюрьма была до отказа забита арестантами. С декабря 1905 года в этой тюрьме томился девятнадцатилетний большевик Г. К. Орджоникидзе, арестованный близ абхазского приморского городка Гудауты за доставку оружия и боеприпасов. Позже сюда были брошены Б. Н. Захаров и Л. И. Готошия. Тюрьма почти не отапливалась, заключенные голодали, одежда их превратилась в лохмотья [2].

Александра Константиновна Воронова, узнав о тяжелом положении арестованных революционеров, стала помогать им. Она привлекла к этому друзей и знакомых.

14 февраля 1906 года А. К. Воронова писала Вере в Петербург:

«...Сухумские политические содержатся в общей тюрьме, и есть добрые люди, которые заботятся о них. И я передала туда к масляной 60 яиц, а на днях пошлю несколько кур и опять яиц. Юрия платье, брюки, жилеты, пиджаки (я) вымыла, выгладила, поштопала, полатала, пришила пуговицы и хочу отдать в руки тем, которые передадут их по назначению (в тюрьму)... И если я увижу, что вещи действительно попали, кому следует, то попытаюсь при помощи нескольких добрых знакомых организовать постоянную поддержку выдачей платья и продуктов нуждающимся...»

---

[1] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1906 г., д. 3847, л. 5.

Из писем Александры Константиновны Вороновой встает перед нами образ смелой и решительной русской женщины с большим и добрым сердцем. Она помогала сухумским арестованным революционерам, в том числе Серго Орджоникидзе, Борису Захарову, Левану Готошия, в те дни, когда ее младшая дочь-большевичка — томилась в петербургской пересыльной тюрьме.

Из письма А. К. Вороновой от 14 февраля 1906 года Вере в Петербург:

«...Ты мне напиши, чем я могла бы быть полезна нашим дорогим арестанткам. Не принимай в расчет, могу ли или не могу я помочь, выясни только мне, в чем главным образом нуждаются (кроме свободы)... Передай моей дорогой девочке, что я бодра и крепка духом. Для меня не она одна, а все они сливаются в одном светлом сиянии, и я, благословляя их, преклоняюсь перед ними... Передай ей, что я крепко, крепко целую и обнимаю ее как свою девочку и русскую гражданку. Передай также мой привет обеим ее товарищам; надеюсь, что, пока настанет май, все они будут на свободе и будут отдыхать под тенью ореха и акаций в «Ясочке»».

В конце мая 1906 года Петербургский комитет РСДРП направил в Крым группу питерских большевиков для усиления местных партийных организаций, расширения связей с матросскими и солдатскими массами. В это время Петербургский комитет и боевая техническая группа большевиков готовили вооруженные выступления матросов и солдат в Кронштадте и Свеаборге. На посланных в Крым петербургских большевиков ложилась задача координации революционных действий с Севастопольской и Евпаторийской организациями большевиков. В составе этой группы были лесгафтички К. А. Александер и В. В. Заорская, позднее туда выехала и Л. Н. Воронова. После месячного пребывания в Крыму подруги должны были поехать в «Ясочку».

20 мая 1906 года Л. Н. Воронова писала из Петербурга в «Ясочку»:

«Дорогие мои цебельдинки! Итак, значит, у вас теперь рай земной и летнее блаженство... Посылаю пока к вам Веру Заорскую и Клавдию Александер. Обе они сильно расхворались за последнее время. И той и другой надо лечиться покоем и воздухом. Клавдии прописали ванны. Я думаю, это можно будет устроить у нас. Бочек много. А Клавдия ничего против бочки не будет иметь. Они сначала поедут в Крым, а потом в «Ясочку»

к половине июня. Мамочка пусть за ними поухаживает».

Лесгафтички проделали немалую работу в крымском большевистском подполье — в Севастополе, Евпатории, Судаке. Об этом свидетельствует сохранившееся в «Ясочке» письмо К. А. Александер, которое она направила из Судака 14 июня 1906 года Л. Н. Вороновой в Петербург:

«Дорогая Тамара! Ваше письмо полно хороших новостей: Степан и Сергей (питерские рабочие-революционеры.— *И. Л.*) свободны,— это хорошо, но еще лучше, что Питер не отстает от юга. Евпатория и Севастополь опять поднимаются. На днях в Судак прибыли четыре миноносца, держали путь к Новороссийску. Перед ними останавливался крейсер. Команды высадились на берег — такие славные хорошие лица. Мы их, конечно, снабдили брошюрами и кипой газет — партийных, благо, что захватили из Питера (эту литературу они перевозили в «Ясочку» через Крым.— *И. Л.*). Как они (матросы) были довольны! Говорят, что трудно доставать умное слово — следят офицеры. Тамара, вышлите нам номера руководящего органа «Вперед». Страшно хочется быть в курсе партийного дела... Тамара! Если бы Вы знали, как мне хочется работать! А сил совсем нет. Вся надежда на «Ясочку»! Жду не дождусь первого «дымка» на горизонте».

Новый факт из истории революционной деятельности питерских большевиков в Крыму, их агитационной работы среди черноморских моряков. И он стал известен благодаря коллекции писем Л. Н. Вороновой.

«ПОСЫЛАЮ К ТЕБЕ ТОВАРИЩА»

Летом и осенью 1906 года в «Ясочке» у Вороновых отдыхало не менее 30 человек. Это были революционеры-профессионалы, рабочие-боевики, студенты-агитаторы, бывшие арестанты. Чаще всего их направляла в «Ясочку» Людмила Николаевна Воронова, иногда по просьбе своих близких друзей-революционеров. Сюда приезжали люди надежные, проверенные в революционных делах, отличавшиеся высокими моральными качествами. За 10 лет функционирования «дома отдыха» в «Ясочку» не проник ни один провокатор, ни один полицейский шпик, ни один скверный человек.

Обычно человек, направлявшийся на отдых в «Ясочку», имел при себе записку или письмо от Тамары к А. К. Вороновой. Вот образец одной из записок:

«Дорогая мамочка! Посылаю к тебе товарища. Я думаю, вы как-нибудь устроитесь. Жаждет подышать южным воздухом и наглядеться на южное небо. Приласкай его. Постарайся, чтобы он почувствовал себя у нас как дома. Человек «северный» (то есть отбывал ссылку в северных краях.— *И. Л.*), может быть, вначале будет чувствовать себя не совсем ловко. Но ты постарайся... Теперь у него нет совсем денег: только на дорогу. Потом получит еще. В материальном отношении, я думаю, устроитесь».

Сколько внимания и заботы в семье революционеров Вороновых к чужому, незнакомому им человеку, но близкому по духу, по идеям, ибо этот человек — солдат революции. Вороновы помогали таким людям, чем могли: жильем, одеждой, питанием, деньгами, книгами и даже иногда тем, что доставали для них подложные документы. Записок, подобных приведенной, немало хранится в вороновском архиве.

Основной формой отдыха в «Ясочке» был туризм. Хозяева «Ясочки» часто устраивали различного рода походы, экскурсии, путешествия, либо пешеходные, либо конноверховые. С запасом на день-два продуктов и воды, с ружьями и карабинами кавалькада отдыхающих отправлялась в близлежащие горы, в леса и на альпийские луга, к живописным водопадам. Далее чем на 30—40 верст от «Ясочки» старались не отъезжать. Рядом находились границы Гурии, Имеретии, Мингрелии, где зверствовали карательные отряды. Да и у некоторых отдыхающих далеко не в порядке были документы: скрывались и проживали по подложным паспортам. Поэтому лучше было не попадаться на глаза местному приставу или околоточному, а тем более в руки карателей. Чаще всего такого рода экскурсии или походы совершались в сопровождении не только самих Вороновых, но и их вооруженных друзей из местных жителей — абхазцев, мингрельцев или русских рабочих.

Горный воздух, солнце, хорошее питание, покой, поездки в горы и на море, спокойный сон — все это быстро снимало огромное нервное напряжение, усталость. Гости Вороновых умели не только бороться на баррикадах, стоически переносить трудности подполья, героически умирать за свободу от пуль или пыток, но и умно отдыхать, веселиться, петь песни, читать стихи. Отдых этих людей был всегда предельно кратким: шла революция, и они вновь уходили в ряды ее борцов. Однако

«Ясочка» и ее хозяева на долгие годы оставались в памяти благодарных людей, хотя бы раз побывавших здесь.

Осенью 1906 года, в сентябре — ноябре, в «Ясочке» два или три раза гостила бывший секретарь Петербургского комитета РСДРП Е. Д. Стасова — Абсолют. Летом в Петербурге она была арестована на общегородской партконференции и некоторое время сидела в заключении в Литовском замке. Из-за отсутствия веских улик царские власти вынуждены были освободить Е. Д. Стасову и выслать из столицы. Она выехала в Сухум, где лечилась и отдыхала на одном из частных курортов известного московского миллионера и врача Н. Н. Смецкого[1]. Человек прогрессивных взглядов, он неоднократно оказывал материальную поддержку грузинским, русским и абхазским революционерам; некоторые из них скрывались у него по подложным документам под видом садовников, кочегаров, санитаров, лаборантов в частных санаториях и пансионатах. Хорошо зная семью Вороновых (особенно Александру Константиновну), Н. Н. Смецкой и посоветовал Е. Д. Стасовой побывать в «Ясочке», о которой она знала от Тамары еще по Петербургу.

Сохранилась короткая запись воспоминаний Л. Н. Вороновой о встрече с Абсолютом в «Ясочке»:

«...В один из осенних, дождливых дней 1906 года к нам неожиданно нагрянула Елена Дмитриевна Стасова. Она приехала в открытой коляске. Еще при встречах в Петербурге я ее несколько раз приглашала к нам на отдых. Но Стасова была настолько скромна, что никак не хотела нас чем-нибудь стеснить. Тогда с дороги она очень устала и продрогла от холодного дождя. Мы с мамой развели огонь, пододвинули ей мягкое кресло нашего отца. Отогрели и вкусно накормили нашу гостью. Часа два-три мы с Еленой Дмитриевной проговорили у камина о наших революционных делах, о моей поездке в Тифлис, Батум, Кутаис. Настроение было грустное. Революция отступала, мы теряли многих дорогих нам товарищей по борьбе, реакция вступала в свои права».

Последняя встреча Тамары с Абсолютом состоялась в Петербурге в феврале 1907 года. Е. Д. Стасова заболела туберкулезом легких и весной того же года уехала в Тифлис, где прожила до середины 1912 года, а затем

[1] См.: *Стасова Е. Д.* Воспоминания, с. 88—89.

три года отбывала ссылку в Енисейской губернии. Тамара все эти годы училась в Петербурге. Связь между Е. Д. Стасовой и Л. Н. Вороновой восстановилась лишь через 50 лет.

...Революция отступала, и силы ее пролетарских борцов были на исходе. Все более свирепствовала столыпинская реакция. За всякое содействие революционерам, а тем более большевикам, грозили суровые меры наказания. Однако А. К. Воронова, ее дочери и сын продолжали оказывать помощь пролетарским революционерам. Вновь перед нами письменные документы тех незабываемых лет.

24 апреля 1907 года А. К. Воронова пишет Л. Н. Вороновой в Петербург:

«...Я очень ясно сказала, чтобы к нам приехали с тобой твои товарищи-пролетарии... люди, жаждущие отдыха на свободе, но не имеющие его ввиду отсутствия средств... Ты подавай мне хороших душ — ребят-пролетариев. От Аркадия получила открытку».

19 октября 1907 года А. К. Воронова — Л. Н. Вороновой:

«...Мой привет товарищу Сергею. Скажи ему, что я надеюсь, что «Ясочка» в будущем году будет восстанавливать его силы и здоровье».

Аркадий и Сергей — это те рабочие-боевики, которые побывали в «Ясочке» в июне 1905 года. Их не забывали, их приглашали в «Ясочку» на очередной отдых. На протяжении 1907 года в «Ясочке» вновь перебывало не менее 30 человек. Как уже упоминалось, в ноябре туда приехал по подложному паспорту Тарас Мясоедов.

ТАРАС МЯСОЕДОВ

11 ноября 1907 года Л. Н. Воронова — матери в «Ясочку»:

«...На днях к тебе, может быть, приедет на зиму, чтобы тебе веселее было коротать, гость. Прими его, он очень нуждается в твоем гостеприимстве. Помоги ему, чем можешь. Это один из тех, кого ты любишь. Это простая, горячая, нетронутая душа. Он хочет заниматься, хочет сосредоточиться, разобраться во многом... Он уверяет, что не будет скучать у нас, лишь бы были книги. Любит природу и жизнь на ее лоне. О Кавказе давно мечтал».

23 ноября 1907 года А. К. Воронова — Людмиле в Петербург:

«...Я за это короткое время увидела в нем хорошее, дорогое, родное... О, как ты ошибаешься, что он мало

знает грамоту — он читает прекрасно... Что знает, то знает глубоко и обстоятельно, а что не знает, над тем думает и хочет знать. Если то, что он знает, привести в систему, то он окажется с прекрасной подготовкой к дальнейшим солидным знаниям. Он на мои пытливые вопросы разъяснял мне так превосходно то, что для меня было туманно, непонятно, что я в нем видела не полуграмотного пролетария, а профессора философии».

15 декабря 1907 года А. К. Воронова — Людмиле в Петербург:

«Во всем, касающемся «Ясочки», (Василий Иванович) принимает горячее участие; а главное, все у него выходит целесообразно, разумно, ни одного слова на ветер... Он очень усердно занимается — каждый вечер пишет диктовку, каждый вечер читает вслух, много беседует по поводу всевозможных вопросов, выдвигаемых жизнью...»

Недавно в личном архиве Вороновых удалось обнаружить несколько писем Тараса Мясоедова, которые приоткрывают внутренний мир питерского рабочего-большевика, жадного к знаниям, к книге, не падающего духом борца-революционера.

Декабрь 1907 года Т. Р. Мясоедов из «Ясочки» — Л. Н. Вороновой в Петербург:

«Дорогой товарищ! Я получил Ваше письмо, за которое шлю Вам свою благодарность и за все сведения, которые были Вами приведены... Благодаря Вашей маме я в настоящее время всем обеспечен, ни в чем не нуждаюсь. Передайте товарищу Замятину (Е. Замятин — большевик, студент Политехнического института, бывший сотрудник газеты «Новая жизнь».— *И. Л.*), чтобы он также не затруднял себя заботами обо мне. За его товарищеское ко мне отношение передайте ему мою сердечную благодарность... Скажите ему, что я чувствую себя прекраснейшим образом. Наши занятия продвигаются прекрасно. Все Ваши предложения мы с Вашей мамой приводим во исполнение. У нас выработана система, все занятия распределены: 1. Урок по чистописанию. 2. Чтение вслух. 3. Чтение про себя как урок. Я, например, читаю по аграрному вопросу Ленина, Каутского, Маслова... Мы с Вашей мамой будем жить душевно, дружно... Я постараюсь быть, я должен быть Ч е л о в е к о м».

Большевик-пролетарий размышляет о судьбах революции:

«За неделю чего-чего не передумаешь, каких только планов не построишь... Вот предполагалось сделать забастовку в качестве протеста по поводу суда над социал-демократической фракцией II Г(осударственной) Д(умы). Но пока не слышно,— неужели она не состоялась? Если это так, то невольно встает вопрос — почему? Там (в Петербурге) заседает черносотенная Дума, утверждает антинародный бюджет, а вместе с ним и заем (речь идет о денежном займе царского правительства у Франции и Германии для подавления революции.— *И. Л.*), и вдруг опять без протеста. И тогда опять вопрос — почему? Прочитываю газеты, сразу все номера... Будете писать, то пропишите мне побольше о рабочих, что у них на собраниях, митингах происходит и что говорят о дальнейшем, о ходе заседаний Государственной думы...»

1 января 1908 года Т. Р. Мясоедов — Л. Н. Вороновой в Петербург:

«Спешу поздравить Вас с Новым годом, с новым счастьем, и в жизни Вашей желаю наилучших благ... Я строго придерживаюсь своего принципа в жизни — а именно? Жизнь дана, чтобы кипеть, а иначе мы можем заплесневеть, как в стоячем болоте. Если мы посмотрим и вникнем в самую жизнь, то мы увидим много в ней прекрасного... Мы должны изменить форму нашей современной невыносимой жизни. А это можно только посредством борьбы... Раз человек борется, он в этой борьбе находит наслаждение. Не сама борьба приносит наслаждение, а тот идеал, за который он борется. Тот невидимый идеал вечно радует человека и заставляет его жить надеждой и верой в будущее. А в этом будущем постоянно представляется вам что-то прекрасное. Да и вообще-то жизнь есть борьба, а борьба для жизни. Я придерживаюсь этого правила... Занимаюсь чтением, немного пописал диктовку, по математике не занимаюсь; я жду Вас и надеюсь, что в этом Вы мне поможете» [1].

Революция потерпела поражение, партия ушла в подполье. Но солдаты революции жили надеждою на дальнейшую борьбу и к этой борьбе себя готовили.

Каждый день Т. Р. Мясоедов усиленно занимался самообразованием под руководством А. К. и О. Н. Вороновых. Ему помогала жена и друг Л. Н. Воронова.

---

[1] ЛАВ. Из коллекции писем Т. Р. Мясоедова.

7 октября 1908 года Л. Н. Воронова — Т. Р. Мясоедову в «Ясочку»:

«...Теперь давайте заниматься. Я предлагаю Вам следующий план занятий: устройте как-нибудь, чтобы у Вас шло на занятия часов пять в день. Начните заниматься русским и математикой... Если что-нибудь будет непонятно, после серьезных усилий с Вашей стороны, пишите подробно об этом мне, я объясню... Предлагаю примерно следующую программу:

I (год) курс	II (год) курс	III (год) курс
1. Теория словесности (русской) 2. Математика (алгебра, геометрия) 3. Физика 4. Химия	1. История науки, литературы и философии в связи с историей хозяйства и быта 2. Математика (тригонометрия) 3. Ботаника 4. Зоология 5. Геология	1. История науки, литературы и философии в связи с историей хозяйства и быта 2. Анатомия и физиология человека 3. Психология 4. Теория политической экономии 5. Право

Пройдя систематически и внимательно предлагаемый курс, Вы, если не получите «высшего» образования, зато будете человеком образованным» [1].

Так семья Вороновых помогала рабочему, закончившему два класса церковноприходской школы, овладевать богатствами знаний и культуры.

Некоторые факты свидетельствуют о том, что Т. Р. Мясоедов не только управлял «Ясочкой», занимался самообразованием и растил двух дочерей, но и продолжал революционную деятельность. По его инициативе в районе Цебельды был организован марксистский кружок. В него входили несколько проверенных рабочих из имения «Ясочка», русские, грузинские, абхазские и армянские крестьяне из Ольгинского. Члены кружка изучали революционную литературу. Кружок просуществовал около трех лет (1909—1911 годы).

[1] ЛАВ. Из коллекции писем Л. Н. Вороновой.

Все эти годы жандармские власти разыскивали бежавшего из ссылки революционера. Вот что написано в розыскном циркуляре под номером 96036—150 за 1911 год:

«...Тарас Родионов Мясоедов а) ссыльнопоселенец; крестьянин Калужской губернии, Медынского уезда, Кузовской волости, дер. Водопьянова, 28 лет; пролетарий, слесарь... г) рост 2 аршина 8 вершков, глаза серые, волосы черные; е) скрылся (из) деревни Бедокское, Канского уезда (Енисейской губернии); с) арестовать, обыскать, препроводить в распоряжение енисейского губернатора» [1].

Однако усилия жандармских властей оказались напрасными. «Ясочка» оказалась надежным приютом для питерского рабочего-большевика.

СЕКРЕТ НЕУЯЗВИМОСТИ

Что замечательно: за все 10 лет функционирования «Ясочки» как «почтового ящика» революции и подпольного «дома отдыха» царской полиции и жандармерии так и не удалось раскрыть этот действенный канал связи между Петербургом и Закавказьем. Возникает вопрос: в чем же секрет неуязвимости «Ясочки» для полиции? Это объясняется следующими обстоятельствами.

В семье Вороновых, начиная от Николая Ильича и кончая Людмилой, были очень сильны традиции верности идеалам свободолюбия, бескорыстного служения делу революции. Все Вороновы обладали практическим революционным опытом, были конспираторами и бдительными людьми.

Местное население Цебельды оказалось надежным. Дело в том, что окрестные жители очень уважали хозяйку «Ясочки», как исключительно честного, порядочного и доброго человека.

Кроме того, не следует забывать, что Вороновы по социальному происхождению были дворянами, и Александра Константиновна в глазах сухумских властей и окрестного дворянства считалась помещицей, хозяйкой имения. На всех письмах к ней детей, родственников, друзей, знакомых четко обозначались три буквы: «ЕВБ» — «ее высокоблагородию». (Конечно, для Вороновых и их революционных друзей это был чисто формальный момент, дань общепринятому обращению; в своем кругу они себя называли «товарищами».) Мест-

[1] ЛГИА, ф. 253, оп. 10, 1911 г., д. 348, л. 187 об., 189.

ные власти знали, что трое детей «госпожи помещицы» А. К. Вороновой учатся в Санкт-Петербурге, откуда беспрерывно шлют матери письма, книжные и газетные бандероли, а если приезжают на летние каникулы со своими друзьями, то с такими же «дворянами и господами», как и они сами. Все это, разумеется, вводило в заблуждение местные полицейско-карательные органы.

Своеобразным «прикрытием» «Ясочки», видимо, послужило то, что двое родных братьев А. К. Вороновой служили в жандармерии: В. К. Прогульбицкий — полковник жандармерии, в 1904—1905 годах — начальник Сухумского военного округа; Н. К. Прогульбицкий — ротмистр жандармерии, в 1904—1905 годах — помощник начальника тифлисского жандармского управления по Елисаветпольской губернии. Оба были верными стражами самодержавного режима [1]. Только в феврале — марте 1905 года грузинские и абхазские революционеры дважды совершали покушения на полковника В. К. Прогульбицкого; тем же летом он срочно был переведен с повышением в Тифлис [2].

Семьи Вороновых и Прогульбицких почти не общались: слишком глубокая пропасть в жизненном укладе, во взглядах на окружающую действительность пролегала между ними. Но опять же в глазах местных властей, ничего не знавших о взаимоотношениях родственников, «помещица» А. К. Воронова являлась сестрой начальника Сухумского военного округа, полковника жандармерии; и тем более, с точки зрения властей, никакая «крамола» не могла попасть в вороновскую «Ясочку».

Все эти обстоятельства и обеспечили жизнестойкость «Ясочки», помогли ей избежать возможного провала.

УЧЕБА, РАБОТА, БОРЬБА

...Шли годы. Людмила Воронова и Тарас Мясоедов учились, работали, боролись. Людмила упорно изучала статистику, теорию политической экономии, физику, химию, экономическую географию, историю хозяйственного быта, международное право, денежное обращение на экономическом отделении Петербургского политехнического института. В Ленинград-

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1905 г., д. 2146, л. 135; ЦГИА Груз. ССР, ф. 153, оп. 1, д. 643, л. 1—6.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1905 г., д. 2146, л. 135; Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми, 1960, ч. 1, с. 242.

ском историческом архиве сохранилась «Лекционная книжка посторонней слушательницы экономического отделения госпожи Вороновой Людмилы. Номер сорок второй». Тонкие, пожелтевшие листы зачетной книжки. В графе «Удостоверение о зачете практических занятий и сдаче экзамена» в большинстве случаев стоит оценка «весьма удовлетворительно», что означало тогда высший балл.

Л. Н. Воронова не порывала связей с революционным движением и большевистским подпольем.

23 октября 1907 года Л. Н. Воронова писала матери в «Ясочку»:

«...У нас студенческая забастовка. Всему виною меры Шварца (министр народного просвещения.— *И. Л.*). Забастовка крепнет. Бастует и Политехникум... Надо отдать честь Университету, начато все организованно и хорошо... Ждут арестов среди студенчества, а в особенности среди его руководящих сфер. А так как я состою старостой, то, может быть, и меня зацепят... Клавдию (Александер) арестовали, привлекается по старому делу».

К. А. Александер была арестована за участие в деятельности тифлисского партийного подполья, за пересылку паспортов для печатников-большевиков, работавших в Авлабарской нелегальной типографии Кавказского союза РСДРП (когда типография провалилась, печатникам надо было немедленно уйти в подполье).

17 декабря 1907 года Л. Н. Воронова — Т. Р. Мясоедову в «Ясочку»:

«Я уже сообщала вам, какие у нас были провалы. В массах везде настроение вялое, подавленное, индифферентное... В некоторых рабочих клубах теперь поставлены дела хорошо. Туда рабочие идут с удовольствием. Слушают лекции, читают, занимаются, рассуждают о политике. Словом, очень интересуются общественной жизнью. Это говорит, что рабочий класс «спит» только временно. Сколько времени будет продолжаться это накопление сил, пока сказать трудно. Ну что ж, против жизни не пойдешь. Будем накоплять силы и мы, чтобы подготовиться к тому моменту, когда пролетарий опять захочет «двинуться»...»

1 октября 1908 года Л. Н. Воронова — Т. Р. Мясоедову в «Ясочку»:

«...У нас забастовка (в Политехникуме)... Пока идет она хорошо, дружно. Слежу за «политикой». Га-

зеты много толкуют о студенческих волнениях и вообще о просвещении, об усилении реакции».

Все эти годы (1908—1916 годы) подруги-лесгафтички Л. Н. Воронова, К. А. Александер, В. В. Заорская, Л. А. Качаунова, А. И. Мейбаум-Радченко поддерживали дружескую связь. После полуторагодичного тюремного заключения Клавдия Александер продолжала учебу на юридическом факультете Петербургского университета. Вера Заорская училась в Политехническом институте вместе с Тамарой. В 1913—1914 годах В. В. Заорская с мужем И. Г. Александровым (инженер-электротехник, впоследствии видный советский гидроэнергетик) и К. А. Александер с мужем В. А. Рудневым (инженер-путеец) работали в районах Туркестана, изучали условия для прокладки железнодорожных путей и выявляли водные ресурсы.

Алиса Мейбаум вместе с мужем продолжала революционную деятельность в большевистском подполье в Баку. Лидия Качаунова училась в Московском коммерческом институте, не порывая связей с подпольем.

30 декабря 1907 года Л. А. Качаунова писала А. И. Мейбаум-Радченко в Баку:

«Странно по старости лет (Л. А. Качауновой шел 26-й год.— *И. Л.*) опять сидеть на школьной (точнее, институтской.— *И. Л.*) скамье рядом с товарищами, у которых, кроме юности, ничего на лице не написано... Я продолжаю твердо верить в будущее, в Ленина и по мере сил и умения содействовать ему. Правда, обстановка работы у нас очень трудная и в Москве, и в Питере... Я взяла опять на себя роль курьера революции и работаю больше всего ногами. Это и хорошо».

Они оставались солдатами революции, солдатами партии.

В мае 1912 года Людмила Николаевна Воронова закончила успешно Политехнический институт и вернулась в родную «Ясочку». Ровно 10 лет Воронова училась в Петербурге. Теперь она была вместе с детьми, мужем, матерью. Учительствовала в Цебельдинской школе, в Сухумской гимназии.

В 1912—1917 годах в «Ясочке» неоднократно бывал юный Владимир Ладария, выдающийся сын абхазского народа, впоследствии ставший ближайшим соратником организаторов и руководителей партийной организации и советской республики в Абхазии Ефрема Эшбы и Нестора Лакобы. Рано потеряв отца — начальника гудаут-

ского участка ротмистра Константина Ладария, Володя был взят на воспитание в семью своего крестного отца жандармского полковника В. К. Прогульбицкого.

Вороновы знали семью В. К. Ладария: его отца и мать, Анастасию Ивановну, скромную народную учительницу. Володя Ладария учился в Тифлисском кадетском корпусе, а его мать заведовала детским приютом в Тифлисе[1]. Почти ежегодно в летние каникулы Ладария частенько пешком или верхом на коне наведывался в «Ясочку». Вороновская «Ясочка» стала его первым «революционным университетом». Здесь он общался с петербургскими большевиками Л. Н. Вороновой и Т. Р. Мясоедовым, слушал их рассказы о революционных боях пятого года, о встречах с В. И. Лениным, читал революционную литературу.

В начале 1917 года В. К. Ладария возглавил в кадетском корпусе революционную группу молодежи «Социалист», за что был исключен из корпуса. В последующие годы Ладария стал активным борцом за Советскую власть в Абхазии, одним из первых организаторов абхазской комсомолии, в 30-е годы — секретарем Абхазской областной парторганизации. Находясь на большой партийной и государственной работе, он не порывал связей с «Ясочкой», своим первым большевистским учителем — Л. Н. Вороновой.

Прошло несколько лет...

И вот наступил поворотный 1917 год.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ РЕВОЛЮЦИИ

Семья Вороновых сидела за столом и обедала. Шел неторопливый разговор о событиях на фронте, о подорожании продуктов. Во дворе раздался шум. Прямо у крыльца дома с коня спрыгнул Тарас Родионович Мясоедов и буквально ворвался в комнату. Он крикнул:

— Ур-ра-а! В Петрограде революция! С монархией покончено. Теперь нет управляющего имением «Ясочка» «мещанина Ерофеева», а есть сотник боевой дружины Тарас Мясоедов!

У Людмилы Николаевны дрогнул голос:

— Вот и свершилась наша заветная мечта...

---

[1] Партийный архив Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 127, л. 4—5; *Дзидзария Г. А.* Верный сын партии. Труды Сухумского госпединститута им. А. М. Горького. Сухуми, 1966, т. 18—19, с. 379.

Александра Константиновна и Ольга Николаевна дружно кричали «ура» и от восторга били в ладоши.

Так в «Ясочке» встретили известие о победе Февральской революции в Петрограде...

В начале марта 1917 года революция охватила и Закавказье. В Сухуме возникли Совет рабочих депутатов, руководство которым захватили меньшевики, и Совет солдатских депутатов, возглавленный большевиками. Сказывались относительная малочисленность пролетарских кадров и слабость местной большевистской организации из-за массовых репрессий и мобилизаций в армию [1].

Оплотом буржуазно-дворянских контрреволюционных сил в Абхазии стали Сухумская городская дума и Окружной комитет общественной безопасности.

После Февральской революции возникли более благоприятные условия для дальнейшего роста и укрепления большевистских ячеек и групп. Основные силы абхазских большевиков концентрировались в Гудаутском и Гумистинском участках. Здесь революционное движение возглавили Нестор Лакоба, Ефрем Эшба, Георгий Атарбеков; с ними был и питерский большевик Тарас Мясоедов.

ПЕРЕЛОМ

Весной — летом 1917 года революционные силы Грузии и Абхазии значительно окрепли. После июльского кризиса в Петрограде российская контрреволюция при поддержке соглашательских партий перешла в наступление. Абхазские большевистские организации вынуждены были уйти в подполье. В ноябре, напуганные победой Октябрьской социалистической революции в центре страны, эсеро-меньшевистские и буржуазные заправилы Закавказья при поддержке иностранных империалистов пошли на полный разрыв с Советской Россией. Они создали свое самостоятельное правительство — Закавказский комиссариат, в Грузии, Армении, Азербайджане возникли «национальные Советы». В Абхазии был провозглашен «Абхазский народный Совет» — блок соглашательских, буржуазно-помещичьих и националистических элементов. Так возникла позорная антисоветская коалиция в Закавказье [2].

---

[1] См.: *Дзидзария Г. А.* Очерки истории Абхазии. 1910—1921, с. 60—70.

[2] См.: там же, с. 89—93.

Грузинские и абхазские большевики последовательно разоблачали действия местной контрреволюции.

После Октябрьской революции в Грузии и Абхазии усиливается рабочее и крестьянское движение, повсеместно происходят восстания крестьянской бедноты, солдатских масс. По примеру победивших русских большевиков грузинские и абхазские большевики готовят всенародное вооруженное восстание.

Рабочие и крестьяне, все честные и свободолюбивые люди Грузии и Абхазии восторженно приветствовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России. Вместе с ними были и большевики Людмила Воронова и Тарас Мясоедов. Л. Н. Воронова записала в своем дневнике 10 февраля 1918 года:

«А у меня откуда-то из недр «моего я» поднимается музыка и звенит, звенит... Это отзвуки того моря и бури, в которой кипят сейчас волны истории... От феодального и капиталистического строя наша революция, великая революция не оставит камня на камне, это крест и над «вишневыми садами» (то есть дворянскими гнездами.— *И. Л.*), и над властью Марковых вторых (курский помещик, черносотенец, приобрел известность своими погромными речами в Государственной думе.— *И. Л.*). А у меня гремит музыка и подхватывает волна и давит грудь, как когда-то, тогда в «наши героические времена» (то есть в 1905—1907 годах.— *И. Л.*).

...Как мала, как ничтожна жизнь отдельного человека в сравнении с великой революцией и как хочется жить, чтобы охватить до конца эту бурю и отдать ей себя».

За годы мировой войны ослабела связь Вороновой и Мясоедова с далеким Петроградом, со старыми друзьями по подполью, по революции. Некоторые из друзей погибли в тюрьмах и на каторге, на фронтах войны. Тарас — беглый политический каторжник, с подложным паспортом, двое детей, больная, старая мать — все это усложняло жизнь двух большевиков.

Тамара тяжело переживала свой невольный отрыв от друзей, от активной революционной работы, от Петрограда. Однако с весны 1917 года она вновь среди борцов революции, ее сердце ликует, она удовлетворена собой, жизнью. Этот переломный момент отражен в дневниковых записях за февраль 1918 года.

«Думала ли я когда-нибудь, что ужас, ужас моей жизни будет в том, что я останусь вне дела именно в тот

момент, для которого я готовила себя всю жизнь... Революция страшно много дала мне, и случилось это как-то незаметно для меня самой. Инстинктивно, подсознательно шел процесс моего окончательного раскрепощения... В первые дни революции (февраль — март 1917 года.— *И. Л.*) я не оглядывалась на себя и не замечала. Но вдруг я оглянулась. Мне показалось, что я физически тверже ступаю. Я ощутила сокращение своих мышц, напряжение силы. Я оглянулась и ощутила, что... «мое я» выпрямилось во весь рост. Несчастное, сгорбленное «мое я» за эти черные пять лет (то есть за 1912—1916 годы.— *И. Л.)* вдруг стало тем, чем оно должно быть. Во мне совершилась революция, я тоже стала свободной, я снова стала человеком и почувствовала свою силу... Меня непреодолимо опять потянуло к работе, борьбе и жизни...»

Честен и беспощаден большевик-революционер в оценке самого себя, своей жизни. Людмила Николаевна, видимо, считает, что даже объективные причины не оправдывают временный отрыв большевика от «дела» — от революции, к которой готовил «себя всю жизнь». Дневник Л. Н. Вороновой ярко раскрывает психологию революционера.

...В начале 1918 года все Закавказье было в огне революционной борьбы народных масс. Советская власть победила в пролетарском Баку и на Северном Кавказе. Готовился взять власть в свои руки и сухумский пролетариат. 17 февраля из Батума прибыл большевистский эсминец «Дерзкий». Он решительно поддержал вооруженным десантом действия сухумских большевиков, рабочих и солдат караульной роты. Из состава Совета рабочих и солдатских депутатов был избран Сухумский военно-революционный комитет во главе с большевиками Е. А. Эшбой, Г. А. Атарбековым (оба бывшие студенты Московского университета), С. И. Кухалейшвили. Город был объявлен на военном положении. Меньшевистские правители, их военные силы покинули город[1].

Весть о февральском выступлении сухумских большевиков окрылила надеждой революционную Абхазию на скорейшее установление Советской власти. Одна из дневниковых записей Л. Н. Вороновой начала 1918 года отражает эти настроения:

---

[1] См.: *Дзидзария Г. А.* Советская власть в Абхазии в 1918 году. Сухуми, 1972, с. 15—21.

«...Из самой глубины души звучит музыка... В Сухуме большевики!.. Говорят, я оптимистка. Оптимизм — это философия тех, кто живет будущим. И я живу им и не могу не жить им, иначе нет смысла прошлым и настоящим мукам. Нет смысла разрушению, если это в то же время не созидание, не освобождение для созидания... Я люблю тебя, жизнь, даже в боли твоей... И кажется мне, что, если бы я была в Москве и Петрограде со всеми своими друзьями и пережила бы с ними все революционные события, пуля или штык могли бы убить мое тело, но если бы тело осталось живо, то ни одна пуля и ни один штык не смогли бы убить мою душу революционера...»

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОССТАНИЕ!

С конца 1917 года Л. Н. Воронова и Т. Р. Мясоедов участвуют в борьбе за установление Советской власти в Абхазии. Тарас Родионович тесно связан с сухумскими большевиками, с профсоюзом табачников, ведет революционную агитацию среди местных рабочих и солдат. Он живет и работает в Сухуме, ему помогает Людмила Николаевна.

Однако Советская власть в Сухуме продержалась только неделю. 21 февраля контрреволюционные войска ворвались в Сухум и разоружили часть красногвардейцев. Основные революционные силы большевиков отступили в район сел Дранда и Цебельда. Спустя полтора месяца отсюда, а также из района Гудаут и Гагр объединенные красногвардейские и крестьянские отряды начали наступление на Сухум.

Село Цебельда было одним из центров создания революционных крестьянских отрядов. Их организацией руководили армянские революционеры Хазар Керселян и Геворк Топчиян, народный учитель Ованес Чакирян. В отряде, сформированном в Цебельде, было немало повстанцев, учившихся в народной школе у Вороновых. Вороновы передали отряду около десяти винтовок с патронами, хранившихся у них со времени первой русской революции. Они распространили среди повстанцев некоторое количество революционной литературы, сберегавшейся в семейной библиотеке. Всего в отряде было по 200 бойцов.

В первых числах апреля повстанческие отряды из сел Дранда, Бабушера, Цебельда, Ольгинского и Владимировского были стянуты к местечку Гульрипш. Цебельдинские и ольгинские отряды привели Тарас Мясо-

едов, Хазар Керселян и Геворк Топчиян. В Гульрипше находился штаб повстанцев и Военно-революционный комитет. Вечером 7 апреля полуторатысячное повстанческое войско стремительно двинулось па Сухум. Наступали со стороны Сухумской горы, Остроумовского ущелья и военного городка. Действиями объединенных отрядов руководили большевики Г. А. Атарбеков и С. И. Кухалейшвили. В течение одной ночи повстанцы выбили меньшевистские войска из Сухума, захватили почту, телеграф, вокзал, склады с оружием, порт, артиллерию. Красный стяг победы взвился над столицей Абхазии.

Из города в панике бежали дворянско-помещичья знать, контрреволюционное офицерство, эсеро-меньшевистские правители. В те дни Л. Н. Воронова записала в дневнике:

«Из Сухума потянулись беженцы... крысы, бегущие с тонущего корабля... Ждут «большевистской резни»... Очевидно, все то, что переживала вся Россия, не минует и нас. Во всяком случае, напряжение растет...»

Советская власть была установлена на всей территории Абхазии (за исключением Кодорского участка). Окружной Военно-революционный комитет возглавили большевики-ленинцы Е. А. Эшба (председатель), Н. А. Лакоба и Г. А. Атарбеков (заместители). Исходя из исторического опыта деятельности Совета Народных Комиссаров РСФСР во главе с В. И. Лениным, Военно-революционный комитет немедленно приступил к осуществлению важнейших социально-экономических и политических преобразований, направленных на утверждение основ Советской власти в Абхазии.

В Сухуме, в других городах и селах были ликвидированы старые органы власти. При ВРК созданы боевой, земельный, судебный, продовольственный и культурно-просветительный комитеты, финансовая и жилищная комиссии, санитарный отдел. Организована Красная гвардия в количестве тысячи человек.

Интересы крестьянства требовали немедленного решения аграрного вопроса. Намечались меры к учету всех земель, установлению твердых норм владения ею, излишки сверх нормы изымались у землевладельцев и передавались беднейшему крестьянству. Национализировано было отделение Госбанка, установлен рабочий контроль над промышленными предприятиями. Все эти мероприятия восторженно встретили трудящиеся Абхазии.

Большие изменения произошли в Цебельде и окрестных селениях. Цебельда стала надежной опорой Советской власти в Абхазии. Многие мужчины добровольно вступили в Цебельдинский повстанческий отряд. В середине апреля 1918 года решением местного земельного комитета вся монастырская земля при Цебельдинском укреплении с постройками и инвентарем переходила в собственность крестьянской бедноты. Группа вооруженных цебельдинцев охраняла эти земли, лесной массив. Цебельдинцы приняли участие в создании оборонительных сооружений по советскому правому берегу реки Кодор против возможного вторжения меньшевистских войск [1].

Вся полнота исполнительной и военной власти в данном районе находилась в руках Гумистинского революционного комитета. Еще во время Февральского восстания в состав этого комитета был избран Т. Р. Мясоедов. В качестве его комиссара он возглавил один из отделов комитета [2]. К сожалению, до нас не дошли подробные сведения о работе Мясоедова в Гумистинском ревкоме.

В середине мая 1918 года в районе реки Кодор завязались ожесточенные бои между красногвардейско-повстанческими отрядами и меньшевистскими контрреволюционными войсками. Положение Советской Абхазии было крайне тяжелым. Отрезанная от Советской России, окруженная почти со всех сторон (кроме северо-западного направления) силами внешней и внутренней контрреволюции, без денежных и продовольственных ресурсов, без достаточного количества военной силы, Абхазская коммуна не могла долго сопротивляться превосходящим силам хорошо вооруженного врага. После недельных ожесточенных боев 17 мая красногвардейские отряды оставили Сухум. Сопротивление продолжалось лишь в отдельных районах.

Еще в начале 1918 года Тарас и Людмила приняли решение выехать в Петроград или Москву, чтобы принять участие в сражениях за Советскую власть.

В связи с успешным Апрельским восстанием 1918 года их планы изменились. Теперь же, в условиях пора-

---

[1] См.: *Дзидзария Г. А.* Очерки истории Абхазии. 1910—1921, с. 139—140, 144—152.

[2] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 1963—1967 годов); см.: *Пачулиа В. П.* По древней, но вечно молодой Абхазии, с. 64.

жения Абхазской коммуны, Т. Р. Мясоедову, члену Гумистинского ревкома, было крайне рискованно оставаться в Цебельде, уж слишком хорошо он был известен в своей округе и в Сухуме.

Из воспоминаний С. В. Вороновой:

«Май 1918 года. Небо в тучах. Около забора стоят две оседланные лошади. Отец с матерью уезжают в Петроград. Восстание, в котором участвовал отец, подавлено. Отцу оставаться во враждебном окружении было опасно. Они с мамой решили вдвоем ехать на север к своим революционным товарищам. Я, бабушка и малюсенькая Ляля стоим на лестнице. Отец и мать, попрощавшись с нами, идут к лошадям. Мои глаза следят за мамой. У меня горький комок в горле. Я страшно кричу: «Мамочка, миленькая, не уезжай. Зачем вы с папой нас бросаете?!»

С бабушкой дурно. Мама соскакивает с лошади и с плачем бежит к нам. Она прижимает нас к себе и целует, целует. «Тарас, милый, я не могу их оставить. Это выше моих сил...» [1]

Поездка была отложена на несколько дней. За эти дни Т. Р. Мясоедов вновь побывал в Сухуме. Можно предположить, что Гумистинский революционный комитет поддержал намерение Мясоедова выехать в Советскую Россию, но предложил ему ехать не в Питер и не в Москву, а в Одессу. Там необходимо было установить связи с местными большевиками, договориться с ними о посылке в Абхазию опытных подпольщиков с литературой и деньгами. В мае 1918 года Тарас Родионович под видом торговца выехал с грузом табака на моторной шхуне в Одессу.

Очевидно, Мясоедов выполнил задание. По имеющимся в семье Вороновых сведениям, он работал в одесском большевистском подполье, был членом Одесского революционного комитета, ревтрибунала. В «Ясочку», к жене и дочерям, питерский большевик Мясоедов не смог вернуться. Весной 1921 года он геройски погиб в жестокой кавалерийской схватке с махновскими бандитами. Так закончилась на сорок первом году жизнь мужественного солдата революции, рядового партии, борца за Советскую власть в Абхазии и на Украине.

---

[1] ЛАВ. *Воронова С. В.* Отдельные отрывки из воспоминаний об отце, рукопись, с. 3—4.

В ГОДЫ МЕНЬШЕВИСТСКОГО ЗАСИЛЬЯ

...Три года длилось меньшевистское правление в Грузии и Абхазии. Народное хозяйство края пришло в полный упадок. В глубоком подполье продолжали революционную работу абхазские большевистские организации (32 ячейки с 320 членами) и рабочие профсоюзы (15 союзов с 2 тысячами членов). В различных районах Абхазии действовали партизанские отряды, усиливались крестьянские волнения.

Меньшевистские правители, при поддержке английских и турецких войск, установили систему кровавой диктатуры над народами Грузии и Абхазии.

Из воспоминаний Л. Н. Вороновой:

«Абхазский народ ненавидел меньшевистско-белогвардейских реакционеров. Тем более, что под ударами Красной Армии с фронтов гражданской войны в Грузию и Абхазию бежало всякое белогвардейское отребье. В Сухуме, в Гумистинском участке все чаще появлялись большевистские агитаторы. ...Абхазский народ с жадностью узнавал о Владимире Ильиче Ленине, о большевистской Москве, о славной коннице Семена Михайловича Буденного, о новых стихах и поэмах Александра Блока и Владимира Маяковского. Народ Абхазии жил неразрывной связью с Советской Россией и ждал своего освобождения» [1].

...Несмотря на отъезд Т. Р. Мясоедова в Одессу, «Ясочка» не осталась в стороне от революционной борьбы в Абхазии в 1918—1920 годах. С установлением меньшевистской диктатуры десятки и сотни большевиков, красногвардейцев, крестьянских повстанцев ушли в горы, в леса, в подполье. В эти годы «Ясочка» являлась одним из звеньев партийных и повстанческих связей.

На протяжении двух лет Людмила Николаевна Воронова поддерживала нелегальную связь с одним из руководителей Цебельдинского повстанческого отряда большевиком Геворком Ованесовичем Топчияном. Уроженец Цебельды, ученик Александры Константиновны Вороновой по народной школе грамотности в «Ясочке», в 1909 году он стал членом цебельдинского революционного социал-демократического кружка, созданного и руководимого питерским пролетарием Тара-

[1] Центральный государственный архив Абхазской АССР (далее: ЦГА Абх. АССР). Фонд рукописей. *Воронова Л. Н.* 4 марта 1921 года в Абхазии, рукопись. (Апрель 1961 года.)

сом Мясоедовым. Принимал участие в создании Цебельдинского отряда и руководил его боевыми действиями во время Февральского, Апрельского вооруженных восстаний и защиты Абхазской коммуны в 1918 году. В ноябре 1918 года Топчиян скрывал у себя руководителя абхазских большевиков Е. А. Эшбу, затем ушедшего в Сухум. В 1921—1922 годах Топчиян руководил действиями по уничтожению белых банд в районе Клухорского перевала[1].

В 1919—1921 годах тесную связь с Л. Н. Вороновой поддерживал молодой и энергичный коммунист, представитель Кавказского бюро ЦК РКП(б) Борис Павлович Волховской. Он был сыном Софьи Павловны Волховской и Павла Андреевича Добрынина, племянником М. И. Васильева-Южина.

Еще в начале 1919 года в Сухуме возникла молодежная организация социалистов-интернационалистов под названием «Спартак». В нее вошли ученики-старшеклассники сухумского реального училища Б. Волховской, А. Габуния и женской гимназии О. Волховская (сестра Б. П. Волховского) и другие. От местной большевистской партийной организации члены «Спартака» получали революционную литературу, большевики выступали на их собраниях. Спартаковцы распространяли нелегальную литературу, вели агитационную работу, создавали новые ячейки, собирали и хранили оружие для повстанческих отрядов[2].

Л. Н. Воронова и раньше была знакома с Борисом и Ольгой Волховскими, с родителями которых дружила семья Вороновых. Еще ближе она узнала их, когда работала преподавательницей в реальном училище и женской гимназии, где они учились. Она одобряла деятельность молодых революционеров, делилась с ними опытом подпольной работы, предоставляла свою сухумскую квартиру для явок и собраний спартаковцев[3].

---

[1] Сведения о революционной деятельности Г. О. Топчияна взяты из рукописи воспоминаний его племянницы Азнив Каприэловны Григорян «Геворк Топчиян и его революционная деятельность», с. 1—4. Машинописная рукопись воспоминаний хранится в «Ясочке» у Ю. Н. Воронова (младшего).

[2] См.: *Шамба Е. К.* Сквозь грозы (Воспоминания старого комсомольца). Сухуми, 1961, с. 73—75; из воспоминаний О. П. Волховской, записанных автором в марте 1978 года в Москве.

[3] Из воспоминаний О. П. Волховской, записанных автором в марте 1978 года в Москве.

С января 1921 года Б. П. Волховской (в это время он уже вступил в большевистскую партию) вместе со своим другом большевиком А. Н. Саджая стали выполнять задания Кавказского бюро ЦК РКП(б) по проведению партийной и военно-боевой работы в Абхазии и Аджарии. Их деятельностью руководила опытная подпольщица, член партии с 1917 года М. И. Карагодская (Мария) [1].

Группа Волховского — Саджая создала в Абхазии два боевых отряда из местных крестьян и коммунистов, и они оперировали в тылу у меньшевиков.

Одной из опорных баз этих боевых отрядов была вороновская «Ясочка». Здесь повстанцы отдыхали, питались, получали медикаменты. Через «Ясочку» поддерживали связь с Окружным партийным комитетом РКП(б) в Сухуме [2].

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

...В ночь на 12 февраля 1921 года в Грузии началось всенародное вооруженное восстание против буржуазно-меньшевистских правителей и их англо-французских хозяев. Образовавшийся большевистский Революционный комитет Грузии взял руководство восстанием в свои руки. Тогда же возник и Революционный комитет Абхазии во главе с Е. А. Эшбой. По просьбе Ревкомов Грузии и Абхазии на помощь восставшим пришла Красная Армия. Действиями Красной Армии в Грузии руководили Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров.

В конце февраля передовые части Красной Армии приблизились к многострадальному Сухуму. В эти дни Л. Н. Воронова проживала в Сухуме, на территории дачи профессора А. А. Остроумова. После смерти ученого в 1908 году его семья пригласила в качестве управляющего хозяйством — дачей и больницей — Павла Андреевича Добрынина, который со своей семьей занимал в нижнем этаже дачи несколько комнат. Как теперь установлено, на даче и в больнице Остроумова в разное время лечились, отдыхали и скрывались от полиции большевики Г. К. Орджоникидзе, Л. И. Готошия, М. И. Васильев-Южин, Е. Д. Стасова, Т. Р. Мясоедов, Л. Н. Воронова, Я. И. Безруков и другие.

---

[1] См.: *Дзидзария Г. А.* Очерки истории Абхазии. 1910—1921, с. 239—240, 309—310, 347.

[2] ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов); из воспоминаний О. П. Волховской, записанных автором в марте 1978 года в Москве.

В годы гражданской войны дача и больница Остроумова усилиями П. А. Добрынина, Б. П. и О. П. Волховских и Л. Н. Вороновой были превращены в одну из партийных явок, в место хранения оружия, подпольной литературы, медикаментов для партизанских отрядов. Здесь неоднократно проводили совещания и скрывались от меньшевистских ищеек представители Кавказского бюро ЦК РКП(б) А. Н. Саджая, М. И. Карагодская, Б. П. Волховской. Недели за две до вступления Красной Армии в город Людмила Николаевна передала Борису Волховскому сведения о дислокации в Сухуме белогвардейских войск, собранные ею и ее учениками-комсомольцами [1].

1—2 марта стало известно о разгроме крупного отряда меньшевистских войск в районе Нового Афона. Среди меньшевистских правителей, в их войсках началась паника.

Из воспоминаний Л. Н. Вороновой:

«С вечера (3 марта 1921 года.— *И. Л.*) началось паническое отступление меньшевистских войск через Сухум на Приморское шоссе и дальше. Гимназия была близ старого базара. И все отступление стремительно мчалось через базар. Всю ночь была слышна беспорядочная стрельба и такое же беспорядочное тарахтение колес и топот скачущих лошадей. Меньшевики, отступая, ничего не хотели оставить большевикам. И базар предоставлен был грабежу и анархии отступления... Это была тяжелая, долгая ночь...»

Утром 4 марта 1921 года в Сухум вошли красноармейские части. Победители печатали шаг под звуки духового оркестра. Колонна красноармейцев шла под музыку с песней: «Смело, товарищи, в ногу...».

Из воспоминаний Л. Н. Вороновой:

«Скорей! Это они!..

В груди у меня неистово бьется вдруг защемившее сердце. Мне трудно дышать. Я смотрю прямо, пристально, неотрывно в глаза поднявшегося мне навстречу бойца-красноармейца. И дрожащие губы сами чуть слышно радостно шевелятся: «Товарищ!»» [2]

---

[1] См.: *Пачулиа В. П.* Сухуми. Историко-культурный очерк, с. 127—128; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов); из воспоминаний О. П. Волховской, записанных автором в марте 1978 года в Москве.

[2] ЦГА Абх. АССР. Фонд рукописей. *Л. Н. Воронова.* 4 марта 1921 года в Абхазии, рукопись, с. 6—9.

Это был величественный момент победы социалистической революции в Абхазии. Это было реальное воплощение в жизнь мечты, надежд, исканий и борьбы Людмилы Вороновой, Тараса Мясоедова, их друзей.

...Тонко гудят телеграфные провода. На многие тысячи километров бегут телеграфные столбы от Сухума до Москвы. 10 марта 1921 года Ефрем Эшба и Нестор Лакоба — руководители Абхазского ревкома — телеграфировали В. И. Ленину в Москву:

«От имени восставших крестьян и рабочих Абхазии шлем горячий привет вождю международного пролетариата... Ныне над всей территорией Абхазии водружено Красное знамя трудящихся»[1].

В ГОДЫ МИРНОГО ТРУДА

...А дальше для Вороновых настали годы служения социалистической Родине. Для Л. Н. Вороновой это значило почти полвека работы в школах Сухума и Цебельды, подготовка подрастающего поколения, учащейся молодежи для строительства новой жизни, строительства социализма. Это были прекрасные годы жизни педагога-большевика. Эта жизнь и труд были для нее прямым продолжением революции, горением в великом деле.

Почти год Л. Н. Воронова возглавляла первую трудовую школу в Абхазии — Сухумскую школу-коммуну. Работала с увлечением, насаждала в школе физическую систему воспитания П. Ф. Лесгафта. Время было голодное. Советская республика только-только приступила к залечиванию тяжелейших ран в экономике, оставленных ей в наследство монархическим и буржуазным строем, мировой и гражданской войнами, военной интервенцией.

Людмила Николаевна не поддавалась унынию, вместе с матерью, сестрами, братом преодолевала жизненные невзгоды, материальные трудности и нехватки. Из Сухума она переезжает в родную «Ясочку», чтобы быть поближе к матери, детям. Открывает в Цебельде и Ольгинском новые школы, ведет групповые занятия с крестьянскими детишками.

Вот документ, написанный известным общественным и культурным деятелем Советской Абхазии, первым народным комиссаром просвещения республики в 20—30-е годы А. М. Чочуа. Высокообразованный учитель, автор

[1] Борьба за Советскую власть в Абхазии. Сборник документов и материалов. 1917—1921, с. 198.

одного из первых абхазских букварей, писатель-революционер Андрей Максимович Чочуа хорошо знал семью Вороновых, их революционные, научные, культурные и педагогические заслуги перед Абхазией и Грузией; он неоднократно бывал в «Ясочке».

«Справка.

Дана настоящая справка учительнице армянской средней школы Вороновой Людмиле Николаевне в том, что в бытность мою... Наркомом просвещения Абхазской АССР... Воронова Людмила Николаевна вела с разрешения и под контролем Наркомпроса групповые занятия по подготовке детей крестьян к поступлению в школы в Цебельдинском и Ольгинском сельсоветах Сухумского (ныне Гульрипшского) района Абхазской АССР с 13 ноября 1922 года по 1 сентября 1929 года и с 1 сентября 1930 по 1 сентября 1931 года. Занятия эти проводились Л. Н. Вороновой умело, с большим знанием дела и учитывались как серьезная и плодотворная работа в ликвидации неграмотности крестьянского населения.

Директор Абхазского
научно-исследовательского института
им. акад. Н. Я. Марра
А. М. Чочуа

Сухуми, 3 августа 1945 г.» [1]

Таких документов много в личном архиве Людмилы Николаевны Вороновой.

В эти годы некоторым друзьям Л. Н. Вороновой по революционному подполью в Петербурге удалось восстановить связь с ней. Они писали, рассказывали о себе, вспоминали незабываемые студенческие времена.

Подруга Людмилы Николаевны Вера Вячеславовна Заорская-Александрова после окончания Петербургского политехнического института стала ученым-экономистом, участвовала в Октябрьской революции и гражданской войне. В первые годы Советской власти работала под руководством выдающегося большевика-ленинца академика Глеба Максимилиановича Кржижановского в Высшем совете народного хозяйства и Госплане СССР, являлась одним из соавторов ленинского плана ГОЭЛРО. Позднее стала доктором экономических наук, профессором, выполняла ответственные задания по изучению производительных сил Поволжья, Урала,

[1] ЛАВ. Личные документы Л. Н. Вороновой.

Казахстана, Средней Азии, имела правительственные награды.

Л. Н. Воронова переписывалась и с подругой по Курсам Лесгафта Клавдией Александровной Александер (по мужу Руднева). Она закончила юридический факультет Петербургского университета. Участвовала в Октябрьской революции и гражданской войне. Вместе с мужем, инженером-строителем, путейцем В. А. Рудневым, И. Г. Александровым и В. В. Заорской работала на строительстве Шатурской электростанции. В 20—30-е годы работала под руководством Н. К. Крупской в системе народного просвещения.

В феврале 1926 года К. А. Александер пишет из Москвы Л. Н. Вороновой в «Ясочку»:

«...Все эти тяжелые годы нередко вспоминались Вы, и вставал тревожный вопрос: где все Вы (Вороновы) и что с вами?»

В эти же годы Л. Н. Воронова встречалась в Сухуме с Л. А. Качауновой, приезжавшей сюда на отдых на Черноморское побережье Кавказа. Людмила Николаевна узнала, что Лидия Алексеевна была участницей Октябрьской революции в Москве. С осени 1920 года по заданиям Г. К. Орджоникидзе и Е. Д. Стасовой вела партийную работу на Северном Кавказе, затем была направлена на подпольную работу в Ереван (там еще хозяйничали дашнакско-белогвардейские власти), участвовала в борьбе за установление Советской власти в Армении. Позже Качаунова работала в планово-экономических органах в Москве, Ростове-на-Дону, в высших учебных заведениях Еревана. Она была награждена двумя орденами Ленина [1].

В тот период Людмиле Николаевне стала известна и судьба А. И. Мейбаум-Радченко. Она вместе с мужем активно участвовала в Октябрьской революции. Затем по заданию В. И. Ленина И. И. Радченко организует крупные торфяные разработки для строящихся Шатурской и Каширской электростанций. Вот тогда-то А. И. Мейбаум вновь встретилась и более года работала вместе со своими подругами В. В. Заорской и К. А. Александер. С помощью бывших лесгафтичек и местных учителей она организовала в Шатуре вторую Образцовую опытную станцию народного образования.

[1] Партийный архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 4, оп. 2, д. 483 — автобиография Л. А. Качауновой; ЛАВ. Воспоминания Л. Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

Результатами работы станции очень заинтересовалась Надежда Константиновна Крупская, которая была тогда заместителем наркома просвещения РСФСР. В течение ряда лет Н. К. Крупская неоднократно беседовала, вела переписку с А. И. Мейбаум-Радченко по вопросам теории и практики марксистской педагогики.

Так подруги Людмилы Вороновой — Вера Заорская-Александрова, Клавдия Александер-Руднева, Лидия Качаунова, Алиса Мейбаум-Радченко— стали активными участницами социалистического строительства.

Однако вернемся к судьбе семейства Вороновых.

В начале 1926 года семью Вороновых постигло несчастье: тяжело заболела Александра Константиновна Воронова. Через несколько месяцев А. К. Вороновой не стало. Ее похоронили в Цебельде, недалеко от того места, где был похоронен ее муж Н. И. Воронов. Последним желанием Александры Константиновны было, чтобы дети и внуки никогда не покидали «Ясочку» и сохранили ее в первозданном виде. Второе, третье и четвертое поколения Вороновых выполнили завет матери, бабушки и прабабушки. Память об этой замечательной русской женщине, поставившей «Ясочку» на службу революции и делу просвещения крестьянских детей, до сих пор жива.

Интересно сложилась жизнь у Ю. Н. Воронова, который стал крупным ученым-ботаником. Он проводил широкие исследования флоры Южного и Центрального Закавказья. Результатом этих исследований явились многие тысячи листов гербария, ряд научных работ. Ю. Н. Воронов нашел свыше 150 новых видов растений; 37 видов и один род растений получили его имя.

В 1923—1924 годах Юрий Николаевич читал курс лекций по фитопатологии и микологии на сельскохозяйственном факультете Тифлисского политехнического института имени В. И. Ленина. Там ему было присвоено ученое звание профессора. Одновременно, весной 1924 года он в качестве главного ботаника стал заведовать в Резинтресте опытными полями по акклиматизации каучуконосных растений близ Батума. В конце 1924 года Юрий Николаевич был приглашен работать в Ленинград в Институт опытной агрономии. Это было признанием больших заслуг ученого перед советской ботаникой.

В августе 1925 года по заданию Советского правительства и Академии наук СССР профессор Ю. Н. Во-

ронов возглавил первую советскую ботаническую экспедицию на Американский субконтинент. Основной целью экспедиции было изучение каучуконосов, выяснение возможности их искусственного разведения в СССР. Сотрудники экспедиции в течение 1925—1926 годов исследовали флору США, Мексики, Кубы, Панамы, Венесуэлы, Гватемалы и Колумбии.

Итогам поездки в американские страны был посвящен ряд работ Юрия Николаевича Воронова.

Неожиданная смерть в 1931 году прервала плодотворную деятельность ученого.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Семья Л. Н. и О. Н. Вороновых в «Ясочке» жила жизнью страны. Когда в Абхазии началась коллективизация, сестры подали заявление в Полтавско-Ольгинский сельсовет:

«Сим заявляем, что сдаем добровольно в фонд коллективизации нижнюю часть находящейся в нашем пользовании земли и сада... со всеми имеющимися на этой площади фруктовыми деревьями. Помимо этого мы предоставляем колхозу безвозмездно комнаты нашего каменного дома, где ведутся сейчас занятия с детьми крестьян, для использования под культурные и просветительные нужды населения. Мы также предлагаем свои культурные услуги и познания в организации и обслуживании всего этого. 17 февраля 1931 года».

В стране началось массовое социалистическое соревнование. В него включились средние, неполные средние и начальные школы Абхазии. В «Ясочке» хранится один из социалистических договоров преподавателей русского языка и литературы в старших классах Цебельдинской средней школы, подписанный 14 сентября 1940 года Л. Н. Вороновой и ее коллегой И. Г. Самвеляном.

Иван Григорьевич Самвелян, ставший многоопытным и авторитетным учителем в Армянской ССР, писателем, никогда не забывал о совместной плодотворной работе со старой коммунисткой Л. Н. Вороновой.

...Осень сурового 1942 года. Второй год Великой Отечественной войны. Гитлеровские танковые и горнострелковые дивизии вышли к горным перевалам через Главный Кавказский хребет. Они стояли на Клухорском перевале и стремились прорваться по Военно-Сухумской дороге к Сухуми и Черному морю. Фронт проходил в 30—40 километрах от Цебельды и «Ясочки».

Вражеская авиация бомбила Сухуми, его окрестности. Фашистская артиллерия обстреливала район Цебельды из дальнобойных орудий.

Несмотря на это, каждый день шестидесятитрехлетняя женщина с рюкзаком за плечами горной тропой направлялась за пять километров в Цебельду. В небольшом абхазском многонациональном селе средняя школа продолжала работать, хотя в большинстве ее классов лежали раненые солдаты и офицеры. Рядом с учениками и ранеными всегда была Людмила Николаевна Воронова.

Еще 19 ноября 1941 года правительство Советской Абхазии объявило благодарность Л. Н. Вороновой «в ознаменование 20-й годовщины установления Советской власти в Грузии и Абхазии за умелое руководство школой, за хорошие успехи в деле постановки учебно-воспитательной работы, за преданность делу советской школы». А 1 декабря 1945 года Людмиле Николаевне была вручена правительственная награда — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

В далеком от Цебельды, но очень близком и родном всем Вороновым военном и блокадном Ленинграде умерла от голода жена Юрия Николаевича Воронова, ботаник и художник-график Олимпиада Петровна Деклеиз-Воронова. А две дочери ее, Татьяна и Ирина, перенесли блокаду; они обе живут в Ленинграде.

...Кончилась война. Людмила Николаевна Воронова продолжала учительствовать, помогала дочерям растить четырех сыновей, своих внуков. С нею рядом попрежнему была ее старшая сестра, Ольга Николаевна. Вера Николаевна Воронова в годы войны и послевоенное время работала врачом-психиатром в городе Владимире.

Людмила Николаевна возобновила переписку с давними друзьями по петербургскому большевистскому подполью.

В 50—60-е годы Л. Н. Воронова и А. И. Мейбаум-Радченко работали над своими воспоминаниями. Людмила Николаевна не знала, куда послать свои рукописные материалы. Ей помогали советами Алиса Ивановна Мейбаум-Радченко, Елена Дмитриевна Стасова, Вера Вячеславовна Заорская-Александрова. К. А. Александер-Рудневой к этому времени уже не было в живых, она умерла в Москве в 1949 году.

15 октября 1963 года наша партия, советская общественность торжественно отметили девяностолетие со дня рождения члена КПСС с 1898 года, Героя Социалистического Труда Е. Д. Стасовой. Послала свое поздравление и Тамара — Л. Н. Воронова:

«Глубокоуважаемая Елена Дмитриевна! Разрешите мне поздравить Вас с 90-летием со дня рождения. Позвольте пожелать Вам на многие годы крепкого здоровья и энергии для успехов нашего общего дела... Когда я увидела в «Правде» Ваш портрет и прочла статью о Ваших заслугах в трех революциях, волна горячих воспоминаний охватила меня и понесла в лучшие дни моей молодости, когда я беззаветно была отдана яркому порыву борьбы за свободу и счастье родного народа и нашей великой Родины... Передо мною поднялись живые, честные, чистые, героические образы моих товарищей и друзей, руководителей большевистского подполья, с которыми я работала, встречалась и боролась там, в Петербурге. Мне захотелось принять участие в Вашем празднике, ибо праздник каждого честного коммуниста-революционера — это и мой праздник» [1].

А вот ответ Е. Д. Стасовой:

«Дорогой товарищ «Тамара», Людмила Николаевна Воронова! Огромное спасибо за поздравление... В 1903—1905 годах [я] работала с Вами в Петербурге, пользовалась явкой Ботанического кабинета. Относительно Южного бюро ЦК РСДРП: Вы, очевидно, работали [там] с П. И. Кулябко, которая живет сейчас в Ленинграде. Относительно Ваших очерков, воспоминаний... Такие очерки, как Ваши, очень нужны для нашей молодежи» [2].

Подобных писем много. При чтении этих писем получаешь яркое представление о той великой борьбе, которую вели и ведут коммунисты-ленинцы за счастье своего народа, за прогресс и счастье всех народов.

Последние годы своей жизни Людмила Николаевна много занималась исследовательской, педагогической, литературной работой. Ряд ее статей об опыте работы Цебельдинской школы, о преподавании русского языка и литературы в армянских и абхазских школах, о пе-

---

[1] ЛАВ. Копия письма Л. Н. Вороновой Е. Д. Стасовой в Москву, октябрь 1963 года.

[2] ЛАВ. Коллекция писем Л. Н. Вороновой.

дагогической системе П. Ф. Лесгафта были опубликованы в газете «Советская Абхазия». Большой очерк «Воспоминания о П. Ф. Лесгафте» был помещен в сборнике статей «Из опыта передовых учителей Абхазской АССР».

В опубликованном очерке о П. Ф. Лесгафте и в ряде рукописных материалов о нем Л. Н. Воронова приводит очень интересные соображения по поводу его педагогической системы, не утратившие актуальности и сейчас.

Приведем отрывок из очерка «Воспоминания о П. Ф. Лесгафте»:

«Многие из учеников и учениц П. Ф. Лесгафта после окончания Курсов стали энергичными творческими работниками, борцами-революционерами, педагогами, врачами и учеными. Физические упражнения по системе Лесгафта развили в нас активное мышление и волю к достижению намеченной цели... Меня не раз спасало в моей революционной деятельности и в последующей жизни физическое образование, полученное у Лесгафта, и я на практике убедилась в огромной пользе его естественной системы. Сейчас мне 86 лет. Я трудоспособна. Ежедневно занимаюсь гимнастикой. Два года тому назад я приняла участие в экскурсии на гору Апианча (1030 метров над уровнем моря) и шла наравне с молодежью. Ощущаю особую легкость, подвижность и радость во всем теле при всякой работе... Я на себе проверила систему П. Ф. Лесгафта, ее оздоровительные свойства» [1].

Многолетний практический опыт работы замечательного учителя Л. Н. Вороновой в воскресных рабочих школах и на лесгафтовских площадках для игр рабочей молодежи в Петербурге, в национальных школах Сухуми и Цебельды, в вороновской народной школе грамотности и в Абхазской первой опытной школе-коммуне для беспризорных детей, ее теоретические взгляды требуют специального изучения и обобщения.

Из воспоминаний директора Эшерской средней школы сельской молодежи Сухумского района А. Г. Каладжяна:

«Наша многоуважаемая Людмила Николаевна! О ней надо писать, говорить, пропагандировать ее

[1] Из опыта передовых учителей Абхазской АССР. Сборник статей. Сухуми, 1969, с. 165—166, 168.

опыт. Людмила Николаевна настолько интересно, умело и глубоко обучала нас, что на ее уроках мы познавали не только русский язык и литературу Александра Пушкина и Льва Толстого, Владимира Маяковского и Михаила Шолохова, Ильи Чавчавадзе и Дмитрия Гулиа, но и изучали историю и современную политику нашей партии, нашего государства. Качества педагога проявлялись во всем: она во время уроков занималась с отстающими так, что другие, более сильные ученики, от этого не страдали. Людмила Николаевна воспитала в нас великую любовь к Родине, народу, партии, многие из ее учеников геройски сражались в годы Великой Отечественной войны. Это был высший экзамен, проверка качественности преподавания нашего любимого учителя. Она воспитывала в нас революционный дух: мы заслушивались ее рассказами о революциях 1905 и 1917 годов, о встречах с Лениным, Цхакая, Шаумяном, Стасовой, Лакобой, Эшбой... Прошло с тех пор свыше тридцати лет. Мы, ее ученики, стараемся в своей педагогической работе проводить вороновский стиль, метод, качество обучения» [1].

В таком же духе Людмила Николаевна воспитывала своих дочерей и внуков — третье и четвертое поколение Вороновых.

...Маленький кусочек промокательной бумаги. Из ученической тетради. Выведены строки твердой рукой. Вот они:

«Я ничего не боюсь, даже смерти. Потому что я вся в будущем и будущее во мне. Я — бессмертна. Они (дети, внуки, правнуки. — *И. Л.)* моя жизнь, мое будущее».

Эти строки Людмила Николаевна написала на 88-м году жизни, в год пятидесятилетия Великого Октября. Она умерла 26 сентября 1967 года, не дожив полтора месяца до полувекового юбилея той Великой Революции, которой отдала свою жизнь. Ее похоронили в Цебельде, в «Ясочке», в тени огромных ясеней, которые были посажены в 1905 году русскими, грузинскими и абхазскими революционерами в память революции, в память вечной дружбы народов Закавказья и России.

Людмила Николаевна Воронова ушла в бессмертие. В наше Сегодня, в наше Завтра.

---

[1] ЛАВ. Из коллекции Ю. Н. Воронова (младшего).

* * *

Книга закончена. С вороновскими письмами, дневниками, записками, воспоминаниями, библиотекой, фотографиями жалко расставаться. Все Вороновы стали нам близкими, родными. Честные, добрые, умные и мужественные люди. Они донесли до нас, до нашего времени дыхание истории, дыхание революции, дыхание десятков и сотен революционеров, их мечты и планы...

Четыре поколения Вороновых берегли «Ясочку» в древнеабхазском селе Цебельда. И сберегли ее не только для себя, но и для всех советских людей.

Подвиг Вороновых не только в том, что два их поколения были связаны с революционным и национально-освободительным движением России на протяжении почти столетия. Подвиг Вороновых и в том, что они сохранили огромный, бесценный архив почти за полтора века!

Представители третьего и четвертого поколения Вороновых открыли двери в свой дом для любознательных советских людей. В «Ясочке» — народный музей, а экскурсоводы там — сами Вороновы: дочь Л. Н. Вороновой и Т. Р. Мясоедова — Светлана Васильевна, их внуки — кандидат исторических наук, археолог Юрий Николаевич Воронов (младший), художник-график Всеволод Николаевич и нейрохирург Виктор Григорьевич. Они вам все расскажут, объяснят, даже в горы сводят и покажут, где в потаенных местах собирались на отдых у костра друзья Людмилы Вороновой и Тараса Мясоедова. Но только будьте очень вежливы, внимательны и дисциплинированны. Ведь «Ясочка» еще не стала официальным музеем. «Ясочка» — это жилой дом семьи Вороновых, где они живут, работают, отдыхают.

В «Ясочку» идут советские люди. Идут из глубокого интереса к истории Родины, истории России, Грузии, Абхазии. Ведь «Ясочка» — это один из прекрасных памятников нашей Революции, нашей Партии, вечной дружбе наших народов.

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Павлович Лейберов

ЦЕБЕЛЬДИНСКАЯ НАХОДКА

Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом

Второе, дополненное издание

На обложке книги помещены снимки Петербурга и дома Вороновых в «Ясочке»; на обороте обложки — снимки титульных листов книг, журналов, газет, большевистских листовок из вороновской коллекции.

Заведующий редакцией А. И. КОТЕЛЕНЕЦ
Редактор Ю. И. ХАРЧЕНКО
Младший редактор И. А. ДЕГТЯРЕВА
Художественный редактор Г. Ф. СЕМИРЕЧЕНКО
Технический редактор Ю. А. МУХИН

ИБ № 2213

Сдано в набор 20.02.79. Подписано в печать 20.06.80. А00090. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,22. Учетно-изд. л. 18,27. Тираж 100 000 (1—30 000) экз. Заказ 4808. Цена 75 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ИСКРА
КАПИТАЛЪ.
КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.
КАРЛА МАРКСА
ВПЕРЕДЪ
Россійская Соціаль-демократическая Рабочая Партія.
ПЕРВОЕ МАЯ

75 коп.

ПОЛИТИЗДАТ